

Р. Потапов

ТИГРОВАЯ БАЛКА
НЕВЕДОМЫЙ ПАМИР

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Р. Потапов

ТИГРОВАЯ БАЛКА

НЕВЕДОМЫЙ ПАМИР

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

ХИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

1976

591.5

П 64

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Художник А. И. БЕЛЮКИН

П $\frac{20901-163}{004(01)-76}$ БЗ-55-13-75

© Издательство «Мысль». 1973

От автора

Так уж получилось, что знакомство с замечательной природой Таджикистана я начал с Памира, «крыши» если и не всего мира, то уж Таджикистана во всяком случае.

Затем с этой «крыши», расположенной выше четырех тысяч метров над уровнем моря, мне пришлось спуститься в самое низкое место республики — низовья реки Вахша, где на высоте всего триста метров над уровнем моря находится один из интереснейших заповедников нашей страны — Тигровая Балка.

И в дальнейшем складывалось так, что моя работа была по-прежнему связана с этими двумя крайними точками, и я мало успел узнать о громадных горных пространствах, лежащих между ними. Но я очень надеюсь, что это еще удастся сделать.

На первый взгляд между раскаленными холмами Тигровой Балки и ледяной стужей памирских высей нет ничего общего. Но это только на первый взгляд.

В дождливые зимние дни я нередко встречал здесь птиц, спускавшихся с заснеженных гор, и, наоборот, в пору перелетов многие обитатели тугаев — среднеазиатских пойменных лесов — встречаются на Памире.

И над Тигровой Балкой, и над Памиром одинаково ярко сияет солнце тридцать седьмой широты, и связывают их воедино речные потоки, эти пульсирующие артерии горной страны Таджикистан.

Эта книга — о птицах и зверях, о рыбах и пресмыкающихся, о всех тех живых существах, с которыми мне удалось близко познакомиться в течение многих лет увлекательной работы по изучению животного мира Таджикистана.

ТИГРОВАЯ БАЛКА

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Случилось неожиданное. Я совсем уже приготовился и далее работать на Памире, как вдруг — на тебе: Тигровая Балка! Подобный поворот судьбы весьма меня озадачил, потому что я ничего толком об этом крае не знал. В тот день, когда я получил назначение, под рукой у меня оказалась лишь карта, из которой удалось извлечь не слишком много. Местоположение заповедника в низинной котловине среди пустынь Южного Таджикистана, почти на тридцать седьмом градусе северной широты, говорило о сильной летней жаре, а штрихи болот и пятна озер — о местности достаточно влажной для того, чтобы сделать эту жару еще более чувствительной. Из бесед с заслуженными экспедиционными «волками» я узнал, что в Тигровой Балке кишмя кишат всевозможные змеи, фаланги и скорпионы, но поскольку много всякого зверья, то зоологу там не работа, а рай. После таких рассказов по ночам мне снились мохнатые тарантулы, выскакивающие из ботинок, и двухметровые кобры, зловеще шипевшие в ящиках письменного стола. Словом, мне стало ясно, что, если я хочу сохранить свою жизнь (о здоровье и думать нечего), нужно прихватить с собой побольше всевозможных спасительных средств, начиная от москитных пологов и кончая хинином и противозмеиными сыворотками. (Скажу наперед, что кое-что из этого пригодилось, но большую часть я очень скоро выкинул. Сей-

час, когда позади остались годы работы в вахшских зарослях, когда мне знакома там каждая тропа, смешно вспоминать, как все оказалось непохожим на то, что я себе представлял.)

В середине октября 1956 года я выехал из Ленинграда и в конце этого же месяца прибыл в райцентр Пяндж, от которого до заповедника Тигровая Балка всего тридцать пять километров. Попутных машин не оказалось, и я, недолго думая, решил махнуть туда пешком, держа курс прямо на запад, на видневшуюся вдали скальную вершину горы Хаджи-Хазиан в хребте Актау. Вершина нависает над заповедником с запада и служит прекрасным ориентиром для всех, кто хочет попасть в Тигровую Балку. Выйдя в предрассветных сумерках, я двадцать километров шагал по унылому, выжженному солнцем пустынному плато и уже изрядно запыхался, так как стало сильно припекать. Устало взбираясь на очередной холм, я вдруг оказался на краю высокого обрыва.

Вот тут-то мне и открылся внезапно вид на Тигровую Балку. Прямо под ногами плескалось большое озеро, а за ним далеко на юго-запад тянулись сплошной зеленой массой глухие заросли. Среди них там и сям сверкали зеркала озер. Утомленный серыми тонами пустыни взгляд отдыхал на яркой зелени буйно разросшихся джунглей.

Заросли тянулись справа и слева до самого горизонта, а прямо передо мной, над обширной поймой, висела почти отвесная километровой высоты стена Хаджи-Хазиана. Был полдень, и нагретый воздух дрожал над влажными дебрями, окутывая даль призрачной дымкой. Этот внезапный переход от бесплодной пустыни к тугайным лесам Вахша поражал каждого попавшего в заповедник, и редко кто мог устоять от соблазна после пыльной, жаркой дороги окунуться в прохладные воды озера...

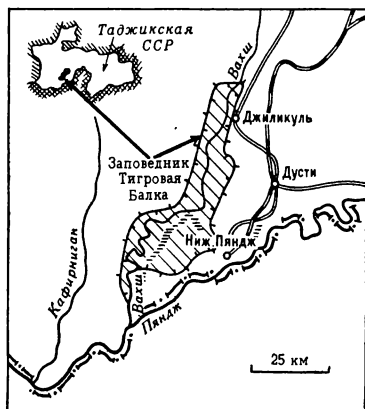
Первые дни знакомства с Тигровой Балкой запомнились мне надолго. Каждый шаг в зарослях таил неизвестность. Разноголосые крики многочисленных обитателей тугаев и таинственные шорохи вокруг сливались для меня в сплошной вопросительный знак.

Я бродил по горло в воде в густых зарослях тростника, пробираясь по затопленным оленьим тропам и вспугивая десятки бакланов и белых цапель, блуждал

в пойменных лесах, вздрагивая от шума вылетающих из-под ног фазанов. Все здесь для меня, северянина, было ново, ярко и необычно. Несмотря на небольшие размеры заповедника, прошло не меньше месяца, прежде чем я научился ориентироваться в глухих чащобах поймы и перестал путаться в тропах при возвращении домой. Но и потом блуждать мне приходилось неоднократно. Это обычно случалось или ночью, или в пыльные бури, когда все ориентиры заволакивала бурожелтая мгла, столь густая, что видимость не превышала двухсот метров...

Однако, прежде чем перейти к рассказам об обитателях вахшских тугаев, мне хотелось бы вкратце познакомить читателей с этим замечательным уголком Южного Таджикистана.

Этот первый в Таджикистане заповедник был создан в 1938 году. Его площадь сейчас — пятьдесят две тысячи гектаров. Заповедник находится на юге Вахшской долины и занимает в основном левобережную, покрытую тугайной растительностью пойму Вахша. Он был назван по имени одной из балок в низовьях Пянджа, которую наши пограничники стали называть Тигровой с декабря 1928 года, после весьма драматических событий, о которых я рассказываю дальше.

Заповедник Тигровая Балка

Наиболее широкая часть поймы Вахша простирается от селения Джиликкуль вниз по течению Вахша до слияния его с Пянджем. Сливаясь, эти реки дают начало могучей Амударье. Очертания заповедника напоминают треугольник, две стороны которого образованы Вахшем и Пянджем, а третья, восточная, совпадает с границей вахшской поймы и только в низовьях Вахша отходит от нее и идет напрямик через пустыню к пойме Пянджа.

Вахш при выходе из гор (в семидесяти километрах выше заповедника) теряет свой дикий нрав и в пределах заповедника течет уже спокойно, замысловато петляя среди илистых берегов, образуя широкие плесы и тихие затоны. Из-за огромного количества ила вода Вахша во все времена года имеет цвет крепкого кофе. Ил непрерывно осаждается, образуя косы и отмели, которые меняют конфигурацию прибрежной части поймы и русла реки. Во время летних разливов река местами прокладывает себе новый, более короткий путь. При этом старое русло превращается сначала в спокойную протоку, затем, окончательно отшнуровываясь от реки,— в старицу. Возникшие таким путем старицы со временем становятся тихими, глубокими, заросшими густой водной растительностью озерами. И только подковообразная форма выдает их происхождение.

На обширной левобережной пойме Вахша таких озер-стариц более сорока. Некоторые из них достигают полутора километров в длину при глубине до десяти метров. В летние разливы они наполняются водой. Если паводка не случается несколько лет подряд, то самые мелкие озера пересыхают. Пресная после разливов вода к весне становится несколько солоноватой. Однако в озерах, расположенных среди солончаков, она всегда соленая. Таково, например, озеро Шоркуль. Озера поймы изобилуют рыбой. Больше всего здесь сазана, сома и усача.

Густой тростник окружает сплошным кольцом почти каждое озеро, образуя по мелководьям вместе с камышом и рогозом обширные заросли. В этих болотистых крепях с августа и до марта держится огромное количество пролетающих и зимующих здесь птиц: куликов, уток, пастушков, или болотных курочек, и более крупных — лысух, бакланов. Летом же озера довольно пустынно. Их оживляют только быстрые крачки да гнездящиеся кое-где малые поганки и различные камышовки. Среди густых зарослей прячутся кабаны, с пятидесятих годов на озерах стала обычной нутрия, изредка появляется выдра. По берегам очень много лягушек, и с марта по октябрь крики их ночами заглушают все прочие звуки.

Вдоль обоих берегов Вахша тянутся непролазные заросли колючей джигды, или разнолистного лоха,— небольшого дерева со светлой серебристой листвой, ги-

гантских эриантусов (злак, похожий на тростник, до пяти метров высоты) и сахарного тростника. Джигда растет также и по берегам многих озер. Летом в джигдовниках обычно пусто, зато осенью, когда на джигде поспевают ягоды, здесь тучи птиц: фазаны, вороны, скворцы, дрозды, горихвостки. Ягоды, которые они стряхивают случайно на землю, подбирают не только разные грызуны, но и кабаны, олени, шакалы и даже камышовые коты. Ягод много, и обычно их хватает на всех, но к концу января они сохнут, покрываются темным налетом и осыпаются. Джигдовники вновь пустеют до следующего урожая.

Повыше, на более сухих почвах, тянутся леса из особого вида тополя — невысокой кривоствольной туранги — и массивы тамариска и эриантуса. Туранговые леса и рощицы не такие густые, как джигдовники. Местами почва в них совсем оголена и только ранней весной покрывается зеленым ковром эфемеров. Здесь больше всего любят держаться олени, гнездятся птицы. Особенно много птиц селится по опушкам, заросшим кустарниками. Тамариск (этот кустарник называют здесь гребенчуком) часто занимает большие площади и в удобных местах образует густые заросли до трех метров высоты. Обширные луга, используемые под сенокосы и зарастающие осокой, тростником и различными бобовыми травами, привлекают на кормежку во второй половине лета оленей, кабанов и фазанов. На пустынном холмистом плато, которое обрывается к пойме крутым двадцатиметровым обрывом, тянутся гряды бугристых песков, чередующиеся с пухлыми солончаками. Летом здесь пусто, только мелькнет в раскаленном воздухе стайка чернобрюхих рябков, промчится редкий джейран или прошмыгнет юркая ящерица. В сумерках, с наступлением относительной прохлады, пески оживают. Выползают из своих дневных убежищ змеи, семят на кормежку дикобразы, шныряют ежи, тушканчики, зайцы. Зимой же и весной, в период дождей, пустыня покрывается веселым зеленым ковром. Повсюду пробивается молодая трава, которую щиплют стайки фазанов, дроф, гусей и целые полчища грачей. Птичий гомон не смолкает здесь в это время года с утра и до вечера.

Настоящей зимы в заповеднике нет. Просто осень постепенно переходит в весну. В теплые годы в январе

температура воздуха в тени нередко достигает пятнадцати градусов, а в феврале уже переваливает за двадцать. Всю зиму активны многочисленные насекомые и лягушки. И хотя деревья стоят голые, то тут, то там натыкаешься на зеленые побеги травянистых растений.

Однако случаются и сильные холода.

До сих пор здесь вспоминают суровую зиму 1944/45 года, когда густые снегопады следовали один за другим целый месяц. Температура падала до минус двадцати шести градусов. Немало тогда погибло птиц и зверей, особенно джейранов.

В 1957 году в конце января целую неделю бушевали снежные бураны, ночью мороз достигал семнадцати градусов, на многих озерах образовался слой льда, способный выдержать человека. Днем же температура не поднималась выше одного градуса тепла. Но все это продолжалось семь-восемь дней, после чего опять стало тепло.

Зима здесь — сезон дождей. Иногда они льют несколько дней подряд, и дороги в заповедник, проходящие по солончакам, превращаются в непролазное месиво. Дожди кончаются в марте. В апреле еще бывают грозы, которые приносят очень много шума, но мало дождя.

С мая по октябрь над Тигровой Балкой с раскаленного, желтого от пыли неба не падает ни капли дождя. В июле жара нередко достигает сорока градусов. Чуть ли не каждый день на пойму обрушивается «афганец» — пыльная буря. Горизонт почти все время скрыт пыльной дымкой. Только в октябре температура начинает снижаться и выпадают первые дожди. Впрочем, случается, что их не бывает и до декабря.

За три года работы я смог не только весьма основательно познать, но и прочувствовать все эти особенности природы вахшских тугаев. Но тогда, в теплые октябрьские дни 1956 года, я стоял перед пожелтевшими от зноя и пыли зарослями совсем зеленым новичком, которому приходилось начинать с азов...

НЕМНОГО О ТИГРАХ

Когда я направлялся в Тигровую Балку, одним из самых больших моих желаний было сфотографировать тигра. После первого года работы в заповеднике я жаждал хотя бы услышать его рев. В конце концов у меня осталась лишь робкая надежда хоть раз наткнуться на тигровый след... Сколько раз я продирался сквозь непролазные заросли по оленьим тропам, сколько раз, увязая по колено в иле, осматривал обсыхающие после разливов края озер на местах звериных водопоев — нигде мне не посчастливилось среди массы следов других животных увидеть широкие круглые отпечатки лап грозного зверя. Тигры почти совсем покинули заповедник.

А ведь еще в сороковых годах они были обычными обитателями тугаев по Вахшу, Пянджу и верхней Амударье. Именно они и дали название заповеднику. Тогда следы тигра то и дело встречались на звериных тропах, а густой рев часто тревожил ночную тишину зарослей. «Хозяева тугаев» жили в самых недоступных тростниковых крепях поймы. Там они обычно спали днем, а в сумерках выходили на водопой и охоту. Они нападали на многочисленных кабанов, джейранов, оленей, поедали мелких грызунов. Но добычей их служили не только звери. Летом тигров привлекали многочисленные насекомые, и часто в это время они переходили на диету пустынных отшельников, охотно питаясь акридами, то есть саранчой, а также жуками и прочей мелочью.

В малонаселенных делянках Вахша этих крупных хищников беспокоили редко, корма было вдоволь, жилось им привольно. Работавшие в районе заповедника в тридцатых годах зоологи писали о тигре как об обычном обитателе этих мест. В книге Б. С. Виноградова, Е. Н. Павловского и К. К. Флерова «Звери Таджикистана» так описана встреча с тигром:

«Тигрица, видимо, спала, но выстрел по фазану, сделанный на расстоянии восемнадцати метров от нее, заставил ее подняться. Она привстала на передние лапы, посмотрела в сторону потревожившего ее и сей-

час же скрылась в камышах. Отойдя немного, зверь вернулся и остановился шагах в двадцати пяти от человека. Минут десять продолжалось такое леденящее изучение, после чего зверь, испуганный приближением, сделал два прыжка и бесшумно ушел через камыши...» Известно, что тигр бесшумно продвигается через самые густые заросли, но все же он в своих охотничьих экскурсиях предпочитает пользоваться готовыми звериными тропами.

Несмотря на то что этих огромных кошек в низовьях Вахша было довольно много, не известно ни одного случая нападения их на человека. Как-то раз, правда, хищник набросился на всадника, но целью его был не человек, а лошадь. В той же книге этот случай описан так: «Тигр бросился на проезжавшего через заросли верхового, прыгнув на круп лошади. Лошадь сейчас же упала со сломанным хребтом, всадника же тигр не тронул...»

Недавно я получил очень интересное письмо от старого пограничника Я. И. Леонидова, очевидца и участника этого события. Он служил тогда на нижнем Пяндже и хорошо знает эти места. Не раз ему приходилось с нарядами пограничников пробираться сквозь джунгли, изобиловавшие в те времена зверем и птицей, или проводить долгие часы на озере Айкуль в засадах на басмачей курбаши Улан-бека.

Леонидов рассказывает, что в декабре 1928 года по тропе, пересекавшей две балки у Пянджа, ехали на лошадях пограничники Моргун и Кукуй, назначенные в конный дозор. Тропа была припорошена снегом. Миновав первую широкую балку, всадники спустились в следующую, более узкую, и здесь неожиданно тигр молча прыгнул на лошадь следовавшего сзади Кукуя и, ударив ее лапами по крупу, свалил на землю. Моргун, ехавший первым, оглянулся на шум и, увидев тигра, стоявшего над поверженными лошадей и всадником, дал шпоры и припустил прочь.

Прежде чем опешивший от неожиданности Кукуй схватился за винтовку, тигр столь же внезапно скрылся. Когда Кукуй вскочил с ружьем в руках, тигра нигде не было видно. Лошадь поднять не удалось — тигр глубоко поранил ей круп. Оставив ее, Кукуй пошел обратно, поминутно оглядываясь, и вскоре увидел, что тигр снова вышел за ним и следует сзади. Так они и шли

до следующей балки, где тигр опять скрылся в зарослях. «Вот тогда, — говорил Кукуй, — у меня волосы подняли шлем на голове, ожидал, что тигр опять прыгнет». Но тут как раз подоспел на выручку наряд, случайно встреченный в пути Моргуном. Пограничники увидели живого и невредимого Кукуя, потом добрались до места нападения. С лошадью они тоже ничего не смогли сделать и, сняв с нее седло и уздечку, двинулись назад. Но при выезде наряда из балки тигр снова прыгнул, на этот раз на лошадь Шаповала, замыкавшего наряд. Схватив лошадь за круп, тигр когтями прихватил и брезентовый плащ всадника, но, получив сильный удар по уху крышкой седла, которую держал в руках Шаповал, молниеносно исчез.

Все это произошло настолько быстро, что опять никто не успел даже схватиться за оружие. Но на этом эпизоде приключение закончилось. Лошадь Кукуя пришлось пристрелить, а лошадь Шаповала две недели пробыла в ветлазарете. С тех пор балки, в которых разыгрались все эти события, стали называть одну Тигровой, а вторую — Малой Тигровой.

Обычно тигр избегает встречи с человеком. Почувяв человека, он сходит с тропы, скрывается в зарослях и, пропустив его мимо себя, снова выходит на дорогу.

Уходит он, даже если потревожен во время еды. Известен такой случай (говорящий, кстати, об огромной силе этого хищника). Несколько дровосеков, шедших по дорожке в зарослях вдоль берега Вахша, наткнулись на тигра, только что свалившего оленя-самца и свежавшего его в нескольких метрах от тропы. Увидев людей, хищник вскочил, одним махом взвалил на себя оленью тушу и кинулся в воду. С оленем на спине без видимых усилий он переплыл реку.

Боясь человека, «полосатый» редко нападает на домашний скот. За три десятка лет таких случаев было немного, жертвами его оказывались, как правило, отбившиеся от стада коровы.

В конце сороковых годов тигр еще не был редкостью в заповеднике. Объездчики регулярно встречали его следы на водопоях, слышали в глухие мартовские ночи его рев. Однако в начале пятидесятых годов освоение поймы Вахша быстро пошло вперед. В тугаях одна за другой возникли скотоводческие базы, большие площа-

ди тростников выкашивались на сено. Из-за слабости охраны расцвело браконьерство.

Именно в эти годы на территории заповедника был почти истреблен джейран, резко сократилось количество кабанов.

Тигров беспокоили и стреляли все чаще, а добывать пищу им становилось все труднее. Хищники покинули Тигровую Балку как место постоянного обитания, но время от времени заходили сюда с другой стороны Пянджа, из Афганистана, обширных тугаев которого еще не коснулась цивилизация. Сначала эти заходы были регулярны, потом зверь стал появляться все реже. За последние двадцать лет было лишь несколько таких случаев.

В апреле 1955 года на берегу Вахша, в зарослях сахарного тростника, один из объездчиков заповедника наткнулся на свежие следы тигра. По его утверждению, след был очень крупный — шестнадцать на восемнадцать сантиметров. Объездчик пошел по следу, который хорошо был виден на влажной почве. Когда след стал заворачивать по кривой, объездчик вспомнил манеру тигра заходить человеку за спину.

— Ну, я и думаю, — рассказывал он впоследствии, — куда же я лезу? Сгребет за загривок — и все, наших нету! Не рассматривай, мол, чего не положено...

В 1956 году тигров в заповеднике не замечалось, в 1957 году охота на них в пределах Таджикистана была запрещена. Но эта мера помогла мало. Звери, по-видимому, газет не читали и в следующем году опять не появлялись.

Только в 1959 году зимой один охотник встретил тигриный след в пойме Вахша, немного выше заповедника. На этот раз, как и в 1955 году, никаких нападений на скот не было. Можно было надеяться, что укрепление заповедности, восстановление численности кабанов и джейранов снова приведет тигра в покинутые им места.

Но надежда эта становится с каждым годом все более призрачной. За последние пятнадцать лет численность животных в заповеднике сильно упала и продолжает неуклонно падать.

ЖИЗНЬ ПОД ВОДОЙ

Как-то в жаркий апрельский день я лежал на берегу Дедова озера с биноклем в руках. Мне нужно было выследить, где пара зимородков роет себе нору. Начало апреля — мертвый период в заповеднике. Зимующие птицы к этому времени улетают, а летних еще очень мало. Поэтому на озере было тихо. Лишь кое-где вдоль берегов плескались небольшие сазанчики. Вдруг вода посредине озера всколыхнулась, оттуда вынырнула черная блестящая туша, что-то мелькнуло в воздухе, и глухой удар разнесся по озеру. Загадочное существо исчезло, и только волны кругами расходились во все стороны, захватив чуть ли не половину озера. От неожиданности я даже не сразу сообразил, в чем, собственно, дело. А это хлопнул «плесом» по воде солидный сом, этак килограммов на шестьдесят. Плесом здесь называют хвост сома, считающийся у местных рыбаков деликатесом. Обычно его жарят, но если рыба достаточно велика, то коптят. А сомы в озерах Тигровой Балки и на Вахше водятся большие. Работники заповедника ловили рыбин до семидесяти килограммов весом, а один из них хвалился, что поймал сома на сто килограммов. Всем этим утверждениям я не очень-то верил, но только что плеснувший экземпляр сильно поколебал мое неверие. В дальнейшем я убедился, что стокилограммовые сомы — не такие уж басни.

Однажды меня угостили копченым плесом сома, который, судя по хвосту, весил никак не меньше семидесяти килограммов. В другом случае один из объездчиков изловил большую рыбину на Пионерском озере и специально приехал на Центральный кордон за мной, чтобы я посмотрел на этого «кита» и сфотографировал его. На следующий день, захватив фотоаппарат, я верхом поскакал туда и в сопровождении владельца сома прошел на берег озера. Пойманная рыба плавала в воде, привязанная толстой веревкой, продетой под жабры. Рыбак ухватился за веревку и быстро подтянул упирающегося великана к берегу, где кое-как сумел приподнять над водой голову рыбы, которую я и сфотографировал. Сом весил пятьдесят восемь килограммов.

Другой объездчик рассказывал, как несколько лет назад у него на «кармак» (большой крючок-жерлицу) зацепился сомяга килограммов на семьдесят. Только рыбак стал его вытягивать, как сом бешено забился и так рванул прочь, что без особого труда потянул за собой и незадачливого рыбака. Однако у самого берега тот успел ухватиться за дерево, обмотал вокруг него шнур и удержал рыбу.

Летом 1959 года и со мной произошел любопытный случай. Разлив тогда начался рано. Вахш уже в начале июня вышел из берегов, и первая ступень речной террасы оказалась под водой. Ранним утром я плыл на легкой алюминиевой байдарке в густых тростниках по затопленной оленьей тропе. Осторожно орудуя маленьким фанерным веслом, я двигался почти бесшумно. Глубина под лодкой была около полуметра, может быть, чуть больше. Неожиданно за одним из поворотов показалась блестящая черная спина огромного сома. Она торчала из воды метрах в десяти впереди лодки. Рыба, видимо, не помещалась целиком под водой, что, впрочем, не очень ее беспокоило. Шаря головой в основаниях затопленных стеблей, она что-то выискивала в иле, отчего двухметровые тростники качались в разные стороны. Под рукой у меня были только бинокль и легкое, как перышко, весло, которым я и решил пощекотать сомовью спину. Слабое течение несло лодку прямо на сома. Я поднял весло над головой, подался вперед и за долю секунды до столкновения изо всех сил трахнул веслом рыбу по горбу. В тот же момент раздался страшный плеск, передо мной выросла стена воды, которая, едва не опрокинув байдарку, окатила меня с головы до ног. Это было так неожиданно, что я чуть не вылетел из байдарки. Солнце только что взошло, а потому заработанный мной холодный душ был не особенно приятен. Вдобавок водой залило бинокль, которым я очень дорожил, и записную книжку.

После этого я окончательно перестал сомневаться в существовании сомов-великанов в озерах заповедника. Сом, сыгравший со мной такую шутку, должен был весить не менее восьмидесяти килограммов! Спина его была столь внушительна, что впору садиться на него верхом. Позднее я прочитал в одном из справочников, что сом — одна из самых крупных пресноводных рыб и может достигать трехсот килограммов веса.

Интересно, что окраска у сомов в Вахше и в озерах различна. Вахшские экземпляры светло-серой окраски и сильно отличаются от темноокрашенных собратьев из озер, спина у которых часто бывает почти черная. Быть может, сомы, как и некоторые другие рыбы, способны менять окраску в зависимости от цвета грунта. Окраска речных сомов прекрасно подходит под мутно-серый цвет воды в реке и гармонирует с цветом илистого грунта, непрерывно перемываемого водой. В озерах же грунт почти черный. Когда мутные воды Вахша вливаются в тихие озера заповедника, с ними вместе сюда приходят и вахшские сомы, так что долгое время после разлива при ловле попадаются и светлые, и темные рыбы. Однако уже через год, если не бывает нового разлива, светлые особи в уловах рыбаков исчезают, остаются одни темные.

В озерах Тигровой Балки, известных своими рыбными богатствами всему Таджикистану, водятся не только сомы. Больше всего здесь, пожалуй, сазанов. Обильная органическая жизнь хорошо прогреваемых и почти не замерзающих озер служит великолепной кормовой базой, которая обеспечивает питанием тысячи крупных рыб. Здесь не редкость сазаны весом до пяти-шести килограммов, средний же вес вылавливаемых рыб — около килограмма. Весной, в марте, когда идет нерест, на озерах временами гул стоит от «боя» сазанов. Рыбы мечут икру на хорошо прогреваемых мелководьях, где и плещутся с особой силой по зорям. Изредка кажется, будто кто-то бьет доской плашмя по воде.

Помимо сазанов в озерах обычны также плотва, усач. Последний, однако, предпочитает реки и в озерах встречается в большом числе только после летних разливов, когда заходит сюда с речной водой. Однако, несмотря на обилие рыбы в пойменных озерах Вахша, запасы ее используются крайне слабо. Вылов рыбы тут не регулируется, не проводится никаких рыбохозяйственных мероприятий.

В озерах вахшской поймы живет крайне любопытный представитель рыбьего царства — маленькая гамбузия, истребитель личинок малярийных комаров. О ней следует рассказать подробнее.

В не столь отдаленные времена пойменные заросли Таджикистана были настоящим рассадником малярии. Эта болезнь свирепствовала не только в зарослях Вах-

ша, но и в Гиссарской долине, и во многих других районах республики. Приехав в заповедник, я обнаружил, что там масса комаров, и, не будучи специалистом в этой области, решил, что среди них немало малярийных. Каково же было мое удивление, когда аспирант-энтомолог, приехавший в Тигровую Балку за малярийными комарами, за месяц поймал всего несколько десятков малярийных комариков. Куда же они девались?

В борьбе с малярийным комаром применяли много способов, в разных районах разные. В низовьях Вахша основным помощником в борьбе с малярийными комарами стала гамбузия — хищная рыбка, живущая на мелководьях озер и охотно питающаяся комариными личинками. Первые партии гамбузий были завезены сюда в 1938 году, когда здесь организовался заповедник. Опыт прошел удачно. За короткое время гамбузии заселили все озера вахшской поймы. Густые полчища прожорливых рыбок стали быстро расправляться с комариными личинками, и численность малярийного комара пошла на убыль. Одновременно велась борьба и с самой малярией, уничтожались очаги заболеваний. За последние двадцать лет малярия почти исчезла из Вахшской долины.

Маленькие же хищники стали вредить рыбным запасам, пожирая икру и мальков промысловых рыб. Мне эти рыбки досаждали, когда приходилось неподвижно сидеть в засаде по горло в воде. Стайки гамбузий быстро сплывались со всех сторон и начинали щипать кожу. Боли не было никакой, но терпение я терял...

Необходимо еще упомянуть о лопатоносе. Эта небольшая рыба водится только в двух местах на земном шаре: в бассейнах Амударьи и Сырдарьи и в бассейне Миссисипи (Северная Америка). Для ученых до сих пор остается загадкой, как это случилось. Лопатонос назван так за форму своего рыла, которое в самом деле походит на лопату. Этим рылом лопатонос копается в мягком грунте реки, снискивая себе обильное пропитание.

Описание наше будет неполным, если, говоря о жизни озерных вод, мы ничего не скажем о лягушках. Этих созданий здесь масса. Робкое кваканье начинается уже в феврале. В марте оно становится громче с каждым днем, а в апреле лягушачий хор заглушает все

прочие звуки, особенно усиливаясь в сумерках и ночной темноте. Летом из-за их громогласного кваканья на открытом воздухе невозможно спать.

Помню, как-то летом под нашей чайханой (часть ее располагалась на столбах над водой) поселился какой-то редкий представитель лягушачьего племени, обладавший столь могучим голосом, что мы прозвали его Шалапиным. Этот «знаменитый бас» начинал свои концерты в густых сумерках. Вначале он издавал несколько отрывистых «кво-кво», вслед за чем шла виртуозная по разнообразию и громкости трель, заставлявшая только что заснувших новичков вскакивать в холодном поту. Старожилам он тоже не давал спать. Проклятий на эту лягушачью знаменитость сыпалось столько, что, будь они действенны, их хватило бы на то, чтобы известить весь лягушачий род. Неоднократно то один, то другой из нас пытался ухлопать лягушку из пневматического ружья, но она была страшно хитра. «Певец» начинал гастроли в такой темноте, что разглядеть его не было никакой возможности. И когда через некоторое время концерты этого солиста прекратились (очевидно, его слопал хорь-перевязка или проглотила кобра), мы почувствовали себя счастливыми. Однако миллионы его собратьев продолжали азартно квакать по топким берегам озер, нарушая ночной покой.

ПОЛЗУЧАЯ СМЕРТЬ

«Осторожно, змеи!» — таково первое предупреждение новичкам, в первый раз попадающим в заповедник. А посидев как-нибудь вечером за чаем с работниками заповедника и послушав их рассказы, новичок первые дни будет ходить в зарослях как на иголках, поминутно оглядываясь и вздрагивая при каждом шорохе. Такие страхи напрасны, но известная осторожность здесь необходима. В Тигровой Балке действительно много змей, среди которых три вида — кобра, гюрза и эфа — смертельно опасны для человека. Кобра и гюрза живут и в тугаях, и в пустыне, эфа же — только в песках. Степень ядовитости этих змей примерно одна и та же. Правда, большинство фактов говорит за то, что кобра

наиболее ядовита. Однако возможно, что сила яда кобры, как и прочих змей, сильно варьирует в зависимости от возраста, пола и времени года.

Реже всего встречается в заповеднике эфа, причем днем она обычно не показывается. Иное дело гюрза. В Вахшской долине это самые ненавистные для человека змеи. Во-первых, их много. Во-вторых, они активны и днем и ночью. В-третьих, туловище у них значительных размеров. Эфа перед гюрзой кажется стройной, безобидной змейкой. Несмотря на то что яд кобры считается более сильным, чем яд гюрзы, последнюю боятся больше. Утверждают, что гюрза гораздо агрессивнее кобры. Местные жители долго убеждали меня, что гюрза при встрече с человеком не шипит, как другие змеи, а лежит тихо и затем, когда человек приблизится, молниеносно бросается на него и кусает. Из своего опыта я теперь знаю, что это не совсем так. Гюрза действительно шипит очень редко, но при встрече с человеком она так же старается уйти прочь, как и другие змеи. Столь ярко выраженная неприязнь к гюрзе объясняется отчасти ее отталкивающим видом. Уродливая, вся покрытая бородавками и буграми голова, толстое тело, заканчивающееся коротким хвостом, грязная, серая окраска — вот признаки, сразу позволяющие отличить гюрзу от прочих змей. Характерна также форма головы. Если смотреть на нее сверху, она напоминает треугольник.

В первый раз я познакомился с гюрзой, как это ни странно, в холодный январский день 1957 года. К нам на Центральный кордон пришла машина из соседнего колхоза, чтобы набрать в лесу старого валежника. За работу взялись несколько человек. Двое из них решили выворотить старый, наполовину сгнивший пенёк. Они дружно выдернули его из сырой земли, встряхнули и вдруг стремительно отскочили в сторону с воплем: «Гюрза!» Остальные, побросав хворост, поспешили на место происшествия, но подойти вплотную к яме от вывороченного пня никто не решался: оттуда доносилось шипение. На помощь колхозникам пришел наш объездчик, наблюдавший за уборкой хвороста. Смело подойдя к яме, он обнаружил там не одну, а двух змей. Змеи только слабо шипели, двигаться они не могли, слишком низка была для этого температура. Объездчик без всякого труда бросил их в мешок и приволок на Централь-

ный кордон, обитатели которого высыпали наружу и с удовольствием созерцали своих врагов в столь беспомощном состоянии. Это были очень большие экземпляры — сто шестьдесят сантиметров в длину каждый. Змей поместили в ящик с решеткой и поставили в одну из комнат в надежде, что они доживут до весны. Эксперимент, правда, не удался: змеи погибли от неизвестных причин.

Вторая встреча с гюрзой произошла в конце апреля, когда уже было довольно жарко. В тот день я заканчивал свой утренний обход тугаев. Было около одиннадцати часов, и солнце с каждой минутой припекало все сильнее. Выбравшись из густого турангового леса на опушку, я направился было к дороге, как мое внимание привлекла пара сильно беспокоящихся белоусых славок. Изыщные маленькие птахи озабоченно шныряли в густом кусте колючей дерезы, то и дело издавая тревожные позывы. Решив, что у них где-нибудь поблизости гнездо и причина их крайнего беспокойства — моя персона, я полез в кусты на поиски. В тот же момент перед самым моим носом мелькнула отвратительная, в буграх и бородавках, голова и раздалось шипение, подействовавшее на меня, как удар сильного тока. С резвостью молодого оленя я сделал прыжок назад раньше, чем до меня как следует дошло, что же, собственно, случилось. Очутившись в густых колючках, я поспешно вскочил на ноги и успел только услышать, как тяжело зашуршала трава под увесистым телом, дважды блеснувшим чешуей в зарослях. Даже делая скидку на то, что у страха глаза велики, гюрза была преогромная.

На другой день мне пришлось ехать на один из дальних кордонов. Было раннее утро. Выскочив из зарослей на плато, я быстро погнал мотоцикл по пыльной дороге. Именно в этот момент перед машиной оказалась здоровенная гюрза, поспешно переползавшая колею. Дав полный газ, я направил тяжелый мотоцикл прямо на нее и ясно видел, как она мелькнула под передним колесом. Проскочив по инерции метров двадцать вперед, я остановился и побежал назад, на место происшествия. Никого! Растерянно оглядываясь вокруг, я уже хотел было возвращаться, как сильный щорох в кустах солянки у обочины привлек мое внимание. Я вскинул ружье, грохнул выстрел, и обезглав-

ленное тело гюрзы яростно забилося, скатываясь в пыль дороги. До сих пор не могу понять, как сумела гюрза вывернуться из-под самого колеса. Скорость была около шестидесяти километров в час, а змея была рядом, причем туловище ее растянулось почти поперек дороги.

Впоследствии приходилось встречаться с этими тварями неоднократно и в самых разнообразных ситуациях. Как-то понадобилось срочно вымыть посуду, и я устроился на берегу под турангой, ветви которой висели над самой водой. Обычно, если нет никакой спешки, мы себя таким занятием, как мытье посуды, не утруждали. Достаточно было после еды сунуть чашки и ложки в воду, и сотни проворных гамбузий за пару часов полировали их до блеска. Я нехотя мыл посуду, насвистывая что-то и краем глаза следя за большой лягушкой, с любопытством взиравшей на меня из прибрежной ряски. Случайно подняв голову, я обнаружил прямо перед собой, сантиметрах в сорока, неподвижную голову гюрзы, свешивавшуюся с ветки дерева. Ее тусклый леденящий взгляд был уставлен прямо на меня. Под этим гипнотизирующим взглядом я стал медленно пятиться назад, стараясь не делать резких движений. Затем вскочил и побежал за ружьем. Когда я вернулся, мне пришлось минут десять простоять под этим деревом, пока вновь удалось разглядеть лежащую в густой листве змею.

Интересна была встреча с плывущей гюрзой. Произошло это во время буйного летнего разлива. Гюрза длиной немногим более метра поспешно переплывала озеро, когда я заметил ее с лодки. Змея плыла довольно быстро, и мне пришлось подналечь на весла. Изготовив по пути фотоаппарат для съемки, я приблизился к ней метра на два и приготовился снимать. Однако почти тотчас же пришлось схватиться за весло. Видя, что ей не уйти, гюрза свернулась на воде кольцом и, когда лодка приблизилась, неожиданно кинулась прямо на нее. Весло, хлопнувшее перед самым ее носом, заставило гюрзу вновь обратиться в бегство. Она несколько раз попыталась нырнуть, но неудачно. Погрузив голову под воду (туловище и так находилось под водой), гюрза почти сразу же выбрасывала ее наружу. Сделав несколько снимков, я без труда прикончил змею веслом и забрал с собой для коллекции.

Следующие встречи с гюрзой были не столь интересны, но всегда волнующи. Действительно, в большинстве случаев змея не шипела ни при виде человека, ни во время бегства, ни даже во время схватки с ним. Так, однажды весной большая гюрза забралась на кордоне в сарайчик, где сидела взаперти курица-наседка. Я пошел в этот сарайчик сфотографировать процесс лепки гнезда, которое сооружала там пара ласточек-касаток. Надев сапоги, чтобы комары не кусали за щиколотки, и сунув аппарат под мышку, я почти приблизился к двери сарая, как оттуда перед самым моим носом штопором вывернулась солидная гюрза. Отскочив назад, я громко заорал: «Палку, скорее палку!» — и стал гонять гюрзу вдоль глинобитной стены сарая. Гюрза стремительно перекатывалась взад-вперед, прыгая на стену под самую крышу, почти на два метра вверх. Мои товарищи метались сзади в поисках палки, которой, как обычно в такие моменты, нигде не было. Змея, делая против меня яростные выпады, пробиралась к кустам за углом. Вот-вот уйдет! Тут наконец я сообразил, что на мне хорошие кирзовые сапоги. Рывок вперед — и гюрза оказалась прижатой сапогом к стене, а подбежавший наконец товарищ мотыгой снес ей голову. За все это время змея не издала ни звука.

Следует рассказать еще об одном, особом, случае. В мае 1959 года в заповедник приехали чешские зоологи. Нашим гостям очень хотелось поймать кобру или на худой конец гюрзу. Нужно сказать, что, когда в этих гадах появляется нужда, они все куда-то исчезают. Так было и на этот раз. Полтора десятка человек бродили по зарослям почти целый день — и ни одной змеи никто не увидел. На закате солнца вся наша группа вылезла на берег Вахша. Пока гости восхищались игрой красок солнечного заката и с любопытством смотрели, как непрерывно обрушиваются подмываемые Вахшем берега, мы с одним из чешских коллег, оживленно беседуя, прогуливались в светлой туранговой рощице. Вдруг послышалось тонкое шипение. Сначала мы как-то не обратили на этот звук никакого внимания, затем я сообразил, что звук-то больно знакомый, встрепнулся и стал внимательно оглядываться. Определив направление, мы тронулись к зарослям кустов на опушке, метрах в десяти от нас. Там оказалась большая гюрза, лежавшая среди вывороченных корней

и злобно шипевшая. Никогда ни до, ни после этого мне не приходилось встречать гюрзу, столь заранее предупреждавшую человека о своем присутствии.

Эту змею изловили живьем, как того хотели гости. Во время ловли я немного повредил змее позвоночник, так что она только извивалась, но ползти не могла. Однако, посаженная в мешок, она по дороге до Центрального кордона вполне оправилась, и, когда там, в чайхане, чешский ученый решил показать всем этот крупный экземпляр, произошел конфуз. Когда гюрзу вытряхнули из мешка на пол ярко освещенной чайханы в кругу любопытствующих людей, она, к всеобщему удивлению, неожиданно кинулась наутек. Под громкие крики: «Хватай, держи!» (излишне говорить, что никто не хватал и не держал, ибо все были в легкой обуви) — змея благополучно скрылась под лестницей, ведущей к воде. С большим трудом, кое-как подняв лестницу, удалось вновь изловить беглянку и водворить на место.

При мне гюрза никого не кусала, но за несколько месяцев до моего приезда в заповедник змея цапнула нашего объездчика. Нужно сказать, что в этом случае укушенный был сам виноват. В те времена за живых змей зооцентр платил приличную сумму (за гюрзу — пятнадцать, за кобру — двадцать рублей), и в низовьях Вахша некоторые любители иногда занимались ловлей этих опасных змей. Объездчик как раз поймал гюрзу и стал ее пересаживать из мешка в ящик с проволочной сеткой. Там уже сидела другая гюрза. Достаточно было одной маленькой ошибки — и объездчик получил молниеносный удар в кисть руки. Отскочив в сторону, он стал яростно высасывать из ранки кровь, одновременно громко крича своим домашним, чтобы ему дали лошадь. Уже через пятнадцать минут он прискакал на Центральный кордон, но за это время вся рука у него распухла и плохо действовала. На кордоне помощи пострадавшему оказать не могли, а посадили на бричку, запряженную парой лошадей, дали выпить бутылку водки и повезли в райцентр, в Пяндж, где имеется хорошо оборудованная поликлиника. Бричка примчалась туда в рекордно короткий срок. Пострадавшему, который уже еле шевелился, сразу же была введена большая доза сыворотки «антигюрза». Несмотря на квали-

фицированную помощь, объездчик пролежал в больнице больше месяца.

Как я уже сказал, кобра встречается в заповеднике гораздо реже гюрзы. Поскольку за последний десяток лет никто не слышал, чтобы кого-либо кусала кобра, ее боятся меньше гюрзы. Да и на вид кобра, если так можно сказать о змее, гораздо симпатичнее. Стройная, легкая на ходу, с красивой блестящей чешуей, она могла бы понравиться любому, если бы не ее страшные ядовитые зубы. Живет она в густых тугаях, где встречается и в тростниках у воды, и в сухих туранговых лесах. В пустыне она попадает очень редко.

Первая встреча с коброй едва не стала для меня последней. Как обычно в конце мая, стояла настоящая жара, термометр показывал днем в тени тридцать семь градусов. Работу приходилось начинать незадолго до рассвета, прерывать к наступлению дневного зноя и возобновлять вечером. В тот день я проводил наблюдения на самом дальнем нашем кордоне, на Кабаньем озере. Пробираясь по крутому берегу озера, густо заросшему турангой и кустарником, я чуть было не наступил на большую кобру. Если бы она не подняла голову, громко шипя и расправляя свой капюшон, я наверняка наступил бы на нее, а у меня на ногах были только легкие кеды, и к тому же еще рваные, которые змея без труда прокусила бы. Змею эту пришлось подстрелить, так как ловить ее в таких зарослях почти босиком нечего было и думать. После вскрытия в ее желудке обнаружилось недавно заглоченное целое куриное яйцо и небольшой сазанчик. Оказывается, я наткнулся на кобру как раз после ее удачного визита в курятник объездчика. Уже давно, кстати, замечено, что эти змеи — большие любительницы куриных яиц и часто посещают курятники. Поэтому кобру гораздо чаще можно встретить у поселения человека, чем в глубине зарослей. На Центральном кордоне не раз поселились кобры, вынуждая его обитателей даже в самую сильную жару ходить в сапогах.

В первый раз я наблюдал ловлю кобры вскоре же после моего приезда в заповедник. Мы ехали на машине через пустынное плато, направляясь на озеро Шоркуль. Было начало ноября, но солнце еще изрядно припекало, и днем было жарко. Машина быстро катилась по глинистым такырам, высоко подпрыгивая на уха-

бах, так что приходилось держаться как следует. Вдруг шофер на полном ходу резко затормозил. Пока все находившиеся в кузове и попадавшие друг на друга кое-как поднимались на ноги, из кабины выпрыгнул объездчик, исполнявший роль проводника, и кинулся назад, к осыпавшемуся песчаному бугру, мимо которого мы проехали. Только теперь мы заметили трех крупных змей, уползавших от дороги в одну сторону. Объездчик быстро настиг одну из них, ловко придавил ее сапогом, выхватил из кармана пинцет-зажим и, зажав им голову змеи, бросил ее и кинулся за следующей. Мы уже успели подбежать к месту схватки и окружили кольцом следующую змею (это была кобра), которая, увидев столь многочисленных противников, подняла половину своего туловища над землей и злобно зашипела. Вслед за этим кобра расправила свой капюшон и сделала несколько выпадов против окружающих ее людей. В это время подоспел объездчик, взмахом руки обратил кобру в бегство и, моментально настигнув ее, скрутил столь же успешно, как и первую, но вместо пинцета уже действовал рукой. Третья змея, воспользовавшись суматохой, успела улизнуть. По неопытности мы подумали, что все три были кобрами. Однако при проверке оказалось, что первая змея отнюдь не кобра, а безобидный полоз полутораметровой длины. Кобра была таких же размеров, хотя в низовьях Вахша встречаются экземпляры и покрупнее. Так, зоолог С. Саид-Алиев, специально изучавший змей, поймал однажды экземпляр около двух метров длины.

Любители-змееловы промышляли змей без специальных приспособлений. Ловец догонял змею, наступал сапогом ей на шею и, когда змея, моментально обернувшись, вцеплялась в сапог, хватал ее голой рукой за основание головы. После этого нужно было, не давая змее обвиться вокруг руки (иначе она может вырваться), быстро и осторожно стряхнуть ее в специальный мешок. Кажется, что все это довольно просто, когда наблюдаешь со стороны. На самом же деле такая ловля требует от человека железных нервов, ибо секундное колебание может стоить ловцу жизни. А решиться в первый раз на то, чтобы схватить голой рукой толстую отвратительную гюрзу или двухметровую кобру, не каждому под силу.

Быстрота, с которой кобра бросается на противника, поразительна. Иногда за ее выпадами невозможно уследить. Поэтому опытные ловцы «берут» кобр, только когда те двигаются, и ни за что не станут ловить змею, когда она изготовилась для обороны — свернулась кольцом и «встала на хвост». Из этого положения кобра может делать молниеносные броски и поражать противника в слабо защищенные места — лицо, руки. На одном из кордонов кобра поселилась в мазанке объездчика. Хозяин несколько раз пытался убить ее, но безуспешно. Против крысиной норы, где жила кобра, он клал лягушку, а сам затаивался с лопатой в руке, собираясь отсечь змее голову, как только она покажется из норы. И каждый раз кобра хватала лягушку и снова пряталась с такой быстротой, что человек не успевал даже шевельнуться.

Помимо ядовитых в заповеднике очень много змей, безопасных для человека. Здесь и полозы, по величине соперничающие с кобрами, и удавчики, и ужи, и стремительные змеи-стрелки. Будучи совершенно безопасными, они все же пугают в сумерках даже опытных старожил, так как в темноте невозможно отличить, например, страшную кобру от безобидного полоза.

Большое количество змей плюс страшные рассказы старожил пугают новичков. А в результате даже встреча с безобидной змеей может кончиться для них плохо. Однажды научный работник, впервые попавший в заповедник и наслушавшийся этих рассказов, работал в туранговом лесу. Когда он нагнулся что-то измерить под деревом, с ветки ему на спину свалился безобидный полоз. Испуг был так велик, что дело кончилось сильным нервным шоком.

Но, как говорится, не так страшен черт, как его малюют. Если человек, работая в зарослях, будет всегда осторожен и внимателен, то уже это обезопасит его от неприятных случаев. Змеи кусают человека только в порядке самообороны и никогда не нападают сами. Завидев человека, змея всегда старается уйти. В течение нескольких лет я лазил по самым глухим зарослям вахшской поймы, неоднократно ночевал в них, сталкивался с самыми различными змеями в разных условиях и пришел к убеждению, что в девяноста случаях из ста укушенный человек виноват сам, становясь жертвой своей собственной рассеянности и невнима-

тельности. В тугаях надо быть всегда начеку, и, право же, они от этого ничуть не теряют своей привлекательности. Перефразируя известную пословицу, можно сказать, что змей бояться — в тугаи не ходить.

ПЕСЧАНЫЕ КРОКОДИЛЫ

Солнце припекало все сильнее. Тени от песчаных бугров укорачивались, и обильная роса на кустах солянок быстро высыхала. Маленький мотоцикл отчаянно тахтел, взбираясь на очередной бугор, от раскаленного цилиндра несло жаром. Майское утро кончилось, наступал жаркий день, и я спешил выбраться из накаляющихся с каждой минутой песков.

Наконец мотоцикл выскочил на обширный такыр, ровный и гладкий, как сковородка. В ушах засвистел ветер. Я взглянул на спидометр: шестьдесят километров. Заросли поймы быстро приближались. Взлетев на очередную песчаную грядку, я некоторое время буксовал в сыпучем песке, затем снова выскочил на такыр. И тут мое внимание привлекла гигантская ящерица, которая улепетывала с большой скоростью по такыру в сторону тугаев. «Варан,— догадался я.— Наконец-то я на него посмотрю!»

На ровном такыре мотоцикл настиг этого великана среди ящериц без особого труда. Развив предельную скорость, варан промчался около сотни метров и, обесиленный, замер, раскрыв пасть и тяжело дыша. Очевидно, силы его иссякли: когда я слез с мотоцикла и стал подходить, он не сделал никаких попыток к бегству. Расставив все четыре лапы, варан стоял, прижав брюхо к земле, а из открытой пасти вырывалось паровозное шипение. Так он и стоял, пока я суетился вокруг него с фотоаппаратом, и только поворачивал голову, следя за мной беспокойными глазами. Мне почему-то стало жаль этого загнанного «крокодила пустыни», и, несмотря на солидные размеры этого экземпляра (полтора метра) и великолепную шкуру, серо-желтую с яркими черными полосами поперек спины, я его не тронул, ограничившись фотографированием. В дальнейшем, узнав разбойничьи повадки этого пресмыкающегося, я был уже менее снисходителен.

Обычно считается, что варан живет в песках, но в пределах заповедника он часто попадает и в густых зарослях, однако особое предпочтение отдает пойменным обрывам. Здесь вараны живут в многочисленных норах и расщелинах, находя себе обильную пищу — птичьи яйца, мелких грызунов и насекомых. Не раз мне приходилось наткаться на них во время осмотра птичьих гнезд на обрывах. Меня поражала способность варана лазить по крутым стенкам или едва заметным карнизам. Каждое лето большое число гнезд, расположенных в нижних частях обрывов, разоряется этим энергичным разбойником. Из здешних птиц только сыч в состоянии отразить его нападение; избегают налетов варана еще зеленые щурки, скрывая свои гнезда в длинных, узких норах.

Наиболее активны вараны с апреля по июнь, в остальное время они встречаются редко; в зимние же месяцы впадают в короткую спячку. Апрель — июнь — это разгар гнездования птиц, и пищу варана в это время в значительной мере составляют их яйца. Мне как-то сообщили пастухи, что у границ заповедника был застрелен варан, который оказался буквально набит фазаными яйцами. Этому сообщению я сначала не очень-то поверил, но вскоре убедился сам, что это бывает.

Мне случилось как-то ехать на тяжелом мотоцикле М-72 по дорожке, проложенной среди густых зарослей эриантусов. Делая крутой вираж, я наскочил на варана, который перебежал дорогу. Машины, разъезжающие по заповеднику, часто застигают варанов врасплох именно на дорогах, по которым те, как и люди, предпочитают передвигаться среди тугаев. Ошалев от мотоциклетного грохота, варан кинулся наутек по глубокой колее, выбитой тяжелыми грузовиками. На бегу он делал тщетные попытки свернуть с дороги, но заросли по бокам были столь густы, что на быстром бегу он никак не мог высмотреть лаза, куда бы шмыгнуть. Бежал варан, тяжело припадая к земле, и вскоре угодил под колесо мотоцикла. Оглянувшись, я обнаружил за собой на дороге этого полосатого разбойника, лежащего посреди настоящей яичницы. Когда я к нему подошел, смесь желтка с белком и голубоватой яичной скорлупой еще продолжала вытекать из полуоткрытого рта ящерицы. По самым скромным подсчетам, у нее

внутри находилось не менее семи крупных фазаньих яиц, то есть целая кладка.

Вараны не ограничиваются похищением яиц диких птиц, нередко они наведываются и в курятники. На Центральном кордоне однажды небольшой варан был изловлен прямо в сарайчике, где неслись куры. Как-то раз во время экскурсии я увидел нашего объездчика, бегущего вдоль обрыва с ружьем в руке. На мой оклик он только злобно отмахнулся и побежал дальше. Придя на кордон, я сел в тени перевести дух. Вскоре вдаль показался медленно возвращавшийся объездчик. Все объяснилось просто. Оказывается, он собрался перекусить яичницей, для чего, вынув из ящика три яйца, положил их в фуражке около очага, а сам пошел за водой вниз к озеру. Там он еще решил умыться и когда наконец возвратился, то обнаружил, что яйца исчезли. Заметив мелькнувший в кустах хвост варана, объездчик забежал в хату за ружьем и кинулся в погоню за вором, но варан успел скрыться.

Признаюсь, во время поисков птичьих гнезд эти вараны часто пугали меня. Сунешься в нору, и вдруг оттуда раздается яростное шипение. Сначала думаешь: змея — и отскакиваешь, как мяч. Испуг проходит быстро, но надолго остается сожаление о том, что варан опередил тебя.

Вараны лезут не только по норам вдоль обрывов. Мне приходилось их встречать и в тугаях за осмотром дупел. Особенно запомнился один любопытный случай. Мне нужно было выследить гнездо пустынной совки в густой туранговой рощице. Заметив, где в сумерках держалась пара этих птиц, я стал осматривать на этом участке все деревья подряд. Облазив всю рощу, я вернулся к старой дуплистой туранге, с самого начала вызвавшей мои подозрения. Центральный ствол у этого дерева совсем прогнил, а с ним вместе и два толстых боковых сука, которые у вершин уже обломились, и на местах изломов зияли черные дыры, ведущие внутрь пустого ствола. Маленькая совка выскочила рядом из кустов при моем приближении, и это только подкрепило мою уверенность, что гнездо находится здесь. Мне пришлось влезть на дерево, заглянуть в несколько отверстий, попробовать ворошить в дуплах палкой, пока наконец там что-то зашевелилось. Уверенный, что это совка, я слез на землю и расположился рядом, в

кусте тамариска, ожидая, когда совка покинет гнездо. По опыту я знал, что, если сидящую на гнезде совку сильно напугать, у нее появляется какой-то нервный шок, и она остается в гнезде еще на некоторое время. Действительно, минут через пять из полой сердцевины донесся шорох. Он все усиливался, и наконец, к моему удивлению, из дупла выполз варан средних размеров, этак с метр длиной. Солнце уже село, и силуэт варана четко вырисовывался в проеме зарослей на фоне красноватого неба. Из-за своеобразного освещения он казался огромным и, неподвижно застывший на сухой ветке, напоминал какое-то ископаемое животное, чудом уцелевшего жителя далеких эпох, когда гигантские родители варана были владыками земного шара...

Все местные жители считают варана безусловно вредным животным и при встречах с ним всегда стараются его убить. Туркмены со скотоводческих ферм уверяли меня, что варан — существо очень нехорошее, так как высасывает молоко у коз. А поскольку пасть этого пресмыкающегося снабжена довольно острыми зубами, то на сосках козьего вымени остаются после этого кровавые ранки, из-за чего доить таких коз некоторое время нельзя. Заметив мое сомнение, скотоводы, горячась, рассказали о случае, который произошел всего два дня назад. Один из них увидел вечером варана, отбегающего от козьего загона. Он легко догнал ящерицу, так как, насосавшись, она бежала плохо, и прибил ее палкой. После этого, по образному выражению рассказчика, варан стал «бросать молоко обратно», то есть все молоко из воришки вытекло наружу. Описывая, как варан доит ночью привязанных коз, пастухи даже воспроизвели причмокивающий звук, который якобы бывает при этом слышен.

Однако варан не только вредит. Птичьими яйцами он может лакомиться сравнительно короткий период (с апреля по июнь), в остальное же время он питается в основном вредными насекомыми, грызунами, змеями, иногда поедает даже скорпионов и фаланг. Так что в большинстве случаев польза, приносимая этой ящерицей, перевешивает причиняемый ею вред. И право же, будет очень жаль, если эти своеобразные рептилии исчезнут. Уж очень красив бывает «пустынный крокодил», когда, высоко задрав хвост, несется по бархану со скоростью ста пятидесяти метров в минуту или не-

жиданно появляется перед наблюдателем среди буйных зарослей и тут же поспешно скрывается в них, играя на солнце черно-желтым узором своей шкуры.

ХАНГУЛЫ

Мое первое лето в заповеднике подходило к концу. К этому времени я настолько вошел в ритм тугайной жизни, что казалось, будто век здесь прожил. Мне еще никогда не приходилось работать в такой жаре, и поэтому оставалось только удивляться, как быстро может приспособиться к ней организм. С каждым днем тугай раскрывали мне все больше своих секретов, но о многом я еще не имел никакого представления. Так, я еще ни разу не слышал рева оленей, который должен был начаться в конце августа. Рев, иначе говоря гон, оленей протекает в заповеднике довольно интенсивно — оленей здесь много.

В то лето впервые олени заревели 24 августа. Было часов одиннадцать вечера, и мы пили чай в крошечной тьме, потому что керосиновая лампа всегда привлекает тучи комаров. Кругом привычно шумели заросли. Кричали миллионы цикад, урчали лягушки, в этот хор включалась отрывистая перекличка совок и шакаля разноголосица. К этим звукам мы давно привыкли, так же как привыкает горец к вечному шуму горного потока. Вдруг все прислушались. Откуда-то издалека, словно из огромной пустой бочки, донесся протяжный густой рев. Звук поднимался все выше и выше и наконец, резко упав вниз, замолк. Но не успел он затихнуть, как тут же раздался снова, гораздо ближе и громче, а затем все тугай наполнились несмолкающим, варьирующим на разные тона ревом.

— Ишь, начали! — доверительно сказал наш конох. — Теперь пойдут каждую ночь гавкать!

В тот вечер я долго не мог заснуть, ворочаясь под накомарником и прислушиваясь к могучему реву хангула, доносившемуся из ночных тугаев.

Хангул (тугайный, или бухарский, олень) — одна из разновидностей благородного оленя. В прежние времена хангул был распространен довольно широко, заселяя тугай всех среднеазиатских рек. Жестокое пре-

следование со стороны человека вынудило оленя покинуть эти места и укрыться в самых больших массивах пойменных зарослей. В наши дни хангул водится только в двух районах Средней Азии — в низовьях Амударьи и в низовьях Вахша и Пянджа, и то благодаря созданию заповедника.

Табуны красавцев оленей радуют взгляд всякого попадающего в Тигровую Балку. Самцы хангулов в отличие от самок украшены рогами, которые хотя и не достигают такой величины, как у европейского оленя или марала, но все же бывают весьма внушительны. Некоторые старые самцы носят увесистые рога с кроной из шести-семи отростков. Олени регулярно сбрасывают рога весной. У многих работников Тигровой Балки есть хорошие коллекции рогов. Их охотно берут и посетители как сувенир. К сожалению, очень редко олень сбрасывает два рога сразу. Обычно сначала отпадает один рог, а потом, через некоторый промежуток времени, другой. За три года работы в заповеднике мне только раз посчастливилось найти сразу два рога, сброшенные оленем одновременно.

Разгар рева падает на сентябрь. В это время его можно слышать круглые сутки. Наибольшей силы он достигает в сумерки, после захода солнца. В это время в тугаях мы то и дело встречали одиночных самцов, перепачканных грязью, и я долго не мог понять, в чем дело, пока однажды не увидел, как яростно бесился одинокий самец на берегу озера.

Я сидел с фотоаппаратом на берегу Светлого озера, от которого к этому времени осталась неширокая полоса воды (разлива в этом году не было). Солнце уже село за зубчатый гребень Хаджи-Хазиана, когда на противоположный берег прямо против меня вышел из зарослей старый рогач. Он постоял немного, с шумом втягивая носом воздух, затем не спеша направился к воде. Рогач дошел до кромки воды и остановился. Он замер неподвижно над своим отражением, словно о чем-то задумавшись, потом тряхнул головой и, вытянув шею, громко заревел. Где-то позади меня ему немедленно ответил другой самец. Тогда олень погрузил свои рога в тину и стал яростно разбрызгивать жидкую грязь направо и налево. Видно было, что это занятие доставляло ему наслаждение. Он хрюкал, ворчал и наконец опрокинулся на спину, валяясь в грязи, как

свинья. Когда он встал, то поднял на своих великолепных рогах целую копну болотных растений. Вероятно, зуд в рогах не давал ему покоя. Олень удалился в густой тростник прочь от берега и с треском стал ломать старые заросли. Через некоторое время среди непрекращающегося рева до меня донесся ожесточенный стук рогов. Рыцари вступили в поединок...

Драки самцов оленей между собой отличаются жестокостью, и, по утверждениям работников заповедника, драчуны получают иногда тяжелые ранения. Однажды здесь было найдено два оленьих трупа, лежавших один возле другого со сцепленными рогами. Но такие случаи большая редкость, и за три года работы мне с ними сталкиваться не приходилось.

В конце сентября рев начинает постепенно смолкать и к середине октября прекращается вовсе.

Во время сильных ветров, когда в тугаях стоит шум и треск от раскачивающихся стеблей, против ветра можно подойти к отдыхающему стаду оленей очень близко. Когда я в первый раз наткнулся на отдыхающее стадо, мне удалось приблизиться к четырем молодым оленям почти вплотную. Один из них, наклонив голову, щипал молодые побеги тростника метрах в шести от меня. Но тут старый рогач, видимо учуяв человека, послал короткий предупреждающий сигнал. Молодежь замерла, подняв головы и широко расставив уши. Я стоял неподвижно за стволом туранги, и они, не заметив ничего подозрительного, вновь принялись за еду. Но упорный старик послал второй резкий сигнал тревоги, третий и наконец пронесся мимо молодых, увлекая их за собой. Я успел только увидеть мелькнувшие в просвете зарослей рога.

Сигнал тревоги — короткий отрывистый звук, напоминающий лай собаки, только гораздо громче. По этому сигналу все настораживаются, и при повторных криках все стадо пускается в бегство. Этот тревожный олений сигнал знают не только олени, но и другие животные, например кабаны, и часто реагируют на него таким же повальным бегством.

Суточный ритм жизни оленей в течение года почти не меняется. Кормиться они предпочитают на открытых местах, куда выходят с наступлением сумерек и где проводят всю ночь. Утром они уходят обратно в тугай. Днем олени обычно большую часть времени отды-

хают. В разное время года меняются только места кормежек и дневного отдыха. Так, в конце февраля, когда становится по-настоящему тепло и пустынное плато покрывается зеленым ковром эфемерных растений, олени с закатом солнца покидают заросли и выходят на кормежку, проводя там всю ночь, а если их не тревожить, то и круглые сутки.

Это время — самое беспокойное для охраны заповедника. Большая часть его границы проходит по пустыне, и в темные мартовские ночи сюда время от времени наведываются браконьеры. На вездеходных «газиках», вооруженные специальной дополнительной фарой, они колесят по пескам и такырам поблизости от окраин зарослей. Изредка зажигая мощную дополнительную фару, «охотники» на несколько секунд освещают все вокруг, после чего движутся дальше. Вся беда оленей в том, что они мало боятся машин. Подпустив ее метров на двадцать и попав в яркий луч света, олень обычно стоит не шевелясь, не понимая, что происходит. Гремят выстрелы, и прекрасное животное, сраженное грязной рукой, валится на песок. Убив оленя, браконьеры поспешно втаскивают тушу в машину, иногда тут же отрезая жертве голову, и, погасив фары, воровато озираясь, кидаются наутек. Браконьерство стало для некоторых чем-то вроде увлекательного спорта, и, варварски истребляя богатства нашей природы, они ни о чем не думают, кроме как об удовлетворении своих низких страстишек. Каким все же нужно быть подлецом, чтобы просто так, ради развлечения, поднять руку на редчайшее животное, находящееся к тому же под охраной советского закона! Правда, сейчас случаев браконьерства в низовьях Вахша становится все меньше, чему, безусловно, сильно содействует активизация работ по охране природы Таджикистана.

Но вернемся к оленям. Помимо браконьеров у них есть и другие враги в тугаях. Тигры теперь исчезли, но зато остались волки. Их стало даже больше, поскольку вокруг возросло поголовье рогатого скота. Жертвами волков становятся обычно животные, ослабленные болезнями или ранениями.

В большом числе гибнут олени во время высоких летних паводков, но об этом речь пойдет дальше.

Наблюдателю, работающему в заповедных тугаях, олени доставляют много прекрасных минут. Я мог це-

лыми часами, не отрываясь, следить на утренних зорях за группами оленей, спокойно кормящихся на мокрых от обильной росы лугах. А как красиво бегущее стадо! Испуганные олени несутся гигантскими прыжками, отталкиваясь всеми копытами сразу, причем во время толчка копыта сходятся в одну точку. Взрослые животные без труда могут совершать прыжки до пяти метров в длину и больше. Таким аллюром они бегут не только по открытому месту, но и в густых зарослях, и приходится удивляться, как они только не расшибаются о деревья. Правда, в большинстве случаев олени спасаются бегством по уже заранее протоптанному и хорошо им известным тропам. Сквозь нетронутую камышовую чащу олень пробирается с большим трудом.

Оленьи тропы прорезают тугаи вахшской поймы во всех направлениях. Большие и маленькие, в густых тростниках и непролазных джигдовниках, они служат путями сообщения многим мелким обитателям тугаев. Во время дождей, когда твердая глинистая почва размягчается, на тропах остается масса следов. Здесь отпечатки и кабаньих копыт, и лап камышовых котов, шакалов, гиен, дикобразов и многих других животных. Исследователям тропы оказывают неоценимую помощь, позволяя без особых усилий пробираться в самые глухие уголки. Некоторые из этих троп, так называемые магистральные, сохраняются и действуют очень долго, в течение многих лет. Зная эти магистрали, своеобразные «проспекты» тугаев, можно не путаться на перекрестках и не блуждать по боковым «улочкам». Эти тропы остаются путями передвижения и во время летних разливов. По ним можно плыть на лодках, проникая в глубину тростниковых массивов, а под водой ими охотно пользуются рыбы.

В знойные апрельские дни в тугаях начинается отел оленей. В глухих, редко посещаемых человеком зарослях, в укромных местах появляются на свет маленькие оленята. Я не знаю более очаровательных созданий. Стройные, на тонких высоких ножках, они смотрят на окружающий мир широко открытыми влажными глазами, а их светло-коричневая шкурка с красивым узором из многочисленных белых пятен изумительно гармонирует с солнечными зайчиками, прыгающими вокруг по бурым и зеленым стеблям.

Первые два дня — самые опасные в жизни такого малыша. Он еще совершенно беспомощен и неподвижно лежит под кустом, только пугливо съеживаясь при приближении постороннего. Такого олененка можно свободно брать руками. Но буквально днем позже его нельзя догнать в зарослях даже на лошади. Неуклюже расставляя голенастые ноги и высоко подпрыгивая, он несется вслед за матерью сквозь густые заросли. Питается он некоторое время только молоком матери и лишь спустя несколько недель начинает есть траву, как и взрослые. Но растут оленята медленно. Только через год у них появляются рога, которые на втором году жизни имеют вид тонких, прямых вилок без всяких отростков. Затем уже с каждым годом прибавляется по отростку, и так до тех пор, пока их не станет пять или шесть.

Во время моей работы в заповеднике была начата работа по искусственному расширению ареала этого вымирающего животного путем завоза его в горы Центрального Таджикистана. Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что попытка эта не удалась. Олень, эволюция которого многие тысячи лет протекала в условиях тугайных лесов равнин, где круглый год есть зеленая трава, оказался совершенно беспомощным в горах, особенно во время зимних снегопадов. Но тогда многим, в том числе и мне, дело казалось стоящим, и было решено для начала сформировать стадо из прирученных оленей, а потом перевезти его в горы. Создать такое стадо можно было только из новорожденных оленят, поскольку взрослых оленей приручить невозможно. Причем нужны были оленята в возрасте одного-двух дней, так как оленята постарше с каждым днем теряли способность к приручению.

И вот в майские дни 1957 года сотрудники заповедника и Института зоологии вышли на поиски новорожденных оленят. Заранее были высмотрены все места, где держались беременные самки. Как правило, это были самые глухие уголки заповедника. День за днем пешими или на конях, группами или в одиночку мы обшаривали заросли. Устраивали пешие и конные облавы. Пастухам скотоводческих ферм, расположенных на территории заповедника, объявили, что за поимку и доставку живьем олененка выплачивается денежная премия. Однако результаты оказались скудными.

За три недели непрерывных поисков было изловлено всего четыре олененка. Малышей поместили в вольеру, и сотрудники кормили их из сосок коровьим молоком. К концу лета они уже достаточно подросли и окрепли и, главное, сильно привязались к людям. Мы решили дать им свободу.

Много было волнений в тот день, когда перед оленятами распахнулись двери вольеры. Но наши страхи оказались напрасными. Держась дружной группой, оленята бродили поблизости от кордона или во дворе, аккуратно являясь на кормежки. Особенно сильным и рослым был олененок, который получил кличку Малыш. Он оказался и самым счастливым из этой группы: один из оленят вскоре потерялся, другого застрелил при попустительстве охраны какой-то подлец, под видом гостя пробравшийся в заповедник с оружием, так что на следующую весну осталась только пара — Малыш и самка Прима. Они были очень дружны и держались всегда вместе. Когда на следующую весну ловля оленят возобновилась и поймали еще четырех, то, прирученные и выпущенные на волю, они держались отдельным табунком. Малыш и Прима их избегали.

Но в одну из ветреных октябрьских ночей от руки браконьеров пала Примка. Малыш остался один. Он очень тосковал. К этому времени у него уже появились тонкие вилочки рогов. Малыш целыми днями бродил по кордону и шутливо пихал людей, подпрыгивая и всячески заигрывая с ними. Люди сначала с удовольствием, а потом и с опаской посматривали на резвящегося зверя, ибо он в это время на отменных харчах уже вырос и накопил силенок. С тревогой думали, что же будет во время гона: олень уже и сейчас сильным ударом мог пропороть человека.

У Малыша была вредная привычка, как, между прочим, и у всех прочих прирученных оленят, — жевать всякие тряпки. На кордоне нельзя было ничего из вещей оставлять открыто. У одного сотрудника олени сжевали накомарник, у другого — вывешенные на просушку после стирки штаны. Я в течение нескольких минут лишился своей новой рубахи, а один раз мне пришлось долго гоняться за Малышом, который стянул бинокль, положенный мной на перила чайханы. Зажав ремень в зубах, Малыш мотал этим нежным инстру-

ментом во все стороны и шутя увертывался от моих неуклюжих преследований. Когда на кордоне появился новый мотоцикл «М-72», Малыш сделал дерзкую попытку сжевать и мотоцикл. Но мотоцикл не дрогнул, и Малыш проникся к этому предмету глубоким уважением. Часто можно было видеть, как он старательно его облизывает. Малыш, очевидно, принимал мотоцикл, который он видел в движении, за живое существо и искал с ним дружбы. Облизав его «с ног до головы», он укладывался отдыхать рядом, гордо оглядываясь по сторонам, а когда я выезжал, он часто бежал галопом вслед километр-полтора. За сотрудницей же, выкормившей его, он ходил по тугаям, как собачонка.

Через определенные промежутки времени Малыш исчезал с кордона. Он уходил далеко в заросли на несколько дней и бродил там в одиночестве целыми сутками, удаляясь от кордона на много километров. К концу таких отлучек мы начинали сильно беспокоиться, и скептики утверждали, что на этот-де раз олень ушел окончательно. Но Малыш неизменно возвращался за очередной порцией ячменя и после таких походов несколько дней валялся на кордоне, отдыхал, отъедался и приставал к людям, вызывая их на игру. Маленькое стадо годовалых оленят с почтением обходило юного рогача. Иногда последний снисходил до того, что шутливо бодал рогами кого-нибудь из мальцов, отчего тот в ужасе кидался наутек.

Все мы очень привязались к Малышу и волновались за его жизнь, потому что он частенько выходил в пустыню к самым границам заповедника, куда иногда пробирались браконьеры. Вдобавок ко всему он совершенно не боялся людей и сам шел на свет фар. Я убедился в этом, когда однажды в пасмурную ветреную ночь в начале марта выслеживал на плато браконьерскую машину. Медленно объезжая песчаный бугор, я встретил Малыша, который бежал мне навстречу. Когда мотоцикл остановился, он быстро приблизился и стал со мной заигрывать, а я забеспокоился страшно. Ведь только что в этом месте «фарила» браконьерская машина. («Фарить» — значит охотиться ночью с автомашины, ослепляя животных светом фар. Способ охоты, категорически запрещенный в нашей стране.)

Но Малышу везло. К третьей весне он здорово вырос. В марте, как и все, он скинул вилочки-рога и, ли-

пившись своего оружия, некоторое время ходил как потерянный, опасаясь кого-либо задирать. А потом вдруг, к всеобщему изумлению, вместо рогов с одним отростком у него вымахали рожища с тремя отростками, целая корона. Насколько мне известно, это первый случай подобного рода среди благородных оленей. Очевидно, тут большую роль сыграло обильное питание.

С этими рогами к осени он стал опасен. В августе, когда начался гон, Малыш из озорного, добродушного зверя превратился в яростно кидающегося на всех самца. Дошло до того, что люди вынуждены были передвигаться по Центральному кордону перебежками и не иначе как вооруженные увесистой палкой. Одного из гостей он чуть не заporол насмерть, прижав рогами к стене дома. Потом в тугаях напал на сотрудницу, своими руками вскормившую его, и гнал через заросли до самого кордона, непрерывно сбивая с ног ударами рогов. Сотрудница была так избита и натерпелась такого страха, что сгоряча велела даже пристрелить Малыша. Некоторые просто боялись работать в тугаях из-за боязни встретиться с Малышом. Но с окончанием гона он опять присмирел, хотя от былого добродушия не осталось и следа. Однако главное было достигнуто. Взрослый олень бродил по двору Центрального кордона вместе с табунком молодежи, и все они совершенно не боялись людей.

Интересно было проследить, как Малыш и другие прирученные олениа относились к диким оленям. На первых порах, по-видимому из-за посторонних запахов, дикари не подпускали их к себе, держась на почтительном расстоянии. Но впоследствии сначала Малыша, а потом и компанию прошлогодних олениа стали то и дело встречать в обществе их диких собратьев. Однажды я был свидетелем такого свидания. На большой поляне пасся олений табун. Когда я появился на опушке, весь табун обратился в поспешное бегство. Осталось на месте только четверо молодых оленей, судя по рогам-вилочкам, второгодников. Сначала я даже не сообразил, в чем дело, и оторопело смотрел, как эта четверка, недоуменно поглядев вслед убежавшим собратьям, лениво тронулась прямо ко мне. Они окружили меня и стали теревить за куртку, игриво прыгая вокруг, как бы предлагая и мне порезвиться. Здесь, среди

диких джунглей, эта сцена произвела на меня большое впечатление.

Все оленята очень не любили собак, а Малыш их прямо-таки ненавидел. Когда олени были маленькими, то спасались от пастушеских собак бегством, но как только подросли, сами стали гоняться за собаками. Интересно было видеть, как трехнедельные оленята отбивались от собак. Подпрыгнув, они всеми четырьмя ногами били по собаке, а сами падали при этом на бок и отчаянно верещали. Одно время у нас жил здоровенный пес — туркменская овчарка довольно красивой масти. Этот пес был отчаянный трус и рохля. Днем он спал где-нибудь в тени, а ночью гордо стоял посреди Центрального кордона и непрерывно гавкал в ответ на все шорохи ночных тугаев, не давая никому спать. Как-то раз этот дурной пес попал на Пионерский кордон, где в то время находились в вольере оленята. Увидев их и сразу же угадав в них слабых и беззащитных существ, он ринулся в атаку. Был поздний вечер. В крошечной тьме пес не разглядел решетки вольеры и врезался в нее на полном ходу. Увидев такое страшилище, оленята отчаянно перепугались. Взвизвись, как ласточки, они перемахнули через двухметровый барьер и кинулись наутек в тугай, где проклятый барбос гонял их до утра.

Когда Малыш подрос, то в первую очередь свел свои счеты именно с ним. Мы поняли это, услышав душераздирающий визг, несшийся из соседних кустов. Оказалось, что Малыш напал на пса, когда тот предавался дневному отдыху, и нанес ему жестокий удар острым копытом, едва не выпустив из собаки дух.

Малыш вообще очень тонко разбирался в окружающих его существах, будь то собаки или люди. К некоторым он питал явную неприязнь и при встречах вскидывал голову вверх и, приподняв верхнюю губу, презрительно шипел сквозь зубы. Он испытывал также крайнюю неприязнь к шакалам. Я обнаружил это, сидя ночью в засаде у своего окна. Дело в том, что зимой и ранней весной шакалы каждую ночь посещали кордон и обшаривали все его уголки, чтобы полакомиться отбросами. Если бы они делали все это молча, нас это не особенно трогало бы, но свои поиски шакалы сопровождали отчаянным воем прямо под нашими окнами. Этот вой мог поднять с постели даже покойника. Мы

иногда, чередуясь, караулили этих мародеров, выставив уголок стекла в окне и высунув наружу ружейный ствол. Делались такие засады в полнолуние, когда лунный свет был достаточно ярк для прицельной стрельбы.

И вот однажды ночью я сидел с ружьем у окна, борясь с дремотой. Временами я клевал носом, затем вновь пробуждался, прислушиваясь и стряхивая обрывки снов. Некоторое время под окном лежал Малыш. Потом это ему надоело, он фыркнул и ушел куда-то. Луна поднималась все выше, а шакалов все не было. Я уже задремал, когда где-то поблизости тьякнул шакал, затем другой, а потом вся стая залилась отчаянным плачущим воем. Сон слетел мгновенно. Я взялся за ружье. Свет луны был очень слаб, и шакалы, передвигавшиеся среди деревьев, казались призрачными тенями. Вот два из них бесшумно подскочили к приманке, брошенной метрах в пятнадцати от окна, но не успел я нажать курок, как они опрометью кинулись прочь. В тот же момент промелькнул еще десяток их собратьев. Почти одновременно раздался дробный топот, и вслед за шакалами промчался Малыш. Он выгнал их за кордон, постоял там немного, фыркнул и тем же аллюром двинулся на другой конец кордона, где шакалы появились опять. Это происшествие решило тогда наш спор о том, заводить нам нового пса взамен старого, отданного на скотобазу, или нет. Малыш в этой роли нас вполне устраивал.

На третью весну было поймано еще четыре олененка. Чаще всего их ловили пастухи. Когда на конях они рыскали по зарослям в поисках отбившегося от стада скота, то время от времени натыкались на новорожденных оленят. Итак, теперь их было девять штук, и вскоре они были переброшены в урочище Рамит на южных склонах Гиссарского хребта в Центральном Таджикистане. Там постепенно удалось сформировать большое стадо оленей, насчитывающее сейчас около двухсот голов. Однако зимой олени там нуждаются в подкормке и держатся вблизи питомника, особенно далеко не разбредаясь. Да и браконьеры не дают им возможности выйти из охранной зоны созданного здесь заказника, и пока что их бесчинства сводят на нет все усилия ученых.

Тем не менее работа по расселению тугайного оленя в лесах Таджикистана продолжается, хотя, кажется, сейчас надо спасать тугайных оленей в самой Тигровой Балке. Последние учеты, проведенные зоологом Г. Н. Сапожниковым и его помощниками, показали, что численность оленей в заповеднике опустилась до угрожающе низкого уровня: сейчас здесь насчитывается менее двухсот голов.

А Малыша убили. Убили браконьеры вскоре же после переселения в рамитские леса...

НОЧНЫЕ ТУГАИ

Ночью в тугаях почти так же оживленно, как и днем, особенно летом, когда жестокая жара заставляет многих животных переходить на ночной образ жизни. Ночная жизнь в вахшских зарослях крайне своеобразна и всегда привлекала мое внимание своей таинственностью. Много километров пришлось мне пройти по ночным тропам, долгие часы пролежать в засадах, и в конце концов ночной мир тугаев стал мне почти так же знаком, как и дневной.

Когда раскаленное, мутное от пыли небо начинает темнеть и пылающее солнце скрывается за скалой Хаджи-Хазиана, ночные жители выходят из своих убежищ и отправляются на поиски пропитания. В темных глубинах озер поднимаются из омутов великаны сомы. Они почему-то особенно активны в безлунные ночи. В прибрежной тине возится масса лягушек, оглушая тугаи многоголосым кваканьем. Громко трещат цикады. Змеи, тихо извиваясь, скользят среди стеблей или замирают где-нибудь в засаде, прижавшись к теплой земле и подкарауливая добычу.

Призрачными тенями мелькают в воздухе козодой и летучие мыши. Козодой иногда сидят на пыльных дорогах или медленно ходят по ним, склевывая переползающих через колеи жуков. Но главную часть корма они берут на лету, носясь низко над землей с широко открытым ртом: разнообразных мелких насекомых в ночном воздухе очень много. Достаточно зажечь лампу или фонарь, чтобы убедиться в этом. Полет козодоя совершенно бесшумен, и глубокой ночью он выдает

себя лишь редкими короткими криками и своеобразной песней. Его непрерывное монотонное трещание висит над тугаями летом все темное время суток. В пустынях среди саксауловых зарослей встречается более редкий египетский козодой; у него песня другая — резкие картавые выкрики.

К голосам козодоев примешивается «хуканье» пустынных совок, таким же бесшумным полетом облетающих лесные опушки. Большой же частью они сидят неподвижно на нижних сучках деревьев, высматривая свою добычу — мелких грызунов или крупных насекомых. На окраинах джунглей вдоль пойменных обрывов все голоса перекрывают заунывные протяжные крики домовых сычиков. Это очень забавная, любознательная птичка. Она гнездится в глубоких норах, где и проводит день, а на охоту вылетает в сумерках. Слышны голоса серых цапель и выпи, особенно активных в первой половине ночи.

Звери тоже не дремлют. Если ехать ночью по глухой дороге в тугаях с включенными фарами, можно увидеть многих из них. Забавно переваливаясь с боку на бок, разбегаются в разные стороны ушастые ежи. Ошалело мечутся пустынные зайцы. Часто свет фар выхватывает из непроницаемой тьмы застывших, как изваяния, оленей. Ночью в тугаи приходят гости и из пустыни. Джейраны, например, идут в это время на водопой к озерам поймы. Жажда гонит их в страшные и непривычные для них заросли. Они идут друг за дружкой, чутко прислушиваясь и кидаясь прочь при малейшем шорохе. Тропы джейранов всегда пролегают кратчайшим путем от окраин пустыни к ближайшему озеру. Утолив жажду, эти пугливые, стройные антилопы стремительно уходят назад, в родные пески.

В отличие от джейранов дикобразы навещают ночные тугаи охотно, здесь они находят обильную пищу. Норы большинства дикобразьих семейств на территории заповедника расположены в пустыне, среди нагромождений песчаных бугров. От этих нор идут тропы, пробитые в пухлых солончаках и песках к ближайшим зарослям. Дикобразы появляются в них с наступлением ночи и кормятся до утра, роясь по опушкам зарослей и окраинам болот. Здесь же пасутся обычно и кабаны. В темноте кабаны очень похожи по силуэтам и повадкам на дикобразов.

Прошли уже, к сожалению, те времена, когда ночные тугаи оглашались время от времени могучим ревом тигров. Этот рев заставлял дрожать от страха и удваивать осторожность многих жителей зарослей. Никто, даже могучие самцы-хангулы, не чувствовал себя в безопасности. Но и без тигров в тугаях много ночных хищников.

Один из самых хитрых, ловких и смелых — камышовый кот, иначе хаус, сила которого соперничает с его кровожадностью. За свой крупный рост он получил прозвище «болотная рысь». Этот зверь — настоящий бич пернатых обитателей тугаев. Да и многие четвероногие часто становятся его жертвой. Особенно стало доставаться от него разводимым здесь нутриям. Охотясь за ними, он пробирался даже в вольеры. В природе же он настигает их всюду. Нутрии могут укрыться от него только в своих глубоких узких норах: там он бессилен против встречающих его острых, как бритва, резцов. Хаус одинаково свободно чувствует себя и в воде и на суше. Он легко переплывает крупные озера, забирается в тростниковые крепи, отдыхая на тростниковых завалах. Он передвигается бесшумно в самых глухих дебрях и часто подкрадывается вплотную даже к таким осторожным птицам, как фазан. Однако в зимние месяцы хаус не всегда может добыть достаточно пропитания, и тогда он выходит к человеческим поселениям, посещая ночью свалки и окраины и вместе с шакалами разыскивая остатки пищи. Это сугубо ночной зверь, и днем его можно встретить только в зимнее время, когда он теряет свою обычную осторожность. Но остатки его пиршеств, подчас совершенно свежие, приходилось видеть часто.

В расположенном в верхней части вахшской поймы нутриевом промхозе камышовый кот был объявлен одним из основных врагов, и работникам хозяйства платили за каждого уничтоженного зверя. Ловили их обычно зимой, когда голодные коты были не столь осторожны и попадали в капканы, расставленные вокруг приманок — тушек нутрий, забитых на шкурки. И переборщили. Сейчас камышовый кот в заповеднике большая редкость, и премии за его добычу отменены.

Вдоль пойменных обрывов располагаются охотничьи угодья другого кота — пятнистого. Он значительно меньше и слабее камышового, да и встречается гораздо

реже. Мне как-то раз удалось обнаружить его логово. Разыскивая на крутых обрывах птичьего гнезда, я заглянул в одну пещерку, откуда на меня кто-то злобно фыркнул. Отскочив и вооружившись палкой, я вновь осторожно стал всматриваться в темноту пещеры. Скоро я разглядел, в чем дело, и запустил туда руку, однако тут же, вскрикнув от боли, поспешно выдернул ее назад. В пещере находились два маленьких очаровательных котенка, у которых только-только прорезались глаза. Они еще едва держались на ногах, но уже яростно фыркали на подозрительный шум у входа, а один из них так энергично вцепился в мою руку, что она кровоточила до вечера. В тот же вечер я пришел туда с фотоаппаратом и импульсной лампой. По моим расчетам, мать обязательно должна была навестить ночью своих котят. Пройти к логову она могла только по узкому карнизу, с которого я тщательно соскреб остатки своих следов.

Место для засады было удобное. Я еще засветло устроился среди густых кустов, поставил аппарат на штатив и нацелился объективом на вход в логово, так что оставалось только нажать кнопку. Полная луна хорошо освещала высокие обрывы. Половину ночи я просидел, прислушиваясь к шороху и возне в густых зарослях под обрывами, к крикам совок и сычей и до боли в глазах всматриваясь в голубоватый полумрак, окутывавший карниз. В призрачном лунном свете мне все время чудились какие-то тени. Может быть, это носились сычи или козодой. Неподдалеку с истошным криком взлетел перепуганный чем-то фазан. На ближайшем болоте с шумом плюхнулись на воду утки. Всю вторую часть ночи я отчаянно боролся с дремотой, тер глаза, щипал себя за нос и все время смотрел на карниз: только бы не прозевать! И все же я, видимо, задремал на несколько минут: когда стало светать и я вылез из своей засады, в логове кошки никого не оказалось! Почуввав неладное, мать выбрала подходящий момент и утащила своих котят в другое место...

Довольно шумливы ночью шакалы. Когда я еще только-только начинал знакомиться с животным миром тугаев, то на первых порах иногда путал, особенно на большом расстоянии, волчий и шакалий вой. Однако вскоре я настолько научился разбираться в оттенках воя, что не только без труда угадывал, кто воет, но

даже мог определить и число «певцов». И не мудрено. Три года, ночь за ночью работая в лаборатории или пытаясь заснуть в удушающе влажной жаре, я слышал этот вой сотни раз, и он всегда стоит в моих ушах, когда я вспоминаю ночные тугаи. В холодные зимние вечера шакалы собирались со всех сторон к кордону и, как только сумерки переходили в полную темноту, приветствовали ночь отчаянным воем, лаем и тьяканьем. Часто они «плакали» голосами, столь похожими на человеческие, что поневоле становилось жутко. Уведомив нас таким образом о своем появлении, они умолкали, после чего шныряли вокруг дома целую ночь, время от времени раздражаясь очередным концертом. Уходили они с кордона поздно, задерживаясь в окрестных зарослях до восхода солнца. Так, однажды один из наших гостей, вставший на рассвете и делавший утреннюю зарядку-пробежку вокруг кордона, наскочил на задремавшего в кустах шакала, от неожиданности запнулся и полетел кубарем.

В голодные дни шакалы совсем нагтели. Они подходили к кордону, располагались в кустах на опушке и, дождавшись удобного момента, хватали зазевавшуюся курицу или петуха. Прodelьвались эти штуки чаще всего во время «афганца» — сильной пыльной бури, которая часто обрушивалась на заповедник. Во время этих бурь стоял такой шум, что куры, бродившие по опушкам, не могли слышать шороха подкрадывавшегося шакала.

Шакал — зверь очень осторожный там, где его преследуют. Но в заповеднике их тревожили мало, и они часто теряли свою «бдительность». Как-то раз, с громким треском ломаясь сквозь тростники, я неожиданно вышел на маленькую поляну, где на кучах сваленных стеблей спокойно спал шакал. Бурый, в клочьях линяющей шерсти, он развалился на солнцепеке, наслаждаясь теплом (был конец января, и стояла довольно холодная погода). Это была моя первая встреча с шакалом. Я так растерялся, что стоял несколько секунд, лихорадочно соображая, что же делать. Наконец вспомнил про фотоаппарат, висевший у меня на шее, и поспешно стал открывать футляр. Но тут шакал проснулся и, вильнув лохматым хвостом, исчез в тростнике. Летом мне встретился шакал на берегу озера, среди редких раскидистых туранг. Появившись внезапно из

зарослей, он бежал по тропе прямо на меня. Фотоаппарата у меня с собой не было, зато имелось мелкокалиберное ружье. Когда до зверя оставалось около сорока метров, я решил пугнуть его выстрелом. Пуля просвистела у шакала прямо между ног, он, словно подброшенный, подскочил, рванулся в сторону и исчез.

Впоследствии я еще несколько раз встречал шакалов, но сделать снимок мне удалось только однажды, да и то не очень удачно. Вот как это было. Я ехал на тяжелом М-72 с профессором Станюковичем. Мы направлялись на опушку тугаев в надежде поснимать оленей. Только мы успели отъехать метров сто от кордона, как на дороге прямо перед нами оказался шакал. Скорость была небольшой, поэтому я в ту же секунду остановил мотоцикл и рванул с плеча свой «Зенит». Шакал, прыгнув в последнюю секунду на обочину, остановился метрах в десяти и с любопытством разглядывал нас. Испугавшись щелчка затвора моего «Зенита» и шума, с которым Кирилл Владимирович добирался до своего аппарата, шакал сделал еще несколько прыжков и снова устоялся на нас. Нужно заметить, что шакал не составляет исключения среди других зверей и боится машин и мотоциклов куда меньше, чем человека. Я успел еще раза два щелкнуть затвором, и шакал кинулся в кусты.

В другой раз мне пришлось возвращаться на кордон в густых сумерках. Дорога была узкая, извилистая, в ухабах. Луч фары высвечивал только отдельные ее кусочки. Выехав на более ровное место, я прибавил газу и вдруг увидел целый выводок — пять шакалов. Они деловито трусили по дороге к Центральному кордону на очередной промысел. Застигнутые врасплох, звери растерянно заметались в разные стороны и, очумевшие от накатывавшегося сзади грохота мотоцикла, кинулись вперед по дороге. Подпрыгивая на ухабах и рытвинах, которыми была щедро покрыта изрытая кабанами дорога, я быстро настигал беглецов. Но они, по-видимому, стали понемногу приходить в себя и один за другим ныряли в сторону, в спасительную темноту. Через день, когда мы поздно вечером приехали на Центральный кордон, то тоже чуть не задавили шакала, который стоял на самой середине двора и растерянно озирался в свете фар.

Однажды мне удалось подсмотреть любопытную сцену из шакальей жизни. Тихим апрельским вечером я сидел в очередной засаде на берегу Дедова озера и наблюдал за другим берегом. Солнце садилось. Длинные тени лежали на неподвижной воде. Противоположный берег весь зарос густым эриантусом, и только вдоль самой воды тянулась узкая полоска, свободная от зарослей. Здесь одиноко стояла старая туранга, свесившая над водой свою густую крону. На этой туранге третий год подряд гнездилась пара черных ворон. Самка сидела на гнезде, а над ним, время от времени оглядываясь, чистился самец. Под самым деревом пасся молодой олень. Обкусав молодые побеги эриантусов, он забрел в воду по брюхо и стал жевать зеленый камыш. Затем он наострил уши, вылез из воды и нехотя ушел в заросли. Почти тут же появился шакал. Это была толстая беременная самка. Бока ее так и лоснились в лучах заходящего солнца. Сделав несколько неудачных попыток поймать азартно квакавших вокруг лягушек, она подняла голову и увидела воронье гнездо. Ствол туранги, сильно нависший над водой, рос достаточно наклонно к земле, и шакалиха сделала неуклюжую попытку взобраться на него. Однако, поднявшись вверх, насколько позволял наклон, она сорвалась и грузно шлепнулась в грязь. Было ясно, что добраться до гнезда у шакалихи столько же шансов, сколько у небызывестной лисицы — до винограда. Тем не менее вороны забеспокоились. Самка вылезла из гнезда, самец перестал прихорашиваться и сердито каркнул. Облизав бок, очевидно ушибленный при падении, шакалиха вновь стала подниматься по стволу. Тогда вороны слетели с дерева и поочередно спикировали на назойливого пришельца. Тот трусливо поджал хвост, пригнулся и... вновь сорвался вниз. Шакалиха оказалась упорной и повторила свою попытку еще раз с тем же успехом. Она вздрагивала, когда на нее пикировали вороны, но они так и не решились ее ударить. Солнце село, и шакалиха, еще немного погнавшись за лягушками, конвоируемая двумя воронами, с побитым видом скрылась в стене зарослей...

Однажды ночью в начале сентября обнаглевшие шакалы осадили наш кордон. Две крупные стаи оцепили чайхану и, подбадривая себя дикими воплями, стали приближаться. Пока наш пес отбrehивался от них

в одном месте, они проникли в другое, благо доступ в чайхану со всех сторон был открыт, и уже потащили было прочь тазик с кабаньим мясом, замотанный марлей. Но тут один из лаборантов, проснувшись, высунул из-под комариного полога свое ружье и разрядил его со страшным грохотом в непроницаемую ночную тьму. Мы все повскакали и, путаясь спросонок в пологах, пытаясь выбраться наружу, испуганно спрашивали друг друга: «Что случилось?!»

С ростом поголовья скота в низовьях Вахша становилось все больше и больше волков. Волчий вой здесь приходилось слышать чаще, чем где-либо в таежном районе, а волчий след столь же обычен тут на звериных тропах, как и след шакала. Но волк куда осторожнее, и за три года работы в заповеднике мне пришлось видеть его всего трижды, и как в таких случаях бывает, в самые неподходящие моменты.

Дневные убежища волки себе выбирают в самых глухих участках тугаев или среди пустынных холмов. Когда на небе зажигаются первые звезды, над Тигровой Балкой разносится волчий вой. Потом концерт внезапно прекращается и обычно больше не возобновляется, разве что глубокой ночью. Всю ночь эти звери рыскают по зарослям, в пустыне, вокруг скотных баз. На это время весь скот загоняют в ограды, которые охраняются сворами рослых туркменских овчарок. Поэтому иногда, особенно в голодные зимние дни, волки промышляют скот и днем. Особенно часто они нападают на отбившихся от стада животных, загрызая и пожирая их с молниеносной быстротой. Так, один раз пять волков набросились ранним утром на телку и на глазах растерявшихся пастухов за какие-нибудь полминуты нанесли ей несколько тяжелых ран, вырывая из тела куски мяса. Опомнившись, пастухи открыли беспорядочную стрельбу и отогнали обнаглевших хищников, но телка после этого не прожила и дня.

Как-то в мартовскую ночь, воспользовавшись тем, что сторож заснул, а собаки, спасаясь от ураганного ветра, попрятались, волки напали на овечий кутан (так здесь называют загон для скота). Одну из стен кутана свалило ветром, и стадо баранов оказалось прямо перед стаей голодных хищников. С отчаянным блеянием сотенное стадо кинулось врассыпную. Проснувшиеся пастухи повскакали на лошадей и, то и дело озаряя ноч-

ную темень вспышками выстрелов, пытались разогнать волков и собрать стадо. Тяжелая для них выпала ночь! Весь следующий день пастухи разыскивали разбежавшихся по пустыне овец. Остатки туш десяти баранов были найдены неподалеку от разграбленного кутана, четырнадцать баранов волки утащили в глубь тугаев.

Но такая удача подваливает волкам редко. Обычно жертвами ночных охот становятся дикие обитатели тугаев. Волки часто нападают на оленей. Обглоданные и растащенные на части оленьи скелеты то и дело находят работники заповедника. Вероятно, большей частью волки нападают на оленей, ослабевших от болезней или ран. Тем не менее имеются бесспорные свидетельства о нападениях волков на здоровых взрослых животных. Любопытно, что в то время, как известны десятки случаев нападения волков на оленей, никто в заповеднике не слышал, чтобы волки нападали на кабанов. По-видимому, этот злобный зверь дает волкам надлежащий отпор.

Несмотря на обилие волков, уничтожается их сравнительно мало. Не помогают даже большие премии. Так, за 1958—1959 годы в низовьях Вахша был убит только один волк.

Среди ночных обитателей тугаев есть еще весьма любопытный зверь — полосатая гиена. Гиен в заповеднике немного, и держатся они очень скрытно. Не знаю, что тут было причиной — невезение или просто моя неуклюжесть в джунглях, но гиену мне не удалось увидеть ни разу даже издали. Собственно, это и не удивительно. Я знал человека, который работал в вахшских зарослях чуть ли не десять лет и ни разу не видел живой гиены. В то же время голос гиены мы слышали не так уж редко. Ее отрывистый лай раздавался иногда в вечерних сумерках поблизости от кордонов, особенно во время разливов, когда вода выгоняла этих зверей из их убежищ в самых глухих чащобах. Отпечатки гиенных лап часто встречались на звериных тропах.

Мне известен только один случай столкновения гиены с человеком, происшедший в заповеднике. Какая-то гиена польстилась на специально выложенную для волков пададь-приманку и угодила в установленный рядом волчий капкан. Обьездчик, поставивший капкан, осматривал его на другой день. Подойдя к этому месту, он опешил, обнаружив, что капкан исчез. Постояв не-

много на месте и пытаюсь сообразить, куда девалась колода, за которую был привязан капкан, объездчик сделал шаг вперед, и тут же из растущего рядом куста выскочила гиена и щелкнула своими страшными челюстями. К счастью, человек успел вовремя отскочить и отделался небольшой ссадиной на колене и сильным испугом. Ему помогли его старые рыбацкие штаны, которые от долгого употребления настолько пропитались рыбьей слизью и илом, что приобрели твердость брони и стояли на коленях горбом. Но этот случай исключение. Как правило, гиена чует ловушку и не идет даже на самые соблазнительные приманки, какой бы голодной она ни была.

И еще особый род мародеров, самых страшных и самых подлых, появляется в заповеднике с наступлением темноты. Имя им — браконьеры. Двуногие хищники со стальным мотором вместо мускулов, ослепительными, гипнотизирующими фарами вместо глаз, с дальнобойными ружьями вместо клыков и когтей, они не знают усталости и не дают пощады никому запутавшемуся в свете фар. Именно с ними ведет охрана заповедника самую тяжелую борьбу. И ночь для наших сотрудников столь же тревожна и полна волнений, как и для многих диких обитателей джунглей.

КАБАНЫ

В один из тихих майских вечеров я с лаборантом ехал на соседнюю скотоферму за молоком для недавно пойманных оленят. Такие поездки мне приходилось совершать каждый вечер. Солнце уже село, и я спешил до полной темноты поспеть на базу. Прогрохотав по извилистой дороге в тростниках, мотоцикл, тяжело урча, выбрался на песчаное плато, поднял здесь тучи пыли и, пофыркивая, вновь скатился в джунгли. Виляя среди ям вконец разбитой дороги, я изо всех сил крутил руль, как вдруг передо мной метрах в десяти дорогу перескочил здоровенный кабан. Мой спутник только успел открыть рот, как в том же месте перескочил дорогу другой. Когда через дорогу бежал третий кабан, я был уже почти рядом и чуть не сшиб мотоциклом четвертого, проскочившего перед самым колесом. Бежавшие позади

взрослых маленькие поросята (шесть штук) дорогу перескочить не успели и кинулись бежать рядом с мотоциклом, очумевшие от страшного грохота.

Выключив газ, я спрыгнул с мотоцикла (тот с кричащим лаборантом прокатил по инерции еще метров десять и завяз в зарослях) и ринулся за поросятами. Удиравшие строем малыши вмиг рассыпались по кустам, как горох из мешка. Их полосатые спинки замелькали во всех направлениях. Совершив отчаянный прыжок, я ухватил одного из них за ногу, но тот в ту же секунду с невероятной энергией и визгом вырвался. Остальных в это время и след простыл.

Поднимаясь с ободранной о колючки физиономией, я от досады чуть не плакал. Упустить такой случай! Ведь маленькие кабанята очень хорошо выживают в неволе и быстро ручнеют. Бросаясь в погоню за поросятами, я успел уже возмечтать о небольшом стаде ручных кабанов, разгуливающим под окнами в заповеднике...

Впоследствии, как бы в утешение, один работник заповедника рассказал мне забавную историю о том, как он пытался поймать однажды подсвинка (годовалого кабана) в горах Центрального Таджикистана. Дело было зимой. Он стоял на тропинке, протоптанной в глубоком снегу, когда собаки выпугнули на него рослого подсвинка. Кабанчик понесся во весь опор прямо на человека: сзади наседали собаки. Свернуть он тоже никуда не мог: по сторонам тропы был рыхлый снег. Охотник, загоревшись азартом зверолова, закинул ружье за спину и изготавился хватать несущегося на него кабана, весившего килограммов сорок. Все произошло мгновенно. Охотник опомнился в глубоком снегу в стороне от тропы, и, когда он наконец поднялся, зверя и след простыл, а с ближайшего склона донесся до него голос его спутника, дрожащий от негодования: «Что, поймал?! Чтоб тебя... Поймал?!»

Кабан — один из обычных обитателей гор и долин Таджикистана, хотя особенно высоко в горы он не заходит. До сих пор он нередок и в заповедных зарослях Тигровой Балки. Правда, от бывшего обилия этих зверей не осталось и следа. Когда-то джунгли вахшской поймы прямо-таки кишели кабанями. Однако неумеренная охота, выкашивание на сено больших тростниковых массивов и выпас большого количества скота быстро

сократили их число. Может быть, именно этим и объясняется исчезновение из заповедника тигра, в рационе которого кабан занимал если не основное, то весьма значительное место. За последний десяток лет благодаря принятым охранным мерам сокращение кабаньего поголовья прекратилось и пока что держится на одном уровне.

Кабаны, живущие в тростниковых массивах Вахша и Пянджа, никогда не достигают тех колоссальных размеров, которыми славятся их собратья в горах Центрального Таджикистана. Там, вскормленные на грецких орехах, всевозможных дикорастущих ягодах и фруктах, они иногда достигают веса в два с половиной центнера. Самый же большой кабан, которого я встретил в Тигровой Балке, вряд ли весил более ста двадцати килограммов. Все дело в корме. Конечно, тростник и прочие водные растения не идут ни в какое сравнение с кормовыми ресурсами дикорастущих горных садов. Поэтому в заповеднике кабаны стараются разнообразить свой рацион чем только могут. В поисках съедобных корней они перепахивают своими носами большие площади на сенокосах, в эриантусовых зарослях, на заросших травой дорогах. В сухие годы, когда озера постепенно высыхают, они таким же образом перепахивают своими рылами освобождающееся от воды пространство. По ночам в конце лета их можно видеть пасущимися на сенокосах вместе с оленями. В октябре, когда созревшие ягоды джигды, стряхиваемые птицами и ветрами, дождем сыплются на землю, кабаны перекочевывают в джигдовники и кормятся этой ягодой месяца два.

Кабаны могут быть активны круглые сутки, однако наиболее оживленную жизнь они ведут ночью. Уже в сумерках они выходят на открытые места, а если их не тревожить, то они могут оставаться там и днем. У меня всегда было представление о кабанах, как о ночных животных, поэтому я был сильно удивлен, когда однажды, в первое же лето, наткнулся на стадо кабанов на открытом месте часов в одиннадцать дня. В то сухое лето 1958 года от Круглого озера осталась только цепь небольших луж, а обширная площадь, освободившаяся от воды, густо заросла невысокой травой, среди которой торчали небольшие островки высоких тростников. Я полз среди этой травы с телеобъективом в руках, под-

бираясь к стае белоснежных колпиц, кормящейся на одной из луж. Колпицы — очень своеобразные птицы из семейства ибисов. Их длинный плоский клюв расширяется на конце лопаткой и прекрасно приспособлен для добывания пищи из жидкого ила или тины. О жизни колпиц на юге Таджикистана мало что было известно, и я не пропускал ни одного случая понаблюдать за ними или сделать снимок. Вот и в этот раз, стараясь не спешить, я постепенно приближался к дюжине этих птиц, которые оживленно расхаживали по краю воды и перекапывали своими плоскими лопатками-клювами жидкую грязь, кишашую всякой живностью. Уткнув голову в траву, я некоторое время полз, прижимаясь к земле, а когда поднял голову, то обнаружил рядом целое кабанье стадо, больше десятка голов, беззаботно рывшихся метрах в двадцати от меня. Но, увы, мы заметили друг друга почти одновременно. В ту же секунду раздалось короткое отрывистое хрюканье — сигнал тревоги, и все стадо кинулось к спасительной стене тростниковых зарослей, распугав по дороге и колпиц...

Несмотря на крайнюю осторожность, кабаны иногда подпускают человека довольно близко. Мне как-то удалось подойти к ним метров на десять, не меньше. Я двигался по тропинке в мягких кедах совсем бесшумно, а кабаны столь увлеклись, раскапывая корневища в густых тростниках, что подпустили меня почти вплотную. Прямо передо мной поднимался из травы горб здорового секача. Фотоаппарат мой был наготове, но удачный кадр все никак не подворачивался. В видоискатель были видны только какие-то неясные пятна в зарослях, да и солнце к тому же светило прямо в объектив. Добрых десять минут я сидел рядом с чавкающими секачами, едва удерживаясь от искушения подползти к ним поближе и погладить их по щетинистым спинкам. Затем один из секачей высунул голову из-за куста эриантуса на тропу и уставился прямо на меня. Я сидел, сохраняя полную неподвижность. Перепачканное рыло с торчащими белоснежными клыками внимательно, осмысленным взглядом оглядело мою персону и вдруг, глухо хрюкнув, исчезло в зарослях. Сразу же все вокруг затрещало под ногами поспешно удирающего стада, а я еще некоторое время сидел неподвижно, переживая виденное. Подобные случайно подсмотренные сценки из жизни диких животных с лихвой воз-

награждают нашего брата-натуралиста за долгие часы утомительного выслеживания, подчас в самых тяжелых условиях.

Осенью, примерно в ноябре, у кабанов начинается гон. К этому времени взрослые самки и молодые разного возраста собираются в небольшие табунки, за предводительство над которыми и начинается борьба между взрослыми секачами. Последние в это время становятся очень агрессивны, и между ними нередко происходят ожесточенные схватки. Клыки секачей — довольно мощное оружие. Старые охотники показывали мне такие шрамы от кабаньих клыков, какие могут оставаться разве что после сабельных ударов. Но, снабдив самцов таким оружием, природа позаботилась об их же защите. К началу гона кожа у секачей на боках позади головы и на загривке утолщается настолько, что становится почти непробиваемой даже для картечи.

Во время гона самцы нередко теряют обычную осторожность. Однажды мне удалось понаблюдать некоторое время за таким секачом. Он вышел на закате из тростников на берег озера, вспугнул жировавших уток, напился и рысью тронулся вдоль края воды, забавно вертя своим маленьким хвостиком. В красноватых лучах заката его шкура казалась ярко-бурой. Временами он останавливался и рылся в иле, ловко поворачивая свое огромное туловище среди старых коряг. Затем он вдруг галопом промчался метров пятьдесят, замер и кинулся в обратную сторону. Мотая массивной головой с поблескивающими клыками, он, сопя и хрюкая, стал расшвыривать коряги, после чего столь же неожиданно юркнул в тростники и больше не показывался. Повидимому, у него было веселое настроение. Я наблюдал за кабаном с другого берега, и право же, зверь отнюдь не казался мне таким уродливым и мрачно-тупым, каким его обычно изображают. Это забавное, смышленное животное в значительной степени оживляет дремучие заросли вахшской поймы. Надо надеяться, что численность кабанов будет постепенно возрастать под охраной заповедника. А там, глядишь, может, и появятся снова тигры...

ИСЧЕЗАЮЩАЯ АНТИЛОПА

— Вон они, вон! Три штуки!.. Да левее смотри! — Обьездчик показывал на песчаный склон холма.

Мы тряслись с Володей Шевцовым в кузове старого грузовика, вилившего среди ухабов солончаковой дороги и вздымавшего тучи пыли. Машина шла вдоль края поймы, приближаясь к Кабаньему кордону. Я пытался разглядеть бегущих по склону джейранов, но тщетно. Володя продолжал показывать пальцем, и наконец я увидел три маленькие фигурки, взлетевшие на гребень холма и остановившиеся как вкопанные. Затем они, словно по команде, ринулись вниз и исчезли.

Это было в один из первых дней моей жизни в заповеднике. Потом я все время работал в пойме и только два месяца спустя выбрал день и специально пошел в пустыню как следует посмотреть джейранов и, может быть, при удаче сфотографировать их. Святая простота!

Я отправился в пески затемно, стараясь забраться подальше до наступления утра. Миновав обширные поля солончаков, я выбрался к первым рядам бугристых песков, заросших корявыми стволами саксаула и кустиками солянок. Здесь меня и застал рассвет. Мне часто приходилось встречать восход солнца — в самых различных местах, в разное время года и при самых различных обстоятельствах. Но восход солнца в пустыне я тогда наблюдал впервые. Я никогда не подозревал, что пустыня может быть так хороша, что выжженные пески и чахлые кустарники дают такую гамму чистых, светлых красок, а воздух столь чист, свеж и прозрачен. Стояла полная тишина, прерываемая иногда трелями хохлатых жаворонков и криками летящих на водопой рябков. Я устроил наблюдательный пункт в гуще старого саксаулового куста на вершине песчаной гряды, откуда открывался хороший обзор. Там я просидел до самого вечера, задыхаясь от дневной жары (дело было в конце мая) и подбадривая себя перспективой добыть хороший кадр.

Едва начало светать и появилась возможность что-либо разглядеть, перед моей засадой очутился еж. Он долго что-то разнюхивал под кустами, затем медленно

заковылял вниз. Перед самым восходом появились маленькие ящерицы-круглоголовки. Они мелькали у меня перед глазами часов до одиннадцати, когда палящее солнце загнало их в убежище. В лучах восходящего солнца на противоположной гряде показался волк. Он спустился на солончак, пересек его, поднимая лапами белесую пыль, и скрылся за буграми, направляясь к пойме. Вплоть до захода ничего нового я не увидел. В разгар дневного зноя, когда во рту у меня пересохло, в ушах стоял шум и я вертелся на своем посту, как на горячей сковородке, на соседнем бугре мелькнул чей-то силуэт, но дрожащий раскаленный воздух так и не дал мне рассмотреть, что это было. В общем джейранов я не увидел...

В другой раз я переменял тактику и прошел пешком по пескам около пятнадцати километров. На этот раз мне посчастливилось больше, и я увидел джейрана. Одинокий самец, испугнутый мной, отбежал метров на сто и долго рассматривал мою фигуру, так что и я смог разглядеть как следует, что это за антилопа. Неподвижность моей особы все же не успокоила джейрана, и, постояв с полминуты, он кинулся дальше, мелькая белым задом. Я знал, что джейран животное очень осторожное и увидеть его довольно трудно, но ожидал по крайней мере встретить в достаточном числе его следы. Ничуть не бывало. Следы, правда, были, но очень редкие и в основном старые. Кстати, след джейрана так же изящен, как и само животное. Тонкий, слегка вдавленный в почву, он напоминает по форме сердечко. К своему удивлению, я вскоре обнаружил, что эти следы регулярно встречаются в тугайных зарослях на звериных тропах, где, как я считал, джейрану быть не положено. Но об этом после.

В общем я воочию убедился в правильности слов наших работников, что джейранов в заповеднике осталось мало. Вряд ли ошибусь, если скажу, что весной 1959 года в пределах пустынной части заповедника бродило не больше трех десятков этих антилоп. А ведь за каких-нибудь двадцать лет до этого человек, попавший в эти места, мог наблюдать многочисленные крупные стада джейранов. Во время сезонных перекочевок джейраньи табуны двигались один за другим, поднимая густые тучи пыли. Что же произошло?

Многие объясняют резкое падение численности джейранов в низовьях Вахшской долины необычайно суровой зимой 1944/45 года. Тогда действительно жестокие холода и глубокий снег погубили тысячи этих антилоп. Но подобные бедствия случались и раньше, и все же численность джейранов после таких катастроф довольно быстро восстанавливалась. Нет, причина явно не в погодных передрягах. Главный виновник — браконьер. Еще свежи в памяти те времена, когда, пользуясь отсутствием каких-либо ограничений, обнаглевшие мародеры набивали полные автомашины антилопами. Да и сейчас, хотя этих прекрасных животных осталось считанное число, преступники не унимаются. И вряд ли уймутся, пока не прикончат последнего джейрана, если их не обуздает твердая рука советского закона.

В заповеднике джейран отнюдь не избегает пойменных лесов. Сюда он ходит прежде всего на водопой: все пресные озера расположены среди тугаев. Здесь он и кормится, чувствуя себя в тугаях в сравнительно большей безопасности, чем в песках.

В жаркие майские дни в укромных уголках пустыни, где-нибудь под крутыми склонами оврагов и лощин, у самок появляются на свет детеныши. Мне, к сожалению, ни разу не пришлось видеть новорожденных джейранят. Но как-то, поднимаясь по одной из расщелин скалистого холма, я вспугнул самку. До этого она лежала в выбитой копытами ямке на крутом склоне под кустом саксаула. Самка была на последней стадии беременности и бежала с большим трудом. До сих пор так близко видеть джейрана мне не приходилось.

Весной 1959 года, закончив свою работу в заповеднике, я должен был уезжать. Вещи были уже уложены в машину, и завтра на рассвете мы трогались в путь. В этот вечер я бродил в последний раз по ставшим мне такими близкими звериным тропам, выходил на полянки, озера и прогалины, навещал особенно памятные для меня места — прощался с тугаями, где незаметно пролетело три года. Под конец я вышел на окраину зарослей и тронулся по песчаному плато среди кустов солянок. Мне хотелось напоследок еще раз посмотреть гнездо скотоцерки — маленькой кустарниковой птички, — находившееся под моим наблюдением. Солнце садилось. Холмы Песчаного перевала окрасились ро-

зовым светом. И тут, пока я возился с гнездом, занимаясь кольцеванием птенцов, со склона холма спустились на плато три джейрана. Меня они, к счастью, не заметили и стали преспокойно пастись, время от времени оглядывая местность. Их серая с белым окраска менялась в переливающихся красках заката от розовой и ярко-коричневой до нежно-желтой. Для прощального вечера это было отрадное зрелище. Я впервые почувствовал, что все эти беспокойные ночи, проведенные в дозорах и патрулях, жестокая борьба с преступниками-браконьерами не прошли даром... И когда наутро наша машина, подпрыгивая на ухабах, шла через Песчаный перевал, я смотрел на пески с робкой надеждой, что когда-нибудь здесь опять появятся табунки быстрых обаятельных антилоп.

Надежде этой суждено было сбыться. За последние десять лет в полупустыню, окружающую заповедник, была проведена вода. Всюду зазеленели обширные поля хлопчатника, и джейранам, обитавшим здесь прежде, пришлось уходить. Постепенно они стали концентрироваться в полупустынной зоне заповедника. По этой причине, а также благодаря заметно усилившейся охране заповедника джейран сейчас снова стал здесь вполне обычным животным. По данным учетов, ежегодно проводимых здесь Г. Н. Сапожниковым и его коллегами, к 1974 году в заповеднике насчитывалось около сотни джейранов.

ЗВЕРЬ С АМАЗОНКИ

В первый же день своего пребывания в заповеднике, с трудом пробившись сквозь густые заросли колючек и эриантусов к озеру, я увидел голову зверька, который неторопливо отплывал от берега и недовольно оглядывался на меня. Он остановился в тростниковых зарослях неподалеку и глухо заворчал. Как следует разглядев зверя, я догадался, что передо мной та самая нутрия, о которой я столько слышался.

Нутрия — это испанское название зверька, имеющего туземное название «койпу» (отсюда и его латинское наименование — *Myocastor coipus*). У нас его называют также болотным бобр. Родина болотного бобра —

Амазонка. Там он живет по болотистым берегам рек и озер, устраивая гнезда в густых зарослях водной растительности или роя норы в обрывистых берегах. Вся жизнь зверька связана с водой, и он очень напоминает бобра, отличаясь от него несколько более мелкими размерами и круглым голым хвостом, как у водяной крысы. Некоторые самцы коипу достигают шестнадцати килограммов веса. мех коипу гораздо дешевле бобрового (хотя и сравнительно дорог — до четырнадцати рублей за невыделанную шкурку) и пользуется большим спросом. По этой причине некоторые предприимчивые деятели заинтересовались болотным бобром, и вскоре он был удачно акклиматизирован в Европе. В тридцатых годах нутрия была завезена в Закавказье, где также довольно успешно акклиматизировалась. Затем наступил черед Средней Азии.

В низовьях Вахша условия для разведения зверька были наиболее благоприятны: многочисленные озера с богатой водной растительностью, жаркое лето, мягкая зима, лед на озерах образуется редко и далеко не каждую зиму. Зверек этот может выносить довольно низкие температуры, но лед для него — гибель.

Первые зверьки были завезены в Тигровую Балку в 1949 году из Азербайджана. Несколько десятков их было выпущено в озера заповедника, часть была оставлена в вольерах. Нутрии хорошо освоились в новой обстановке, и число их в озерах стало быстро увеличиваться. Через несколько лет оно достигло промыслового уровня. В десяти километрах выше заповедника, на Гуликовском озере, было основано первое в Таджикистане звероводческое хозяйство. В основу его работы был положен разработанный в заповеднике метод полувольного содержания нутрий.

Заключался он в следующем. Все теплое время года, с марта по ноябрь, нутрии жили на воле, предоставленные самим себе. В то же время на озерах сооружались в большом числе кормовые столики, на которые регулярно выкладывалась подкормка. Здесь же ставились ловушки-живоловки, которые закреплялись в открытом положении. Кормясь в течение всего лета, зверьки постепенно привыкали и к плотнику, и к ловушке, так что с наступлением сезона лова переловить их не стоило большого труда. Таким образом, к декабрю большинство нутрий оказывалось в просторных вольерах хозяй-

ства. Здесь производилась выбраковка и сортировка зверей. Беременные самки отсаживались в отдельные домики с загонами, установленные на самом берегу озера. Значительная часть зверей забивалась на шкуры. Декабрь и январь нутрии проводили в вольерах, и никакие морозы были им не страшны. А в феврале — марте зверьков снова выпускали на волю.

Метод этот оказался весьма продуктивным, поголовье нутрий все время росло. Они стали самыми обычными обитателями вахшских озер. Промхоз начал сдавать государству ежегодно по несколько тысяч шкурок. Кроме того, этим делом удалось заинтересовать колхозы, которые тоже стали разводить нутрий на своих прудах.

На родине, в условиях влажных тропиков, размножение нутрий не приурочено к какому-либо определенному сезону. В новых условиях зверьки не потеряли этого свойства. Маленькие, дружные семейства нутрий, состоящие из матери и пяти-семи молодых, можно встретить на озерах в любое время года. Самец никакого участия в жизни выводка не принимает и держится всегда обособленно. Малыши растут быстро, с самого момента рождения они хорошо плавают и ныряют. Нутрия — сумеречное животное. День она проводит в норах или на кормовых площадках в густых тростниковых зарослях, а к вечеру выплывает на кормежку. Стоя в это время на берегу озера, можно слышать со всех сторон из прибрежных зарослей визг и рычание кормящихся нутрий, а поверхность воды во всех направлениях бороздят головы плывущих зверьков.

У нутрии довольно много врагов, от которых она часто гибнет, несмотря на охрану со стороны человека. Ее преследуют шакалы, волки, бродячие собаки, орланы-белохвосты, болотные луни. Но злейший ее враг — камышовый кот. Шакалы и волки подкарауливают нутрий, когда те переходят по суше с одного озера на другое. Судя по отпечаткам перепончатых нутриевых лап, часто встречающимся на звериных тропах, такие переходы они совершают регулярно. Однако нутрия не так уже беззащитна. Старые рослые самцы могут оказать сопротивление даже крупной туркменской овчарке. Природа снабдила этих грызунов неплохим оружием — двумя парами длинных, острых как бритва передних резцов, одним ударом которых зверек может

перекусить довольно толстую палку. Мне однажды пришлось наблюдать схватку нутрии с собакой, Последняя напала на взрослую самку, убежавшую из вольеры и направлявшуюся к берегу озера. Зверек повернулся к противнику и глухо заворчал. Собака крутилась вокруг него, стараясь напасть с тыла, но нутрия всегда успевала вовремя повернуться и наконец, в свою очередь бросившись на собаку, нанесла ей глубокую рану в плечо. С отчаянным визгом собака кинулась наутек, а нутрия с невозмутимым видом продолжала свой путь.

Несмотря на полувольный характер разведения, нутрия не совсем еще привыкла к человеку. Когда приближаешься к нутрии, она принимает угрожающую позу и щелкает своими страшными резцами. Мне пришлось один раз испытать на себе их остроту, и с тех пор я отношусь к этим зверькам с должным почтением. Если нужно что-либо делать с нутрией — взвесить, пересадить в другую клетку, осмотреть, то зверька хватают за толстый голый хвост. Только висая на хвосте вниз головой, он не может дотянуться до человека своими зубами. Глядя на этих рослых грызунов, мы не раз задавали себе вопрос, каким образом камышовый кот, правда немного превосходящий их по росту, но уступающий им в весе, с ними справляется. По-видимому, коты нападают преимущественно на молодняк или на больных, ослабевших от голода или болезни зверьков.

Раз в несколько лет в низовьях Вахша случаются холодные зимы. Температура падает до минус двадцати градусов, озера покрываются слоем льда, выдерживающим человека. Только на самых крупных озерах остаются полыньи, не замерзающие даже в сильные морозы. Для нутрий, оставшихся по разным причинам вне вольер, такой лед — страшное бедствие. Голые перепончатые лапы плохо держат зверька на льду, беспомощно разъезжаясь в разные стороны. Еле двигающаяся по льду нутрия быстро их отмораживает и вскоре становится совсем беспомощной, делаясь жертвой первого попавшегося хищника. Некоторые зверьки в это время уходят на Вахш, который не замерзает даже в самые сильные морозы, другие пытаются как-то продержаться на полыньях, большинство же попавших в такую переделку нутрий переживают мороз в глубине густых тростниковых крепей, где всегда несколько теп-

лее, лед тоньше и днем обычно тает. Плохо в это время с питанием. Растения прекращают вегетацию, и нигде не увидишь свежих побегов, а корневища и водяная гречиха скрыты подо льдом.

Ныряют нутрии прекрасно. Мы не раз на легких быстрых байдарках пытались нагнать плывущего зверька. И каждый раз, видя, что противник ее настигает, нутрия ныряла. Переменив под водой направление, она выныривала через несколько десятков секунд в самом неожиданном месте. Я не раз наблюдал, как молодые зверьки таким же образом спасались от нападения на них с воздуха болотного луня.

Впоследствии поголовье нутрий в заповеднике сильно возросло, отчего обеднела его прежде богатая водная растительность. Количество зверьков пришлось сократить, но даже после этого они в летнее время живут в значительной степени за счет подкормки. Кроме того, с расширением границ заповедника территория нутриевого промхоза оказалась в его пределах. Но промысловое хозяйство и заповедность на одной территории — вещи несовместимые. Все это заставляет сейчас искать принципиально новые пути разведения нутрий в Таджикистане.

ПТИЧЬИ ЗИМОВКИ

Летом озера Тигровой Балки почти пустынно. Оживать они начинают в сентябре. К этому времени жара медленно спадает, однако днем термометр все еще показывает иногда тридцать девять градусов, не опускаясь ниже тридцати. На желтом от пыли небе по-прежнему не видно ни облачка. То и дело налетает песчаная буря — «афганец». Именно в это время и появляются первые стайки куликов и табунки уток. Население озер растет с каждым днем.

Как-то в один из дней первой половины сентября я попытался пробраться в верхний конец Дедова озера, где наблюдалось большое скопление пролетных птиц. Собственно, верхний конец озера представлял собой большую лужу среди обширных площадей жидкой грязи. Тростниковые стены трехметровой высоты огораживали этот тайник со всех сторон.

Сначала я полз по кабаньей тропе, производя, как мне казалось, ужасный треск. Потом, оставшись в одних трусах, с биноклем и фотоаппаратом в руках, елозил по жидкой грязи еще метров двести. Мне удалось забраться в самую середину птичьего сборища. На расстоянии вытянутой руки хлопотливо сновали взад и вперед белохвостые кулики-песочники, то и дело втыкая в мягкую грязь свои тонкие клювы. Их было около полусотни. Среди них возвышались раза в три более крупные большие улиты — самые осторожные кулики. Дальше в воде, как на ходулях, бродили на своих высоких красных ногах ходулочники, сновали серенькие щеголи. Еще дальше все было усеяно желтозобиками, зуйками, куличками-воробьями и другой куличьей мелочью, видовую принадлежность которых я не сразу мог распознать. Примерно сотня чирков-свистунков густо усеивала всю лужу. У тростников напротив меня три десятка белоснежных колпиц своими клювами-лопатками в правильном солдатском строю ворошили жидкую грязь, выуживая оттуда себе пищу. А по краям лужи, как часовые, стояли группы серых и белых цапель. Вся эта масса птиц шумела, крикала, плескалась, свистела на разные голоса. Вдобавок ко всему из тростников стали выходить один за другим сверкающие всеми цветами радуги фазаны. Шлепая по грязи, они пробирались среди сновавших куликов к воде и, добравшись до нее, жадно стали пить, не обращая внимания на плещущихся рядом чирков. Сотни изумрудных щурок с криками кружились над тростниками и хватали спящих всюду стрекоз...

В конце октября, когда спадает жара, начинают моросить надоедливые дожди, а небо очищается от пыли, над Балкой, сдержанно гогоча, появляются первые гусиные стаи. Гуси держатся здесь всю зиму, проводя ночи на глухих озерах, а днем кормясь в зеленеющих пустынях или отдыхая на обширных вахшских отмелях. Это, пожалуй, единственное место, где гуси чувствуют себя в относительной безопасности, ибо ни один хищник, равно как и ни один охотник, не в состоянии подобраться к этим зорким птицам по совершенно голой местности. Иногда зимой, по невыясненным причинам, происходят массовые перемещения стай зимующих гусей в другие районы. Так, 29 января 1959 года с утра в небе над Балкой появились сотенные стаи гу-

сей, двигавшиеся к северо-западу. Я в это время работал на байдарке в затопленных лесах поймы. Большинство гусей, оживленно перекликаясь, прошло над долиной Вахша, не снижаясь, но часть опустилась где-то рядом на одном из озер. Ориентируясь по громкому гоготу, я вскоре выплыл на это озеро и подобрался почти вплотную к огромной гусиной стае, которая при моем приближении со страшным шумом взлетела. На месте отдыха стаи плавали перья и один мертвый гусь, причину гибели которого мне так и не удалось выяснить.

Лебедей бывает значительно меньше, и зимуют они не каждый год. Трубные голоса лебединых стай все реже звучат над Тигровой Балкой. В 1957 году мне удалось заснять небольшую стаю, зимовавшую на одном из озер. Правда, пришлось потратить несколько дней, прежде чем удалось подобраться к ним достаточно близко. Снимать их можно было только утром, к полудню они улетали отдыхать на обширные отмели Вахша, где подобраться к ним не было никакой возможности. На озера же они прилетали в густых сумерках.

В тот удачный день ночью был сильный заморозок. Лучи взошедшего солнца едва пробивались сквозь густой туман, поднимавшийся от воды. Иней быстро таял, и я полз к озеру, где кормился табун, по мокрой насквозь траве, что в значительной мере способствовало бесшумности передвижения. Скоро мне удалось, не испугнув лебедей, выбраться на крутой берег озера. Но когда я достиг цели, то все оказалось скрытым в густом молочно-белом тумане, лежавшем на неподвижной воде. Я чуть не плакал с досады. Лебеди плескались и тихонько переговаривались где-то совсем рядом, метрах в тридцати от меня, и ничего, решительно ничего не было видно. Оставалось ждать. Солнце припекало все сильнее, и туман начал распадаться на отдельные клочки, в нем появились бреши, и поднявшийся ветерок стал постепенно тащить его прочь. Скоро показались силуэты больших птиц, кормящихся на воде, и наконец все стадо выступило довольно отчетливо. Я щелкнул затвором раз, второй, третий, приподнялся неосторожно, чтобы не мешала трава, и... испугнул птиц. Последний кадр я щелкнул уже в момент взлета лебедей, с тревожным криком рванувшихся в голубею-

щее небо. Взлетали они тяжело, сначала делая разгон по воде.

Сфотографировать гусей оказалось труднее. Хотя их и было больше, держались они не в пример осторожнее, и мне только раз удалось заснять налетевшую неожиданно стаю.

Любопытный обитатель зимней Балки — белая цапля, красивая, стройная птица. В иные зимы цапли держатся здесь сотнями. Особенно много их скапливается в заповеднике во время морозов. Цапля еще более осторожна, чем серый гусь, и часто выполняет роль часового, охраняя многочисленные сборища кормящихся птиц. Заметив что-либо подозрительное, цапли сразу же взлетают и настораживают остальных птиц, которые при малейшем шорохе в тростниках тоже кидаются в бегство. Сколько раз я проклинал этих непрошенных караульчиков, неоднократно срывавших мне фотосъемки. Однажды я сделал на озере шалашик в густом тростнике, откуда собирался заснять бакланов. Птицы, ничего не подозревая, плавали совсем рядом. Вдруг прямо против меня, метрах в пятнадцати, плавно опустилась на отмель белая цапля и сразу же уставилась на меня. Я замер, стараясь не дышать, надеясь усыпить ее бдительность своей полной неподвижностью. Но она не успокоилась и продолжала стоять с вытянутой шеей и внимательно разглядывать мое укрытие. Так я и не понял, шевельнулся я или нет, но она взлетела со страшным скрипом и переполошила всех бакланов. Голос белой цапли весьма своеобразен. Это какое-то скрипучее трещание.

Как-то я возвращался после работы в густеющих сумерках и торопился до наступления полной темноты выйти на дорогу. Путь пролегал по кабаньей тропе мимо одного глухого озера под названием Круглое. Мое внимание привлек неумолкающий треск белых цапель. Судя по возне в тростниках, их было здесь штук двадцать. Когда я, прикрываясь ветвями, выбрался на берег, почти рядом со мной села в тростники еще одна группа цапель. После этого белые цапли стая за стай стали бесшумно появляться из сумерек со всех сторон, опускаясь в тростники в каких-нибудь двадцати метрах от меня. По самым скромным подсчетам, их собралось здесь сотни три. На следующее утро я видел издали, как они поднялись с этой ночевки все разом.

В голубом небе появилась туча белоснежных птиц, слегка розоватых в лучах восхода. Это было красивое зрелище.

Масса зимующих птиц рассредоточивалась по всем озерам вахшской поймы, перемещаясь непрерывно с одного озера на другое в поисках пищи. Небольшие группы уток и куликов всегда можно встретить на любом озере, но иногда удавалось напасть на скопления многих сотен этих птиц на глухих, мало посещаемых людьми озерах.

Однажды (это было в середине декабря 1958 года) я попытался пробраться в центр затопленных дебрей. К этому времени вода из сбросных каналов вахшской ирригационной системы окончательно затопила пойму. Дороги покрыл метровый слой воды, и до озер в глубине затопленных зарослей почти невозможно было добраться. Долго мы блуждали по воде в поисках бродов и, когда, отчаявшись, собирались уже повернуть назад, выбрались наконец куда нужно.

Размеры озера Базовского сейчас были весьма солидны — около квадратного километра. Посредине его был плоский, заросший свежей травой островок. На этом островке, радостно гогоча, паслось полторы сотни серых гусей. Им было чему радоваться: они были совершенно недоступны для охотников. Чуть подальше плескалось еще два табунка гусей, штук по сорок в каждом, а всю середину озера заполнили кряквы, серые утки чирки, свиязи, всевозможные крохали и бакланы. По сторонам, ближе к берегу, торчало боевое охранение — группы серых и белых цапель. Но это было еще не все. Пока я лежал в прибрежных зарослях, отмечая в записной книжке состав и величину кормящихся стай, из рогозовых зарослей в северном конце озера стали выплывать одна за другой черные точки лысух. Число их все возрастало, и скоро добрая половина озера сделалась от них прямо-таки черной. Их было здесь не менее семи сотен. Над всем этим гомоноющим и плещущимся со страшным шумом базаром в синем прозрачном небе плавно кружили орланы-белохвосты и белоголовые сипы. Иногда гуси с громким гиканьем и гагаканьем поднимались в воздух и делали рекогносцировочный круг, чтобы потом с великим шумом и плеском плюхнуться на старое место. Или лысухи вдруг начинали перелетать с одного конца озера на

другой. Сначала поднимались в воздух отдельные птицы, затем десятки, а потом уже целые сотни их со страшным плеском взмывали в воздух и перелетали на другое место. В воздухе все время стоял свист утиных крыльев.

...Когда я возвращался назад, то наткнулся на какого-то браконьера, этакое кустаря-одиночку. Он сидел в кустах у озера и, глядя волчьими глазами на недосягаемые утиные табуны, молча глотал слюни. Я вконец испортил ему настроение, отобрав ружье.

Другой такой поход мы совершили в конце января 1959 года. Путь был долгий и трудный. Только к вечеру, чуть ли не вплавь преодолев затопленные места, мы добрались до одного озера. Оставив бричку и лошадей, я пошел на разведку и сразу же попал в какой-то волшебный мир. Густые прибрежные заросли рогоза были полны разнообразных водяных птиц. Поодаль на открытых плесах плескалось множество лысух, а еще дальше, на середине, воды не было видно от красноносых нырков. По самым скромным подсчетам, на плесе кормилось не менее шестисот нырков. Красноносый нырок (по-местному краснобаш) — птица весьма крупная, по размерам не уступающая крякве, а по весу даже ее превосходящая. Он очень красив и имеет золотисто-рыжую голову и огненно-красный клюв. Время от времени вся масса птиц взлетала и, сделав круг, снова садилась на воду с шумом и грохотом большого водопада. При полете же стая производила такой шум, как будто над головой проходило звено реактивных самолетов. У нас не было лодки, и мы могли только лазить по берегу и любоваться этой картиной с крыши маленького сборного домика, где остановились на ночлег.

Домик-кабинка, установленный здесь осенью, во время отлова нутрий, сейчас пустовал. Вечер стоял прекрасный. Было пятнадцать градусов тепла. Медленно сгущались сумерки, наполненные тысячеголосым криком птиц. Звенящие трели поганок, пороссячий визг водяных пастушков, стоны и хныканье лысух, кряканье разнопородной утиной массы долго не давали нам заснуть. Воздух все время дрожал от свиста утиных крыльев. Время от времени над водой разносился громкий орлиный клекот. Со стороны Вахша долетал отдаленный гогот гусиных стай. Когда последние крас-

ки заката догорали на черной воде, я все еще сидел на крыше. Вдруг меня укусил в шею комар. Это было необычно даже для Тигровой Балки — комар в январе!

Проснувшись ночью, я вышел к озеру. Все было залито ровным лунным светом, и, казалось, стояла полная тишина. Но когда я прислушался, тишины как не бывало. Рогозовые крепи, заросли по берегам, открытые плесы жили напряженной жизнью, были наполнены тысячами шорохов, всплесков и едва слышных писков. Время от времени покой ночи нарушали резкие, тревожные крики, громкая возня и шум взлетающих птиц, потревоженных ночными хищниками...

Но не всегда здесь бывают такие теплые зимы. Бывает и иначе. Так, например, в 1957 году в конце января на Балку обрушился шедший с запада снежный шторм, который продолжался три дня. Вслед за этим ударили пятнадцатиградусные морозы. Озера сковал толстый лед. Только на самых больших и глубоких озерах посредине оставались обширные полыньи, которые в эти дни были буквально забиты птицами. Стаи разнообразных уток, лысух и бакланов плескались и ныряли в узком пространстве или отдыхали, сидя прямо на льду. Многочисленные болотные курочки покидали застывшие тростниковые заросли и совершали рискованные путешествия по голому льду в поисках свободной воды, становясь жертвой пернатых и четвероногих хищников. Для последних подобные дни были днями изобилия: поймать ослабевших, измученных холодом и голодом птиц не представляло никакого труда. В эти дни то и дело встречались остатки растерзанных уток и бакланов. Раз как-то при мне огромный орлан спикировал на большую стаю красноголовых нырков и выхватил из нее довольно рослого самца. В другой раз я наткнулся на камышового кота, волочившего по льду от полыньи серую утку.

Но такие бедствия не продолжаются очень долго. Леденящий северный ветер со снежных гор сменяется буйными порывами юго-западных штормов, ломающих лед на озерах и растапливающих его проливными дождями. И снова налаживается жизнь многих тысяч водоплавающих птиц. Они возвращаются на старые излюбленные места, относительно безопасные и изобилующие кормом, где и держатся до того времени, пока все сильнее припекающее солнце не начинает напоминать с

том, что пора бы и домой, на север... Как раз в это время над тугаями появляются бесчисленные цепочки журавлей. Иногда они летят такой массой, что паутина журавлиных треугольников закрывает все небо, а в воздухе стон стоит от криков высоко летящих стай. Кто знает, может быть, именно эти крики, голос родных и далеких болот и холодных озер, волнуют утиные души, и они, стая за стайей, покидают на вечерних зорях теплые тугаи Вахша и устремляются вдаль, на свою суровую родину...

ГДЕ НОЧУЮТ БАКЛАНЫ

Возившийся у костра лаборант Анатолий поднял голову. Над Центральным кордоном с громким шумом прошла стая бакланов. За ней летела другая. Как всегда, они начали свой лет на ночевки за полчаса до захода солнца. Анатолий поинтересовался:

— А что, все они в одно место летят? А где они ночуют?

Я пожал плечами. Это была моя первая зима в заповеднике, и, естественно, я не мог узнать все сразу, хотя правильность суточных перелетов бакланов на ночевки и обратно уже привлекла мое внимание. Нетрудно было заметить, что на закате бакланьи стаи тянулись одна за другой примерно в одном направлении и, по-видимому, в одно и то же место.

В низовьях Вахша встречаются два вида бакланов — большой, или морской, и малый. Первый попадает здесь в гораздо меньшем количестве. Это грузная птица, вдвое больше малого баклана. Вес ее достигает трех килограммов. Ни большой, ни малый бакланы в заповеднике, как правило, не гнездятся — они улетают весной и прибывают осенью. Во время больших летних разливов они появляются уже в августе, а иногда и раньше. Осенью тысячи бакланов наводняют озера вахшской поймы, где находят обильный корм. Питаются бакланы исключительно рыбой, причем в основном ловят молодь. Бакланы, несомненно, наносят большой ущерб рыбным запасам озер. Большой баклан берет иногда и достаточно крупную рыбу. Мне однажды принесли баклана, которого подстрелили в тот мо-

мент, когда он пытался проглотить сазана весом в пятьсот пятьдесят граммов. Но это редкость. В основном поглощается рыба весом в шестьдесят — сто граммов.

Бакланы покидают места ночевки и вылетают на кормежки сравнительно поздно, уже после восхода солнца. Летят они дружно, большими стаями и сразу же заполняют все водоемы.

В первую зиму своей работы в заповеднике я наблюдал бакланов на кормежке из шалашика, стоявшего на обрывистом берегу озера. Я приходил в засаду на восходе. Бакланы появлялись примерно через полчаса. Солнце поднималось к этому времени довольно высоко, и утки, вспугнутые моим появлением, успевали вернуться обратно. Вначале ухо улавливало привычный резкий гул: это, растопырив крылья, снижались кругами с большой высоты первые бакланы. Гул стремительно нарастал, и вот уже прямо передо мной одна за другой с громким плеском садились птицы. Сперва они только плавали у берега и оглядывались по сторонам. Им не терпелось скорее приняться за еду, но мешала осторожность. Однако это продолжалось не больше нескольких десятков секунд. Голод глушил все остальные инстинкты, и птицы принимались нырять, выхватывая из темной глубины одну рыбу за другой. Скоро вся вода передо мной кипела от ныряющих птиц, а с неба шлепались на воду все новые и новые птицы. Прибывшие позже уже не тратили драгоценного времени и, едва опустившись, сразу же исчезали под водой.

Через десять минут на берег вылезал первый насытившийся баклан. Встав на кочку, он повертывался спиной к солнцу и расправлял крылья для просушки. К нему присоединялся другой, потом третий, и вскоре уже весь берег был покрыт птицами. Когда последние бакланы кончали кормежку, первые успевали проголодаться и снова шли в воду. К полудню вся кормившаяся стая выходила на обрывистый берег и сушила на солнце свои перья, переговариваясь между собой скрипучим, далеко слышным гаканьем. В воде оставалось всего несколько птиц.

Отлет бакланов на ночевки бывает столь же дружен. Вся стая почти одновременно поднимается в воздух и сразу берет курс на место ночевки.

Во время сильных морозов, случающихся в заповеднике, бакланам приходится так же плохо, как и дру-

гим водоплавающим птицам. В такие дни бакланы скапливаются по незамерзающим полыньям, а отдыхать вынуждены прямо на льду, отчего лапы у них сильно мерзнут. Голодные бакланы часто теряют свойственную им осторожность. Под окнами нашего дома на Центральном кордоне, где озеро не замерзало даже в самые сильные морозы, всегда во время холодов держались кучи этих птиц. На них не действовали ни шум, ни крики. Стоило человеку, пугавшему их, исчезнуть, как они снова появлялись перед самыми окнами, пугливо оглядываясь и снова поспешно ныряя.

При внезапной тревоге, видимо, шум и плеск потревоженных на поверхности воды птиц как-то воспринимается и находящимися в это время под водой их собратьями, ибо в таких случаях бакланы выскакивают из воды прямо в воздух, ни секунды не задерживаясь на поверхности. Они приобретают под водой нужную скорость для взлета, отталкиваясь крыльями и ногами.

Мне не давал покоя вопрос, где они ночуют. В первую зиму это выяснить не удалось, поскольку я еще плохо знал местность, да и снаряжение у меня было недостаточное. Уточнил только, что в ту зиму в пределах заповедника они не ночевали. Но на вторую зиму я разыскал наконец эти ночевки. Сначала я подробно расспрашивал местных жителей. Одни говорили, что бакланы ночуют на отмелях и островах Вахша. Другие утверждали, что на разливах, сидя на затопленных деревьях и кустах, в самых глухих участках. Третьи рассказывали о ночевках бакланов в тростниковых тучобах. Пришлось самому добираться до цели...

В один из вечеров я доплыл до одного места к северу от заповедника, куда со всех сторон слетались сотни бакланов. Уже темнело, и я не мог все как следует разглядеть. На следующий день утром я точно заметил место, откуда поднимались стаи, и задолго до заката спрятался там, замаскировав свой челнок. Несмотря на то, что я устроился в засаде примерно за час до захода солнца, на месте ночевки уже сидели небольшие группы бакланов. В центре большого тростникового массива на стыке двух озер тростник рос не так плотно, среди него просвечивали небольшие зеркала чистой воды. Сюда-то, как только солнце начало садиться, и стали слетаться стая за стаей прожорливые рыболовы. Стаи спускались с небольшими интервалами, благодаря ко-

торым я успевал подсчитывать и записывать число прибывающих птиц. Гогот и гам вокруг меня нарастали с каждой минутой.

Бакланы садились прямо в тростниковую гущу на стебли. Только очень густая заросль переплетенных между собой тростников могла выдержать такую нагрузку. В сумерках, когда лет прекратился, тростник почернел от покрывавших его птиц. По моим приблизительным подсчетам, сюда слетелось без малого шесть тысяч бакланов. А ведь это было явно не все, так как часть птиц пролетела на ночевку немного дальше. Гвалт вокруг стоял невообразимый. Несколько раз группы птиц, этак по тысяче с небольшим, вдруг срывались с места и, сделав в воздухе несколько суматошных кругов, садились обратно в тростники.

Когда, уже почти в полной темноте, бакланы стали постепенно успокаиваться, сверху, словно горох из мешка, на тростники вдруг посыпались массы каких-то других птиц, поменьше. Они садились в тростники среди бакланов совершенно молча. Бакланий гвалт вновь усилился, возня в тростниках возобновилась с новой силой. Вдруг я услышал голоса неожиданных пришельцев. К великому моему удивлению, этими таинственными птицами оказались грачи! Итак, грачи и бакланы в низовьях Вахша, оказывается, ночуют в одних и тех же тростниках посреди обширных озер бок о бок, если не сказать друг на друге. Так попутно мне удалось разрешить для себя и другой вопрос: где ночуют те многие тысячи грачей, которые кормятся днем на обширных пустынных плато, покрытых свежей, вызванной к жизни зимними дождями травой?

Приходилось сидеть в лодке не шевелясь. Вокруг в полной темноте возилась, кряхтела и трещала сухими стеблями сонная птичья масса. Меня разбирали волнение и любопытство: а что, если стрельнуть? Как на это прореагируют бакланы? Я поднял ружье и, встав в лодке, бахнул в воздух из одного ствола. Отраженный водой, громко грохнул выстрел. В тот же момент я едва не был сбит лавиной бакланов, рванувшихся на меня из зарослей. Как я потом догадался, они не могли сразу в густых тростниках подниматься в воздух, а брали предварительный разгон, кидаясь с тростников вниз. Птицы, сидевшие в самой гуще, далеко от края зарослей, попрыгали в воду и нырнули. Выскакивали из

воды они у самой моей лодки и тут же поднимались в воздух. Сделав круг, огромная масса птиц с оглушительным хлопанием и криками, к моему удивлению, вновь стала садиться на то же самое место. Через некоторое время восстановилась тишина... Я выстрелил второй раз — тот же результат. Птицы в панике взлетали, а потом садились туда же. Это становилось забавным! И только после третьего выстрела та куча птиц, возле которой я открыл стрельбу, наконец переместилась несколько поодаль. Своей стрельбой я ничуть не нарушил бакланьих привычек, и на следующий же день они вновь прилетели сюда на ночевку как ни в чем не бывало.

Последний вопрос из бакланьей жизни, который я пытался выяснить, — откуда они прилетают зимой в Тигровую Балку. Мне удалось установить любопытный факт. Среди массы зимующих на вахшских озерах малых бакланов почти нет взрослых птиц, все это молодняк, выведшийся минувшим летом. Где зимуют старые птицы и почему они зимуют отдельно, еще неясно. Молодняк же прилетает на вахшские зимовки, по-видимому, с низовьев Сырдарьи: именно там находятся самые крупные в Средней Азии гнездовые колонии этих птиц. Большие бакланы прибывают сюда с Аральского моря, это было точно выяснено кольцеванием. Молодые птицы, выведшиеся там на острове Комсомольском, следующей же зимой были добыты в Тигровой Балке.

Ближе к весне массовые ночевки бакланов начинают разбиваться на более мелкие. Ряд стай остается ночевать на тех же самых озерах, на которых они кормились. В жаркие мартовские дни число бакланов на озерах быстро сокращается, и в апреле здесь попадают только небольшие группы задержавшихся птиц. В первую свою весну в Тигровой Балке я все ждал, что они загнездятся, но этого не случилось. К маю последние птицы покинули заповедник.

В связи с этим любопытно отметить, что известный исследователь природы Средней Азии и Ирана зоолог Н. Зарудный, побывавший в вахшских тугаях в 1911 году, наблюдал здесь на гнездовье массу водоплавающих птиц, в том числе и бакланов. Зарудный спустился в вахшские заросли с раскаленных гор Хаджи-Хазиана в один из знойных июньских дней. Судя по его путевым заметкам, было похоже, что он попал в

какой-то птичий рай. На озерах, густо заросших богатой водной растительностью, гнездилась масса всевозможных птиц. Здесь были серые, белые и рыжие цапли, всевозможные нырки, утки, гуси и даже лебеди. Стоял на озерах от птичьих криков от зари и до зари. Сейчас же ничего этого нет. Редко, кое-где гнездятся, может быть, пары серых цапель да небольшие колонии колпиц, а из утиных можно встретить лишь пары красных уток и небольшие табунки крякв. Вряд ли такую перемену можно объяснить только влиянием человека. До сих пор в тугаях Вахша есть много укромных уголков, где прекрасно могли бы гнездиться многие водоплавающие птицы. Скорее всего здесь сказались какие-то климатические изменения или изменился в неблагоприятную сторону водный режим озер.

ПЕТУХИ ВАХШСКИХ ДЖУНГЛЕЙ

Пробираться рано утром сквозь заросли гребенчука — занятие, прямо скажем, малоприятное. Роса, оседая на ветвях этого растения, превращается в насыщенный соляной раствор, который впитывается в одежду и, подсыхая, превращается в липкую соленую корку. Но что поделаешь, именно в таких зарослях чаще всего можно встретить одного из самых красивых обитателей Тигровой Балки — таджикского фазана. И вот я медленно продвигаюсь вперед, осторожно разводя ветки, густо увешанные капельками росяного рассола. Гребенчук здесь растет не сплошь, то там, то здесь проглядывают зеленые лужайки, еще не успевшие выгореть на безжалостном солнце. Сейчас, в начале апреля, травяной покров тугая еще свеж и отликает изумрудной зеленью.

Шаг, еще шаг, остановка... Каждая вновь открывающаяся поляна должна быть тщательно просмотрена: именно на таких полянах сейчас токуют самцы фазанов, которых мы между собой называем петухами. Их азартные брачные крики несутся со всех сторон, они где-то совсем близко. Стоп! Справа из-за густой стены кустарника бьет в уши kloкочущий тройной вскрик: «Кх-кх-кх...» До токующего петуха, судя по всему, метров десять, я слышу теперь даже его шаги, но сквозь

густейший куст ничего разглядеть не могу. Поляна, на которой сейчас кричит фазан, пересекает впереди мой путь и просматривается больше чем наполовину. Есть смысл подождать. Я остаюсь неподвижным, медленно поворачивая голову в разные стороны: главное — не делать резких движений..

Солнце между тем поднимается над кромкой зарослей, и поляну заливает поток яркого света. Утренний ток в разгаре. По всему пространству зарослей вокруг, насколько может уловить ухо, кричат фазаны. Проходит несколько минут, и я слышу близкий крик второго петуха, уже слева. Тут же хозяин поляны бросается на дерзкий вызов соседа и появляется наконец передо мной во всей красе! В проеме зарослей я вижу яркую раскраску рослой, действительно ростом с петуха, птицы на сильных стройных ногах, с длинным хвостом, который поднимается вверх и затем опускается вниз быстро утончающейся линией, напоминая чем-то удилице рыболова.

На мой взгляд, таджикский фазан — самый красивый из всех фазанов, обитающих у нас в Союзе. Пожалуй, только ему свойственно сочетание столь ярких красок — от огненно-золотой до черно-синей. Стоящий сейчас передо мной золотистый самец, поблескивающий белым зеркальцем на крыле, необычайно эффектен на фоне зеленого ковра. Вытянув шею, он сделал короткую пробежку в сторону невидимого противника, постоял несколько секунд, вытянув шею и гордо оглядываясь, и затем, выпятив грудь, вновь прокричал свой брачный призыв, сопроводив его парой энергичных хлопков крыльями. Продолжая наблюдения, я вскоре заметил и двух самок, медленно продвигавшихся по поляне. Их более чем скромное серовато-пестрое одеяние не особенно заметно даже в апрельской зеленой траве.

Увлечшись наблюдениями, я на какое-то время потерял бдительность и, услышав странный шорох за спиной, резко оглянулся. В ту же секунду перед моими глазами со страшным треском взорвалась форменная бомба — с хриплым цокающим криком рванул в воздух фазан-сосед, пробиравшийся к поляне и наткнувшийся по дороге прямо на меня! Хозяин поляны тревожно вытянул шею, фазанихи же бесшумно двинулись к кустам. Вокруг беспокойно зацокали потревоженные

соседи. Еще несколько секунд — и мой красавец быстро двинулся в заросли вслед за исчезнувшими самками...

Фазаны — подлинное украшение нашей фауны. В диком состоянии они до сих пор обитают по южным окраинам нашей страны от Кавказа до Дальнего Востока. У нас в стране встречается только один вид — обыкновенный, или колхидский, фазан, образующий много разновидностей. Великолепный вкус мяса этой птицы давно оценен человеком, и почти повсюду фазаны продолжают подвергаться безжалостному преследованию.

Правда, сравнительно недавно были выработаны эффективные способы разведения фазанов в неволе и выведена особая, хорошо размножающаяся в вольерах порода — охотничий фазан. Фазаньи фермы стали довольно прибыльным делом, которым с успехом стали заниматься в некоторых странах Европы и Северной Америки. Эти фермы стали поставлять птиц для разведения в охотничьих хозяйствах, и фазаны стали снова появляться там, где их успели истребить.

Но, приняв на себя основной натиск любителей фазаньего мяса и фазаньих охот, охотничий фазан тем не менее не смог обезопасить полностью своих диких собратьев. Численность большинства естественных разновидностей фазана продолжает сокращаться, и некоторым из них сейчас грозит полное уничтожение. На грани истребления находится, например, сырдарьинский фазан.

Не лучше обстоит дело и с таджикским фазаном. В те времена, когда я работал в заповеднике, заросли Тигровой Балки прямо-таки изобиловали этой птицей. В пойме же вне территории заповедника фазаны встречались гораздо реже, спасаясь от настойчивых преследований браконьеров только в непролазных джигдовых зарослях, тянущихся широкой полосой вдоль берега Вахша. Сейчас же, по данным последних учетов, в заповеднике осталось всего около полутора тысяч этих птиц. А ведь это сейчас самая крупная популяция таджикского фазана. Кроме заповедника он в незначительных количествах встречается в прибрежных зарослях низовьев Пянджа и Кызылсу. Помимо процветающего браконьерства, большой урон фазаньему поголовью наносят лесные пожары, особенно в гнездовое время.

В Тигровой Балке, например, птицы сильно пострадали во время большого пожара летом 1972 года, когда огнем была уничтожена растительность на значительной части заповедной территории.

Но таджикскому фазану еще не поздно помочь. Правда, все еще существующее браконьерство не позволяет пока предаваться особенно радужным мечтам, и тем не менее искусственное разведение этой ценной промысловой птицы может спасти положение. Только людям, которые займутся этой неотложной проблемой, следует помнить, что спасать надо именно таджикского фазана, это бесценное украшение фауны Таджикистана, а не стремиться завозить в эти места и разводить охотничьего фазана. В противном случае, быстро размножившись, охотничий фазан засорит генофонд таджикской разновидности и «генетически» уничтожит ее.

Фазаны — птицы в основном наземные, прекрасно приспособленные к обитанию в густых зарослях кустарников и тростников. Они великолепно бегают и с исключительным проворством могут пробираться сквозь самые непролазные дебри. Летают они тоже неплохо, но по своей воле поднимаются в воздух довольно редко. При приближении опасности, если нельзя уже скрыться пешком, фазан затаивается, чтобы затем с оглушительным хлопаньем крыльев вырваться из-под самого носа преследователя.

Будучи весьма смысленной и общительной птицей, фазан в тех местах, где его не преследуют, быстро привыкает к человеку и прекрасно уживается рядом с ним. У нас на Центральном кордоне фазаны появлялись часто, бегали под окнами, ковырялись в лошадином навозе у конюшни и клевали корм из кормушек вместе с курами. Помню, как был поражен один из посетителей заповедника, увидев на Центральном кордоне свободно расхаживающих по стогу сена фазанов. Этот «любитель природы» всю свою жизнь взирал на нее только через прицел ружья, и в его мозгу никак не укладывалось, что по двору расхаживают, словно куры, жирные дикie фазаны и никто за ними не гоняется и не стреляет. А для нас лучшей картины и быть не могло. Нам часто приходилось наблюдать из окон, как среди группы прирученных оленей ходят длиннохвостые красавцы фазаны, играющие всеми цветами радуги. Я твердо убежден, что так приручить можно

почти любого дикого зверя или птицу в любом месте нашей страны.

Уже в феврале ясными солнечными утрами фазаны начинают беспокоиться. Все чаще и чаще раздаются их задорные крики, сопровождаемые хлопанием крыльев. Фазаньи табуны рассыпаются, птицы разбиваются на отдельные пары и занимают места гнездовых — густые кустарники поблизости от воды. К этому времени они начинают выходить на кормежку в пустыню, где зеленеет свежая трава. Там они кормятся с восхода солнца и часто до полудня. Помню, как я удивился, впервые увидев эту картину. Фазан в полупустыне! Я возвращался с песков в пойму и примерно в километре от тугаев среди песчаных бугров наткнулся на целый табунок фазанов. Петухи и куры ходили вместе по песчаным склонам, жадно склевывая молодую траву. Увидев меня, они с большой скоростью кинулись к зарослям и, пробежав около полусотни метров, стали один за другим подниматься в воздух.

В апреле, когда трава в пустыне выгорает, в тугаях развивается богатая растительность, и фазанам уже незачем ходить в пустыню. В это время самки строят гнезда и приступают к кладке яиц. Найти фазанье гнездо очень трудно. Самка обычно строит его в самых густых зарослях и так хорошо маскирует, что скорее можно наступить на гнездо, чем его заметить. Но как бы искусно оно ни было спрятано, многие хищники все же обнаруживают его. Я уже рассказывал, как разоряют фазаньи гнезда вараны. Столь же бесцеремонно поступают с гнездами шакалы, коты, различные змеи. Поэтому даже в тех случаях, когда я находил наконец нужное мне гнездо, оно часто оказывалось разоренным кем-нибудь еще до того, как из яиц вылуплялись птенцы.

В начале мая в тугаях появляются первые выводки маленьких пушистых цыплят. Они бегут за матерью плотной кучкой, стараясь не отставать. Мне часто приходилось встречать такие семейки, особенно на заросших густой травой старых дорогах. Сначала, обычно из-под самых ног, вырывалась фазанка и начинала отчаянно биться невдалеке, притворяясь раненой; в это время затаившиеся фазанята с тонким писком разбегались во все стороны. Однажды я натолкнулся на такой выводок на окраине большого сенокоса. Все пуховички

разбежались, кроме одного, который с самого начала решил спрятаться в тени моего сапога. Я взял его на руки, чтобы получше разглядеть, и тот испуганно запищал. На писк моментально явилась мать и стала бегать в траве вокруг меня, все сужая и сужая круг. Наконец, привлекаемая несмолкающим писком птенца, она подбежала ко мне почти вплотную и пустила в ход свой коронный прием — притворилась подбитой. Я отпустил птенца, но он не желал убегать, а все прижимался к моему сапогу, воображая, что тот великолепно его маскирует. Когда я пошел прочь, то глупыш побежал следом, но тут же наткнулся на густой куст колючек, куда и поспешил забраться.

Это время — самое опасное в жизни птенцов. Ведь они совершенно беспомощны, и единственное средство избежать опасности — затаиться. Однако растут они быстро и начинают перепархивать уже на третий день, а через месяц свободно летают.

В биологии фазанов до сих пор еще не все ясно. Во всяком случае представление о таджикском фазане, как о птице, образующей пары, приходится оставить. Но коллективных токов, таких, какие мы видим у глухарей или тетеревов, у них нет. Каждый петух имеет свою определенную токовую площадку, на которой бегаёт в период спаривания взад и вперед, кричит и вступает в драки с появляющимися на его территории другими самцами. Дерущихся фазанов мне приходилось наблюдать неоднократно. Приемы драки у них такие же, как и у домашних петухов. Сначала два драчуна, столкнувшись, становятся один против другого и начинают вытягивать навстречу друг другу шеи, едва не касаясь клювами. Потом следует генеральная баталия с наскокиванием, хлопаньем крыльями и ударами ног, так что только перья летят. Старожилы вахшских тугаев рассказывали, что им случалось находить петухов, издыхающих от ран, полученных в пылу сражения. Действительно, ноги фазанов, и без того сильные и крепкие, вооружены острыми шпорами. Этими шпорами подбитые фазаны наносят иногда глубокие раны неосторожным охотникам и, конечно, могут сильно покалечить во время драки своих противников.

В жаркие летние месяцы, в разгар дневного зноя, фазаны спасаются в тени глухих зарослей, где дремлют до спада жары. Затем они идут к берегу озера или

реки на водопой и уже после этого отправляются на вечерние кормежки. В конце лета они пасутся на сенокосах, где часто собираются в большие стаи — до полсотни и более. В октябре, когда в зарослях джигды вдоль Вахша поспевают ягоды, фазаны переселяются туда на всю зиму. На этом корме птицы быстро жиреют. Держатся стаи в строго определенных местах, вместе ночуют, вместе кормятся и вместе ходят на водопой. На берегу Вахша расположены в это время и основные фазаньи водопои. Мне однажды удалось наблюдать выход фазанов на открытый берег Вахша после кормежки. В короткий срок весь берег реки покрылся группами птиц. В некоторых местах они выстроились вдоль берега длинными шеренгами и, утолив жажду, еще некоторое время отдыхали и чистились. Однако стоило показаться на другом берегу пастуху, как все птицы быстро побежали обратно в заросли.

Очень живописна стая фазанов во время кормежки на джигде. Красавцы петухи часто кормятся прямо на деревьях, раскачивая по ветвям и склевывая ягоды. Рядом с ними сотни скворцов и дроздов. Издали играющие яркими красками петухи со своими длинными хвостами, сидящие на ветвях среди густой зелени, напоминают тропических райских птиц.

Заслуживает упоминания еще одна любопытная черточка из фазаньей жизни. О ней я читал раньше, но никогда не думал, что это выглядит так эффектно. Дело в том, что Тигровую Балку часто «трясет». Небольшие землетрясения случаются здесь время от времени, и к ним все обитатели тугаев относятся спокойно, за исключением фазанов. Последние реагируют на такие явления дружным тревожным криком.

Особенно мне памятна одна душная сентябрьская ночь, когда потрянуло особенно сильно. Несколько толчков следовали один за другим. Проснувшись от первого же толчка, я выскочил из-под полога и стоял босяком на полу, который при следующих толчках довольно отчетливо колебался. Было полнолуние. Яркий лунный свет заливал озеро, и глухие заросли на том берегу темнели смутной массой. Тихо плескалась вода, и жаркий воздух с каждым толчком наполнялся криками сотен петухов. Они кричали все разом. Их крики, сливаясь, давали какой-то непрерывный клокочущий, цокающий шум. Казалось, что тугаи битком набиты

этими птицами. Крики с особой силой продолжались в течение нескольких секунд после толчка и потом стихали.

Позже я заметил, что фазаны отзываются дружным криком на землетрясения не только естественные, но и искусственные. Когда в пятнадцати километрах от заповедника рвали камень для строительства, то фазаны точно так же реагировали на колебания почвы после сильных взрывов. Мы часто не улавливали эти колебания, но фазаны непременно отмечали их своим криком. Право же, из этих птиц получились бы неплохие сейсмографы!

ОРЛЫ-ЗМЕЕЯДЫ

14 марта 1957 года над заповедником висели серые, тяжелые тучи и моросил холодный дождь. Температура воздуха была четырнадцать градусов. Холода, наступившие после жарких дней первой половины месяца, несколько задержали начавшийся было пролет птиц.

В тот день я с утра работал в джигдовых зарослях на берегу Вахша, наблюдая за пролетными утками-свиязями. К полудню промок до нитки, замерз на холодном ветру и пошел обратно на базу. Когда я брел по раскисшей дороге через сенокос, в туранговой рощице, стоящей поблизости, я заметил сидящую на макушке дерева крупную птицу. Листва на деревьях еще не распустилась, и птица была видна довольно хорошо. Она подпустила меня метров на сто, затем, лениво взмахнув крыльями, нехотя полетела прочь. Мне удалось рассмотреть ее в бинокль. Это был орел-змееед. Он питается змеями, в том числе и ядовитыми, а также ящерицами, при случае и рыбой. За уничтожение ядовитых змей его очень уважают жители Тигровой Балки и никогда не причиняют ему неприятностей. Поймав змею, будь она ядовита или нет, змееед на всякий случай отрывает ей голову и потом несет ее птенцу или поедает сам. При полете к гнезду орел обычно заглатывает змею так, что из клюва торчит половина ее.

Немного погодя я заметил второго орла-змеееда, а затем и третьего. Все они неподвижно сидели на де-

ревьях, лениво озираясь вокруг своими круглыми, похожими на совиные глазами. Было ясно, что погода им не нравится. «Нашли время, когда прилететь, — подумал я, — где вы сейчас хоть одну змею найдете?» (На следующий год они снова прилетели в этот же день, который опять не отличался теплой погодой.) Но когда похолодание кончилось и небо очистилось от туч, змеяды моментально ожили. С конца марта и всю первую половину апреля над заповедником раздавались протяжные крики этих орлов, чем-то напоминающие свист горных индеек — уларов. Змеяды медленно кружили в воздухе на огромной высоте, даже в восьмикратный бинокль их было еле-еле видно.

В середине апреля крики смолкли — птицы приступили к гнездованию. Я без усталости лазил по тугаям в поисках их гнезд. Найти гнездо было нелегким делом: во-первых, во всем заповеднике змеядов гнездились только четыре пары; во-вторых, биология этого орла в Средней Азии почти не изучена и особенности его гнездования неизвестны; и, в-третьих, у гнезда он ведет себя очень осторожно, молчаливо. День за днем проходили в бесплодных поисках. И вот наконец совершенно случайно на макушке низкорослой туранги нашли первое гнездо. Оно было сложено из больших толстых ветвей, среди которых поселилось несколько пар домовых воробьев, образовав небольшую колонию. Ведя регулярные наблюдения за гнездом, я без труда находил его в зарослях благодаря воробьиному гомону, все время стоявшему в колонии. И вот как-то в другом месте, пробираясь сквозь густой туранговый лес, я вдруг вновь услышал воробьиный гомон, с затаенной надеждой пошел на него и скоро нашел гнездо другой пары змеядов, устроенное точно так же в трех километрах от первого. Таким же образом было найдено и третье гнездо. Конечно, случались и осечки — в лесу попадались колонии воробьев, устроенные на деревьях просто среди веток, без всякого орлиного гнезда.

Все эти гнезда (четвертого так и не нашли) были обнаружены довольно поздно, в них уже находились сравнительно большие птенцы. Зато на следующий год удалось проследить весь процесс гнездования — от откладки яйца до вылета птенца из гнезда. Особенно часто я навещался к первому гнезду и очень близко познакомился с его обитателями.

Змеяеды прилетели тогда в середине марта, но пара стала появляться в районе своего прошлогоднего гнезда лишь в конце месяца. Орлы несколько подновили и укрепили гнездо, и оно превратилось в платформу диаметром в шестьдесят сантиметров. Для такой большой птицы, как орел-змеяед, это не очень солидное гнездо. Однако мне приходилось встречать только что построенные гнезда змеяедов, которые были гораздо меньше, а вся постройка казалась такой хрупкой, что трудно было понять, как она выдерживает вес птицы. По сравнению с ними полуметровые гнезда бурых грифов кажутся гигантскими.

В начале апреля самка змеяеда снесла большое белое яйцо, выставив перед этим гнездо свежими листьями туранги. Затем потянулись дни насиживания. Гнездо почти не было затенено, и приходилось только удивляться, как выдерживала самка дневной зной. Я несколько раз просиживал в засаде у гнезда по восемь — десять часов, чтобы выяснить подробности птичьей жизни, и почти умирал от жары — в тени было тридцать шесть! Самец улетал на охоту на рассвете, еще до восхода солнца, возвращался иногда лишь после полудня. В самый разгар зноя самка, сидевшая все время почти неподвижно, вдруг вставала и начинала беспокойно вертеть головой. Раздавался протяжный крик, и на гнездо опускался наконец супруг с змеей в клюве. Самка тут же принималась за еду, а самец, распластав крылья, некоторое время стоял на краю гнезда, затеняя ими от солнца свою супругу, и время от времени кричал. Затем он снова надолго исчезал. В середине мая одиночество самки было нарушено. Под самым гнездом, в его стенках, с озабоченным чириканьем засуетилась стайка домовых воробьев. Хлопоча над постройкой гнезд, они совсем не обращали внимания на орлов. Воробьиный гам стоял теперь все светлое время суток.

Через сорок два дня в яйце появилась маленькая дырочка и послышался тонкий писк птенца. К великому удивлению заменившего меня наблюдателя (я должен был на некоторое время покинуть заповедник), на следующий день птенец все еще сидел в яйце и пищал, только дырочка стала побольше. На третий день было то же самое. Шел дождь, но самка не слетала с гнезда. Чтобы посмотреть, в каком состоянии птенец,

наблюдатель, забравшись на дерево, рукой спихнул орла с гнезда. Дырка в яйце была уже настолько большая, что хорошо различался птенец, покрытый плотным белым пухом. И только на четвертый день птенец окончательно выбрался из скорлупы. В этот день с утра самка переменила подстилку в гнезде — выбросила старые, засохшие листья и выложила лоток свежей зелены. Птенец был совершенно беспомощен. Он не мог держаться на ногах, лежал в гнезде неподвижно и только время от времени открывал маленький клюв. Глаза у него уже открылись, но были очень мутные, и вряд ли он что-нибудь видел.

Птенец рос медленно. Взрослые навещали его через каждые два-три часа. Они часто кружили над гнездом не вдвоем, а втроем. Кто же был третий? Мне кажется, это тот самый змеяд, который вывелся здесь в прошлом году.

Прошел примерно месяц, была вторая половина июня. Птенец заметно вырос, и, хотя по-прежнему его покрывал плотный белый пух, на крыльях стали пробиваться первые маховые перья. Ожидая родителей, птенчик то сидел неподвижно на жарком солнце, то перемещался по гнезду, требовательно пища. Из гнезд воробьиной колонии уже вылетали птенцы, но орленок, как и его родители, не обращал на них никакого внимания. Я часто наведывался к гнезду, чтобы узнать, что приносят орлы своему дитяти. Один раз перед ним лежал мертвый полоз с оторванной головой, которого птенец не трогал ни в первый, ни во второй день. Ясно было, что эта змея еще велика для его маленькой глотки. В другой раз, когда я забрался в гнездо после прилета одного родителя, птенец сидел нахохлившись, и из клюва у него торчал хвостик тонкой змеи. Я не удержался от соблазна и вытянул у орленка из клюва змею. Это также был полоз около сорока сантиметров длиной. Затем добыча становилась все крупнее.

Птенец постепенно привыкал к моим визитам. Ему скучно было сидеть в гнезде одному долгие часы. Палящее солнце мало ему досаждало — весьма пригодилась его белая окраска. Видел он уже неплохо. Когда я сидел поблизости в засаде, выясняя, с какой частотой кормят орлы свое чадо, то орленок замечал своих родителей гораздо раньше, чем я. Завидя папу или маму, он начинал с писком двигаться по гнезду. Я тоже при-

нимался вертеть головой, но обнаруживал возвращающегося змеяда только спустя несколько десятков секунд.

Затем мне снова пришлось отлучиться чуть ли не на месяц. Вернувшись в начале августа, я был уверен, что птенец уже вырос и покинул гнездо. Но все же решил это гнездо навестить, чтобы выяснить, чем кормили птенца в последние дни перед вылетом. Представьте себе мое удивление, когда я обнаружил орленка сидящим на краю гнезда и жадно пожирающим только что принесенного солидного варана. Из покрытого белым пухом птенчика мой подопечный превратился в настоящего большого орла, с которым было уже опасно заигрывать. К тому же он за это время успел отвыкнуть от визитов. Едва я стал взбираться на дерево, как молодой орел расправил крылья и прыгнул из гнезда. По всей видимости, это был первый полет, так как, несмотря на частые взмахи крыльев, он через несколько секунд оказался на земле и стал оглядываться вокруг с изумленным видом. Еще бы: картина, которую он с момента рождения созерцал вот уже два с половиной месяца, внезапно резко переменялась. Мне пришлось взять сердито раскрывающего клюв юнца за крылья и посадить обратно в гнездо, где он сразу успокоился и дал надеть на лапу кольцо. Мы с орленком быстро подружились, он позволял гладить себя по голове, а я даже попытался учить его летать, подбрасывая высоко в воздух. Родители в это время навещали его раз или два в день, и корма юнцу явно не хватало. Не знаю, насколько помогли юному орлу мои уроки, но через несколько дней, 14 августа, гнездо опустело. Орленку в мое отсутствие удалось подняться в воздух, и к гнезду ни он, ни его родители в тот год больше не возвращались.

Мне стало немножко жаль, что я не присутствовал при первом полете орленка, но я хорошо представлял себе, как все это происходило, как после многих неудачных попыток крылья вдруг стали его слушаться, а воздух из пустоты превратился в плотную опору. Восходящие потоки вдруг ударили ему в распростертые крылья и потянули наверх, и он круг за кругом стал набирать высоту. Перед ним стремительно расширялся столь узкий до сих пор горизонт. Он впервые окинул взглядом обширные вахшские тугаи, теряющиеся

на горизонте в утренней дымке, увидел далекие горные хребты и ледяные пики Гиндукуша, дрожащие в раскаленном воздухе...

Он поднимался все выше и выше рядом со взрослыми орлами, и внизу перед его глазами разворачивался удивительный мир огромных пространств. Может быть, через неделю он будет парить над тропическими лесами Шри Ланки или над болотистыми джунглями у подножий великих Гималаев. Он залетит очень далеко, но, куда бы ни занесли его крылья и мощные воздушные потоки, он всегда будет помнить этот маленький треугольник, нарисованный в пустыне сливающимися руслами двух полноводных рек, обширный лес на берегу одного из подковообразных озер, а там старую раскидистую турангу с темнеющим на макушке гнездом. И когда весеннее солнце начнет все выше подниматься в голубом небе, змеяд возьмет курс на север, на свою родину...

А сейчас он улетал все дальше и дальше, и в лучах солнца на его ноге тускло поблескивало металлическое кольцо: «Москва, В-53431».

В ПОИСКАХ ПТИЧЬИХ ГНЕЗД

Высоко в жарком воздухе, распластавшись черным силуэтом, плавными кругами парит над Тигровой Балкой бурый гриф. Вот он, медленно снижаясь, описывает круг над самой дорогой, где я вожусь с заглушим мотоциклом. Мне хорошо видна его большая голова, сидящая на длинной голой шее с перьевым воротничком. Совершенно не шевеля крыльями, он снова взмывает вверх и, постепенно набирая высоту, уходит на юго-запад. Я провожаю его завистливым взглядом и, обливаясь потом, вновь начинаю прочищать карбюратор. Вот бы чье гнездо найти! Где же он поселился?

В заповеднике регулярно встречается только одна пара бурых грифов. Раньше они гнездились на окраине зарослей, соорудив гнездо на одиноко стоящей старой туранге. Могучая гнездовая платформа, сложенная из толстых сучьев и имеющая добрых полтора метра в диаметре, оседлала макушку дерева, которое, казалось, пригнулось под ее тяжестью. Здесь грифы регулярно

выводили птенцов вплоть до 1955 года. Но затем рядом с гнездом была проложена дорога, и грифов все чаще стали беспокоить люди. В 1957 году, когда какой-то негодяй, развлекаясь, застрелил на гнезде самку, грифы окончательно бросили это гнездо и переселились в другое место.

Путем долгих наблюдений я установил, что грифы изо дня в день улетают примерно в одно место, в высокие холмы Буритау в юго-западном углу заповедника. Это меня и смущало. Ведь на склонах этих холмов и в ложбинах деревья не растут. А бурые грифы, как мне было известно из книг, строят гнезда только на деревьях или же, в редких случаях, на скалах. Но выходы скал на Буритау слишком малы для такой птицы, тем более что на другой стороне Вахша высились огромные скалистые стены Хаджи-Хазиана. «Наверное, они гнездятся там», — думал я.

Но однажды один из наших работников, побывавший в холмах Буритау, рассказал мне, что обнаружил там в одной из скалистых расщелин гнездо какого-то большого хищника, сооруженное прямо на склоне. Судя по описанию, гнездо могло принадлежать одному из самых больших грифов нашей страны — белоголовому сипу, который нередко делает гнезда прямо на земле. Расспросив как следует о дороге к этому гнезду, я на следующий день с двумя своими товарищами выехал на заре к холмам. Чтобы добраться до нужной ложбины, следовало миновать несколько гряд сыпучих песков. Тяжелый мотоцикл увяз в первом же бархане. Подталкивая его изо всех сил, вытаскивая из песка и вновь заводя заглохший мотор, мы кое-как проволокли его через все преграды и к десяти утра прибыли на место. Расщелина была врезана в скальное основание холма довольно глубоко и напоминала маленькое ущелье, которое заканчивалось в верхней части подобием скального цирка. Мы принялись усердно обшаривать склоны и скалы, но, кроме спящих везде каменок и хохлатых жаворонков, не видели никого. Правда, в скальном цирке было два гнезда скалистых поползней. Эти серые, с черной полосой через глаз птицы, несколько превосходящие по размерам наших лесных поползней, перелетали по скалам, перекликаясь громким звенящим свистом. Но гнезда грифа нигде не было. Очевидно, мы попали не туда.

К полудню каменистое ущелье под лучами апрельского солнца раскалилось так, что мы едва дышали. Забравшись в самое верховье, я перевалил в соседнее ущелье и только хотел начать спуск по крутому склону, как вдруг подо мной внизу взмыла вверх огромная птица. Сразу же узнав в ней бурого грифа, я взглянул на место, откуда она взлетела, и увидел гнездо. Да еще какое! Удивлению моему не было границ. Бурый гриф соорудил гнездо не на какой-нибудь скале, а на земле, на крутом склоне, покрытом выгоревшей травой. Огромная куча ветвей была уложена в пирамиду чуть ли не в рост человека. На макушке этой кучи был устроен лоток, где среди небрежно набросанных клочков бурой шерсти лежало большущее яйцо. Оно оказалось уже надклюнутым, птенец вот-вот должен был вылупиться. Родители тревожно кружили над гнездом...

В повседневной работе мне постоянно приходилось разыскивать гнезда птиц. Ведь без изучения гнездовой жизни птицы невозможно определить, чем питаются птенцы, как проходит их развитие. Кроме того, при исследовании гнезд выясняются многие важные теоретические вопросы. И чем больше найдено гнезд у какой-либо птицы, тем подробнее можно изучить ее биологию. Но не всегда поиски гнезд проходят так быстро и успешно, как в описанном случае с грифом.

Поиски птичьих гнезд — это своеобразный заразительный спорт. Я увлекся им еще в школьные годы и до сих пор помню волнение, которое я испытал, найдя первое гнездо. Маленькое, аккуратно свитое на сучке березы гнездо зяблика с четырьмя пестро раскрашенными яичками выглядело как какая-то таинственная лесная драгоценность. С тех пор я нашел уже не одну сотню гнезд, но меня по-прежнему волнует каждое вновь найденное гнездо...

Чтобы быстро обнаружить гнездо птицы, нужно хорошо знать ее привычки, повадки, любимые местообитания, нужно, если хотите, понимать «птичий язык», ибо тревожные крики, издаваемые птицей у гнезда, часто сильно отличаются от других издаваемых ею звуков. Иногда наблюдателю просто везет, и он натывается на какое-нибудь гнездо случайно, чаще же приходится проводить кропотливые поиски с длительным выслеживанием.

Легче всего находить гнезда, когда их вьют или когда в них находятся птенцы, которых кормят родители. Труднее обнаружить гнездо во время насиживания.

У каждой птицы свои приемы постройки и маскировки гнезда, что необходимо учитывать при поисках гнезд. В кустарниках заповедника гнездится в большом числе маленькая юркая птичка — скотоцерка. Несмотря на свои небольшие размеры и вес (около девяти граммов), она сооружает довольно объемистые шарообразные гнезда с боковым входом. Свои гнезда скотоцерка очень искусно прячет в глубине густых кустов. Можно стоять рядом с таким гнездом и не увидеть его. Поэтому в первую весну я не смог найти ни одного гнезда этой птички, на следующий год нашел только четыре, зато на третью весну случайно натолкнулся на весьма продуктивный способ поисков этих гнезд.

Случилось это в середине февраля, когда в пустыне стали распускаться первые цветы. Пробродив целый день среди зеленеющих холмов, я возвращался на кордон. Солнце уже почти касалось горизонта. В одном месте мое внимание привлекла пара беспокоящихся скотоцеров. Тревожно треща, они перепрыгивали по сучкам кустарника, подергивая своими длинными хвостиками. Я взглянул вверх на склон бугра и неожиданно для себя сразу же увидел гнездо. Оно резко выделялось черным шаром на силуэте куста, насквозь пронзанного лучами заходящего солнца. Я стал на восходе и на закате бродить по холмам, внимательно осматривая просвеченные солнцем кусты, и в короткий срок нашел два с половиной десятка гнезд!

Много хлопот доставили мне поиски гнезда тонкоклювой камышевки, маленькой птички серо-бурой окраски с беловатой бровью над глазом. Гнезд ее в Таджикистане еще никто не находил. Камышевки с начала марта наводняли тростниковые заросли заповедника, оглашая воздух звучными щебечущими песенками, журчащими, как ручеек. Так продолжалось до конца апреля, после чего почти все они вдруг исчезали из заповедника, за исключением немногих пар, оставшихся на гнездовье в самых глухих уголках. Сколько я изорвал одежды, рыская в этих тростниках, возвышавшихся плотными трехметровыми стенами вдоль берегов озер и проток! Среди острых, жестких прошло-

годних листьев и стеблей любое неосторожное движение кончалось порезом, а шум при передвижении распугивал все живое далеко вокруг.

Только на следующее лето, исследуя рогозовые заросли вдоль северных границ заповедника, я обнаружил массу ютившихся здесь камышевок, которые, весело распевая, занимались постройкой гнезд. На второй день непрерывных поисков, которые я вел среди густых рогозовых зарослей по пояс в теплой воде, мне удалось наткнуться на камышевку, тащившую в клюве клочок растительного пуха. Через несколько минут, проследив за птицей, я увидел и гнездо. Оно было подвешено к трем рогозовым стеблям сантиметрах в пятнадцати над водой и было насквозь мокрым. Тут же выяснилось, что обе камышевки, вьющие гнезда в основном из растительного пуха рогозовых головок, прежде, чем вплести очередной пучок в стенку гнезда, смачивают его, макая в воду. Мокрый пух плотнее и пластичнее, вить из него намного легче. К сожалению, это гнездо погибло через три дня — его затопила внезапно подымавшаяся вода.

Много пришлось повозиться с гнездами бухарской большой синицы. От европейской большой синицы она отличается только меньшими размерами и отсутствием в окраске желтого цвета. Она довольно многочисленна в туранговых лесах заповедника, где гнездится в дуплах деревьев, как и все синицы. Но на первых порах никак не удавалось найти дупло, занятое этой птицей. Повальный осмотр всех встретившихся дупел также не давал результата. А дупел было множество — большие и маленькие, глубокие и узкие или настолько широкие, что туда можно было просунуть голову. При обследовании дупел я наткнулся то на гнездо дятла, то на компанию летучих мышей, то на змею, а однажды даже столкнулся с вараном, имевшим не меньше метра в длину. Но чаще всего дупла были пустыми. Гнезд синиц не было нигде.

Положение осложнялось еще тем, что я не знал сроков размножения этой птицы. Задорные птичьи песни начинали звучать в заповеднике уже с середины января. Весь февраль и март по зарослям сновали синицьи пары, ничем не выдавая своего намерения приступить к гнездованию. И вот однажды днем, когда солнце пекло уже достаточно сильно, я шел по лесной

дороге и услышал знакомый жужжащий позыв, несшийся из глубины зарослей. Такой позыв обычно издают слетки большой синицы, выпрашивающие корм. (Слетками орнитологи называют птенцов, только что покинувших гнездо, которых еще усиленно кормят родители.) Я даже вспотел от волнения: неужели прозевал гнездовой сезон? Неужели эти синицы уже кончают выводить птенцов? Осторожно пробираясь среди кустов, я подошел поближе и с удивлением увидел вместо выводка одну-единственную синицу, сидевшую на сухой ветке. Вскоре к ней подлетела другая, сунула ей в клюв какого-то червяка, а потом они обе упорхнули в заросли. Продолжив слежку, я убедился, что передо мной пара взрослых птиц и что я видел своеобразную брачную игру, где самка стимулировала инстинкт выкармливания у самца, в точности воспроизводя позыв голодного слетка. В это же время начались частые драки между отдельными парами. Я расхаживал по зарослям с топором, выстукивая подозрительные деревья, непрерывно следил за отдельными парами птиц, но безрезультатно.

Наконец на помощь мне пришел случай. Как-то я проходил вдоль опушки турангового леса, и вдруг из низкого пенька с выгнившей сердцевинной почти прямо из-под моих ног с тревожным стрекотанием вырвалась большая синица. Я никак не мог поверить, что в этом пеньке, едва возвышавшемся над землей, может быть чье-либо гнездо. Однако при осмотре оказалось, что выгнившая сердцевина уходит глубоко под землю прямо в корень. На дне этой дыры оказалось гнездо синицы с шестью пестренькими яичками. Впоследствии в своих поисках я стал осматривать и дупла, открытые сверху, сердцевинны выгнивших пней, которые раньше пропускал, и вскоре смог обнаружить еще несколько гнезд.

Но далеко недостаточно найти гнездо. Нужно проследить все развитие птицы с момента откладки яйца и до вылета птенца из гнезда. Выполнить такие наблюдения не менее трудно, чем обнаружить гнездо. Причин тут несколько: иногда птица пугается частых визитов и бросает гнездо, иногда гнездо разоряет какой-либо хищник. Неоднократно подходя к гнезду, человек привлекает к нему внимание разных хищников, поэтому

гнезда, находящиеся под наблюдением, разоряются гораздо чаще остальных.

С этим явлением мне пришлось столкнуться уже в первую весну при изучении гнездовой жизни сорок. Чуть ли не в половине наблюдаемых гнезд в какой-то определенный момент начинали исчезать яйца или птенцы (если они еще маленькие) по одному, по два в день. Сначала я подумал, что сороки могут перетаскивать их из потревоженного гнезда в другое место, но это предположение скоро пришлось отбросить. Сороки, с гнездами которых приключилась эта беда, построили новые гнезда недалеко от первых и снова приступили к откладке яиц.

Потом такая же история происходила с гнездами фазанов, скотоцеров и многих других птиц. Помню, как я нашел первое гнездо фазана с десятком яиц, стал наблюдать за гнездом, и вдруг яйца начали исчезать по одному в день. Самка упорно продолжала их насиживать даже после того, как осталось всего два яйца. В этот день я пытался сфотографировать на гнезде фазаниху, которая во время насиживания подпускала к себе очень близко. Гнездо было устроено под большой кучей валежника и совсем незаметно сверху. Сбоку сквозь переплет сучков была видна только голова насиживающей птицы. Спугнутая щелчком затвора, фазаниха слетела с гнезда. Решив пронаблюдать, через какое время она вернется, я залез на стоявшую поблизости турангу и неподвижно сидел там около двадцати минут. Мне удалось заметить возвращавшуюся самку. Она шла в невысокой траве осторожно, то и дело вытягивая шею и оглядываясь. Подошла к той куче, где находилось гнездо, юркнула в нее, через минуту вышла — и вдруг, шумно взлетев, исчезла среди раскидистых крон. Заподозрив неладное, я поспешно соскочил с дерева и подбежал к гнезду. Пусто! Яйца, лежавшие там двадцать минут назад, исчезли! Кто мог их стащить? Варан? Но если он натыкается на фазанье гнездо, то съедает сразу всю кладку. Так же поступают и крупные хищники млекопитающие. Скорее всего это проделки змей. У них есть такая привычка — таскать яйца по одному. Я не раз был свидетелем того, как кобра таскала яйца из курятника, и именно по одному в день...

Озеро в пойме Вахша

Этот сом весит пятьдесят восемь килограммов!

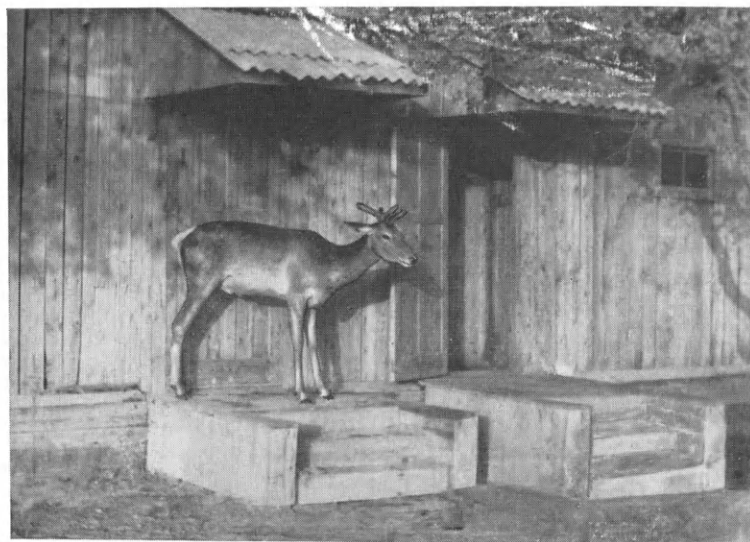

Трехнедельный олененок Малыш

Трехлетний Малыш на Центральном кордоне

Нутрия

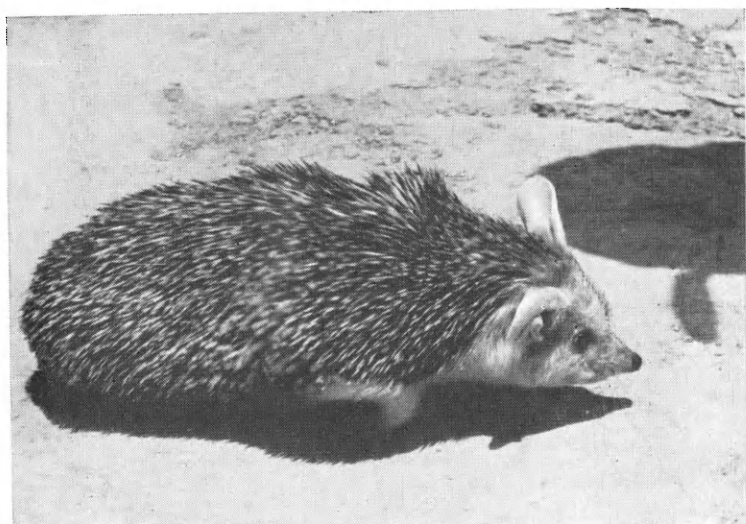
Лебеди насторожились...

Дорога в тугаях

Ушастый еж

Детеныши пятнистой кошки

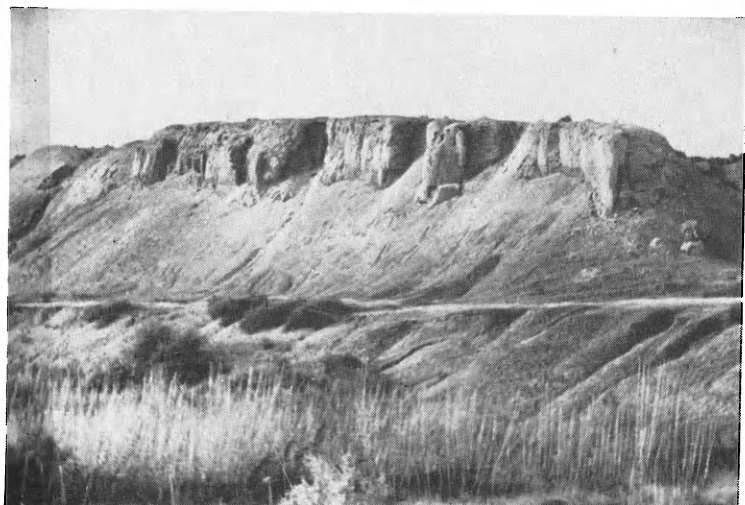

Кобра (фото Н. Тихомирова)

Пойменные обрывы

«Джунгли» Тигровой Балки

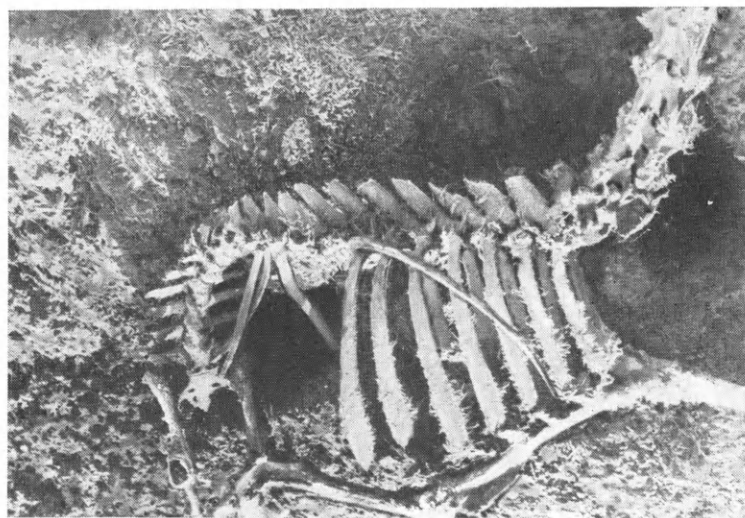

**Камышовый кот,
самый свирепый хищник вахшских тугаев**

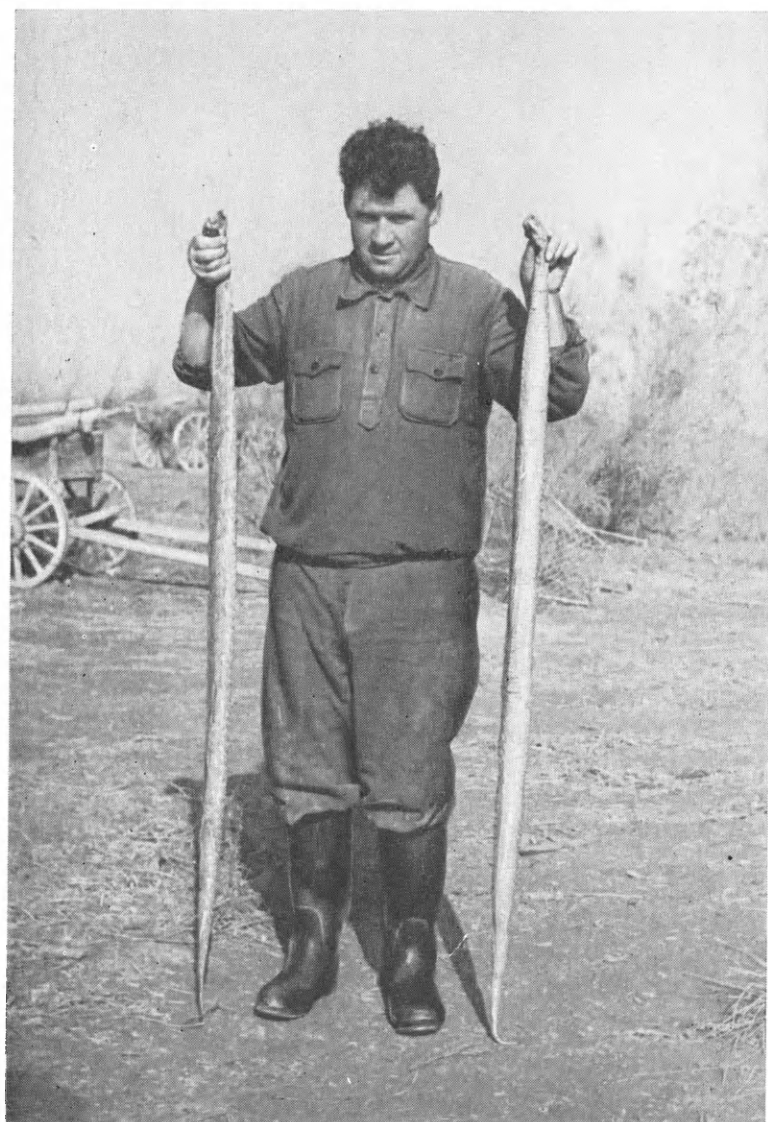

Убитый варан

Останки оленя, завязшего в иле

Эти гюргы зимовали под старой корягой

Орел-змеяед принес в гнездо змею

Гнездо змеяеда

Трехнедельный птенец змеяда

г

Молодой змеяд впервые выпрыгнул из гнезда

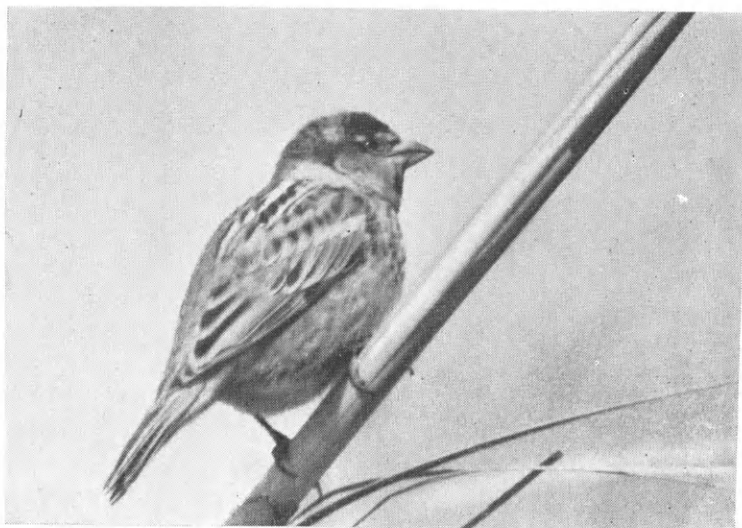

Брошенное гнездо бурого грифа

Испанский воробей

Гнездо авдотки

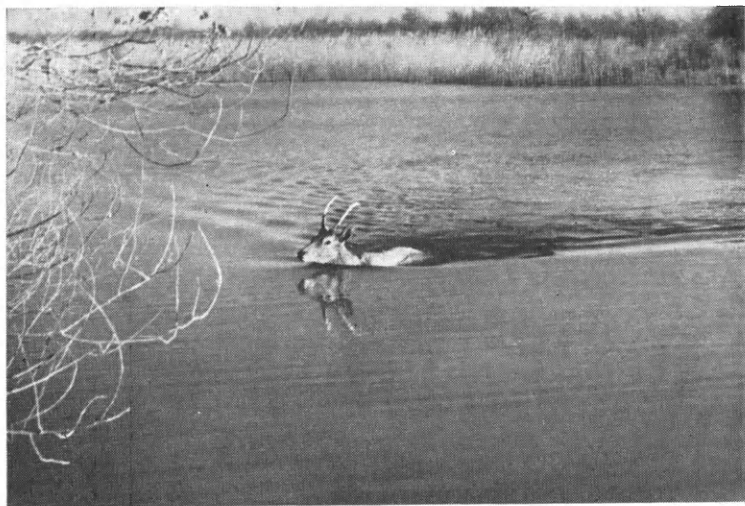
Птенец пустынной совки

Гнездо таджикского фазана

Молодой олень переплывает озеро

Чайхана на Центральном кордоне

Разгорается жаркое майское утро. Я лежу в мокрой от росы траве и слежу в бинокль за тугайным соловьем — небольшой стройной птичкой с длинным рыжим хвостом. Она только что пролетела мимо, держа в клюве клочок пуха. Поиски птичьих гнезд продолжаются.

ЛЕТНИЙ ПОТОП

С июля над заповедником повисла одуряющая жара. Нигде ни облачка. Уровень воды в озерах падает на глазах. Зато на берегах реки совсем другая картина. Мы приходим сюда чуть ли не каждый день и с нетерпением смотрим, как постепенно прибывает вода. Вахш бурлит, моет берега, на стремнине крутятся водовороты. Река несет всякий мусор. Вода густого кирпично-красного цвета, совершенно непрозрачная. Налитая в стакан, она остается мутной целые сутки, так как до предела насыщена илом. Основной исток Вахша — Кызылсу берет свое начало в Алайской долине, зажатой между снежными вершинами высоченных хребтов — Алайского и Заалайского. Река питается за счет таяния снегов Заалайского хребта, северная сторона которого несет мощные ледники. Один из притоков Кызылсу стекает со склонов пика Ленина.

Другой исток Вахша, бурная Муксу, начинается в самой высокой части Памира, среди ледников узла Гармо и хребта Зулумарт. Сейчас, в июле, там наконец-то наступило лето. Жаркое солнце плавит вековые льды, из-под грязных ледниковых языков бурными каскадами вырываются клокочущие потоки. Утром это спокойные ручейки, но с восходом солнца они быстро начинают вздуваться, и к вечеру узкие и глубокие ущелья заполняются потоками, которые несутся с тысячеголосым грохотом. Мутно-грязная вода сплошным каскадом идет вниз, таща с собой гигантские валуны, дробя в порошок скалы, сокрушая берега и мосты. Потоки сливаются, превращаются в многоводные реки, которые в свою очередь вливаются в Вахш, собирающий талые воды почти всей северо-западной окраины Памира. Стиснутый в узких ущельях, он ревет и беснуется; недаром таджики зовут его Вахши — «дикий».

Наконец вся эта масса воды вырывается из каменного плена гор и разливается по широкой плоской равнине, затопляя обширную вахшскую пойму.

Вахш несет массу ила, который, осаждаясь, поднимает постепенно русло реки, так что оно оказывается расположенным выше многих пойменных озер и берега выполняют роль своеобразных плотин. Но вот прибывающая вода прорывает их, и в озерные котловины врываются буйные потоки. Вода в озерах начинает стремительно прибывать, а уровень Вахша все повышается и повышается, пока вода совсем не скроет берега. В середине июля разлив в полном разгаре. Русло едва угадывается среди огромных морей, образовавшихся на месте озерных впадин. Моря сливаются друг с другом, и только затопленный лес возвышается над водной гладью живописными островами.

Разливы бывают не каждый год и неодинаковы по силе. Так, в 1957 году разлива совсем не было, многие озера поймы сильно усохли и превратились в небольшие лужицы, а некоторые высохли вовсе. Зато следующим летом разлив оказался рекордным. Вода залила три четверти заповедной поймы и половину кордонов, в том числе и Центральный, чего до сих пор ни разу не случалось. Начала разлива я не застал, так как работал в это время в экспедиции, исследовавшей Центральный Памир. Работая там, я видел, как с каждым днем все больше вздуваются реки, чувствовал, что там, внизу, начинается разлив, и не маленький.

Но действительность превзошла все мои ожидания. Наша машина прибыла в заповедник ночью. Последние километры по пустынным пескам, и мы спускаемся к Балке, залитой светом полной луны. Первый кордон. Он стоял на берегу небольшого озера в сто метров длиной, а сейчас сразу же от шлагбаума далеко в темноту уходит серебрящаяся гладь воды. Нам навстречу на свет фар выходят люди. Здесь собрались жители двух затопленных кордонов — Пионерского и Центрального. В воздухе, как только стих шум мотора, стал слышен громкий комариный звон. Работники заповедника рассказывают о последних событиях. На Центральном кордоне осталась одна лаборантка с ручными оленями. Кордон хоть и залило, но дом на высоком фундаменте, до пола вода не достала каких-нибудь два сантиметра. Вчера вода с кордона ушла, оставив слой липкой гря-

зи. Вся дорога до него под водой, путь туда только на лодке. Разморенные ездой по жарким, пыльным дорогам, мы решили спать здесь же, но я вспомнил про свой накомарник, оставшийся на Центральном, и решил плыть туда. Ко мне присоединилось еще двое.

Мы мерно гребли по тихой воде и не узнавали местности. По сторонам чернели острова затопленных тугаев; отражения корявых туранг, залитых водой, причудливо сплетались между собой, образуя на сверкающей под луной поверхности воды замысловатый узор. Комары оставили нас в покое. Стояла тишина, даже лягушки присмирели. Затопленные тугаи были таинственны. Три километра мы проплыли быстро, и лодка подчалаила к Центральному кордону. Он являл собой сейчас островок, едва возвышающийся над водой. Только мы выбрались на землю — липкую солонцовую грязь, — как комариные полчища накиннулись на нас со всех сторон со злобным воем. Был час ночи, самый разгар комариной кормежки. Яростно размахивая руками и жалобно повизгивая, мы растянули в чайхане накомарники, забрались под них и сразу же заснули, вопреки духоте и комариному звону.

Меня разбудила яростная переключка птиц. От этого гомона я уже успел отвыкнуть на холодных памирских склонах, где птицы если и поют, то вполголоса. Солнце еще не встало, но вот-вот должно было показаться. Сквозь перила я увидел в пяти метрах от себя спокойно расхаживающих фазанов. Их было около десятка. Когда я встал, то обнаружил, что небольшой освободившийся от воды островок вокруг Центрального кордона буквально кишит ими: пойма была затоплена почти целиком и вся живность концентрировалась по окраинам и на немногих островках вроде нашего.

Следующие три дня я не покидал лодки, путешествуя по затопленным тугаям. Пробираясь среди раскидистых деревьев, в глухих, ранее непроходимых тростниках, я наверстывал упущенное время, стараясь понять, как живет сейчас многочисленное население затопленных зарослей, как оно переносит потоп.

Много плохо плавающего зверья погибло, особенно зайцев. Когда начался разлив, многие птицы еще не успели вывести птенцов, и их гнезда затопило. Только сверкающие яркими красками зимородки да грузные

серые цапли и кваквы, неподвижно сидевшие на макушках затопленных деревьев, по-видимому, чувствовали себя прекрасно. Неплохо было и змеям, хотя и они, переплывая открытые пространства, подвергались многим опасностям. Так, третью в этом сезоне гюрзу я добыл именно на воде. Птицы, проводящие обычно все время на земле, вроде фазанов и козодоев, теперь вынуждены были обитать на деревьях.

По зорям, когда спадал дневной зной, тугай наполнялись плеском воды — олени стада брели на кормежки в затопленные тростники, где их привлекала свежая зелень побегов. Им приходилось туго, не хватало корма. Но настоящее бедствие для них, да и для кабанов тоже, началось гораздо позже, когда вода пошла на убыль.

Вахш, заливая пойму, несет с собой массу ила. Ил в тихих местах осаждается метровыми слоями, и, когда вода начинает убывать, эти залежи подсыхают и постепенно превращаются из жидкой каши в вязкие, смертельно опасные ловушки. Особенно часто попадают в них олени с их тонкими ногами, кабаны и домашний скот, в особенности коровы. Попав в такую ловушку, животное долго бьется, стараясь освободиться, но тщетно. С каждым рывком его только затягивает все глубже и глубже. Быстро обессилев от бесплодных попыток, животное замирает, и в таком состоянии, залепленное грязью, ссыхающейся в корку под палящими лучами солнца, с остывшими в сырой глине ногами оно проводит здесь несколько жутких дней, пока не погибает от голода и жажды или его не приканчивают волки, которые на своих широких лапах свободно передвигаются по трясине. Днем попавшее в такую переделку животное окружено злобным караулом из сидящих вокруг грифов, белоголовых сипов и воронов, ждущих его конца. Зачастую хищники начинают клевать еще живого зверя.

В эти дни хватает работы пастухам, ибо тащить из подобной ловушки корову дело нелегкое. Сотрудникам заповедника часто приходится спасать завязших оленей и кабанов. Я не знаю ни одного случая, чтобы наши люди не оказали помощи гибнущим животным. Но спасти удается лишь малую часть попадающих в беду зверей. Из-за вязкого ила многие районы поймы становятся недоступными. Зимой же, когда эти места

достаточно подсохнут, там то и дело встречаются выбитые в засохшем иле площадки, посреди которых торчат из глины обглоданные олени скелеты.

Однажды я и сам попал в опасную переделку. Это случилось в конце октября, когда уже было достаточно прохладно. Я шел в резиновых сапогах, пробираясь к зарослям джигды вокруг большой лощины, затянутой сохнувшим илом. Решив по звериным следам, что он уже достаточно высох, я хотел сократить путь и пошел прямо. Я миновал уже середину и приближался к другому берегу, как вдруг подо мной все поплыло. Рванулся вперед, но глинистая масса ухватила за сапоги, как медвежий капкан. Все это произошло в какие-то секунды. Я отчаянно забился, чувствуя, что проваливаюсь все глубже. Мне удалось выскочить из сапог и на четвереньках, ценой большого мускульного напряжения кое-как выбраться из этой западни. Потом, оправившись от страха и срубив несколько жердей, я долго выживал сапоги.

Глядя на эти вязкие илистые поля, я стал лучше понимать, каким путем образовались гигантские захоронения различных животных, которые обнаруживают палеонтологи в древних слоях земной коры. Ведь тогда все происходило в несравненно более крупных масштабах, и то, что происходит на вахшских разливах,— только миниатюрная копия грандиозных процессов, которые развертывались в долинах могучих древних рек и обширных озерных котловинах.

Чем еще неприятен разлив — это комарами. Количество их во время наводнений неизмеримо возрастает. И если в другое время они активны только в сумерках, то в разлив свирепствуют и днем. Кроме того, влажность воздуха делается настолько высокой, что при жаре в сорок градусов почти невозможно дышать. Зато вместе со свежей водой в озера заходит множество всякой рыбы, а осенью на обширных пространствах мелководий появляются сотенные стаи всевозможных водоплавающих птиц.

Разлив — это обновление тугаев. Все старое и непригодное гибнет. Вода сносит целые массивы старого леса, ил заносит сенокосы и озера, а на вновь отложенных площадках плодородного ила начинает развиваться богатая растительность. От реки отшнуровываются новые озера. Происходит перераспределение

животного мира, и опустошенные заросли вновь начинают заполняться всевозможными жильцами, переждавшими паводок на островках или на коренном берегу поймы. Жизнь постепенно входит в свою нормальную колею, и так до следующего разлива.

Правда, разливы в последние годы стали очень редки. Высокая плотина Нурекской ГЭС перекрыла Вахш, и озера поймы теперь пополняются главным образом за счет вод, попадающих сюда после орошения хлопковых полей и содержащих ядохимикаты, которыми обрабатывается хлопок. Все это стало несколько менять условия жизни в заповеднике. А последний естественный разлив был необычным. Его вызвал мощный паводок, прошедший по Пянджу после того, как в верховьях одного из его притоков прорвалась «плотина» ледника Медвежьего. Пянджская вода, переполнив долину, пошла против течения Вахша и затопила Тигровую Балку.

АФГАНЕЦ

Стоял жаркий майский день. Мы все лежали на крыше «поплавка» в четырех метрах над водой и, когда кровь в жилах, казалось, начинала закипать под обжигающими лучами солнца, прыгали вниз, в воду. Было, как обычно, тридцать семь в тени, и мы ждали спада жары, чтобы выйти на работу. Сонное марево окутало тугай, нигде ни звука. Случайно обратив взгляд на восток, я взволнованно заорал: «Смотрите, что это?!» Ребята повскакали с мест и тоже уставились на восток. А там от горизонта до поднебесья нависла над землей огромная черная масса. Колеблющиеся черные полосы перемежались клубами всех оттенков, от кирпичного до золотого, и вся эта лавина с большой скоростью катилась в нашу сторону. Мы попрыгали с крыши в воду, вылезли на берег, торопливо оделись и стали прибираться в чайхане все, что мог унести ветер. Через десять минут на кордон с ревом и грохотом обрушился афганец. Полетели стекла, кастрюли и кудахтавшие куры. Стало почти темно. Ветер нес сломанные ветви и мусор. Рев его наполнил весь дом, куда мы поспешили укрыться.

Через час температура упала на десять градусов. Ветер затих лишь к утру.

Словом «афганец» на юге Средней Азии когда-то называли сухие пыльные ветры, дующие с юга, из жарких пустынь Северного Афганистана. Это название настолько прижилось, что в низовьях Вахша, например, афганцем называют теперь всякую сильную бурю независимо от того, откуда она обрушивается на пойму. Эти пыльные бури случаются довольно часто в любое время года, но особенно много их весной и осенью. На заповедник они чаще всего налетают с юго-запада, из долины Амударьи. Такая буря гонит огромные тучи пыли и может продолжаться от одного часа до двух-трех суток. Осенью и весной она обычно сопровождается дождем. Тучи пыли и мелкого песка закрывают все вокруг наподобие густого тумана. Песок скрипит на зубах, а пыль проникает даже через плотно закрытые окна. Когда во время бурь я сидел у окна и писал, то страница покрывалась слоем пыли до того, как я успевал ее исписать. В тугаях в бурю очень легко заблудиться, ибо пыль скрывает все ориентиры, которыми в основном являются окружающие горы. Видимость часто не превышает полутора сот метров.

В исключительно сильную бурю я попал как-то в июне, когда ехал с археологическим отрядом на машине в Джиликуль. Афганец налетел, как всегда, внезапно и на этот раз с севера. Скоро все скрылось в густых клубах пыли. Через некоторое время наша машина, как и другие ехавшие по этой дороге, вынуждена была остановиться, так как видимость сократилась до десятка метров. Впервые я видел самую настоящую азиатскую пыльную бурю. Вокруг машины — спереди, сзади, с боков и сверху — все было заполнено бурой, почти осязаемой массой. Рев ветра глушил все прочие звуки, а мелкий песок нещадно сек лицо. Мы закутались в брезент и так пролежали около часа. Время от времени начальник отряда Вадим Ранов выглядывал наружу и потом, сердито отплевываясь, говорил: «Как в Гоби, братцы! Вот так и засыпало города, которые мы ныне пытаемся откопать!..»

Помимо бурь, приходящих обычно с юго-запада и продолжающихся по несколько дней (возникновение их связано с вторжением в эти области холодных воздушных масс с севера), часто, особенно летом, возникают

короткие сильные бури местного значения. Летом редкий день обходится без них. Причина их возникновения кроется, как мне кажется, в расположении вахшской поймы. Низовья Вахша и Пянджа представляют собой как бы плоскую чашу, окруженную горами. С запада и севера это хребет Актау, с востока — Каратау, с юга — отроги Гиндукуша. Под действием солнца воздух в котловине быстро нагревается и устремляется вверх, особенно после тихих, жарких дней.

Весной грозы, столь частые в это время в Южном Таджикистане, редко достигают заповедника. В грозовые апрельские вечера иногда можно наблюдать любопытную картину: над Балкой чистое небо, а горизонт со всех сторон обложен тучами, застрявшими на окружающих хребтах. В наступающих сумерках вспышки молний следуют одна за другой, окружая вахшские тугаи сверкающим огненным кольцом. С середины мая грозы утихают, и небо над Тигровой Балкой на долгое время становится чистым. Часто до октября в знойном небе не показывается ни единого облачка, и только тучи пыли, вздымаемые бурными афганцами, иногда скрывают раскаленное солнце...

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Наша машина замерла, уткнувшись в закрытый шлагбаум. Въезд в заповедник разрешен только по специальным пропускам. Разминая затекшие конечности, идем к домику дежурных егерей предъявлять свои верительные грамоты. Я волнуюсь, глядя на начинающиеся за воротами густые заросли гребенчука, цветущие сейчас красновато-фиолетовым цветом. Шутка ли — пятнадцать лет минуло с тех пор, как я покинул заповедник!

Те последние часы сохранились у меня в памяти до мельчайших подробностей. Я уезжал на рассвете. Ясный майский воздух был наполнен разноголосым птичьим свистом, солнечные блики прыгали по яркой, омытой росой зелени. Над обширными пространствами проснувшихся тугаев поднималась дрожащая дымка. Восходящее солнце окрасило в розовый цвет отвесные скалы Хаджи-Хазиана. Когда мы выехали из зарослей,

дорогу машине стремительно пересекла пятерка стройных оленей, а когда ехали по пескам, вспугнули стаю фазанов, кормившихся в пустыне. Они озабоченно побежали прочь и один за другим поднялись в небо. Держась за борт автомашины, я не спускал глаз с зеленого простора вахшской поймы, пока последний уголок тугаев не скрылся за пустынными холмами...

Мне было жаль покидать эти места, с которыми я сжился за последние три года. Пусть здесь часто бывало тяжело. Люди вложили в этот заповедник много труда, и еще немало придется поработать, чтобы этот труд не пропал даром. Но я был уверен, что Тигровая Балка когда-нибудь станет одним из самых известных уголков нашей страны. Человек, попавший сюда, почувствует себя как бы в живом музее, переносящем его в те далекие времена, когда первобытная жизнь тугаев еще не знала человека. Заросли вокруг него окажутся полными всевозможных зверей и птиц, которые не будут спасаться паническим бегством при виде человеческой фигуры или автомашины. Эти великолепные картины девственной природы доставят человеку такое эстетическое наслаждение, какого не дадут ему ни один кинофильм и ни одна книга, ибо природа в тысячу раз прекраснее любых изображений. Может быть, тогда в полной мере будет оценен труд энтузиастов, отдававших все свои силы и жертвовавших очень многим, чтобы сохранить для будущих поколений замечательный уголок Таджикистана — Тигровую Балку...

Так я размышлял пятнадцать лет назад. И вот сейчас мне представился случай вновь побывать в заповеднике и посмотреть, в какой степени оправдались мои давние надежды и опасения. Дни и ночи бродил я по дорогам и тропам, многие из которых уже забылись, посещал любимые уголки, иногда изменившиеся до неузнаваемости, пробирался сквозь раскаленные сентябрьским солнцем крепи, вслушивался в звуки джунглей. Серебрились белые султаны эриантусов, красиво просвеченные солнцем, с шумом вырывались из-под ног фазаны, где-то рядом трещали ветки под ногами убежавшего оленя, а на озерах плескались первые табунки чирков и меланхолично посвистывали большие улиты. Гон у оленей был в разгаре, и в наступавших сумерках, как и прежде, густой трубный рев рогачей оглашал примолкшие тугаи. А по ночам так же отчаянно

жалобно пели шакалы, и, лежа под крышей старой чайханы на Центральном кордоне, я слышал торопливый шорох их шагов.

Вроде бы все как прежде, и даже дед Павло (Павел Михайлович Гусак) — единственный оставшийся с тех пор в заповеднике и поэтому старейший сейчас сотрудник — ему уже семьдесят шесть лет — по-прежнему топорщит свои черные усы в мягкой улыбке, вспоминая нашу совместную работу. Но в то же время как сильно все изменилось! Заповедник стал вдвое больше, и вместо прежних четырех егерей их здесь теперь сорок человек. Охрана заповедника стала не в пример прежнему строже. Из тугаев заповедника убрали наконец убыточные скотофермы. Вахш тоже не терял времени. В центре заповедника он солидно подался вправо, оставив на левом берегу две обширные старицы, получившие название Голубых озер.

Всему этому можно только радоваться. Но вот, с другой стороны, увеличился шум в заповеднике. Тугаи прорезаны множеством новых и старых дорог, противопожарными просеками. По ним в разных направлениях часто пылят машины и мотоциклы по всяким хозяйственным надобностям. Над заповедником все время висит гул от работающих механизмов: роются каналы, по которым сбрасывая вода с хлопковых полей идет в озера поймы... Заготавливается на лугах сено, в тугаях идет заготовка дров. Очень трудно усмотреть в этом какую-то логику: одной рукой создавать, а другой тут же разрушать созданное. И неужели так необходимо спускать заповеднику план заготовок сена и дров? Этак дело может дойти и до мясозаготовок! В результате получается, что возросшие средства, отпущенные на содержание заповедника, вопреки всякой логике идут не на усиление эффективности заповедного режима, как это должно быть, а на активизацию хозяйственной деятельности в нем, что совершенно не согласуется с задачами охраны природы страны, которые ставятся партией и правительством как одни из важнейших.

Не прекращаются попытки акклиматизировать в заповеднике (с большим уроном для бюджета республики) самые немыслимые для этой зоны виды, что может сильно засорить самобытную фауну Южного Таджикистана. А ведь работы по спасению редких местных видов здесь хоть отбавляй! На территории Таджики-

стана обитают три вида животных, внесенные в международную «Красную книгу». Это винторогий козел — мархур, джейран и бухарский олень — хангул. Два из них, джейран и хангул, живут в заповеднике.

Я уже не упоминаю здесь тигра, который также занесен в «Красную книгу». И вот почему. Несмотря на то, что последние заходы этого великолепного зверя в Тигровую Балку были зарегистрированы около двадцати лет назад, оставалась все же слабая надежда, что тигры появятся здесь вновь. Они могли прийти из соседних тугаев, расположенных на левом берегу Пянджа, на афганской стороне. Там, за Пянджем, если смотреть с холмов Буритау, далеко на юг тянутся обширнейшие тугайные заросли, где едва угадываются русла рек, стекающих со склонов Гиндукуша. Мне казалось тогда, что этих джунглей еще не скоро коснется цивилизация... Но тигров в Афганистане больше нет. Я это узнал совсем недавно, когда эта книга была уже подготовлена к печати, узнал от немецких зоологов, несколько лет изучавших фауну Афганистана. Это печальное известие в общем-то ставит крест на истории среднеазиатских тигров. Теперь мы знаем, что они исчезли с лица земли буквально вчера, на наших глазах, и этому немало способствовало тяжелое положение заповедника в пятидесятые годы. Сейчас заходить в Тигровую Балку тиграм просто неоткуда: ближайшее их местообитание находится в Индии, в полутора тысячах километров отсюда, за высшими хребтами Гиндукуша и Северных Гималаев.

В тугаях афганской стороны Пянджа плохо пришлось не только тигру. На грани истребления там оказался и красавец хангул. Сейчас этому оленю угрожает судьба его полосатого преследователя, и заповедник Тигровая Балка стал главным резерватом хангула, истребленного почти всюду. Уже одно это обстоятельство делает заповедник уникальным. Но помимо этого здесь, в заповеднике, обитают еще два вида, внесенных в «Красную книгу» нашей страны. Это полосатая гиена, живущая в считанном количестве мест по южным границам Закавказья и Средней Азии, и дрофа-красотка, почти истребленная в степях и полупустынях Средней Азии и Закавказья. Уже один этот перечень показывает всю стратегическую важность Тигровой Балки в охра-

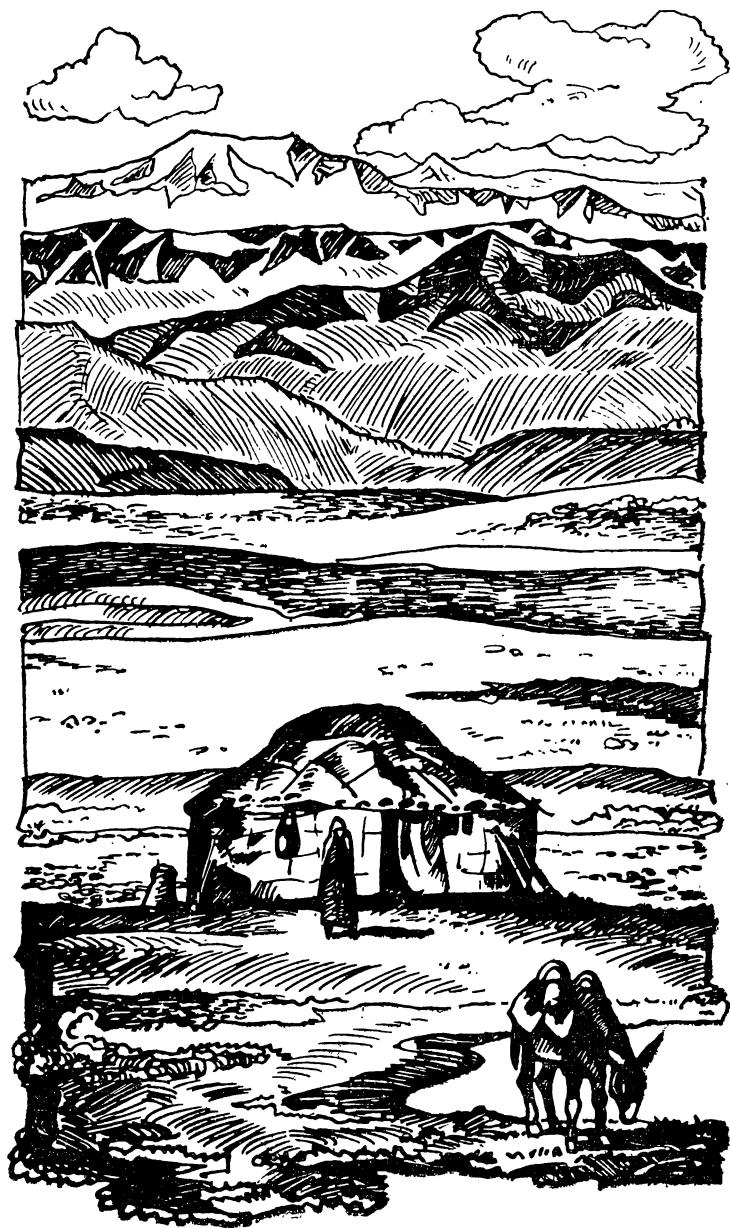
не природы нашей страны вообще и Таджикистана в частности.

Но все же сейчас я покидал заповедник с гораздо большим запасом оптимизма, чем пятнадцать лет назад. И главная причина тому — резкое изменение отношения людей к вопросам охраны природы. Ведь в то время приходилось доказывать необходимость охраны природы вообще. В заповедниках не то что не возбранялось, а даже предписывалось активное вмешательство человека в природные процессы, поощрялось истребление животных, из-за недостатка наших знаний считавшихся вредными. Многие акции, которые тогда были закономерны, выглядят сейчас дикостью, и некоторые страницы этой книги, которые я специально оставил неизменными, несомненно, позволили вам это почувствовать.

Сейчас заповедник — крепкое, солидное хозяйство, назначение которого все более или менее понимают. И если руль этого хозяйства повернут пока не совсем в ту сторону, то это дело поправимое. Но поправить его следует как можно быстрее, пока еще не слишком поздно.

НЕВЕДОМЫЙ ПАМИР

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАМИРЕ

Заранее предвижу возражения: что же это за «неведомая» страна, если чуть ли не ежегодно в нее вторгаются десятки разнообразных экспедиций?

Действительно, на экспедиции Памиру повезло, и горы его изучены в некоторых отношениях куда лучше, чем многие менее отдаленные области нашей страны. Тем не менее даже в наше время обширное Памирское нагорье таит в себе немало загадок. Это касается и геологии, и климатологии, и археологии Памира, и, несомненно, биологии населяющих его животных. Для зоологов на Памире сейчас гораздо больше неизвестного, чем известного. Только в последние десятилетия, например, было точно выяснено, какие именно птицы, где и когда гнездятся на Памире, то есть проведена, как говорится, инвентаризация фауны. Но и эта предварительная по существу работа потребовала от исследователей огромных усилий. Известно, что не только работать, но и просто жить на высоте четырех, пяти, а то и шести тысяч метров над уровнем океана неизмеримо труднее, чем на равнине.

Памир сейчас сравнительно легко доступен. Памирский тракт прорезал его стремительной белой лентой, по которой день и ночь в клубах пыли мчатся автомашины. Автотранспорт проникает до самых верховьев многих долин и к подножиям некоторых перевалов. Но в то же время осталось немало мест, куда попасть мож-

но только с помощью вьючного транспорта — лошадей и ишаков, а есть места, куда и ишака не протащишь, только пешком и можно пройти. Но и это не всегда выполнимо. Есть там такие труднодоступные уголки, в которых до сих пор не удалось побывать ни одному зоологу. Как видите, слово «неведомый» не так уж неуместно, как может показаться на первый взгляд.

Но чем же интересен Памир для биологов? Что заставляет и заставляет людей покидать свои уютные кабинеты в больших городах и, забыв на долгие месяцы самые элементарные удобства, работать в тяжелейших условиях памирского высокогорья? На этот вопрос ответить нетрудно.

Прежде всего достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться в исключительно интересном географическом положении Памира.

Это обширное нагорье, долины которого подняты на высоту четырех тысяч метров над уровнем моря, а пики окружающих хребтов достигают семи с половиной километров, расположено на стыке крупнейших горных хребтов мира. Узел Памирских гор как бы связывает воедино гигантские гребни Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша и Тянь-Шаня. С Памира можно, не спускаясь ни разу ниже четырех тысяч метров, перейти в Тибет. С другой стороны, горный узел Памиро-Алая как бы разрезает древний пояс пустынь Азиатского материка, вздымаясь непреодолимой преградой между пустынями Средней и Центральной Азии.

Ландшафты Памирского нагорья удивительно напоминают тибетские. Поэтому зоологов прежде всего заинтересовал вопрос, какие именно животные населяют эти горы, расположенные на стыке обширных природных областей. Далее, крайне интересно было выяснить, в каких условиях обитает животный мир Памира, а когда стало известно, что условия эти чрезвычайно суровы и подчас, казалось бы, вообще невозможны для жизни, — как сумели приспособиться животные к тому, чтобы не только существовать здесь, но и размножаться и даже процветать.

Уже на первых этапах этих исследований выяснилось много интересного. Образно говоря, Памирское нагорье представляет собой как бы колоссальную естественную лабораторию, поднятую грандиозными силами тектонических процессов на огромную высоту. Раз-

реженный воздух, крайняя сухость и прозрачность атмосферы, низкие температуры, сильнейшая солнечная радиация (особенно в ультрафиолетовой части спектра) — подобные условия как бы напоминают то, что ожидается встретить, скажем, на Марсе; иные физиологи растений называют эти условия квазикосмическими. Можно вспомнить десятки, если не сотни, увлекательных фактов, установленных в последние годы и свидетельствующих об удивительной способности живой материи приспособляться к самой суровой среде. Но это вышло бы далеко за рамки нашей книги, цель которой — познакомить читателей с природой высочайшего в нашей стране нагорья, и прежде всего с его животным миром.

РЕЙД В ОБЛАКА

Знакомство с Памиром началось для меня с увлечения Тибетом, с книг Пржевальского, Козлова, Громбчевского, Потанина и других знаменитых исследователей Центральной Азии. Меня как зоолога особенно заинтересовал в этих книгах животный мир этой горной страны. А как раз ему в сочинениях наших центральноазиатских путешественников было уделено немало места. П. К. Козлов и в особенности Н. М. Пржевальский прекрасно знали пернатых и четвероногих обитателей гор и пустынь Центральной Азии. Заметки их о животном мире этой до сих пор плохо исследованной страны вызывают неослабевающий интерес зоологов разных стран, а зоологические коллекции, собранные ими во время путешествий и хранящиеся в Зоологическом институте в Ленинграде, уникальны.

Естественно, что мне очень захотелось самому попасть в эту замечательную страну — Центральную Азию. Мое внимание все чаще привлекал Памир — единственное центральноазиатское высокогорье, расположенное в пределах нашей страны. Чем больше я читал о Памире — а написано о нем довольно много, — тем больше рос интерес к его горам и долинам. Интерес еще более возрос, когда я где-то вычитал, будто Памир — миниатюрная копия Тибета. Я учился тогда на втором курсе университета и поиски путей к цели

начинал вслепую. Тем не менее эти поиски вскоре привели меня в обширный, наполненный торжественной академической тишиной вестибюль Ботанического института Академии наук СССР. Там я был представлен могучего сложения человеку с обветренным, мрачным лицом.

— Станюкович, — буркнул он, обмениваясь со мной рукопожатием.

Кирилл Владимирович Станюкович, директор Памирской биологической станции, оказал мне существенную помощь. Благодаря его внушительной поддержке мне было разрешено досрочно сдать экзамены и пройти практику второго курса на Памирской биостанции. Это было большой удачей, максимальным вариантом того, что может добиться студент второго курса. Но пришлось здорово попотеть, чтобы к назначенному сроку прибыть на Ошскую базу биостанции.

Таким образом 20 мая 1954 года я впервые очутился в Средней Азии, в городе Оше, откуда должен был с машиной биостанции без задержек попасть на Памир.

Непривычно жаркий день, до предела наполненный яркими впечатлениями, остался позади. Стройные колонны пирамидальных тополей четко вырисовывались на фоне быстро темнеющего неба. Непривычный шум журчащих арыков мешался с долетавшей из-за высоких глиняных дувалов протяжной восточной мелодией, знойной, как сегодняшнее небо. Я сидел перед распакованными ящиками и никак не мог сосредоточиться, чтобы взяться как следует за сборы. Слишком все получилось быстро. Еще неделю назад — ветреный весенний Ленинград, неуверенность, напряжение досрочно сдаваемых экзаменов — и вот я уже в Средней Азии, в цветущем оазисе Ферганской долины — древнем городе Оше.

Я приехал вовремя. Как раз к дальнему рейсу на станцию готовили две машины, первые в этом сезоне. Сообщение по тракту открылось всего несколько дней назад. Нужно было спешно закупить все необходимое и получше упаковать ящики для тряской памирской дороги.

Уютный двор базы утопал в зелени. Часть его была скрыта плотной крышей виноградных лоз, стенами стояли пышные цветники. Возня и стук в гараже, где

шоферы готовили к рейсу потрепанные на безжалостных дорогах грузовики, давно стихли, и с первыми звездами, загоревшимися над головой, один за другим стали запевать соловьи. Их громкие посвисты, прерываемые криками какой-то совки, влажный шелест листвы, тени летучих мышей, врывающиеся в круги света от ламп, дополняли очарование вечера, который мне, северянину, казался просто тропическим. Странно было думать, что совсем недалеко, в каких-нибудь ста километрах, громоздятся заваленные снегом хребты, где сейчас бушуют метели и царит мороз.

Я собрался было прогуляться по вечернему городу, как вдруг резко загремело кольцо калитки, залаяли собаки. Несколько человек, обитавших на базе, устремились к воротам, и вскоре там дружно захохотали хриплые голоса. Кто-то громко меня окликнул. Оказалось, что это сверху, как говорят о спускающихся с Памира, приехал Леонид Федорович Сидоров, геоботаник биостанции, с которым я свел знакомство еще в Ленинграде. Он прибыл в Ош задолго до меня, когда заваленный снегами Памирский тракт совершенно бездействовал. Кое-как добравшись до Сары-Таша, он с помощью местных жителей миновал на лошадях заваленную глубоким снегом Алайскую долину, перебрался через Заалайский хребет и благополучно вышел к Каракулю. А там уже местный транспорт доставил его на биостанцию.

Сейчас, вкратце рассказывая о своих приключениях, он весело смеялся, но было ясно, что ему здорово досталось в этой поездке. Сожженное солнцем и ледяными ветрами лицо его было совершенно кирпичного цвета, веки воспалены, а белки глаз покрыты густой сетью красных жилок. Сейчас он спустился вниз пополнить запас продуктов и несколько дней подышать нормальным теплым воздухом после первых полутора месяцев работы.

С моей души свалилась тяжесть неуверенности. Теперь я буду точно знать, что покупать, как покупать, где покупать, что смотреть в Оше, — в общем получил опытного руководителя.

Следующий день был еще жарче, чем предыдущий. Леонид, до костей промерзший на памирских высях, откровенно наслаждался, я же, наоборот, с вожделием поглядывал на линию могучих снежных вершин,

слабо вырисовывавшихся на горизонте в пыльной дымке жаркого дня.

С утра мы сделали массу дел, побывали на базаре, настоящем восточном базаре с криками продавцов, звоном молотков в рядах кустарей-ремесленников, ревом ишаков, скрипом громадных арб и тому подобной экзотикой. Мы пили кумыс из лохматых бурдюков, а самый разгар зноя переждали в уютной чайхане, сплошь укрытой листвой.

Прямо под нами шумела, переливаясь на солнце, Акбура, и в этот шум мелодично вплеталась степенная беседа седобородых аксакалов в замысловатых восточных одеяниях. Они сидели кружком на ковре недалеко от нас и медленно прихлебывали чай из цветастых пиал. Тут я впервые попробовал и оценил кок-чай (зеленый чай), освежающий в жару, бодрящий усталого, утоляющий самую лютую жажду и делающий человека «гениальным, как Лев Толстой». С любопытством я наблюдал, как тут же рядом чайханщик готовил плов. В огромном казане на очаге разогревалось масло, а сам он крошил на дощечке лук с такой скоростью, что острый как бритва андижанский «пчак» превращался в какое-то вибрирующее сияние.

Мы бродили по узким улочкам старого города, где редко-редко стукнет калитка в глухом глиняном дувале и слышен только шелест листьев, свист иволги, глухое воркованье горлиц и мягкий шепот арыка.

Под конец дня мы взобрались на Тохт-и-Сулеймон (Трон Соломона), громадную скалу, возвышающуюся над старым городом. Об этой скале я уже читал, и читал, как ни странно, у легендарного Юлиуса Фучика. Он побывал здесь, на берегах Пянджа и Вахша, посетил некоторые города Средней Азии и написал об этом замечательно интересные очерки. На Тохт-и-Сулеймоне он побывал, когда эта святыня еще гремела по всему Востоку.

Сюда приходили из Кашмира, Афганистана, Кашгарии и даже из Ирана. Приходили женщины. Эта скала, Трон Соломона, якобы исцеляла от бесплодия. Для исцеления надо было, под выкрики молящихся мулл, проползти на животе вокруг вершины скалы по карнизу, образующему первую ступень трона. За многие века подобные процедуры протерли на карнизе желоб, до блеска отполированный животами тысяч женщин, жа-

ждавших исцеления от бесплодия, этого грозного бича старого Востока.

Мы видели этот желоб. Его отполированная поверхность злоеще поблескивала в лучах заходящего солнца. Она говорила, кричала о тысячах безвестных человеческих трагедий, скрытых густой завесой времени и невежественного фанатизма. Но мы уже не увидели здесь паломников. Да и мало кто их видит теперь. Давно смолкли иступленные вопли молящихся и протяжные завывания мулл. Только крики белобрюхих стрижей, молнией пронсящихся над скалами, нарушают торжественную тишину. А вид отсюда великолепный. Весь город под ногами, как с птичьего полета. Собственно, города почти не видно. В сплошном море зелени едва угадываются кварталы, проспекты, улицы. Дальше к горизонту убегают возделанные поля, разделенные могучими заборами пирамидальных тополей, а далеко на юге маячат в синей дымке снеговые хребты Памиро-Алая...

...Кто-то резко потрянул меня за плечо: «Вставай!» В густых серых сумерках возились люди, стучали молотки, кто-то, угодив по пальцам, сердито ругался. Загруженные еще с вечера машины стояли посреди двора, готовые к выезду. Поеживаясь от предутренней прохлады, мы быстро свернули спальные мешки, устроив их среди ящиков с грузом. Шоферы взялись за ручки. Рывок, другой, «а ну-ка еще подсоси!» — еще рывок — и оба мотора почти враз глухо затарахтели. С протяжным скрипом распахнулись ворота, и тяжело груженные машины медленно выползли на пустынную улицу. На первой машине с шофером Сашей Деруновым ехал Леонид, на второй, которую вел некий Коля, — я.

Выехав за пределы города, мы долго катили по сравнительно ровным местам; потом нас окружили высокие холмы, которые становились все выше, незаметно переходя в самые настоящие горы.

Дорога была ужасная. В те времена Памирский тракт был далеко не таким, как сейчас. Еще только начинали асфальтировать самые первые километры, и на дороге то и дело попадались рогатки с устрашающим словом «объезд». А объезды нередко пролегли по таким ухабам, что машины на них скрипели и сто-

нали, как живые. В некоторых местах объезды были сделаны по руслу мелководной реки, и машины шли прямо по воде, окутанные радугой мелких брызг.

Несмотря на ранний выезд, мы не были первыми. На тракте царило оживление. Повсюду пылили машины. Одни обгоняли нас, радостно и громко сигналив, других обгоняли мы. Скоро, однако, обгоны прекратились. Моторы завывали на повышенных оборотах. Дорога заметно полезла вверх. Но все же подъем был постепенным, и когда мы оказались на вершине первого перевала («Чийирчик», — буркнул Коля), то вид, открывшийся по другую сторону, был по меньшей мере неожидан. Склоны гор резко падали вниз, и дорога вилась по ним замысловатыми серпантинами. Белые полосы дороги напоминали гигантские ступени, выбитые в зеленеющих крутых склонах. Нередко дорогу окружали то с одной, то с другой стороны большие обрывы какой-то породы красного цвета. Это сочетание красного, зеленого и белого было очень живописно. Да и сам перевал, особенно с южной стороны, выглядел красиво.

Уже потом я узнал, что Чийирчик означает в переводе «розовый скворец». Сейчас, ранней весной, я нигде не видел и признаков этих птиц. Но однажды мне пришлось пересекать Чийирчик в середине лета, когда даже здесь, на вершине перевала, было жарко. Пышные зеленые луга колыхались под слабым ветерком, и всюду, куда ни погляди, суетились десятки и сотни крупных красивых птиц. Бледно-розовые, с ярко-черными крыльями и хохолком, они стремительно пересекали дорогу перед самой машиной, группами и в одиночку перелетая от цветущих лугов, где было множество всяких кузнечиков, к беловато-красным скалам, в бесчисленных щелях которых располагались их гнезда.

Наши машины стремительно спускались вниз, переваливая с серпантина на серпантин. Мы вторглись в царство гор. Непрерывно визжали тормоза, взлетали вверх облака пыли, гудели клаксоны. После каждого разгона и резкого торможения на поворотах я поначалу инстинктивно поджимался, упираясь ногами в пол кабины. На крутых, до трехсот сорока градусов, поворотах с одного серпантина на другой опасность столкнуться со встречной машиной была вполне реальной. Как мне охотно поведал Коля и в чем я потом сам

смог убедиться, столкновения на Чийирчике — не редкость.

Но вот спуск закончился. Мы быстро покатали по все еще идущей вниз дороге в какое-то крутое ущелье. Зеленые склоны, оцетинившиеся серыми зубьями скал, круто вздымались от дороги вверх, уходя в поднебесье. От этой крутизны и высоты в душу закрадывался почтительный холодок.

Вдруг горы раздвинулись, отступили — и машины выехали в довольно широкую долину. На берегу бурной речки раскинулся обширный поселок, утопающий в зелени.

— Гульча, — сказал Коля.

Название было мне знакомо. Я знал о трагедии этого поселка, захваченного и разграбленного в 1932 году басмачами.

Сейчас в этом мирном, цветущем поселке ничто не напоминало о трагическом прошлом. У придорожной чайханы приткнулись к стенкам, как кони у привязи, с десятков тяжело груженных пятитонок. Подъезжавшие шоферы как бы нехотя вылезали из кабин, не торопясь осматривали баллоны, груз, снимали подвешенные на задних стенках кабин неизменные кошелки с домашней снедью, собранной в дорогу заботливыми домочадцами. Хлеб, масло, помидоры, яйца, сало...

Эти всегда так одинаково тщательно собранные кошелки уже тогда привлекли мое внимание. Только познакомившись как следует с трактом, я понял, сколько неожиданностей подстерегает здесь водителей, как легко вдруг засесть на далекой безлюдной дороге, за сотню километров от ближайшей мастерской или столовой.

Стала понятна и эта расхлябанная, косолапая походка старых памирских водителей, совершенно расслабляющихся на коротких остановках. Адская тряска сотен километров дороги, многочасовая вибрация баранки в руках, длительное нервное напряжение на бесконечных подъемах и спусках, постоянное беспокойство за тормоза, баллоны, двигатель — все это утомляет донельзя.

Леонид с Сашей Деруновым уже сидели в чайхане на помосте, по-местному поджав под себя ноги, и ели из мисок дымящийся лагман — густой узбекский суп.

— Какое мясо? — осведомился Коля. — Баранина?

— Го-го-го! — захохотал вдруг в раздаточном окошке здоровенный повар-узбек. — Ничиво, мяса хороши, вкусни!

Скоро и мы с аппетитом уплетали какое-то мясо.

— Что же, — решил высказаться я, — мясо неплохое. Люблю баранину!

Саша Дерунов фыркнул в кулак, Леонид ядовито улыбнулся, и только Коля простодушно уставился на меня.

— Ты что, обалдел? Какая же это баранина? Слышал, что чайханщик сказал? «Ого-го-го!» — И Коля заржал по-жеребячьи.

Только тут я сообразил, что ем конину. Но не отпираться же от своих слов! К моему удивлению, меня поддержали. Леонид сказал даже, что это еще неважная конина, а бывает — пальчики оближешь!

И снова режут моторы, трясется и вздрагивает кузов на бесчисленных ухабах, и под монотонный свист ветра Коля деловито повествует о своем очередном любовном походе. А дорога опять уползает в ущелье, которое с каждым поворотом становится все выше и уже. Горы встают впереди беспорядочным нагромождением. Уже совсем близко торчат увенчанные снегом острые вершины. Кажется невероятным, чтобы в этой гигантской толчее можно было не то что на машине — на лошади пробраться!

Гульчинское ущелье. Дорога то спускается к самой реке, то взбирается по крутым карнизам вверх. Гульча мчится сплошным переливающимся каскадом, окруженная редкими древесными зарослями, главным образом ивой. В одном месте мы поднимаемся особенно высоко. Река ревет где-то внизу, под левым бортом машины. Дорога суживается до предела, слева уходит вниз большой проем свежего обвала. Тормоз, еще тормоз, заскрежетали переключаемые передачи, и машина тихо-тихо поползла вперед.

— Мертвая петля, — прервав свою болтовню, пояснил Коля. — А ну-ка, глянь сюда.

Привстав, я гляжу из кабины вниз влево и внезапно вижу в проеме обвала, прямо под колесами машины, Гульчу, пенящуюся далеко внизу. Впечатление настолько ошеломляющее, что я невольно отшатываюсь. Кажется, еще сантиметр — и машина рухнет вниз! Коля довольно смеется. Левые колеса машины ползут

по самому краю дороги, а правый борт почти чиркает по отвесной стене скалы, уходящей ввысь. Напряженное молчание.

Двум машинам здесь не разъехаться, но «мертвая петля» просматривается с двух сторон, и сейчас мы видим, как метрах в трехстах впереди, у противоположного конца опасного участка замерли два встречных грузовика.

(Позже это место было значительно расширено и сейчас особой опасности не представляет, хотя обвалы нет-нет да и сократят проезжую часть до предела. Тогда снова гремят взрывы, и дорожники, вгрызаясь в скалу, отвоевывают у нее еще несколько метров. И так, видимо, без конца.)

Короткая остановка в очередном поселке, Суфи-Кургане. Наступило самое жаркое время дня, но жары здесь нет: сказывается высота. Поселок весь в свежей, не успевшей запылиться зелени. Время как бы пошло назад; из жаркого лета мы попали в разгар весны. Мы уже высоко, выше двух тысяч метров, но пока что не чувствуем этого. Прекрасный свежий воздух бодрит, как купание в нарзанной ванне, настроение отличное.

После Суфи-Кургана мы едем по довольно широкой долине. То здесь, то там на склонах появляются группы странных корявых деревьев, скорее даже кустов. Арча, догадываюсь я. Кусты одеты мягкой длинной хвоей и благоухают самыми ароматичными смолами. Арча — первый ощутимый признак высокогорья. До этого я видел только темно-зеленые пятна арчи у самых гребней хребтов и сейчас, оказавшись с ней рядом, понял, на какую большую высоту мы уже поднялись.

Арча — замечательное дерево среднеазиатских и центральноазиатских гор. У верхней границы произрастания и в других местах она превращается в сильно ветвистый, нередко ползучий кустарник, который называют стелющейся арчой. Но там, где условия благоприятны, например на северных склонах Туркестанского хребта, арча достигает восьми — десяти метров высоты при толщине ствола в полметра и образует самые настоящие леса.

Ак-Босого... Отсюда начинается подъем на Талдык, первый серьезный перевал на пути к Памиру, оседлавший Алайский хребет. Тал по-тюркски означает «кустарник», но слово имеет еще одно значение — «уста-

лый, усталость». Действительно, серпантины перевала способны утомить любого путника.

Машины остановились у мостика через небольшую приветливую речку, тяжело съехав с дороги на мягкий гравий берега. Последняя проверка тормозов, баллонов, наливаются доверху радиаторы. Мы стоим с Леонидом в стороне, я фотографирую. Крутые склоны гор скрыты ярко-зеленым ковром травы, который то здесь, то там прорывают крупные выходы скал. Они то пепельно-серые, то ярко-красные; видно, как обнажившиеся на каком-нибудь срезе породы залегают слоями, поставленными почти вертикально. Глядя на них, представляешь себе поистине колоссальную силу тектонических движений земной коры, сминающих любые породы, как папиросную бумагу, и громоздящих одна на другую тысячеметровые толщи.

— Обрати внимание на склоны, на траву, — говорит Леонид.

— А что? — недоумеваю я. — Красиво!

— А вот потом увидишь, что будет.

Мы расходимся по машинам.

Талдык. Первый серпантин, второй, третий, пятый... Кажется, им нет конца. Машины ползут и ползут вверх, еле выкручивая на поворотах с серпантина на серпантин. Мы уже изрядно поднялись, но вершины перевала еще не видно. Если выглянуть из кабины, можно прямо под нами видеть внизу белые ступени серпантинов с медленно ползущими по ним жуками-машинами. Взгляд вверх — в полнеба склон, и на фоне клубящихся облаков плечо очередного серпантина с черным силуэтом грузовика.

Вскоре мы забрались на один уровень со снежными вершинами соседних гор. Далеко внизу остались последние кусты ползучей арчи. Исчезла трава. Кое-где у дороги появились первые пятна снега. Вечернее солнце, прорвавшись напоследок сквозь тучи, осветило снега, покрывавшие вершины. На этом мрачно-фантастическом фоне резко обрисовался очередной поворот с пошатнувшимся указателем. Дорога, все еще петляя со склона на склон, упрямо лезла вверх. Перед вершиной перевала снег лежал нетронутыми пластами, а дорога представляла собой трехметровой глубины ледяную траншею. Наконец-то, пройдя в обратном порядке времена года, мы добрались до зимы!

...И вот подъем кончился. Ей-богу, мне даже показалось, что машина вздохнула совсем по-человечески. Дальше начинался спокойный, пологий спуск.

Впоследствии мне не раз приходилось пересекать этот перевал, и всегда он волновал по-новому. Помню, как-то мы поднимались на Памир в конце июня. ГАЗ-51 медленно полз вверх. Был поздний вечер, и на перевале бесновался снежный буран. Фары едва пробивали стремительно несущуюся лавину снега, высвечивая то обрыв склона, то стройный ряд ограничительных столбиков на очередном повороте. Вдруг замигали вспышки света. Нас обгоняли. Какой-то порожний фургон стремительно обошел на повороте наш поспешно подавшийся в сторону ГАЗ и на какую-то секунду, в ореоле высвеченной его фарами метели, повис над бездной черным силуэтом. Шофер явственно вздрогнул, а я чуть не зажмурился от ужаса — все, катастрофа! Но нет, машина выпрямилась и, резко вильнув в сторону, снова выскочила на полотно серпантина.

В другой раз я как-то спускался с Талдыка так «весело», что только чудом остался жив. Мне пришлось ехать в кабине порожнего грузовика с молодым и вдребезги пьяным шофером. В паре с ним шел еще один пустой грузовик, управляемый не менее пьяным юношей-киргизом, другом-приятелем моего водителя. Они подобрали меня у Каракуля, где я голосовал на дороге. В Алайской долине мои веселые юноши встретили своих коллег, поднимавшихся на Памир с грузом спирта. Это было причиной. О следствии я до сих пор вспоминаю, содрогаясь. На опасном спуске с Талдыка предельно развеселившиеся юнцы устроили, мягко выражаясь, гонки. Разгоняясь на очередном серпантине, они с хохотом жали педали тормозов, проходя немыслимо крутые повороты на сплошных заносах. Несколько раз при этом машины были на волосок от гибели, чуть-чуть не вылетая с поворота на склон. Видя, что мой откровенный испуг только подзадоривает парня, я тоже стал улыбаться, но дверь кабины тихонько открыл и был готов к прыжку каждую секунду стремительного спуска...

...Машины добрались до Сары-Таша в полной темноте. Половина дороги осталась позади. Грязная столовая, скудно освещенная одной керосиновой лампой, была еще открыта, и мы успели перед сном пропустить

по стаканчику и подкрепиться. Потом все устроились на ночлег в шоферской гостинице, где, повалившись на скрипучие, но мягкие койки, вмиг погрузились в глубокий сон.

Встали рано, в серых предрассветных сумерках. Вздрагивая от холода (было минус пять градусов), я вышел на улицу и тут впервые увидел наконец Памир. Он стоял впереди гигантской ледяной стеной Заалайского хребта, вздымающейся на четырехкилометровую высоту над плоским пространством Алайской долины. Величественные шеститысячники, громоздясь один над другим, уходили влево и вправо за горизонт. Здесь только начиналась весна, и хребет был скрыт сверкающим снежным покрывалом почти до самой подошвы. С полчаса я простоял в каком-то ошеломлении, благоговейно созерцая это фантастическое зрелище. Близился восход, и хотя вся долина была еще в тени, там, на хребте, одна за другой загорались в первых солнечных лучах ледяные грани пиков. Позже, когда наши машины пересекали долину, хребет стоял неприступной громадой льда и снега, сплошь залитый ярким солнечным светом...

Алайская долина была тиха и безжизненна. Бурая земля недавно освободилась из-под снега, нигде ни травинки. Какой контраст с тем, что делается здесь в середине лета! Бескрайний простор долины скрыт пышным травяным ковром. Всюду белеют палатки скотоводов, дымят юрты, воздух наполнен звоном жаворонков, ржанием и топотом десятков табунов, глухим блеянием отар, пронзительно-визгливыми криками пастухов, стремительно проносящихся мимо на откормленных конях. Замечательные пастбища Алайской долины вмещают летом громадное количество скота, сгоняемого сюда из трех республик.

Оставив долину позади, машины вползают в узкую щель, стиснутую круто уходящими вверх склонами. Начинается медленный, долгий подъем на первый памирский перевал Кызыларт (Красный перевал). Все вокруг действительно красноватых оттенков — склоны, осыпи, даже вода в бегущей рядом с дорогой речке красно-бурая. Склоны совершенно голые, не видать ни травинки — разительный контраст с зеленым Алаем!

Леонид не зря обратил мое внимание на роскошный травяной покров перед Талдыком. Мы въезжали в но-

вую страну — Высокую Центральную Азию, страну высочайших нагорий, высокогорных пустынь, резко континентального климата, холодного и сухого, огромную страну, скрытую за цепями громадных хребтов, западным бастионом которой является Памир.

Наконец наступила торжественная минута. Мы — на перевале, мы — на Памире, мы — в Центральной Азии!

Машины остановились: оказалось, что у одной из них спустил баллон. Я мог вдоволь, без спешки насладиться первым впечатлением.

Перед нами тянулись пологие, сравнительно невысокие гряды гор, пестрящие пятнами снегов. Величественно грозный со стороны Алайки, как называют долину водители, с юга Заалайский хребет кажется совсем иным. Сильно изрытые оврагами-саями склоны с россыпями камней и выходами скал полого сбегают вниз, к неширокой плоской долине. Безмолвие, нигде ни былинки; тишину нарушает только свист холодного ветра. Отныне этот монотонно-унылый свист будет сопровождать меня почти непрерывно, во всякое время дня и ночи, от первого до последнего дня работы на Памире...

Необычно и красиво разнообразие красок обнаженных пород. Длинный отрог хребта, спускающийся вниз перед нами, почти черный. Слева от него идет гряда ярко-малинового цвета, а между ними тянется серо-коричневая долина, в конце которой мрачной смесью бурых, синих и зеленоватых красок навис еще один хребет, увенчанный белоснежной каймой.

Взглянув на меня, Леонид неопределенно хмыкнул. Восторженный вид неоперившегося студента, вероятно, не очень вязался с окружающим миром...

Вот это пошла дорожка! Спуски, повороты, взлеты, как на «американских горах». Машины то скатывались в глубокий сай, то с ревом преодолевали крутой склон морены, то медленно ползли по бесчисленным ухабам полотна, проложенного по бугристой долине. Когда-то эту долину сплошь перепахали могучие ледники. Временами грузовики наши трясло так, что приходилось только удивляться, как они не рассыпаются на части. Только теперь я понял суровое предупреждение Леонида насчет упаковки ящиков:

— Имей в виду,— сказал он перед началом упаковки,— из этих ящиков будут вышибать душу целые сутки подряд.

Несмотря на категорическое предупреждение, трудности дороги рисовались мне весьма смутно, а окончательно все стало ясно слишком поздно, уже на биостанции, во время долгих и мучительных попыток рассортировать невообразимую кашу, в которую превратилось содержимое моих ящиков...

Широкий простор Каракульской котловины открылся неожиданно. Крутые склоны отошли в стороны, и машины выкатились на ровную поверхность, слегка всхолмленную старыми моренами. Наконец показался Каракуль, одно из крупнейших высокогорных озер нашей страны. Он еще не вскрылся. Окаймленный по горизонту снежными хребтами, Каракуль лежал громадным ледяным щитом, искрящимся на солнце. Могучие снежные хребты вдали казались игрушечными. С них ползли тучи, там бушевала метель, но над котловиной небо было ясное.

Таким и запомнилось мне озеро — гигантская сверкающая гладь в кольце закутанных в тучи снеговых вершин. Потом я видел его уже без ледяной брони, но так же ослепительно сверкала водная поверхность, окруженная темным кольцом гор, наполовину скрытых клубящимися облаками.

Дорога шла вокруг озера, довольно далеко от берега, по мертвой, почти лишенной растительности почве. Местами мы попадали в настоящую песчаную пустыню — песок лежал со всех сторон, и ветер нес его через дорогу тонкими струйками. Просто не верилось, что мы на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Потом мы выбрались на берег реки, текущей по широкой долине («Музкол!» — прокричал Коля), и долго ехали вдоль берега. Реки почти не было видно, ее целиком скрывала обширная наледь около пятисот метров шириной, которая тянулась на несколько километров и напоминала настоящий ледник. Местами, где в наледи образовались бреши, была видна бурлящая вода, текущая под ледяным щитом не менее двух-трех метров толщины. Наледь эта нередко не стаивает целое лето, и некоторые исследователи даже считали ее долинным ледником. Расположение у самой дороги очень удобно для добычи льда, идущего для устройства ледников.

Погреб-холодильник биостанции загружался обычно музкольским льдом (кстати, Музкол в переводе с киргизского означает «ледяная река»).

В этой мертвой высокогорной пустыне, неприветливой и холодной, все-таки заметны были признаки жизни. Часто попадались бегавшие у дорожного полотна рогатые жаворонки, обыкновенные памирские птицы. Свое название они получили за маленькие черные пучки ушных перьев, очень похожие на рожки. В одном месте, уже за Каракульской котловиной, наши машины подняли со склона стайку скалистых голубей. Они стремительно рванулись куда-то вверх, мелькая на солнце белым подбоем крыльев. В другом месте дорогу перебежал заяц, а когда грузовики, тяжело урча, стали взбираться на перевал Акбайтал (Белая Лошадь), низко, над самой дорогой, плавно прошел бородач. Я высунулся из кабины почти по пояс, наблюдая, как эта громадная хищная птица, почти не шевеля крыльями, парила над склонами, медленно поднимаясь вверх.

Акбайтал был последним и самым высоким перевалом на нашем пути. Высота его над уровнем моря — 4655 метров. До прокладки Тибетского автомобильного тракта это был самый высокий автодорожный перевал в мире. Подъем на него долог и изнурителен, но серпантин здесь почти нет, дорога большей частью идет прямо, вдоль русла небольшой речки.

Передняя машина вдруг резко затормозила. Из кабины выскочил Леонид и замахал руками. Коля вскрикнул: «Смотри, архары!» Машина остановилась, и я тоже выскочил на дорогу. Но слезящиеся от ветра, пыли и ослепительного сияния солнца глаза ничего не могли увидеть.

— Да вон, вон же они, — указывал рукой Леонид, — вот бегут, пять штук! Ну, видишь?

Наконец, прибегнув к помощи бинокля, увидел животных и я. Окраска архаров, крупных горных баранов, совершенно сливалась с серым цветом склона. В бинокль было хорошо видно, как стройные животные бегут тесной группой вверх. Метрах в пятистах от нас они, как по команде, замерли, повернув к машинам головы, украшенные великолепными рогами. Затем снова, но уже не спеша потрусили дальше.

На самой вершине перевала мотор вдруг заглох: засорились жиклеры карбюратора. Стартер не работал,

и после продувки заводить мотор пришлось ручкой. Коля взобрался в кабину и ласково попросил меня «крутануть». Я напыжился, рванул ручку на один оборот, второй, третий, и... все поплыло у меня перед глазами. Холодные ледяные вершины вокруг понеслись в стремительном хороводе, ноги потянуло в сторону, и я буквально рухнул на крыло. Прошло не менее минуты, прежде чем я пришел в себя. Только сейчас я понастоящему почувствовал, что такое высота. Сказался стремительный, без всякой акклиматизации, бросок на Кърышу Мира. Коля только посмеялся, почесал в затылке и с двух оборотов завел двигатель сам.

Как оказалось потом, я был не первым и не последним, кого подобным образом разыграли шоферы. Что дело тут главным образом в акклиматизации, я убедился позже, два года спустя. Меня вез тогда Саша Дерунов. Наша машина заставляла всех встречных поспешно шарахаться в сторону: в кузове ее был укреплен громоздкий гусеничный трактор, который нужно было доставить на биостанцию. Благодаря этой махине центр тяжести всего сооружения оказался высоко наверху, и поэтому даже слабый крен был очень опасен. Больше всего страху мы натерпелись на Талдыке и Кызыларте, где несколько раз при поворотах с серпантина на серпантин машина едва не сваливалась вниз. А на подъеме к вершине Акбайтала, крутом и длинном, мотор в разреженном воздухе не тянул. Поднимались так. Чуть только обессилевший мотор начинал глохнуть, Саша сразу же сажал машину на тормоза. Я бежал сзади, прижимая к животу увесистый камень, и, едва Саша начинал тормозить, бросал его под заднее колесо. Машина грузно оседала назад, на камень, и замирала на месте. Затем Саша разгонял мотор и, резко включив передачу, рывком проходил десяток-другой метров, после чего все повторялось сначала. Устал я, конечно, тогда предельно, но никаких головокружений и тошноты не было.

Акбайтал... Конечно, он не очень эффектен. Но для меня это самый волнующий перевал. Громадные вершины хребта Музкол, закованные в лед и снег, ощетилившиеся черными гребнями скал, здесь как будто совсем рядом. Нередко облака оказываются внизу, и, когда едешь над ними, на уровне вечных снегов, ощущение создается совершенно необыкновенное!

Темнело. Машины дружно пылили по прямой как стрела ленте тракта. Мы мчались по широкой и ровной долине Акбайтала, окаймленной крутыми склонами скалистых гор. Садившееся солнце временами прорывалось сквозь тучи и внезапно освещало отдельные участки гор, то красные, то желтые, то синие. Постепенно краски тускнели, переходя с темнотой во все оттенки черного и синего цветов. Затем все потонуло в сплошном мраке, и только полотно дороги мчалось на нас в ярком свете фар.

Справа, из глухой тьмы у подножия хребта, вдруг дружно замигала стайка огоньков.

— Ну вот и Чечекты, — облегченно вздохнул Коля. — Биостанция!

После трудной дороги спалось крепко. Разбудил меня могучий рев ишака, надсадно оравшего прямо под окном комнаты, в которую нас вечером поместили. В окно било яркое солнце, был виден кусок темно-синего неба. Только я собрался вставать, как дверь распахнулась и в комнату вошел Леонид в сопровождении высокого широкоплечего киргиза. Входя, тот согнулся почти вдвое.

— Еще дрыхнет! — возмущенно зашумел Леонид. — Смотри, Мамат, это ленинградский студент, — представил он меня таким тоном, каким в зоопарке поясняют маленьким детям: а вот это-де, ребятки, белый медведь!

Так я познакомился с Маматом Таштанбековым, рабочим биостанции, постоянным спутником в наших последующих скитаниях по горам Памира. Это был опытный путешественник. Он так сработался с Леонидом, что уже прекрасно разбирался в растениях и многие из них называл по-латыни. Мамат был весьма эрудированным человеком, а его богатая приключениями жизнь делала его интересным собеседником.

Подгоняемый сердитым ворчанием Леонида, я стремительно оделся, и мы втроем вышли наружу. Яркое высокогорное солнце заставило меня зажмуриться, а когда глаза немного привыкли к свету, я прежде всего увидел красивую снежную вершину, возвышающуюся над станцией. Это был пик Зор, последняя крупная вершина в южной оконечности хребта Музкол.

По маленькой улочке биостанции сновали сотрудники, разгружались пришедшие машины, бродили ишаки и собаки. У конюшни в кучах навоза копошились снеж-

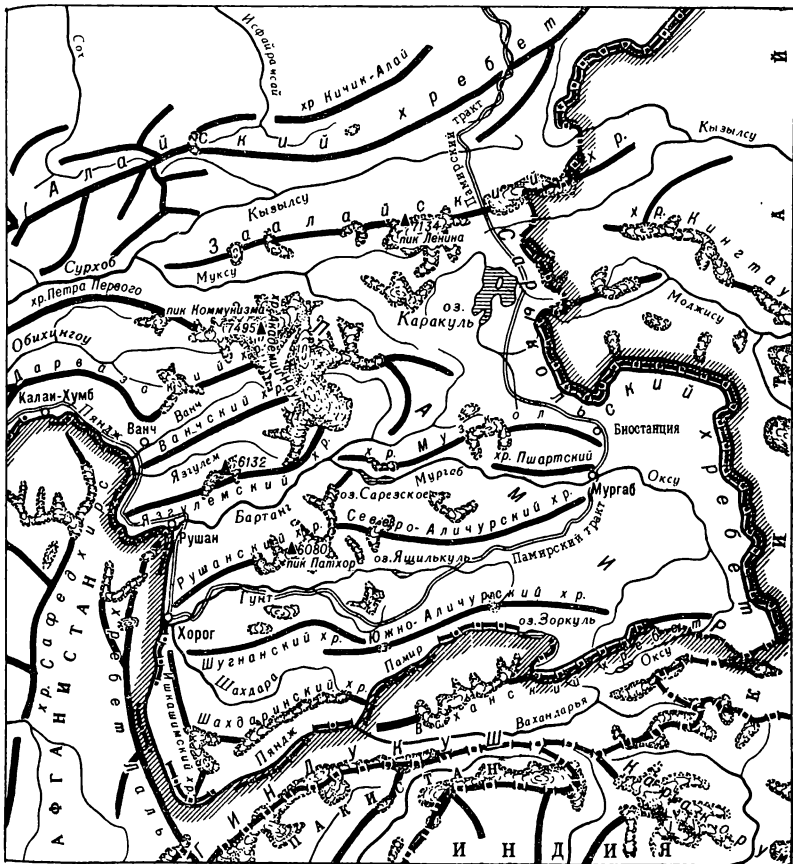
ные воробьи. (Окраска их — красивое сочетание белого, черного и серого цветов, голос — звонкое чвиньканье. С нашим домовым воробьем у них мало общего, разве что любовь к человеческим поселениям.)

Так началось мое знакомство с Памирской биологической станцией, ставшей для меня основным стационаром на все последующие годы работы. Отсюда совершались многочисленные выезды в короткие и дальние маршруты или на временные стационары, которые, в зависимости от ситуации, я разбивал в самых различных местах нагорья.

Конечно, прежде всего я постарался обшарить как следует окрестности биостанции. Расположена она очень удачно, и в непосредственной близости от нее можно встретить почти все наиболее характерные ландшафты Памира — от ветреных полупустынных равнин до глубоких снегов, скрывающих вечным покровом гребни гор. Белые домики биостанции приютились у самого подножия хребта Музкол, вернее, его южной оконечности. Некоторые вершины этого хребта, одного из самых высоких во внутренних частях нагорья, поднимаются более чем на шесть тысяч метров. Над биостанцией возвышается пирамидальная вершина красавца Зора, высота которого, как меня уверили сначала, была 6009 метров. Только два года спустя удалось выяснить, что на картах пик этот именуется Акджилгой, а высота его всего 5650 метров.

С южной стороны, из широкой и сухой долины Восточного Пшарта, Зор выглядит менее внушительно, и снег венчает только самую его вершину. Зато с северного склона, заснеженного почти сплошь, круто падает вниз висячий ледник, отороченный по краям черными зубцами скал. Ледник буквально висит над большим ледниковым цирком, который расположен на высоте 4760 метров и очень живописен. Нередко за зиму его так заваливает снегом, что он не оттаивает до июля.

Отсюда берет начало Чечектинка, веселая, быстрая речка, дающая воду опытным полям биостанции. Она начинается небольшим ручейком, который, выходя из цирка, стремительно катится вниз, прорывая древние морены. За пятнадцать километров пути до станции Чечектинка принимает несколько притоков, небольших ручьев, текущих по глубоко врезанным в склоны гор щелям. Местами эти щели напоминают миниатюрные

Памир

каньоны. Бурная и многоводная июльскими вечерами, в разгар таяния снегов, к утру Чечектинка превращается в чистую тихую речку.

К осени воды становится все меньше, и уже в августе она достигает станции только по вечерам, иссякая к утру: после ночных заморозков таяние снегов в верховьях полностью прекращается. В сентябре вода все реже и реже доходит до станции, а в октябре река совсем пересыхает. Только в верхней части долины, в небольшом ущелье, вода все еще струится в теплые дни, замерзая ночью и постепенно образуя толстенный

слой льда. Эта напоминающая миниатюрный ледник наледь скрывает долину. Нередко она так и не успевает растаять за лето, хотя и сильно уменьшается.

Словом, Чечектинка — типичная памирская речка. Впадает она в Акбайтал, но действительно впадать в него ей удается только в июле, и то далеко не всякий день. Правда, половину своей воды Чечектинка отдает полям станции. Кстати, и в самом Акбайтале вода течет тоже только в середине лета.

По имени речки урочище, в котором расположена биостанция, тоже называется Чечекты. Мы называли его сокращенно-ласкательно — Чичики. По сути дела, для нас Чечекты был маленьким островком цивилизации, затерянным среди диких, суровых гор. Здесь мы приходили в себя после долгих маршрутов или длительных стационарных работ, где дом твой — палатка, основной спутник — собачий холод, еда — дважды в сутки и работа — от восхода до заката. Теплые, чистые комнаты, электричество, книги, радио, кино, трехразовое питание, причем с нормальным обедом из первого, второго и третьего, — все это после суровых полевых будней доставляло особое удовольствие.

Помимо чисто материальных благ изобиловала и духовная пища. Я уже упомянул о книгах и кино, а недостаток в интересных людях на станции никогда не было. Особенно памятны первые годы работы на Памире, когда станцией руководил Кирилл Владимирович Станюкович. Двери станции всегда были гостеприимно распахнуты для всех экспедиций и просто бродяг-одиночек. Если Кирилл Владимирович находился на станции, то гостей он встречал сам. Его громадная, обтянутая тельняшкой фигура и басовитое «Приветствую вас, синьоры» производили действие совершенно неотразимое, и «синьоры», в особенности новички, сразу же чувствовали, что попали в место не совсем обычное. А заезжали на станцию многие, редкая экспедиция или группа миновала ее. Кто только не побывал здесь за последние два десятка лет!

Конечно, гостей привлекала не только возможность получить сносный ночлег, но и целый круг любопытнейших проблем, над которыми работали сотрудники станции. Станция занимается главным образом изучением растительности Памира. Здесь исследуются растительный покров гор, закономерности изменения его с

высотой, особенности биологии памирских растений, процессы фотосинтеза на больших высотах. Наряду с этими важными научными исследованиями здесь выполняются работы, имеющие непосредственное практическое значение, — картирование пастбищ, разработка способов их обогащения за счет местных естественных ресурсов, изучение методики выращивания сельскохозяйственных культур и другие. Многие исследования, выполненные на биостанции, получили всемирную известность.

БАРХАНЫ У ВЕЧНЫХ СНЕГОВ

Лошадей было три: горячая, «дурная», но выносливая кобыла Камелия, послушный, работающий Жмых и хромой хитрец Партнер — все гнедой масти с белыми чучочками. Отдохнувшие за время долгого зимнего безделья, они выглядели бодро и живописно.

На этой троице нам предстояло выполнить небольшой, как сказал Леонид, рекогносцировочный маршрут к подножию снежного гиганта Музтагаты (в переводе «отец ледяных гор») — этак километров сто двадцать в один конец. Несмотря на то что шел лишь четвертый день моего пребывания на Памире и второй — приобщения к верховой езде, я был полон оптимизма, как вырвавшийся на волю щенок. Еще бы! На лошадях, по самому сердцу Памира!

Леонид собирался обстоятельно, сразу и накрепко приучая меня к особенностям лагерной памирской жизни. Палатка, спальные мешки, без которых здесь ни шагу, кастрюля с чайником, паек на четыре дня, торба с овсом. Ну и снаряжение: ружья, гербарные сетки и прочее. Ехали втроем. Третьим был Джура, сын Мамата Таштанбекова, быстроглазый паренек-шести-классник, крепкий, словно гриб-боровик.

Выехали на рассвете. Было, как обычно, тихо. Таинственные силуэты гор красивыми зубцами оторачивали светлеющий горизонт. Первым на приплясывающей Камелии ехал Леонид, который за годы работы на Памире научился справляться с любой лошадьёю. Затем мимо спящих домиков на послушном Жмыхе продефилировал я, держа ружье поперек седла, как в лучших

ковбойских фильмах. Шествие замыкал Джура, угнездившийся на куче скарба, навьюченного на Партнера. Лошади процокали мимо опытных полей, по мосткам через арыки, и вслед за тем наш небольшой караван сошел с дороги, двинувшись напрямик к широким воротам между двумя хребтами — входу в Ранкульскую котловину.

Мы ехали по ровному пространству долины Акбайтала. Под копытами то мягко шелестел песок, то позванивал гравий, то глухо стучала глина. Редкие кустики терескена и полыней усеивали серовато-бурую поверхность темными пятнышками.

Прошел час, второй, третий. Наконец мы пересекли долину, миновав совершенно сухое русло. Вода здесь, как я уже говорил, бывает только в июле, в разгар летнего паводка, но и тогда эту речку, текущую по несоответственно широкой долине, можно всюду перейти вброд, не замочив колен. Перед нами уходила вдаль ровная, как стол, Ранкульская котловина, поблескивая на солнце зеркалами озер и солончаков. Было тихо, и нагретый утренним солнцем воздух дрожал, создавая причудливые миражи. А под копытами все тот же щебень, та же глина, и вокруг все те же редкие кустики терескена...

Минуя Шоркуль, соленое озеро, окруженное белой каемкой выпаренных солей, мы попали в «тяжелые» пески. Это была уже настоящая пустыня. И только берега Ранкуля радовали глаз сочной зеленью лугов, полукольцом охвативших озеро.

Наконец мы добрались до кишлака Ранкуль, где попали на гостеприимный достархан в домике одного из друзей Леонида. К этому времени я уже еле сидел в седле. Позади же остались только первые сорок километров маршрута, а впереди — ой-ой-ой! Безграничное гостеприимство хозяина дома и мой не совсем нормальный вид подсказали Леониду мудрое решение — задержаться здесь до утра. Лошадей отвели пастись на луг, а я, когда немного отошли ноги, заковылял к озеру знакомиться с прибрежными лугами.

Шел третий час дня, и тихую утреннюю котловину невозможно было узнать. Буйные порывы ветра крутили по ровным просторам высоченные смерчи, а немного погодя из одной боковой долилки выкатился вдруг черный ком, стремительно разрастающийся в тем-

ную сплошную стену песчаной бури. Тучи пыли скрывали горы одну за другой. Солнце сверкало по-прежнему, но утреннего тепла не было и в помине. Порывы сухого холодного ветра и обжигающие лучи высокогорного солнца стягивали кожу. Птиц не было видно, все как бы вымерло, и только в густой низкой траве прибрежных лугов кипела жизнь, хоть и прижатая ветром к самой земле.

...А наутро опять тихий рассвет с теплой гаммой красок, пересвисты рогатых жаворонков, бегающих среди терескеновых кустиков, и опять под копытами песок, щебенка, галька, песок. Опять мы трусим по ровной, как фанера, поверхности долины, уходящей от котловины вверх к подножию Музтагаты, к перевалу Пангазбель. Подъем почти незаметен, хотя, возможно, лошади наши придерживаются другого мнения. И вновь склоны гор проходят мимо нас, изрытые саями, с редкими выходами скал, покрытые осыпями и каменными полями, кустиками терескена. Пусто, тихо, безжизненно...

Ближе к перевалу все как-то незаметно переменялось. Вокруг была та же полупустыня, но растений стало заметно больше, безжизненность как рукой сняло. Леонид собирал по пути гербарий, и остановки делались часто. Расхаживая среди камней и разминая затекшие ноги, мы испугивали жирных, толстых зайцев, удиравших от нас вверх по склонам. В воздухе проносились стайки голубей; одна такая стайка кормилась на дне долины. Среди голубей чернели ловкие фигурки клушиц — высокогорных галок. Их протяжные, звонкие крики то и дело оглашали долину. А под самым перевалом я наконец впервые увидел стадо архаров, не группу в несколько голов, а именно стадо, в котором было около сотни животных. Заметив нас, архары подняли головы, постояли некоторое время неподвижно и, подпустив метров на шестьсот, тронулись тесной группой на противоположный склон. Когда расстояние между нами превысило километр, они вновь остановились, понаблюдали за нами и, убедившись, что мы продолжаем свой путь, опять принялись за кормежку. Проезжая участок, где только что кормилось стадо, мы увидели сплошь вытопанную копытами почву, объеденные и обкусанные стебли растений, обильный помет, будто здесь стояла отара овец.

Несмотря на частые остановки, к вечеру мы добрались почти до самого перевала, не доехав до него каких-нибудь пять километров. В наступившей темноте уже ничего не было видно, только смутные силуэты гор впереди. Я помог Леониду растянуть палатку в глубоком сае и забрался в спальный мешок. Лошади стояли рядом, пережевывая насыпанный в торбы овес. Пастись им было негде. Холодная тишина звездной памирской ночи плотно сомкнулась вокруг. И если бы не лошадиное чавканье, без особого напряжения можно было вообразить себя на какой-либо мертвой планете, затерянной в глубинах космоса...

Ночью погода испортилась, и, когда мы встали, по небу сплошной толпой шли синие тучи. Летел даже легкий снежок. Но, касаясь земли, снежинки исчезали, оставляя мокрые пятнышки, высыхавшие на глазах. Сверху доносились тревожные посвисты уларов. (Этих крупных птиц из отряда куриных называют еще, на мой взгляд неудачно, горными индейками.)

Перевал лежал прямо перед нами — пологая седловина, ведущая в долину на противоположном склоне хребта, в бассейн реки Оксу (по-киргизски «оксу» — «белая вода»). Ни на какой перевал эта седловина не походила — та же терескеновая полупустыня, которую несколько разнообразили полосы перевеваемого ветром песка. Дальше, к подножию Музтагаты, эти полосы сливались в сплошные поля, громоздились буграми друг за друга. Они покрывали гребень бокового отрога, образуя гигантский бархан, вершина которого курилась мелким песком, вздымаемым ветром. Волнистый гребень бархана четко выделялся на фоне клубящихся облаков, которые, увы, скрывали колосс Музтагаты до самого основания.

Часам к одиннадцати погода улучшилась, небо над нами прояснилось, но, к великой нашей досаде, на Музтагате тучи сидели плотно, как приклеенные. Действительно, что может быть обиднее — побывать у подножия 7,5-километрового гиганта и не увидеть его. Только в середине дня, когда, закончив работу, мы тронулись в обратный путь, где-то далеко наверху в облачном покрывале открылась небольшая прореха и сквозь нее проглянул крутой снежный склон, сразу же ослепительно засверкавший на солнце. Только сейчас, запрокинув голову, чтобы разглядеть открывшийся высоко

над нами участок снежного склона, я по-настоящему почувствовал всю грандиозность этой вершины, которую заслуженно называют Отцом Ледяных Гор.

Обратно мы ехали над долиной, по нижней части пологого склона, изрытого глубокими саями. Я никак не мог понять, какая вода промывает эти сая. Горы здесь низкие, лишены вечных снегов, а следовательно, и воды; дождей, я знал, тут не бывает. Леонид объяснил, что это дело талых вод: зимой на склонах скапливается снег, быстро тающий под лучами апрельского солнца. Кроме того, очень редко, раз в двадцать — тридцать, а то и в сто лет, на Памире летом выпадает, большей частью в виде снега, очень много осадков — в несколько раз больше обычного. Так было летом 1965 года, когда частые дожди и снегопады буквально преобразили Памир. На Маркансу, в наипустыннейшем из пустынных мест Памира, в начале августа отряд Леонида завалило снегом! В долине толщина свежевыпавшего снега достигала тридцати — сорока сантиметров. Бурное таяние такой массы снега неизбежно вызывает размыв поверхности.

Когда Жмых бодрым шагом (почуял, хитрец, что повернули назад!) пересекал очередной сай, из-под самых его копыт выскочила маленькая птаха и заметалась вокруг с тревожным писком. Резко осаженный удилами, Жмых встал как вкопанный. Прямо подомной, прижатое к кустику терескена, виднелось чье-то гнездо с тремя темными, в частых пестринках яичками. находка привела меня в полнейший восторг. Кубарем скатившись с седла, я радостно замахал Леониду. Узнав, в чем дело, он был несколько разочарован, хотя и постарался это скрыть. Во время своих скитаний он не раз находил гнезда разных птиц, тем не менее он не считал нужным гасить энтузиазм студента.

Гнездо принадлежало рогатому жаворонку. Яйца были сильно насижены, одно даже слегка наклонуто, поэтому самка и подпустила нас так близко и так сильно волновалась. Погода стояла холодная, и инстинкт требовал от самки немедленного возвращения к гнезду: охлаждение яиц перед вылуплением птенцов наиболее опасно. Я постарался сделать все необходимые измерения и снимки как можно быстрее.

Рогатый жаворонок — обычнейшая птица высокогорных пустынь. Но помимо гор эти жаворонки насе-

ляют еще обширные участки степей и тундр Азии и Северной Америки. Такое широкое распространение говорит о том, что эти птицы могут хорошо приспосабливаться к различным условиям. На Памире они по численности занимают второе место, уступая первое горным выюнкам. Больше всего рогатые жаворонки любят гнездиться на пологих участках, там, где склоны постепенно переходят в ровную гладь долины. Изрытые саями и усеянные камнями, такие участки изобилуют укромными местечками, в которых можно скрыть гнездо от холодного ветра.

Киргизы называют рогатого жаворонка каракаш, то есть «черные рога».

В гнездовой жизни рогатых жаворонков на Памире есть несколько интересных особенностей. Одна из них — расположение гнезда. Кажется, что главной заботой птицы является стремление защитить гнездо прежде всего от ветра и, следовательно, от холода. Впрочем, то же самое характерно для подавляющего большинства памирских птиц. Самки рогатых жаворонков начинают сооружение гнезда обязательно под защитой какого-нибудь укрытия, будь то крупный камень, бугорок или густой кустик терескена. Птица инстинктивно учитывает преобладающее направление ветров в данной местности, которое в общем-то довольно постоянно. Поэтому, просмотрев несколько гнезд в какой-нибудь долине, даже в безветренную погоду можно определить направление господствующих здесь ветров.

Выбрав место, рогатый жаворонек выкапывает ямку, где и строит гнездо. Оно вьется из тонких травинок, имеет толстые стенки и выстилается растительным пухом — белым рыхлым опушением семян различных растений; в общем это теплое гнездо. Но вот незадача! Свежие выбросы грунта, образовавшиеся при рытье ямки с подветренной стороны, резкими пятнами выделяются на фоне поверхности, покрытой темным пустынным загаром. Это сильно демаскирует гнездо. Поэтому рогатые жаворонки аккуратно закрывают выброс кусочками почвенной корки или мелкими камешками, несущими пустынный загар, плотно пригоняя их друг к другу. Вымощенный такими камешками почвенный выброс становится совершенно невидимым, а гнездо

оказывается замаскированным настолько хорошо, что рискуешь наступить на него.

Кстати, такая выкладка из камешков позади гнезда в свое время очень озадачила английского натуралиста Хингстона. Он встретился с подобным явлением в высокогорьях Тибета и Гималаев и решил, что эта выкладка, нередко имеющая вид специально сложенного бугорка, возводится птицей для защиты от ветра. Его не смутило ни то, что такая «защита» всегда расположена с подветренной стороны гнезда, ни то, что такое сооружение излишне при обилии вокруг надежных естественных укрытий.

А маскировать свое гнездо, так открыто расположенное, жаворонкам необходимо. Высокогорная галка-клушица, лисица, собака или горноста́й немедленно разоряют гнездо, если натываются на него. Даже несмотря на маскировку, от этих врагов нередко гибнет до трети всех гнезд.

И еще одно интересное обстоятельство. Мы привыкли, что в гнездах мелких птиц яиц бывает довольно много. Поэтому странно видеть гнездо жаворонка с тремя, двумя, а то и вовсе с одним яйцом. Два-три яйца — это нормальная кладка рогатого жаворонка на Памире. Четыре — уже большая редкость. А в той же Алайской долине, почти на километр ниже, в гнездах нередко бывает по шесть яиц. Все дело в количестве корма. Жаворонки выкармливают своих птенцов исключительно насекомыми, которых на пустынных склонах памирских гор не так уж много. И птица откладывает столько яиц, сколько птенцов она может выкормить.

Это относится почти ко всем птицам Памира, выкармливающим своих птенцов насекомыми. Кладки у них заметно меньше, чем у тех же видов, живущих на меньших высотах. У растительноядных птиц ничего подобного не наблюдается; это лишний раз доказывает, что все дело в корме, поскольку растительного корма на Памире хватает.

Бывает, что какая-нибудь птица откладывает яиц больше, чем положено по памирским нормам. Конец в таких случаях бывает плачевный. Однажды в щели каменной ограды я нашел гнездо пустынной каменки с пятью птенцами вместо обычных трех-четырех. Несмотря на то что оба родителя хлопотали тут же, буквально сбиваясь с ног в поисках корма, птенцы были

ужасно тощие, вялые. А ведь они были еще небольшие, пеньки перьев только-только начинали пробиваться через кожу. В дальнейшем, когда потребность подросших птенцов в корме увеличилась, часть из них должна была погибнуть от голода.

Но вернемся к рогатым жаворонкам.

Самка высидывает птенцов очень «крепко», и ее серенькая спинка полностью сливается с фоном грунта. Слетает она с гнезда на кормежку редко. В холодную погоду нельзя надолго оставлять кладку — остынет, а в солнечную в середине дня нужно, наоборот, оберегать яйца от перегрева. Ведь под лучами летнего солнца почва нередко раскаляется до пятидесяти градусов. Птенцы растут быстро и на девятый-десятый день уходят из гнезда пешком, еще не умея летать. Такая поспешность вполне понятна. Запрятавшихся поодиночке под камнями птенцов куда труднее обнаружить, чем гнездо с выводком.

Рогатые жаворонки — самые неутомимые птицы. Они пробуждаются, когда еще почти темно, и позже всех, с первыми звездами, устраиваются на ночлег. А в лунные ночи голоса их не смолкают круглые сутки. Такую активность нельзя объяснить даже нехваткой корма. Ведь взрослые жаворонки всеядны и одинаково охотно поедают как насекомых, так и семена...

Я недаром так подробно рассказываю о жизни обычной маленькой птички Памира. Если о крупных птицах и зверях в популярной литературе пишется довольно много, то о мелких, невзрачных представителях фауны обычно умалчивается. Большинство же путешествующих по нагорью неспециалистов в этой области вообще могут такие объекты и не увидеть. А жизнь маленькой, не всякому заметной птички может оказаться не менее, если не более, интересной, чем какого-нибудь громадного орла.

Обратный путь на биостанцию показался мне еще более долгим и однообразным, хотя глаз, привыкнув к особенностям пейзажа, замечал в нем все больше и больше признаков жизни.

Возвращаясь, мы огибали Ранкульскую котловину с востока. Вблизи соленого Шоркуля долго ехали по ровной поверхности такыра. Когда-то он был дном озера, но вода давно исчезла отсюда, оставив белые пятна солей. Шоркуль, как и многие другие соленые озера

Памира, окружен былмым кольцом выпаренных солей. Особенно красиво выглядит это озеро издалека, с высокого гребня какого-нибудь хребта: посреди желтоватосерой котловины синий овал в белоснежной кайме.

По другой стороне котловины мы ехали не случайно. Леониду очень хотелось познакомить меня с еще одним характерным обитателем пустынных долин нагорья — тибетской саджой. Памир — единственное место в нашей стране, где можно увидеть эту любопытнейшую птицу тибетских плато. Будучи ближайшей родственницей нашей обыкновенной саджи, населяющей пустынные равнины Казахстана, Кашгарии и Монголии, тибетская саджа живет только в высокогорье. Но и здесь саджа осталась верна плоским пустынным пространствам, хоть и поднятым на заоблачную высоту. У обыкновенной саджи пальцы ног срослись в плотное образование, напоминающее копыто. Многие и называют ее копыткой. Орнитологи считают, что такое «копыто» — приспособление для ходьбы по раскаленной солнцем почве. Может быть, это и так. Действительно, у тибетской саджи, обитающей в пустынях высокогорий, где почва никогда не раскаляется так сильно, как внизу, подобных копыт нет, все пальцы ног разделены и не имеют даже признаков срастания.

Естественно, что я горел желанием познакомиться поближе с этой любопытной птицей. Однако мне не повезло. Пропетляв километров пятнадцать по глинистым такырам, мы так и не увидели ни одной саджи. Я встретился с саджами гораздо позже и совсем в другом месте. Вот как это произошло.

В один из моих последних сезонов на Памире я вернулся как-то на станцию в конце июля, после долгой работы в холодной Аличурской долине. Едва я успел распаковать багаж и слегка отогреться у жарко горячей плиты, как в дверь ввалился Джура. К тому времени из подростка он уже превратился в солидного парня, главу семьи. В руках у Джуры была большая банка, где в растворе формалина что-то плавало.

— Вот уввак,— сказал Джура, радостно улыбаясь,— ты просил.

Действительно, я специально оставлял Джуре эту банку с просьбой подстрелить саджу, если подвернется. Просьбу мою он выполнил, наткнувшись на большое скопление этих птиц в среднем течении Акбайтала,

невдалеке от Памирского тракта. Конечно, на следующий день я уже стоял чуть свет на тракте с поднятой рукой.

Джура прекрасно все объяснил, и, прибыв на нужное место, я нашел саджей почти сразу. Сначала не вдалеке пролетела пара странных птиц, издававших особые, до сих пор мной ни разу не слышанные звуки. Да и полет их, с глубокими, резкими взмахами крыльев, был очень своеобразен. Это и были тибетские саджи. Раз увидев эту птицу, спутать ее с другой уже невозможно. А еще через некоторое время я наткнулся на целый табунок саджей. Их было штук пятнадцать. Они торопливо уходили от меня по ровной плоскости, перекликаясь отрывистыми криками: «Увва... ув-вва...» Тут я понял, откуда взялось киргизское название этой птицы — уввак. Подпустив меня метров на двадцать, они дружно взлетели и, пролетев с полторы сотни метров, вновь принялись за кормежку. Приземлившись, саджи выстраивались в одну линию и медленно двигались в каком-либо направлении, кормясь на ходу.

Наблюдая птиц, я ходил за ними целый час. Доверчивость их, скорее даже глупость, была поразительна, и мне тогда особенно ясна стала причина столь быстрого истребления саджи на Памире. Потом я наткнулся на другую группу, своим странным поведением приковавшую мое внимание. В группе этой было всего четыре птицы — три самца и одна самка. Последняя, подпустив меня метров на пятнадцать, побежала вдруг прочь, развесив крылья и демонстрируя прочие приемы, типичные для отводящей птицы. Самцы же отлетели подалеке, оставив самку одну. Несомненно, где-то поблизости находилось гнездо или очень маленькие птенцы.

Я взволновался до крайности. До сих пор кладку саджи удалось найти только моему таджикскому коллеге Ислому Абдусаламову, пуховых же птенцов не было и у него. Сгоряча я сразу же принялся за поиски, положив на землю рюкзак, чтобы отметить место, откуда начал искать. Но поспешность в таких делах всегда наказуется. Потеряв около часа, я несколько поостыл и приступил к более планомерному розыску. Самка за это время присоединилась к самцам, и они все вместе бродили вокруг на расстоянии ста метров от меня, не улетая.

Мне пришлось отойти метров на семьдесят и, взяв самку в поле зрения бинокля, не спускать с нее глаз. Успокоившись, она должна была непременно вернуться к птенцам или к гнезду. Действительно, помедлив некоторое время, саджи медленно двинулись в квадрат моих поисков, где я, кажется, ощупал перед тем каждый квадратный сантиметр. И вот скоро, к великому моему восторгу, рядом с самкой появились и покатались следом за ней два маленьких пушистых комочка. Пуховые птенцы!

Дальнейшие мои действия, наверное, выглядели со стороны несколько странно. Человек стремительно бросался на ничем не примечательное пустое место и начинал ползать на четвереньках. Но хотя я совершенно точно заметил место, где только что были птенцы, обнаружить их опять не удалось. Отлично понимая, что никуда убежать они не могли, а затаились где-то тут, я обыскал каждый камешек, каждый кустик, которых, кстати, было очень немного на гладкой поверхности почвы.

Пришлось повторить все сначала. На этот раз, снова заметив птенцов, я пошел к ним, не отрывая глаз от бинокля и не теряя их из виду. Таким манером я подошел к ним метров на десять, но руки уже утомились и стали так дрожать, что пришлось опустить бинокль. И опять передо мной оказался гладкий такыр, на котором, казалось, и блохе негде было спрятаться. От такой чертовщины вполне можно было растеряться. В отчаянии я вновь встал на четвереньки и стал буквально обнюхивать сантиметр за сантиметром. Трудно поверить, но первого птенца я увидел, когда он был сантиметрах в сорока от моего носа!

Конечно, освещение в тот день было отвратительное. Пыль пустыни Такла-Макан, гигантской чашей раскинувшейся к востоку от Памира, достигла и его пределов, затянув небо серой пеленой. Теней не было. Все казалось серым и плоским. Но секрет невидимости птенцов крылся в их окраске, полностью сливающейся с грунтом. Птенец сидел, прижавшись к земле, на открытом месте и все-таки был невидим на расстоянии немногим больше метра.

Взволнованный долгими поисками, я, конечно, тут же схватил пуховичка, чтобы как следует его разглядеть. Тот немедленно поднял писк, и ему сразу ответил

второй, оказавшийся у самых моих ног. Еще шаг, и я бы его раздавил. Писк птенцов звучал столь же необычно, как и крики взрослых птиц, и сильно смахивал на писк новорожденных щенят.

Заслышав голоса своих питомцев, самка заволновалась особенно сильно и вскоре бегала уже метрах в пятнадцати от меня. Временами она взлетала прямо вверх со своеобразным кукарекающим криком, с тем чтобы, отлетев метров на тридцать, вновь приблизиться ко мне пешком. Ужасно жалко было забирать птенцов, но это было необходимо. В сборах Зоологического института пуховые птенцы саджи с территории СССР отсутствовали. А откладывать это на будущее было и вовсе рискованно. Уж слишком быстро исчезает эта птица из памирских долин...

Мало осталось на Памире саджей. Из-за своей исключительной доверчивости они часто делаются жертвой охотников, прельщающихся фунтом превосходного мяса. В результате места, где еще водится саджа, можно перечислить по пальцам. И если не будет принято никаких мер, то вполне может статься, что из фауны нашей страны исчезнет еще один вид. А ведь птица эта уникальна. Она встречается у нас только на Памире, и это единственная истинно тибетская птица, заходящая в пределы нашей страны. Кроме того, это реликт третичных центральноазиатских степей. И к тому же, по сути дела, это единственная охотничье-промысловая птица, населяющая обширнейшие пустынные долины Памира. Она неприхотлива, быстро размножается и могла бы служить отличным объектом охоты, конечно, после того, как численность ее будет в достаточной мере восстановлена. Для этого необходимо полностью запретить охоту на саджу по крайней мере на несколько лет. Сейчас тибетская саджа внесена в «Красную книгу» нашей страны...

Путь наш подходил к концу. Близился вечер, становилось заметно холоднее. Мы начали мерзнуть от неподвижного сидения в седлах. Тени от гор ползли по ровной поверхности долины, захватывая все большее пространство. Котловина Рангуля осталась позади. Копыта зашуршали по сухому песку: мы вновь пересекали безводное русло Акбайтала. Ветер разошелся вовсю, он нес мелкий песок, больно секущий лицо,

Ни одной птицы вокруг, даже рогатых жаворонков не видно.

И вдруг я увидел прямо перед конем быстро бегущую птицу. Сначала я принял ее за какого-то птенца, резво соскочил с коня и кинулся вдогонку, надеясь поймать. Куда там! «Птенец» тут же взлетел и, отдалившись на безопасное расстояние, вновь продолжал свой бег по щебенке. Схватив бинокль, я успел разглядеть, что это кулик. Нетрудно было догадаться, какой. Их всего три вида на Памире, и только один, монгольский зуек, вопреки всем правилам живет не на болотах, а в пустыне, нередко за десятки километров от воды.

Свое гнездо, маленькую ямку в песке или щебенке, самка зуйка располагает совсем открыто. Серое оперение населяющей птицы и пестрые, серовато-зеленые яйца незаметны на фоне камней или песка. Монгольский зуек — единственная из обычных на Памире птиц, гнездо которой мне так и не удалось найти, настолько хорошо оно замаскировано. А птенцы всех возрастов попадались нередко. Родители в таких случаях очень волновались и отважно кидались на нарушителя покоя, проносясь всего в нескольких сантиметрах от лица. По этому беспокойству всегда можно было догадаться, что птенцы где-то рядом. А птенцы у монгольского зуйка забавные — пушистые комочки на длинных и крепких ножках-ходулях. Как и у всех выводковых птиц, птенчики почти сразу же после вылупления покидают гнездо и следуют за матерью. Через несколько дней они развиваются настолько, что догнать убегающего птенца бывает уже затруднительно.

Вдали забелели домики биостанции. Лошади резво шли прямо на заходящее солнце, и наши тени тянулись далеко позади по желто-бурой поверхности пустыни.

Пустыня убегала вправо и влево по долине Акбайтала, исчезала позади в провале Рангульской котловины и красноватыми шлейфами взбиралась по пологим склонам вверх, до самых зубчатых гребней. А впереди, на громаде хребта Музкол, пустыня, преодолев крутой подъем, упиралась прямо в вечные снега. Две пустыни, каменистая и снежная, сплетались там в тесном объятии, создавая фантастические сочетания красок, пересеченные черными штрихами скал.

От долгой езды все тело ныло, как после ночевки на булыжниках. Я то и дело менял в седле позу, с вожде-

лением поглядывая на строения биостанции, которые приближались так медленно. Бедняга Джура! Маршрут измотал и его. Когда мы, добравшись наконец до станции, неуклюже сползли с коней, здороваясь с Маматом и дядей Джуры Султаном, Джура вместо ответов на расспросы неожиданно заплакал. Заплакал беззвучно, одними глазенками, из которых покатались крупные прозрачные слезы... Реакция старших была для меня еще более неожиданной. Они буквально покатались со смеху. «Ай-яй-яй! Хо-хо-хо!» — хохотал Мамат. Еще бы, киргиз, не слезающий с седла всю жизнь, и вдруг заплакал от верховой езды! Да еще его, Мамата, сын!

И Джура, сразу же все поняв, с достоинством, в котором сказались многие поколения вольных всадников, взял себя в руки. Смахнув рукавом слезы, он деловито включился в процесс развьючивания лошадей и вскоре, окончательно отойдя, уже взахлеб рассказывал отцу и дяде о подробностях поездки.

А я, кое-как стащив с лошади вьюки и седло, шевелиться уже не мог — сидел у стены конюшни и только глупо улыбался. В ушах еще стоял свист ветра, на зубах скрипел песок, а в глазах мерно колыхались красновато-желтые краски пустыни...

НА ГРЕБНЯХ ХРЕБТОВ

В теплый рой сновидений ворвался оглушительный звон будильника. Он верещал у меня над ухом, подпрыгивая от клокотавшей в нем ярости, добрый старый будильник, способный поднять на ноги даже покойника. Поспешно прижав кнопку, я чиркнул спичкой и зажег лампу. По глинобитным стенам заметались причудливые тени, отбрасываемые пляшущим пламенем горелки. Загудел примус. В объемистой, покрытой многослойным «загаром» кастрюле забулькало замысловатое варево. Кашеобразная смесь из картофеля, лука, макарон, мяса и перца заготавливалась на несколько дней вперед. На сборы уходили минуты. Все снаряжение вместе с диспозицией готовилось с вечера.

Так начинался обычный памирский день. Только вместо глинобитной мазанки могли быть юрта, палат-

ка, комфортабельная комната биостанции или просто спальный мешок...

Все живое наиболее активно на рассвете, и, если хочешь провести интересные наблюдения, выходить надо затемно. В тот день, о котором пойдет речь, встать пришлось тоже рано: предстоял долгий маршрут с подъемом к линии вечных снегов. Как обычно, в глубине души теплилась надежда встретить какую-нибудь редкость — тибетского улара, белоснежного голубя или красного вьюрка...

Полевая «сбруя» орнитолога на Памире довольно увесиста: рюкзак с запасным свитером, телеобъективом, дневником, штангенциркулем, рулеткой, завтраком и прочими предметами первой необходимости, ружье, патронташ, фотоаппарат, бинокль, компас, разные коробки и банки — груза каждый раз набиралось килограммов десять — двенадцать.

Предрассветный холодок был чувствителен, но не особенно силен. Стояла середина июля, и в Чечекты временами обходилось без заморозков. В ночных сумерках тихо спали домики биостанции, и звездный пожар памирского неба — в который раз! — поражал своим великолепием, бодрил, словно рукой снимая остатки дремоты.

В долине царило безмолвие, и только шорох осыпавшихся под ногами камней да тихое журчание мелководной к утру Чечектинки нарушали тишину. Стоял полный штиль. Горы высились черными громадами, и снег холодно поблескивал на вершинах.

Пройдя вверх по долине километра три, я начал зигзагами взбираться на крутой склон, стараясь идти по белеющим тропинкам, выбитым стадами овец и пересекающим склоны во всех направлениях. Чем выше, тем становилось теплее. На склонах гор ночью теплее, чем в долине, так как охлажденный воздух стекает по склонам вниз, на широкие пространства межгорных понижений, где образует так называемые озера холода. Это явление, известное не только на Памире, получило название термической инверсии.

4400 метров... Теплый пояс термической инверсии остался позади. Здесь уже было холодно, хотя и не холоднее, чем в долине. Маленький ручеек тихо булькал в камнях, затянутых пленкой льда. Небо бледнело с каждой минутой. Ночь уходила за гребень хребта, гася

за собой звезды. Я был на месте. Теперь можно не спешить. Склон, заваленный крупными камнями, вздымался надо мной беловатой скалистой стеной. Место для наблюдений было чрезвычайно удобное.

Первой подала голос пустынная каменка. Меланхолическая песенка самца неожиданно прозвучала над самым моим ухом. Я резко повернул голову и, несмотря на еще густые сумерки, успел разглядеть неподдельный испуг в глазах птицы, усевшейся в каких-то двадцати сантиметрах от меня. А потом, когда снежные гребни из синих сделались серыми, вокруг засвистели и заклохотали улары, серебристыми трелями полились песни бледных завирушек, и скоро я уже еле попевал наблюдать кипевшую в скалах птичью жизнь.

Медленно продвигаясь вверх, я к десяти часам утра оказался у подножия невысокой скалы, уходившей по склону к гребню на манер Великой Китайской стены. Осторожно пробираясь среди обрушенных глыб, я держал наготове телеобъектив, потому что крики уларов звучали совсем рядом. Вскоре прямо над моей головой, метрах в тридцати, на краю скалы появился улар. Он походил некоторое время по краю, озабоченно кудахтая, и внезапно, приподняв крылья, рванулся вперед. Следом за ним сорвалось еще несколько птиц. На расправленных крыльях, издающих оглушительный свист, они полетели кормиться на зеленеющие внизу лужайки.

Пересекая склон наискосок, я вскоре попал в уютный глубокий сай, по дну которого, заросшему густой щеткой травы, катился небольшой ручеек. Мое внимание привлек яркоокрашенный самец краснобрюхой горихвостки. Он быстро перелетал с камня на камень, хватая высмотренных насекомых. При этом он описывал в воздухе забавные пируэты. Черные с белыми зеркальцами крылья, красное брюшко, аккуратная белая шапочка на голове красиво выделялись на фоне яркой зелени. Минут через пять самец прекратил охоту и полетел с добычей наверх по склону, явно к гнезду. Это меня заинтересовало. Лужайка, на которой самец собирал корм, располагалась на высоте четырех с половиной тысяч метров, а гнездо, видимо, было еще выше. Мне еще не удавалось обнаружить гнездо краснобрюхой горихвостки на такой большой высоте.

Выслеживать гнездо краснобрюхой горихвостки по кормящему самцу — одно удовольствие. С кормом он летает часто и совсем не таится, подпуская наблюдателя на двадцать — тридцать метров. В другое время горихвосты очень осторожны, и к ним подчас бывает невозможно подойти даже на выстрел. А сейчас не более чем за сорок минут мне удалось обнаружить гнездо и засесть рядом, метрах в семи, с фотоаппаратом. Было интересно понаблюдать, как кормят птенцов родители. Работенка для них была адова. Корм приходилось таскать с лужаек, расположенных на двести — триста метров ниже по вертикали, летая туда и обратно по двадцать — тридцать раз в час! Гнездо же эта парочка свила на абсолютной высоте 4750 метров — рекорд среди насекомоядных птиц Памира, и не только Памира, но и других гор нашей страны! (Насколько мне известно, до сих пор этот рекорд не побит: выше расположенных гнезд насекомоядных птиц никто не находил.) Склон был южный, гнездо, массивная трехслойная постройка, помещалось под камнем в уютной, закрытой от ветра ложбинке — почему бы здесь и не устроить гнездо? Вот только корм для четырех прожорливых птенцов таскать было явно далековато.

Краснобрюхая горихвостка очень своеобразная птица. Это настоящий альпиец, населяющий верхние пояса гор (выше верхней границы древесной растительности) Центральной и Средней Азии и Кавказа. На гнездовье она поднимается очень высоко, на Кавказе и в Средней Азии — до самых вечных снегов. Самец, как я уже говорил, окрашен ярко, зато самочка в своем сероватодымчатом наряде почти совсем незаметна среди камней. Когда самец ловит мошек на зеленом лугу или гоняется за соперником по желтоватым осыпям склонов, он похож на яркий цветок, издали привлекающий внимание. Сначала я полагал, что из-за такой примечательной окраски ему и песня, долженствующая привлекать внимание самки, не нужна. За многие дни наблюдений я ни разу не слышал, чтобы самец краснобрюхой горихвостки пел, да и в специальной литературе не приходилось встречать даже упоминания о его песнях. Вообще-то самцы различных горихвосток поют довольно хорошо, но, с другой стороны, птицы в высокогорье поют плохо и мало. Поэтому отсутствие песни

у краснобрюхой горихвостки меня не очень удивило. Однако оказалось, что я ошибся.

Как-то в самом начале июня в поисках гнезд уларов я пробирался к боковому отрочу хребта Музкол. Здесь, на высоте 4700 метров, стояла еще ранняя весна, и цирк почти весь был завален глубоким снегом. Только холмы морен и отдельные каменные громады, рухнувшие со скальных стен Зора, чернели резкими пятнами на слепяще-белом фоне. Погода была не ахти какая, и из низких облаков, то и дело скрывавших вершину пика, летела ледяная крупа.

Я шел, проваливаясь в снег по колено, и поминутно останавливался, чтобы наладить дыхание. На одной из таких остановок, когда ветер внезапно притих, а в дражное облачное окно проглянуло солнце, я услышал звучную флейтовую песню, где три-четыре строфы сменяли одна другую с небольшими паузами. Больше всего эти великолепные звуки походили на песню черного дрозда, но какой же здесь мог быть черный дрозд! Я весь превратился в слух и лихорадочно шарил биноклем в том направлении, откуда только что долетела песня. Никого, ничего, тишина... Тучи опять накрыли цирк, полетела крупа, порывы ветра, один другого сильнее, покатались с ледяного гребня. Мне всегда становится как-то мучительно не по себе, если я слышу новый для меня голос птицы и не могу выяснить, кто его владелец. Обычно это мне удавалось независимо от того, сколько трудов подобное выяснение требовало. Однако бывали осечки. До сих пор мне не дает покоя одна песня, услышанная в кипящем весеннем шумом карельском лесу. Но тогда у моего спутника начался сильнейший сердечный приступ, и я бросил все, так и не узнав, кто это пел. А сейчас? Уходить, оставив загадку неразгаданной? Ни за что!

Стоя на одном месте, я очень быстро заоченел и решил потихоньку двигаться по направлению к черным осколкам скал, торчавшим из-под снега метрах в двухстах от меня. Песня доносилась, кажется, оттуда. Снова в разрыве облаков заблестело солнце, вмиг превратив все вокруг в сверкающее ослепительное зеркало и заставив меня поспешно надеть темные очки. И опять, как и в прошлый раз, в короткий миг затишья послышались совсем рядом удивительные флейтовые перемены. На этот раз я был начеку и почти сразу обнару-

жил певца. Признаться, сначала я не поверил своим глазам: это был самец краснобрюхой горихвостки! В бинокль было отчетливо видно, как он, перепорхнув метров на пять поближе, вновь пропел свою песню. На этот раз была слышна и тихая концовка — сухой щebet и совсем особый звук, почти в точности воспроизводящий шорох осыпающихся камней. Такой звук был мне уже знаком: он нередко звучал в песнях горихвосток-чернушек, также обычных обитателей памирских гор, но встречающихся значительно ниже.

В тот день мне больше не пришлось услышать пение краснобрюхой горихвостки. И прошло немало времени, прежде чем я смог услышать его еще раз. Достаточно сказать, что за шесть летних сезонов работы на Памире я слышал пение краснобрюхой горихвостки всего четырежды. Но жаловаться грех: многие из бродивших по горам зоологов вообще не слышали его ни разу.

С песнями птиц (я имею в виду мелких воробьиных птиц, каждую весну наполняющих наши леса, поля и сады ликующим гомоном) на Памире вообще дело обстоит плохо. Чрезвычайно бедная звуковая среда, а главное, постоянный холодный и сильный ветер не способствуют песенному настроению, да и непрерывная охота за скудным кормом оставляет для подобного рода занятий мало времени. Песни птиц здесь можно слышать лишь в редкие часы или даже минуты безветрия, обычно ранним утром. Та же горихвостка-чернушка, чье громкое пение поневоле привлекает внимание в Алае, у подножия Памира, на самом нагорье поет тихо, как бы вполголоса, и довольно редко. Почти совсем не поет здесь и водяной воробей — оляпка, плохо и только на земле поют рогатые жаворонки.

Но вернемся к нашему гнезду. Понаблюдав за ним некоторое время и подсчитав примерно, сколько раз родители прилетали к гнезду с кормом, я решил не спускаться снова на дно щели, а лезть по склону дальше, на гребень, который, по моим расчетам, был отсюда совсем недалеко. Крутой сыпучий склон, то там, то здесь перегороженный скальными жандармами, был очень неудобен для подъема. Птицы совсем исчезли; не стало заметно даже пищух-сеноставок, маленьких шустрых зверьков, живущих в скалах и осыпях гор. Голые камни, скалы, щебенка. Изредка доносился, уже

откуда-то снизу, ленивый свист уларов, греющихся на солнцепеке после утренней кормежки.

На высоте около 4900 метров мимо меня пронеслась небольшая стайка скалистых голубей. Куда, зачем — совершенно непонятно: гнездятся эти птицы значительно ниже, а растительность на такой высоте настолько скудна, что не представляет для прожорливых голубей никакого интереса. Проводив стайку биноклем, я — в который раз! — разочарованно вздохнул. За все время работы на Памире я не оставлял без внимания ни одного промелькнувшего голубиного силуэта, втайне надеясь встретить здесь снежного голубя. Этого голубя, окраской напоминающего чайку, недаром называют великолепным. Он населяет окраинные хребты Центральной Азии и очень редко встречается в Бадахшане и на Тянь-Шане. В одном из районов южного Памира пограничники как-то рассказали мне, что видели стайку из четырех белых голубей. Ну что ж, ребятам повезло больше, чем мне. Одно несомненно: если снежный, или, как его еще называют, белорудый, голубь и встречается на Памире, то крайне редко и нерегулярно.

Выше пяти тысяч метров свист ветра нарушали только редкие позывки пролетающих мимо горных вьюрков, самых высокогорных птиц Памира. Стали попадаться пятна тающего снега, а под самым гребнем залегали целые снежные поляны. Подтаявший на солнце снег образовал причудливые ребристые фигуры. Здесь к шуму ветра прибавился новый звук — тихое журчание талой воды, струящейся глубоко под камнями осыпей. Снаружи ее не видно, и докопаться до нее, чтобы утолить жажду, не всегда удается.

И вот наконец гребень. Это очень большое удовольствие — после долгого, изнурительного подъема выйти на гребень солидного хребта. Ощущение такое, будто летишь на самолете. Далеко в обе стороны разбегаются под ногами до самого горизонта плети хребтов. К востоку они толпятся серой волнистой массой, кое-где пестрящей белыми пятнами снега. Только на самом горизонте громоздится гигантская снежная группа Музтагаты. Перед этим гигантом окружающие хребты со средней высотой пять с половиной тысяч метров кажутся просто холмами. Еще бы! Пики Музтагата и Конгур выше их на два километра!

На западе совсем другая картина. Хребты здесь толпятся теснее, гребни их остры и прерывисты, а темно-шиферный фон скалистых вершин испещрен затейливым снежным узором. Облака то и дело скрывают острые вершины. Там Бадахшан, страна крутых гор, пропастей и глубоких долин-ущелий.

А ты идешь над всем этим великолепием, идешь спокойно, без напряжения, так как гребень нередко бывает ровным на больших участках, со сравнительно пологими спусками и подъемами. Громадные просторы, раскинувшиеся под ногами, вызывают ни с чем не сравнимое восторженное ощущение свободного полета.

Гребень постепенно поднимался, и снежные поля слились вскоре в непрерывную полосу, оседлавшую гребень и свисавшую на подветренную сторону снеговым флагом. Идти приходилось по наветренной стороне, чуть пониже зубчатого снежного края гребня, чтобы не забрести случайно на карниз флага и не обрушиться на другую сторону.

Вскоре мой путь пересекли свежие следы стада козорогов, совсем недавно переваливших через гребень. Метров через триста следы того же стада, вновь перевалившего через гребень, встретились мне снова. Странно! Как раз в этом месте глубокий снег и отвесный скальный жандарм заставили меня траверсировать крутой северный склон, в обход препятствия. Склон был целиком закрыт снегом. Поверхностная корка была очень тверда, и пришлось рубить в ней ступеньки для ног, обутых в кеды, прикладом малокалиберного ружья. Слишком большое специальное снаряжение не позволяло таскать с собой ледоруб.

Идти было очень неудобно. Местами наст держал отлично, а местами, на более пологих участках, я проваливался по пояс. Приходилось к тому же смотреть в оба, чтобы не «загудеть» по гладкому насту вниз, как с ледяной горки. Траверс сильно меня измотал, и я вылез на седловину гребня позади жандарма совершенно запыхавшись; вся моя одежда пропиталась талой водой. Как только глаза оказались вровень с седловиной, я заметил, как что-то мелькнуло за перегибом склона. Сначала я решил, что это заяц. Но откуда же может быть заяц на высоте 5300 метров? В следующую секунду я ступил на седловину, на чистую землю, и взгляд сразу же остановился на снежном пятне посре-

дине седловины. Там четко отпечатались большие круглые следы крупных лап. Края следов, продавленных в мокром снегу, еще обваливались на моих глазах. Барс! Снежный барс!

Я рванулся вперед и несколькими стремительными скачками выбрался за перегиб бокового отрога. Прямо передо мной оказалась небольшая скальная стена, пересекавшая гребень и уходившая вниз. А по этой стене метрах в сорока от меня поднимался вверх великолепный зверь. Стройный, ловкий, с красивым овалом головы и серебристой шкурой, покрытой затейливым узором черных пятен, он не лез, а буквально струился среди расщелин и выбоин, легко поднимаясь по вертикальной скале.

Впервые я увидел барса так близко. Нахлынувшее волной возбуждение, напряжение последнего броска, долгие часы работы в ослепительном безмолвии больших высот — все это как-то подействовало на меня и заставило поступить несколько странным образом. Совершенно автоматически, позабыв о висевшем на шее фотоаппарате с ввернутым в него небольшим телевичком, я вскинул малокалиберную винтовку и, кое-как поймав барса на кончик пляшущей мушки, выстрелил.

Это был глупейший поступок, столь же рискованный, сколь и неоправданный. Предположим, мне удалось бы его ранить. Легко раненный барс наверняка ушел бы, а более тяжелое ранение могло побудить его оказать сопротивление. А рукопашная с барсом на такой высоте — дело гиблое. Его можно было уложить только точным выстрелом в голову или в сердце, но при моем состоянии едва ли я смог бы сделать это.

К счастью, я никуда не попал. Пуля цвенькнула где-то над передней лапой барса. В ту же секунду громадные шары мускулов вздулись и заходили под шкурой хищника. Одним рывком он оказался на гребне скалы, застыл там на какое-то мгновение, глядя на меня, и... исчез. Лишь несколько камешков все еще катилось по щелям скалы, подтверждая, что все виденное не мираж... Мне же оставалось только, прислонившись к скале, восстанавливать сбитое дыхание, бранить себя последними словами за идиотский выстрел и вновь переживать эту редчайшую встречу, восстанавливая в голове все подробности.

Было ясно, что барс шел за стадом козорогов, свежие следы которых несколько раз пересекали гребень. Козороги — главная пища этого редкого зверя. До сих пор мне только дважды удалось видеть барса, да и то оба раза на таком большом расстоянии, что я не смог разглядеть его как следует. Даже следы барса, обычно старые и сильно разрушенные солнцем и ветром, попадались на снежных полях крайне редко. Снежный барс, которого зовут также ирбис, живет в самых труднодоступных скалах вблизи вечных снегов. Он очень осторожен, наблюдать за ним чрезвычайно трудно, поэтому сведений о его жизни на Памире почти нет. Зимняя его шкура, серовато-белая с узором черных пятен и колец, необычайно красива и высоко ценится как у местного населения, так и далеко за пределами гор.

Охота на снежного барса в Таджикистане запрещена. Только отдельные охотники, число которых очень невелико, имеют право по специальным лицензиям отлавливать барсов для зоопарков, как наших, так и зарубежных. Как зоолог, я имел право добыть хотя бы один экземпляр для коллекции Зоологического института, где, кстати, ни одной шкуры, ни одного черепа барса с Памира нет. Тем не менее меня мучили угрызения совести: ведь я мог искалечить и совершенно напрасно погубить зверя. Кроме того, по совести говоря, в момент выстрела мной руководил отнюдь не рассудок, а какой-то древний, атавистический импульс — стремление добыть, убить крупного зверя. Видимо, силен еще в людях этот древний инстинкт, и как часто толкает он людей вроде бы положительных и даже весьма уважаемых на черную стезю браконьерства!

После безуспешной попытки вскарабкаться на стенку по следам барса я двинулся вниз вдоль нее, рассчитывая выйти на гребень бокового отрога. Водораздел Чечектинки был уже позади, и я оказался в верховьях соседней речки. Выбравшись к намеченному месту, я в нерешительности остановился. Северный склон, по которому мне предстояло спускаться, был довольно крут и весь покрыт снегом. Путь в обход выглядел сложным, трудоемким, а главное, неинтересным. Но и спускаться на «салазках» тоже было рискованно — у меня ведь не было ледоруба.

Усталость и надежда на авось быстро победили осторожность, и, соорудив в два счета из штормовки подо-

бие салазок, я заскользил вниз. Тормозом должен был служить все тот же приклад малокалиберки. Однако скорость стремительно возрастала, а «тормоз» практически бездействовал. Как я ни вжимал приклад в снег, он несся по насту, как ролик по асфальту. Мимо замелькали острые зубцы скал... Нужно было во что бы то ни стало вырулить вправо, на пологую ложбинку, явно забитую рыхлым тающим снегом и без пугающих скальных зубцов. Это мне, к счастью, удалось, но скорость была настолько велика, что я пропахал ложбину поперек, оставив после себя длинную траншею. Тем не менее движение мое замедлилось, и я уже сравнительно мягко выскочил на каменную осыпь. Все же основательный удар на какой-то миг пустил горы вокруг в дикую пляску. Перед глазами поплыли круги...

Когда звон в ушах несколько утих, я, все еще лежа, стал проверять целостность своих суставов, одежды и снаряжения. Вроде все было в порядке, пострадали главным образом седалищные мышцы — амортизатор, прямо скажем, неважный. Потом притупившееся за последние часы воображение нарисовало совершенно другой исход спуска, и по спине пополз запоздалый холодок... Здесь, в лабиринте ущелий, в двадцати километрах от биостанции, на высоте пяти тысяч метров, даже простой перелом ноги мог кончиться плохо.

Устроившись на осыпи поудобнее, я решил немного передохнуть. Приключений на сегодня хватало. Пока отходили мышцы ног, взгляд мой рассеянно скользил вокруг, по блестяще-черным плиткам осыпи, и вдруг натолкнулся на странный предмет, лежавший на расстоянии вытянутой руки. Я невольно вздрогнул. Среди камней валялся железный наконечник стрелы, весь покрытый бурым налетом ржавчины. Да еще какой наконечник — двуглавый! Таких до сих пор мне видеть не приходилось. Я только знал, что очень давно двуглавые стрелы применялись для охоты на птиц. Одно из жал было согнуто в дугу при ударе о камень и наглядно свидетельствовало о силе оружия, пославшего эту стрелу. Наконечник был, несомненно, древний и пролежал здесь не одну сотню лет. Потом уже я выяснил, что такие наконечники были в ходу в XIV—XVI веках.

От этой находки мрачноватый кулуар, в котором я находился, едва не ставший свидетелем печальной аварии, стал для меня вдруг уютным, как родная комната.

Дав разыгаться фантазии, я почти наяву видел, как крадется древний охотник, подходя снизу к пасущимся у снежной кромки уларам, как он напряженно целится из за вон той скалы, как звонкий удар о камень обрывает свистящий полет стрелы. Промач! Шутка шуткой, но кто может поручиться, что с тех пор сюда заглядывал хоть один человек?

Гребни памирских хребтов посещаются очень редко, главным образом охотниками, геологами, топографами и альпинистами. За долгое время экскурсий по гребням я только раз встретил человека. Это было все на том же хребте Музкол, на гребне севернее пика Зор, в месте, которое я привык считать своим владением, где даже и следа человека ни разу не попадалось. Поэтому вид согбенной фигуры, ползущей в лоб на крутой подъем, был настолько необычен, что я первым делом на всякий случай спрятался за камни и некоторое время наблюдал за встречным в бинокль. Двух минут было достаточно, чтобы признать в фигуре несомненного, ярко выраженного представителя славной когорты геологов, и я бодро запрыгал вниз, к нему навстречу. Геолог был удивлен не меньше меня.

...Спрятав найденную стрелу в рюкзак, слегка прихрамывая и значительно менее резво я продолжал спуск. Дальше пришлось двигаться по руслу маленького ручейка, протекавшего по узкой долинке. Потом, резко повернув к востоку, долина заметно расширилась, принимая справа и слева такие же небольшие притоки. Выйдя к этому месту, я увидел ярко-зеленые пятна альпийских лужаек; меня приветствовал оглушительный свист сурков. Коричнево-желтыми столбиками они торчали у зияющих черных провалов — входов в норы. Между норами, группировавшимися в небольшие колонии, тянулись вытоптаные во время взаимных визитов тропинки. Несколько зверьков, застигнутых сигналами тревоги на кормежке в стороне от нор, со всех ног мчались к спасительным входам, слегка задирая пышные длинные хвосты.

Забавные существа эти сурки, хотя охотники их и не любят: своим милицейским свистом — сигналом тревоги — сурки заранее предупреждают всех четвероногих и пернатых обитателей гор о приближении опасности. И право же, они стоят того, чтобы рассказать о них поподробнее.

Памир населяет один из видов сурков — сурок длиннохвостый. Он живет всюду, где только зеленеет трава и журчит ручеек, от холмов Алайской долины и почти до самой границы вечных снегов, в широких долинах и в скалистых альпийских цирках. Я находил его норы вплоть до высоты 4750 метров над уровнем моря. Всюду в подходящих местах он многочислен, и это вполне понятно. Вряд ли будет ошибкой сказать, что длиннохвостый сурок лучше, чем кто-либо из четвероногих, приспособлен к жизни на памирских высях. Пища его — обычная трава, и он добывает ее в нужном количестве на альпийских и субальпийских лужайках. Теплый густой мех и толстый слой подкожного жира предохраняют сурка от холода, а длинные, выкопанные среди скал норы — от врагов. Только медведю под силу, хоть и далеко не всегда, раскопать сурчину. Такая сурчина все равно что подземная крепость, ходы достигают в длину десяти — пятнадцати метров, уходя на три — пять метров в глубину. А зимой, когда затрещат по ночам пятидесятиградусные морозы, завоют снежные вьюги и склоны скроет пелена снега, сурки будут мирно спать в своих норах, закупоренных земляными пробками. Спячка у памирских сурков долгая — семь месяцев.

Не только норы надежно защищают сурков. Эти сильные зверьки, достигающие десяти килограммов веса, могут при случае как следует постоять за себя. Нам как-то пришлось присутствовать при поединке между плененным сурком и эрдельтерьером, поскольку хозяин возымел желание натаскивать своего пса именно на этого зверя. Сурок провел схватку великолепно, стоя на задних лапах и то и дело сам кидаясь в атаку. От несчастного эрделя, не ожидавшего ничего подобного, сразу же полетели клочья, и только вмешательство хозяина, уложившего сурка ударом увесистой палки, спасло собачку от тяжелых травм, а может быть, и смерти. Конечно, здоровенной пастушьей овчарке достаточно каких-то секунд, чтобы придушить сурка, но встретившись в узком проходе норы с таким противником, как лисица, сурок наверняка одержит верх.

Пожалуй, наиболее активный враг сурков после медведя, регулярно совершающего набег на сурчины, — бородач. Этот огромный хищник, питающийся все холодное время года самой невзыскательной пищей

(меню его зимой состоит в основном из старых костей), переходит летом исключительно на живую добычу — сурков и зайцев, даже внимания не обращая на падаль.

Способы охоты бородача на сурков довольно однообразны. Хищник вылетает за добычей сравнительно поздно, часам к десяти утра, когда сурки уже вылезли из нор, а воздух достаточно прогрелся для того, чтобы восходящие потоки хорошо держали парящую птицу. Склон за склоном, сай за саем по определенному маршруту обшаривает бородач, паря в нескольких метрах над поверхностью. Низко парящий хищник внезапно появляется из-за ближайшего гребня над колонией и хватает далеко отбежавших от нор зверьков.

Мне удалось однажды подсмотреть, как это происходит. Бородач вынырнул из-за перегиба склона прямо на середину колонии, совершенно бесшумно скользя на распластанных крыльях. Я услышал тревожный свист желтых столбиков, целыми группами одновременно кувыркавшихся в черные дыры нор. Один сурок забрел дальше всех и сейчас во все лопатки мчался назад, к спасительной норе. В тот же момент его накрыла черная тень бородача. Раздалось отчаянное верещание зверька, схваченного мертвой хваткой железных когтей. Бородач взмыл вверх и, тяжело работая крыльями, с добычей, не перестававшей громко кричать, полетел куда-то вниз. Замерло эхо, сурки через некоторое время опять повылезали наружу, и ничто больше не напоминало о только что случившейся трагедии.

Застигнутый вдали от своего дома сурок действительно становится совсем беспомощным перед крупным противником. Однажды мне удалось случайно оказаться между сурком и его норой, причем сурок был рядом, а нора — метрах в сорока. Зверек, казалось, был совершенно парализован страхом. Он даже не делал никаких попыток к бегству, а только тесно прижимался к краю большого валуна и косил на меня круглым от ужаса глазом. И конечно, по «закону бутерброда», всегда падающего маслом вниз, в моем фотоаппарате как раз к этому моменту вся пленка оказалась отснятой до последнего кадра...

Среди врагов сурка не на последнем месте стоит человек. Мясо этих зверьков вполне съедобно, но все равно на Памире его не едят. Промысел ведется только осенью, ради шкуры, довольно теплой и прочной, а так-

же жира, имеющего, как уверяют, большую лекарственную ценность, такую же, как и сало медведя. Добывать сурка, несмотря на его многочисленность, трудно. Стрельба из малокалиберной винтовки бывает малоэффективна, поскольку, даже смертельно раненный, сурок успеваеет уйти в нору, откуда его уже, естественно, не достать. Наиболее практичен капканный лов.

Но вернемся к рассказу. Пройдя первую сурочью колонию, я оказался во власти зверьков, тревожным свистом передававших меня от одного поселения к другому. Вскоре повстречался и бородач. Он прошел совсем близко, метрах в семидесяти, поднимаясь наискось по склону на неподвижно распластанных крыльях. Мне несколько раз приходилось близко сталкиваться с низко парящими бородачами, и каждый раз какая-нибудь причина не позволяла добыть этого великолепного хищника. Только в последний сезон работы, в горах Северо-Аличурского хребта, мне повезло. Я отдыхал после крутого подъема, лежа навзничь на склоне, когда меня накрыла тень крупной птицы. Подняв голову, я увидел крупного бородача, планировавшего прямо на меня. Он прошел мимо метрах в двадцати пяти, но, несмотря на столь маленькую дистанцию, дробь второго номера защелкала по его оперению, как по фанере, и на первый взгляд нимало его не беспокоила. Он только слегка вздрогнул и продолжал очередной круг, быстро удаляясь от склона. Но, отлетев метров на пятьдесят, бородач вдруг сложил крылья и камнем рухнул вниз, врезавшись в склон в сотне метров от меня. Это оказалась крупная старая самка, с остатками недавно растерзанного сурка в желудке.

Я постепенно спускался вниз по долине речки. Вновь на боковых скалах появились красавицы горихвостки, зазвенели трели бледных завирушек. На высоте 4400 метров долина резко расширилась, а ручей, приняв справа и слева по притоку, превратился в бурную речку. Каскады грязной воды катились вниз с глухим шумом, бились в каменных стенках, прыгали через громадные валуны, выплескивались на зеленые лужайки низкого берега. Летнее снеготаяние было в разгаре.

Пора было сделать небольшой привал, и я устроился на лужке у самой воды под нависшей скалой. Растянуться на мягкой траве после десятичасового караб-

кания — блаженство невыразимое. От усталости даже и есть не хотелось, но «аппетит приходит во время еды», и завтрак, захваченный с собой и вмиг проглоченный, показался мне просто насмешкой. Затем накатилась усталая дремота, и под мерный шум потока стал подкрадываться тяжелый сон. До темноты оставались считанные часы. Вдруг резкий цикающий звук разом снял всю дремоту. Вверх по речке, над самыми бурунами, пронеслась довольно крупная темная птица размером со скворца. Оляпка! Эта широко распространенная в нашей стране и не менее широко известная своими водолазными способностями птичка, именуемая водяным воробьем, живет и на Памире, в верховьях ледниковых потоков или в скалистых ущельях небольших речек. На берегах рек, сравнительно медленно текущих по широким памирским долинам, ее нет. Оляпке непременно нужен бурный поток, чередующийся с мелкими перекатами, и скалы, нависающие над водой. На скальных выступах, нередко в каскадах брызг, оляпки строят свои большие затейливые гнезда.

Гнездовая постройка оляпки представляет собой большую округлую камеру с боковым входом, внутри которой вьется уже собственно гнездо, обычная гнездовая чашечка. Постройка используется только один год, и в следующий сезон пара строит новое гнездо, нередко рядом со старым. Поэтому можно встретить новое гнездо, а в непосредственной близости от него несколько старых гнезд на разных стадиях разрушения. Искать гнезда оляпки довольно легко. Нужно только, идя вдоль русла, внимательно осматривать нависающие над водой скалы.

Несмотря на то что оляпка вьет свое гнездо низко, доступно оно далеко не всегда. Нередко подойти к гнезду можно только по воде, но подчас это настолько бурный поток, что соваться в него нечего и думать. Сколько гнезд оляпки я видел на Западном Пшарте, но доступным оказалось только одно. А на Беике к гнезду оляпки надо было подходить по горло в прозрачной ледниковой воде с температурой чуть выше нуля.

Тяжело, с внутренним стоном поднявшись на ноги, я пошел вдоль потока вниз, внимательно оглядываясь. Поток падал довольно круто, непрерывно принимая ручьи справа и слева и распухая прямо на глазах. Пе-

репрыгнуть его было уже нельзя даже в самых узких местах, и приходилось либо выискивать перекаты с торчащими камнями, либо лезть в воду, намочая по пояс.

На высоте 4200 метров долина вновь резко сузилась, и поток юркнул в небольшое ущелье. Здесь он с грохотом запрыгал по ступеням-уступам, то и дело ударяясь всей массой о скальную стенку, постепенно заворачивавшую вправо. На этой стенке я почти сразу же увидел гнездо, но только не оляпки, а опять же краснобрюхой горихвостки, второе за день. Удача! Между прочим, эта птичка тоже большой любитель скал и воды. Гнездо, только что обнаруженное, было свито в трещине скалы, в каких-нибудь полутора метрах над kloкочущим потоком. Четыре крупных птенца испуганно затаились при моем приближении, а родители с тревожным циканьем заметались вокруг. У птичек всегда так: чем старше птенцы, тем больше беспокойства.

А вот наконец и гнездо оляпки! Сначала я наткнулся на старую постройку, уже слегка обрушенную, а затем, метрах в пяти от нее, показалось и новое, удачно замаскированное в карманчике скалы густой тенью, отбрасываемой свисающим выступом. Стоило мне оказаться возле гнезда, как обе оляпки, самец и самка, сразу же очутились рядом, хотя до сих пор ни одной и видно не было. Они с беспокойным циканьем скакали по камням, торчащим из воды, подергивая короткими, поднятыми кверху хвостиками, и, покуда я инспектировал гнездо, то исчезали поодиночке, то появлялись вновь. В гнезде сидел только один птенец, уже начавший оперяться. Он был какой-то вялый, спокойно лежал на моей ладони и, кажется, был бы не прочь здесь же вздремнуть. Опять та же история! Обычно оляпки откладывают пять-шесть яиц, а на Памире больше двух птенцов или яиц в гнезде я не находил. Уж слишком скудны кормом холодные ледниковые потоки.

Время близилось к пяти часам, надо было торопиться. Долина за ущельем была почти точной копией чечектинской, только еще более пустынной. Примерно с четырех тысяч метров кончились боковые притоки, и дальше вниз речка текла, постепенно теряя воду, просачивавшуюся сквозь рыхлый шлейф наносов, по которому пролегало русло. Обычно такие реки не доносят своих вод даже до выхода в основные долины, но сей-

час был июль — разгар летнего таяния снегов, и воды было много.

Идя вдоль потока, я вышел наконец в долину Акбайтала и к шести часам вечера добрался до Памирского автотракта. Поток, нырнув под недавно отстроенный мостик, побежал дальше, и я видел отсюда, что он достигает-таки русла Акбайтала. Правда, здесь он был раза в три меньше, чем при выходе из долинки.

В ожидании попутной машины я сидел у обочины, рассматривая исписанные страницы дневника и расшифровывая наиболее «стенографические» записи.

Маршрут сегодня был сравнительно легкий — не велся отстрел птиц, а он всегда задерживает. Был пройден на значительном участке субнивальный пояс, осмотрены два ледниковых цирка, и опять нигде и следа не было красного вьюрка, крупного гималайского вьюрка, почему-то особенно волнующего воображение орнитологов (есть сведения, что он хотя и нерегулярно, но гнездится на Памире). В общем все как обычно. Конечно, двуглавый наконечник стрелы или карабкающийся перед самым носом снежный барс — такие вещи случаются не каждый день.

Но право же, всякое вновь найденное гнездо, подсмотренная сценка из дикой жизни, неожиданное объяснение бывшего до того загадочным явления — все эти обычные эпизоды ежедневной работы натуралиста не менее интересны и значительны, чем встреча с барсом, и эти небольшие открытия — неотъемлемая часть каждой обычной памирской экскурсии...

Вдали показалось облачко пыли, Шла машина. Уложив дневник в карман штормовки, я встал и привычным жестом поднял руку.

ГОРНЫЕ ГУСИ

Стоял тихий, ясный сентябрьский день. Машина осторожно пробиралась по плоской террасе над долиной Аличура, стремясь как можно ближе подойти к озеру, Мы стояли в кузове и поглядывали по сторонам, подыскивая место для лагеря.

Озеро Яшилькуль — одно из красивейших на Памире. Образовалось оно так же, как и Сарезское: гро-

мадный обвал перегородил долину, и вода стала затоплять ее; это продолжалось до тех пор, пока через завал не выработался устойчивый сток. Озеро как бы разрезало некогда единую реку на две части. Верхняя ее часть, впадающая в озеро, называется Аличур, а нижняя, вытекающая из озера, прорывается дальше к Пянджу под именем Гунт.

Площадь озера — сорок восемь квадратных километров, но глубина его невелика; только в западной части, у завала, она превышает пятьдесят метров. Арабские надписи, выбитые на скалах над озером и расшифрованные совсем недавно, позволяют предположить, что обвал произошел до XIII века.

Благодаря небольшой глубине вода в Яшилькуле хорошо прогревается, и органическая жизнь озера очень богата. Здесь много рыбы, больше, чем где-либо на Памире. Время от времени даже организуется промысловый лов.

Озеро было уже близко. Его голубая поверхность красиво сочеталась с красноватыми оттенками крутых горных склонов, падающих прямо в воду. И только восточный берег там, где к озеру подходит долина Аличура, был плоский. Какая-то странная белая полоса протянулась вдоль самой кромки этого берега — не то хлопья пены, оставшиеся после сильного шторма, не то выпаренная соль. Но озеро-то пресное, да и на пену это мало похоже. Наше недоумение кончилось, как только стих шум мотора: в уши ударил далекий, но тем не менее мощный, нестройный гогот большой массы гусей. Мы схватились за бинокли. Странная белая полоса вдоль берега оказалась громадным скоплением горных гусей, рассредоточенным по прибрежному мелководью. Дальше от берега вся вода была, как подсолнечной шелухой, усыпана темными точками. Это кормились на мелководье красные утки — огари (по-киргизски ангыры).

Я вообще впервые видел горных гусей в природе, а тут еще их такое множество! Было от чего разволноваться. Добыть эту птицу для коллекции было просто необходимо. Охотничий азарт охватил и остальных. Мы быстро установили палатки, разгрузили и отправили машину, а сами, похватав ружья, устремились вниз, к озеру.

Очень скоро нам стала очевидна вся безнадежность нашего предприятия. По открытому месту нечего было и думать подобраться к осторожным птицам даже на выстрел из малокалиберной винтовки. Короткая трава пойменного луга не давала никакого укрытия. Тем не менее мы все же попытались подползти к стаду, но были очень скоро обнаружены. Птицы поднялись со страшным шумом и отлетели метров на пятьсот от берега. А вечером, как только зашло солнце, гуси, стая за стаяй, с озабоченным гоготаньем потянулись вверх по долине Аличура на ночную кормежку. Но улетели далеко не все. Чуть ли не половина их осталась кормиться на том же прибрежном мелководье. Тут-то я и решил попробовать подойти к берегу ночью, залечь в засаду и подстрелить гуся, как только станет достаточно светло.

Когда совсем стемнело, я ввалил на плечи свой спальный мешок и под покровом ночи стал потихоньку продвигаться к гусиному берегу. Главная трудность состояла в том, чтобы не вспугнуть по дороге крикливых ангыров, в большом количестве кормящихся по бесчисленным лужам и старицам, заросшим осокой. Такие лужи я обходил стороной. Все же одну из них я прозевал и ввалился прямо в воду. В ту же секунду буквально у меня из-под ног с отчаянным криком взвились два ангыра, мирно набивавшие там свои зобы. Я упал в траву. С ближайшей лужи, громко хлопая крыльями, взлетело еще штук пять ангыров, и я уже думал, дрожа от досады, что ночной скандал будет разрастаться, как снежный ком, пущенный с горы. Но нет, дальше дело не пошло. Потревоженные ангыры, обиженно постанывая, улетели прочь, и вновь восстановилась тишина.

В полночь я добрался наконец до берега, преодолев последнюю сотню метров ползком. Вдоль берега тянулся невысокий бугор, поросший жестким тростником. Здесь я и замаскировался, забросав мешок старой травой. Впрочем, выгоревший на солнце буровато-зеленый чехол мешка сам по себе был отличной маскировкой. Затем оставалось залезть в мешок и ждать.

Гуси были где-то рядом. Они шумели и плескались на отмели прямо передо мной, переговаривались вполголоса и иногда даже ссорились. Но как я ни напрягал зрение, разглядеть ничего не удавалось. Небо было чи-

стое, ночь холодная и тихая. Ослепительное сверкание мириад звезд создавало впечатление хорошей освещенности, но на самом деле тьма была хоть глаз выколи.

Я дремал, время от времени прислушиваясь к шорохам и голосам вокруг. Протяжные, стонущие крики куликов-перевозчиков, мелодичный свист улитов, криканье уток и тихое гоканье гусей мешались с плеском кормящихся на отмели птиц.

Под утро пал густой туман. Рассветало быстро, но туман тоже становился гуще. Я уже выполз по поясу из мешка и лежал с дробовиком на изготовку, пристально вглядываясь в белое молоко тумана. Наконец впереди четко проступили силуэты плывущих по воде крупных птиц. Лязгая зубами от холодной росы и стараясь унять дрожь, я прицелился и выпалил сразу из обоих стволов. Раздался такой грохот, что показалось, будто обрушилась гора. Спокойно кормившиеся птицы в панике кинулись кто куда. Несколько минут слышались тревожные крики, а над головой со свистом проносились стая за стаей. Затем все стихло.

Для того чтобы так грубо ломать прекрасное утро, надо иметь серьезные причины. В данном случае добытый гусь был бы наилучшим оправданием, но, увы, его не оказалось. Только на том месте, куда я стрелял, плавало несколько перьев... Вконец расстроенный, я заполз в спальный мешок и, кое-как согревшись, заснул, втайне надеясь, что после рассвета какой-нибудь гусь наскочит на засаду.

Надежде сбыться не пришлось. До девяти утра ни одной птицы поблизости не показывалось, а еще через час, когда солнце выгнало меня из мешка, со стороны нашего лагеря показался всадник. Это был Леонид, спешивший узнать результаты ночной стрельбы, не слышать которой он не мог. Расспросов не потребовалось. Мой вид был достаточно красноречив, и Леня, слезая с коня, только досадливо крикнул.

Покуда я расголковывал ему причину своей неудачи (неясную и мне самому), он, рассеянно кивая головой, внимательно осматривал озеро.

— А что это, — вдруг спросил он, — чайка?

Я оглянулся. Надо заметить, что до этого момента я смотрел на озеро только лежа, даже на колени не вставал. И сейчас метрах в ста от берега я увидел что-то белое, но на чайку вовсе не похожее. Внезапная до-

гадка заставила меня схватиться за бинокль. Так и есть: гусь, убитый мной гусь потихоньку дрейфовал к берегу! Видно, я сильно ранил его, но он успел отлететь на несколько десятков метров, прежде чем испустить дух. В следующую секунду, на ходу скидывая одежду, я устремился к озеру. У берега было неглубоко, и, когда я добрался до гуся, вода доходила только до бедер.

Мы сидели с Леонидом на зеленой травке и рассматривали мой трофей. Это был старый самец в свежем осеннем пере. Стальной серый верх, белоснежное брюхо, ярко-желтые клюв и лапы и, наконец, красивый черный узор на голове и шее делали его похожим на какую-то экзотическую птицу тропиков. Горные гуси не отличаются большими размерами, и редкие экземпляры достигают веса более трех с половиной килограммов. Зато они очень легки на ходу, быстры и ловки в полете. В этом мы вскоре смогли убедиться.

Покуда мы сидели у моей засады, обсуждая дальнейшие планы, послышался отдаленный шум, какой обычно издает порожний грузовик, идущий по каменистому бездорожью. Это нас удивило, поскольку наша машина должна была прийти не ранее как через десять дней, а других машин здесь быть не могло: мы были довольно далеко от дороги. Потом шум смолк. Мы уже склонны были принять все это за акустический мираж, но через несколько минут шум повторился, уже гораздо ближе и отчетливее. Сомнений быть не могло — шла порожняя автомашина, но с каких же это пор автомашины стали ездить по небесам! Тем не менее характерный шум раздавался уже над самой головой. Округлив от изумления глаза, мы уставились в безмятежную синь... и сразу же обнаружили источник шума. Над озером снижалась стая гусей, возвращавшихся с ночной кормежки. Но как снижалась! Стая подходила к озеру на довольно большой высоте, и в определенный момент птицы начинали стремительно падать, да-да, именно падать вниз. Птицы валились вниз, поджимая крылья, и, когда скорость падения становилась слишком большой, тормозили, резко расправляя крылья. В этот момент и раздавался звонкий удар крыла о воздух. А следующие друг за другом удары создавали иллюзию приближения порожней машины. Гуси падали беспорядочно, наискось, то в одну, то в другую сто-

рону. Все происходило настолько стремительно, что подробности этого высшего пилотажа, его технику разглядеть никак не удавалось. Разобраться здесь помогла бы только скоростная киносъемка.

Вообще горный гусь отличный летун. Николай Михайлович Пржевальский видел, как гусаки во время брачных игр на полном ходу делали в воздухе сальто. А Петр Кузьмич Козлов, работая в узких ущельях Кама, наблюдал высокое мастерство полета гусей в скалах. Там, в ущельях Кама, озер нет, и гуси гнездятся в скалах рядом со скалистыми голубями, орлами и соколами. Между хищниками и гусями нередко происходили стычки в воздухе, из которых гуси всегда выходили победителями.

Леонид уехал. Я остался, решив еще сутки посидеть в засаде: авось удастся подбить еще одного гуся! Однако оказалось, что напуганное выстрелами гусиное общество перебралось в другое место. Я нашел гусей только дня через три, пройдя километров восемь северным берегом...

Следующей осенью мне повезло больше. Мы работали тогда на озере Зоркуль. Оно гораздо больше Яшилькуля и не в пример суровее, поскольку расположено почти на полкилометра выше. Долина, в которой лежит Зоркуль, такая же широкая и холодная, как долина Аличура,— та же аэродинамическая труба, по которой день и ночь сквозит ледяной ветер. Был сентябрь. Ночные морозы делались все сильнее, и по утрам лед на лужах и отмелях становился все толще, оттаивая только к полудню. Палатки наши стояли у восточного берега озера, изобилующего мелями, косами и островами. Днем гуси, которых здесь было не меньше, чем на Яшилькуле, держались на островах далеко от берега, а на закате тянулись вверх, в заваленную древними моренами долину, на кормежку. Сначала я не мог понять, куда они летают, и специально целый день потратил на разведку.

Вверх-вниз, вверх-вниз, морена за мореной, отличающиеся одна от другой только размерами,— все это было довольно утомительно. Единственное, что меня развлекало сначала,— это зайцы. Такого обилия их до сих пор мне нигде не приходилось видеть. По два, по три, по четыре они разбегались по каменистым склонам, как только я оказывался над ними на гребне.

На Памире вообще много зайцев. Они принадлежат к тому же виду, что и зайцы предгорий: это заяц-толай, небольшой и длинноногий.

Вскоре стали попадаться небольшие озерки, метров по сто в диаметре. Было ясно, что гуси жируют ночью именно здесь, — об этом красноречиво говорили кучи вылинявших перьев и помета, нередко окружавшие озера сплошным кольцом. Недолго думая, я соорудил засаду из камней у одного озерка, где помета и перьев было особенно много. Когда стало смеркаться, гуси посыпались сюда стая за стаей, и я за несколько минут застрелил четырех. Этого было больше чем достаточно. С трудом подавив вспыхнувший было безрассудный охотничий азарт, я собрал добычу и, сгибаясь под тяжестью ноши, поздней ночью вернулся в лагерь.

Казалось бы, горных гусей на Памире не так уж мало. Однако количество их уменьшается прямо на глазах. Темпы сокращения гусяного поголовья становятся просто катастрофическими. Если в конце прошлого века горные гуси гнездились буквально по всем озерам и озеркам нагорья, то в 50-х годах нашего века колонии горных гусей остались только на трех из них: на Зоркуле, Каракуле и Ранжкуле. На Яшилькуле гуси бывают только осенью, после того как выведутся птенцы, поскольку там нет ни островов, ни удобных для гнездования прибрежных скал. Колонии гусей на Ранжкуле и Каракуле находятся на грани истребления, на Зоркуле дела обстоят немногим лучше.

Главный бич — разорение колоний с целью сбора яиц, осуществляемое браконьерствующими шоферами и членами различных экспедиций. Примечательно, что местные жители киргизы раньше никогда не трогали колоний.

Второе — истребление линных гусей. Как известно, в период бурно протекающей линьки у гусей разом выпадают все маховые перья, и на значительный срок они теряют способность к полету. Этим бессовестно пользуются некоторые хапуги. На Каракуле, например, линных гусей загоняли и истребляли массами, используя для этого моторную лодку метеостанции!

Из массовой птицы Памирских гор на наших глазах горный гусь превратился в исчезающий вид. Это тем более обидно, что в нашей стране горный гусь гнездится кроме Памира только в немногих местах: на Тянь-

Шане, Алтае — вот и все. Да и в этих горных областях положение с поголовьем гусей не лучше. На Тянь-Шане, например, по последним данным, общее ежегодное поголовье не превышает тысячи штук. Похоже, что в один непрекрасный день, если все останется по-старому, мы предстанем перед печальным фактом: еще один вид исчезнет из фауны нашей страны...

Это потеря не только для науки, но и для хозяйства.

Из всех гусей только горный гусь, обитатель высокогорий Центральной Азии, да еще белый гусь, житель Крайнего Севера, гнездятся колониями. Такие колонии обычно располагаются на небольших островах озер; в местах, где птиц не беспокоят люди, колонии могут достигать огромных размеров. Мне как-то довелось прочитать описание такой колонии, расположенной на одном из тибетских озер. Колония насчитывала несколько тысяч пар гусей, а гнезда на островах были построены настолько близко друг к другу, что буквально ногу некуда было поставить.

Колониальное гнездование способствует лучшей охране птиц, поскольку колонию гнездовых птиц охранять гораздо легче, чем рассредоточенные гнездовья. Я уверен, что достаточно только наладить охрану оставшихся колоний горного гуся на Памире, а также места линьки птиц, как численность гусей быстро возрастет. Это можно сделать с минимальными затратами, путем создания штата общественных инспекторов из колхозников тех хозяйств, на землях которых расположены гнезда с колониями. Облеченные соответствующими правами местные инспекторы-киргизы наверняка пресекут любое браконьерство в самый короткий срок.

Хотя многие озера Памира богаты животным кормом, из-за суровой и долгой зимы рентабельное птицеводство на них сейчас вряд ли возможно. Зато на этих озерах может прекрасно развиваться дикая фауна, в том числе и горные гуси. По восстановлении нормальной плотности заселения озер число гусей на озерах Памира сможет держаться в пределах приблизительно пятнадцати — двадцати тысяч, из которых без особого ущерба для основного стада можно будет отстреливать треть. А пять — семь тысяч гусей для малонаселенного Памира не пустяк. Промысел гуся можно начинать в начале сентября и вести его вплоть до отлета. Весен-

ную охоту, безусловно, следует запретить. Отрицательные стороны весенней охоты на дичь общеизвестны: отстрел наиболее крепких птиц, перенесших зиму и перелеты, то есть полноценных потенциальных производителей, истощенность весенней птицы и т. д. Дело еще и в том, что гуси прилетают на Памир сравнительно рано, в первой половине апреля. Озера в это время покрыты льдом, и стаи горных гусей держатся очень скученно на немногих успевших оттаять мелководьях. Охота в таких обстоятельствах может приобрести совершенно истребительный характер.

Заканчивая разговор о той пользе, которую может принести разумный промысел горных гусей, следует сказать еще о некоторых особенностях этих птиц. Горные гуси выносливы, быстро растут. Они прекрасно приспособлены к условиям высокогорья, легко переносят морозы до тридцати градусов и исключительную сухость воздуха. При всех этих качествах они, будучи взяты пуховыми птенцами, хорошо и быстро приручаются, неволю переносят легко и в неволе, собственно, мало чем отличаются от домашних гусей. Поэтому полувольное разведение горных гусей на Памире может оказаться прибыльным делом, особенно если фермы для этой цели сооружать на не замерзающих зимой теплых или горячих ключах, которых на Памире немало.

Насколько легко приручаются горные гуси, я мог убедиться сам.

Так уж получилось, что мое знакомство с горным гусем началось только во время осеннего отлета птиц. Вполне понятно, что желание познакомиться с его гнездовой жизнью не давало мне покоя. Тем не менее по разным причинам знакомство это все время откладывалось. Но однажды мне повезло.

Надо сказать, что первые сезоны я работал на Памире без помощников, присоединяясь к отрядам геоботаников или археологов, поэтому мои маршруты и работа целиком зависели от их планов и перемещений. Позже в моих поездках стала принимать участие моя жена. Время от времени она отрывалась от своих схем, сопровствлений и кабалистических знаков, пляшущих на экранах осциллографов, и, покинув гудящие от приборов лаборатории, устремлялась в далекие горы, дабы изведать все прелести дикой жизни. Вдвоем нам удава-

лось забираться в такие уголки, куда я никогда не рискнул бы сунуться один.

Однажды мы стояли в верховьях Аличура, воспользовавшись гостеприимством дорожного мастера. Как-то к нашему хозяину заехал гость. Это был начальник дорожно-ремонтного участка тракта, человек решительный и твердый, как алмаз. Мы познакомились, и он обещал мне показать гнездовые колонии гусей на Каракуле, и не только показать, но, самое главное, доставить меня туда на своем транспорте. Я тогда еще не представлял себе, где на огромном Каракуле следует их искать.

Начальник этот был ужасный ругатель и браконьер, но у него был авторитет, транспорт и знание мест. Излишне говорить, что ничего этого у меня не было. Хлопнув пару стаканчиков под архара, зажаренного любезным хозяином, он долго рассказывал о своих охотничьих подвигах, а под конец спросил: «Лодка есть? Порядок! Заеду за тобой в Чечекты».

И действительно, как-то к вечеру в конце июня он заехал на биостанцию, дав мне на сборы полчаса.

Поздно вечером мы оказались в одном из глухих уголков Каракуля, на берегу залива Музкол. Ночь была звездная, тихая и холодная. На рассвете мы уже приступили к работе. Начальник пошел в дельту Музкола промыслять гусей, а мы с Ларисой, быстро надув лодку, двинулись к первым островам. По несчастной случайности, оба весла оказались сломанными, и грести пришлось нашедшейся в машине лопатой.

Первый островок, к которому мы пристали, имел не более пятнадцати метров в диаметре и еле возвышался над водой. Тут-то я наконец увидел в первый раз гнезда горных гусей. Их было три, располагались они на расстоянии полутора-двух метров одно от другого. В гнездах лежали полные кладки, уже сильно насиженные. В одном было четыре, в другом пять, а в третьем целых семь крупных белых яиц. Сами гнезда были довольно просты — небольшие ямки в земле почти без всякой подстилки, но мощные валики пуха, окружавшие кладку, придавали гнезду внушительный вид.

Мы постепенно осматривали островок за островком, одну небольшую колонию за другой. Погода была на редкость тихая. В одной из колоний мы наткнулись на гнездо, в котором успел похозяйничать ворон. Яйца

были расклеваны, а недавно вылупившийся птенец сильно покалечен. Он не мог стоять и, когда его ставили на землю, валился набок. Я хотел было покончить с мучениями этого калеки и забрать его в коллекцию, но Лариса взяла его под защиту и сунула в карман штормовки.

Вслед за тем мы увидели целый выводок гусят не более двух-трех дней от роду. Маленькие желтенькие комочки при нашем приближении попрыгали с островка в воду и поплыли по зеркальной поверхности, очень красиво пересекая четкие отражения снежных вершин. Пуховички с жалобным писком утекали от нас, и, чтобы сфотографировать их и заснять на киноплёнку, пришлось их изловить и водворить на остров. Там они сбились в плотную кучку и продолжали пицать, пока мы их фотографировали.

Дальше дело приняло неожиданный оборот. Шофер автомашины, молодой киргиз, без разговоров изъясил из выводка трех гусят, объяснив, что вырастит их, так как они хорошо живут в неволе. Его уверенность была настолько убедительной, что мы решили присоединить остальных трех к тому, что уже сидел в кармане штормовки. Откровенно говоря, глядя на эти беспомощные пушистые комочки, я не очень-то верил в успех эксперимента, но рискнуть стоило. Если птенцы в неволе развиваются нормально, на них хорошо можно проследить много таких моментов, которых в природе отрывочными наблюдениями не уловишь: общее развитие, изменение навыков и голоса, смену и развитие оперения и многое другое.

Днем, когда мы заканчивали осмотр залива, нам удалось сделать замечательную находку. На одном из островков покрупнее, в стороне от группы гусиных гнезд, мы увидели четыре гнезда буроголовых чаек; гнезд этих чаек до сих пор никто еще в нашей стране не находил. Мне удалось сфотографировать гнезда и взять одно из них с полной кладкой в коллекцию. Больше мы ничего не успели. Наш благодетель вдруг ужасно заторопился, и после стремительных сборов, носивших характер легкой паники, машина рванулась в путь.

Нужно сказать, что вся работа проходила под аккомпанемент настоящей канонады, которую учинил своей двустволкой бравый бомбардир-дорожник. Сначала мне было очень не по себе, и я уже решил было учи-

нить ссору, когда вдруг заметил, что этот чемпион дуплетного боя совершенно безвреден для пернатых существ. Я окончательно успокоился, когда он, безрезультатно разрядив свою фузею почти в упор по налетевшей паре гусей, ахнул им вслед еще залп изысканнейших ругательств. Гуси отвечали на все это лишь недоуменным гоготаньем и повальным бегством. Кажется совершенно невероятным, но, опустошив свой вместительный патронташ, наш покровитель умудрился не пролить ни единой капли птичьей крови. Честное слово, я даже проникся какой-то симпатией к этому дремучему браконьеру. Если бы все они были столь же лихими стрелками!

Крохотные гусята отлично перенесли стопятидесятикилометровую тряску до биостанции и спокойно провели первую ночь. Утром их без особого труда удалось накормить хлебом, размоченным в молоке, и с тех пор особых хлопот они нам не доставляли. К тому времени у нас уже жили два маленьких ангыра. Один из них вскоре разбился при попытке спрыгнуть со стола, а второй, получивший кличку Марамой, стал ходить в одной компании с гусятами. Последние довольно скоро сами стали щипать траву, и кормежка их упростилась до предела. Как только они съедали в небольшой вольере всю траву, вольеру передвигали на несколько метров, на новый участок луга. К Ларисе, которая их опекала, они привязались настолько, что бегали за ней, как собачонки, забавно шлепая лапками. Любопытно, что маленький ангырчик, содержащийся с гусятами с самого малого возраста, так и не привык к ним и держался все время особняком.

Наши поездки по Памиру продолжались, и вместе с нами стали путешествовать и птенцы. Сначала они довольствовались карманами штормовок, потом для них пришлось сооружать специальные ящики, размеры которых все время увеличивались. Гусята росли. Желтый пух постепенно серел, сквозь него стали пробиваться первые пеньки будущих перьев.

Что было удивительно, так это равнодушие гусят к воде. Если ангыр мог не вылезать из луж часами, с наслаждением ныряя, плескаясь и поминутно склевывая разных мошек с поверхности, то гусята, поплескавшись несколько минут, сразу же выходили на берег и шли в воду снова не раньше как через два-три часа.

На суше они либо щипали траву, либо, уютно устроившись на солнцепеке, подолгу дремали. Зато в воде они нередко проделывали странную процедуру. Внезапно, словно по команде и без какой-либо видимой причины, гусята начинали стремительно нырять, то погружаясь, то пулей выскакивая на поверхность, то и дело резко меняя направление. Это продолжалось пять — десять секунд, после чего птенцы спокойно выходили на берег и принимались мирно щипать травку. Отработанность и слаженность всей процедуры, несомненно, говорили о ее наследственном характере, а следовательно, о большом значении ее в жизни гусят. Могу только предположить, что подобные действия — средство, помогающее птенцу спастись от нападающего хищника. Стремительные броски в разных направлениях, безусловно, должны сбивать преследователя с толку.

Постепенно, день за днем гусята превращались из несуразных лохматых созданий в рослых, красивых птиц, надевающих первый юношеский наряд. Этот наряд отличается от взрослого только раскраской головы и шеи: у молодых гусей отсутствуют красивые белые и черные полосы, так украшающие взрослых птиц. Мне очень хотелось проследить, как молодые гуси линяют и приобретают взрослый наряд. Мы решили взять гусей с собой в Ленинград. Да и жалко было, провозившись с этими забавными птицами все лето, бросать их здесь на произвол судьбы. И гуси поехали с нами.

Для начала кряки-путешественники, как мы их называли, вынесли почти семисоткилометровую тряску по адским дорогам Памира и Бадахшана, преодолев автомобильный маршрут Мургаб — Душанбе. Они только жалобно пищали, когда машину особенно жестоко подкидывало на ухабах. И вот в конце августа после холодных памирских долин они очутились в раскаленном летним солнцем Душанбе.

К счастью, у нас было где остановиться. При домишке моих старых друзей был уютный дворик, скрытый под зеленой крышей винограда; посреди него возвышался небольшой бассейн. Гуси быстро отошли после тяжелой дороги, и видно было, что они не прочь поселиться здесь насовсем. Но впереди еще оставалось самое трудное — железная дорога,

Сначала мы ознакомились со всеми правилами перевозки крупного и мелкого скота, а также птиц. Хлопот было много. Днем я бегал по раскаленным улицам, доставая разные ветеринарные справки на свое стадо, а вечерами сооружал специальную клетку, которая должна была удовлетворять всем взыскательным запросам строгой железнодорожной администрации.

То и дело возникали самые неожиданные препятствия. Ветеринарный спец при станции, с явным подозрением выслушав мой рассказ, огорошил меня категорическим заявлением: «Что ты тут мне говоришь! На Памире ни озер, ни гусей никаких нет!» Применяв все свои дипломатические способности, я на самых извинительных нотах долго пытался доказать сему ученому мужу, что все сказанное мной — правда. В конце концов мы нашли с ним общий язык, и помимо искомой справки он даже дал мне еще кусок решетки для клетки. Можно было трогаться в путь.

Бедные гуси! Каково им было вновь очутиться в тесной клетке, да еще в темном багажном вагоне. Особенно тяжело было первые сутки, когда мы проезжали изнывавший от зноя юг Средней Азии. Вагоны на солнце раскалялись чуть ли не добела, превращаясь внутри в форменные душегубки. Гуси громко верещали, что очень раздражало персонал, сопровождавший товарный вагон. Мы выслушивали недовольное ворчание на каждой остановке, когда опрометью бежали к вагону, чтобы налить узникам свежей воды и нарвать где-нибудь у полотна зеленой травы.

Несмотря на все опасения и тревоги, дорога окончилась благополучно, и в один прекрасный день четыре горных гуся и ангыр с Памира очутились на станции Комарово под Ленинградом.

На улицах этого поселка они впервые стали учиться летать. Разбегаясь, гуси поднимались в воздух на высоту человеческого роста, пролетали несколько метров и снова опускались на дорогу. Подобные тренировки до предела изумляли, а то и пугали редких прохожих. Ангыр Марамой, сохранивший свой мрачноватый характер, ухитрился куда-то удрать уже на следующий день и наверняка закончил свою короткую, но богатую приключениями жизнь в зубах какого-нибудь пса. Но гуси не проявляли никакого стремления ни убежать, ни улетать. В октябре у них началась линька головы, не-

ясно обозначились наметки черных полос взрослого наряда, которые становились отчетливее с каждым днем. Я все ждал, когда же у них прорежется взрослый голос и они начнут басовито, по-взрослому гоготать. Но весь сентябрь они по-прежнему пищали и только в середине октября начали время от времени громко гакать.

Наступил октябрь. Над Комаровом потянулись к юго-западу гусиные стаи. Некоторые из них шли очень низко, и наши гуси не могли их не видеть и не слышать. Признаться, я очень опасался, что они попробуют присоединиться к первой же стае. Ведь в середине — конце октября, когда лед начинает сковывать озера, улетают гуси и на Памире. Они летят прямо на юг, через высочайшие хребты мира, сквозь стремительно несущиеся снежные тучи. Высота, которой достигают при этом гусиные стаи, изумительна. Однажды на снимке Солнца, сделанном днем 11 сентября в обсерватории Дехра-Дун у южного подножия Гималаев, было обнаружено изображение стаи гусей. Благодаря этому удалось высчитать высоту, на которой летела стая, и высота эта оказалась более девяти километров!

Но в отличие от своих сородичей наши питомцы не проявляли абсолютно никакого стремления к перелету. Только иногда они поднимали голову, кося на пролетающую стаю одним глазом, а потом спокойно продолжали заниматься своим делом.

В конце октября, когда мы окончательно перебрались из Комарова в Ленинград, гусей пришлось сдать в зоопарк. Одного из них я занес в Зоологический институт показать коллегам, но наш приличный, воспитанный гусь там несколько оскандалился. Выпущенный из мешка, он сразу же обронил визитку на сверкающий чистотой пол, а потом раза два гагакнул изо всех сил. Звук этот, вполне уместный среди диких гор, грянул в почтенной тиши академических кабинетов, словно гром. Моментально со всех сторон сбежались любопытные.

Впоследствии мы несколько раз навещали в зоосаду своих питомцев, которых там поселили вместе с другими водоплавающими птицами, в пестрой компании различных гусей, лебедей и уток. Когда мы подходили к решетке, Лариса подавала особый голос, которым обычно звала их на Памире. И взрослые красивые пти-

ды, мирно дремавшие где-нибудь в уголке, услышав знакомый зов, настораживались, вытягивали шеи, начинали беспокойно совещаться и потом дружно бежали к нам...

Весной, когда по Неве валом шел ладожский лед, трое гусей каким-то образом умудрились сбежать. Двух быстро поймали, а третий целый день держался на ледяном заторе у моста Строителей, своим необычным видом привлекая всеобщее внимание. Я узнал об этом утром от своего шефа профессора Портенко, который обычно ходил на работу пешком через этот мост.

— Послушайте, — спросил он, — это, часом, не ваши гуси по Неве разгуливают? Иду, знаете, и ничего не понимаю: что еще за новый вид в ленинградской фауне?

Я срочно позвонил в зоосад, где меня поспешили успокоить: всех беглецов вернут назад. И действительно, вернули.

Незадолго до отъезда из Комарова мы совершили с гусями прогулку на берег Финского залива: перед «заключением» в зоосад решили показать им море. Стояла октябрьская штормовая погода, и белые гребни волн длинными рядами рушились на пустынный пляж. Гуси были явно ошеломлены этим зрелищем. Растерянно попищав, они дружно побежали к воде и так же дружно кинулись наутек от очередного бурлящего вала. Но от воды они отходить не хотели и долго трусили гуськом по кромке берега, отскакивая от больших волн. Потом они уgomонились. Трое устроились отдыхать в песке, а четвертый стоял рядом. И все они задумчиво смотрели на холодное северное море, глухо шумящее в багряных красках заката...

В ЛАБИРИНТАХ СКАЛ

Величаво-тихий, заколдованный мир скал... Громадные стены уходят в голубую синь неба, громоздятся одна на другую головокружительными уступами. Кажется, нет предела изобретательности природных архитекторов — ветра, воды, мороза и солнца. Трудясь рука об руку, они создают подчас удивительные шедевры — одни из них сразу же бросаются в глаза стройностью линий и

грандиозностью размеров, другие таятся в тени глубоких ущелий и являются во всей красе только при определенном освещении, в определенные часы, а то и минуты суток. Вот могучая крепостная башня гордо поднимает свою коронообразную вершину, а вот целый древний замок, оседлавший макушку скалы; беловатый карниз зигзагом поднимается к его воротам, как созданная неведомыми великанами дорога в сказочный мир. Воздушные арки, фантастические силуэты развалин, крепостные стены, пирамиды, таинственно-сумрачные гrotы, черные окна пещер — чего только не встретишь, блуждая в глухих лабиринтах скальных массивов... Красные, желтые, серые, зеленые под яркими лучами солнца, эти чудеса в сумерках громоздятся черными, глухими силуэтами, создать которые не в силах самая безудержная фантазия.

Тихо... Ветер поет свои песни где-то далеко наверху, а здесь, на дне щели, куда не добирается его ледяное дыхание, тепло и спокойно. Даже каким-то уютом веет от тесных закоулков скал после бескрайних просторов ветреных памирских долин.

Еще одна особенность скал — эхо. Голоса различных птиц, населяющих скалы, звучат каждый раз по-иному, получая нередко самые неожиданные резонансы. В узких лабиринтах щелей, цирков, площадок, карнизов, кулуаров одни и те же голоса то звучат приглушенно и таинственно, то звонко катятся вдоль стен, дробясь и вызывая многократное эхо. Различные звуковые эффекты скал иногда настолько впечатляющи, что начинаешь понимать суеверных охотников прошлого, поселявших всяких там духов, дэвов и тому подобные милые создания именно в скалах. И если где-нибудь на Памире старики говорят, что здесь, мол, не чисто, можете быть уверены, что речь идет о скалах. Эхо не только может исказить звук до неузнаваемости, но и не дает возможности определить, откуда он идет. Нередко нельзя понять, какие существа кричат, сколько их и где они.

Как и во многих других местах мира, особенно знаменит своими бесовскими упражнениями филин. Дикий вой и хохот, которыми он внезапно заполняет ущелье, действуют на самую железную нервную систему. Но к счастью для нервных людей, филинов на Памире очень мало, Они живут в самых глухих уголках

больших скальных массивов, пугливы и скрытны, и, если бы не ангельский голосок да многочисленные погадки, филина трудно было бы заметить.

Мне только дважды пришлось столкнуться с филином, что называется, нос к носу, когда я выпугивал его из глубоких ниш во время лазанья по скалам, да и голос приходилось слышать немногим чаще. Филины шумливы только в брачный период, когда крики их не утихают даже днем. Р. Н. Мекленбурцев, первым из зоологов зимовавший на Памире, слышал их особенно часто в феврале, когда предбрачное оживление было наиболее сильно. В остальное же время птица молчалива, и поэтому я был очень удивлен, когда услышал вопли филина в один из июньских дней.

Погадки филина — неистощимый источник информации для зоолога. Это небольшие продолговатые комочки, состоящие из чешуи, костей, шерсти и прочих непереваренных частей жертвы, которые филин время от времени отрывает. По этим погадкам можно не только определить, что в данной местности обитает филин, но и узнать, чем он питается. Любопытно, что в рационе памирских филинов очень много дневных животных. Объясняется это просто: из-за чрезвычайно низких ночных температур многие животные, обычно ведущие ночной образ жизни, на Памире активны в светлое время суток, и филину приходится значительную часть своей добычи промышлять на зорях.

В погадках можно обнаружить остатки животных, о существовании которых поблизости даже не догадываешься. Так, например, кости болотной курочки камышницы были встречены в погадках памирских филинов задолго до того, как орнитологи обнаружили эту птицу на Памире во время осенних перелетов. В одной из погадок филина у озера Ранкуль была обнаружена кость желтой пеструшки — грызуна, которого до сих пор никто на Памире не может добыть. Анализировать погадки тем более интересно, что меню филина чрезвычайно разнообразно. Здесь и зайцы, и пищухи, и улары, и утки, и голуби, и мелкие грызуны, а некоторые погадки в местах, богатых рыбой, состоят целиком из рыбьих костей и чешуи.

Тишину скал нарушают не только голоса птиц. Нередко ее взламывает грохот обвалов. Тогда долго не смолкают пушечные раскаты, пулеметные очереди и

трескотня одиночных выстрелов. Лавина грохочущих звуков мечется среди каменных стен, отражаясь многократным эхом, пока не замирает в изгибах трещин или каменных мешках цирков. Нередко какая-нибудь щель оглашается серебристым перезвоном падающей струи, превращающейся морозными ночами в ледяной сталактит. А иногда, особенно у вершин скальных замков, сильные ветры высвистывают небывалые мелодии настолько дьявольского характера, что по спине бегут мурашки.

Контрасты на каждом шагу. Вот холодная, в вечной тени щель, упирающаяся в многометровый, втиснутый в расщелину столб льда — замерзший водопад. В полумраке приглушенно звучит капель, единственный звук, нарушающий глухую тишину. Несколько десятков метров, резкий поворот — и вы невольно зажмуриваете глаза. Залитое ослепительным солнцем подножие стены, густые заросли полукустарников, гул насекомых, щебет снующих вокруг ласточек, нежные трели завирушек — жизнь бьет ключом. Сам мягкий, сероватый цвет скалы, убегаящей вверх, как бы излучает тепло. Ничего похожего на зачарованное безмолвие и мрак соседней щели. И такие переходы — десятками в день.

Скалы на Памире — своеобразные оазисы жизни, даже в еще большей степени, чем луга. Они хорошо защищены от сухих холодных ветров, здесь более влажно и тепло, а колебания температур меньше, чем на открытых пространствах долин и пологих склонах. Здесь заметно богаче растительность, больше насекомых, пауков и всякой другой живности — в общем больше пищи для птиц. Обилие ниш, щелей, трещин, пещер дает птицам богатый выбор мест для устройства гнезда — мест, до которых бывает невозможно добраться ни пернатому, ни четвероногому хищнику. Не удивительно поэтому, что большинство памирских птиц предпочитает гнездиться в скалах.

Следует оговорить, что все сказанное относится в полной мере только к крупным скальным массивам, которых на Памире очень немного — их можно пересчитать по пальцам. Особенно примечательны скалы у озера Ранкуль, скальный массив Акташ, скалистые громады хребтов Найзаташ и Базардара. Мелкие скальные выходы, которых довольно много на склонах гор,

мало чем отличаются по своей фауне от окружающих склонов.

Рассвет. Высокие стены, ущелья, цирки еще в тени, солнце освещает только самые верхушки гор, но скалы уже кипят жизнью. Свист и крики уларов, глухое, многократно усиленное скальным эхом воркованье голубей, усеявших освещенные карнизы, как синие бусы, звонкий клекот пустельги, щебетание мелких птах гулкó разносятся по ущельям. Над головой раздается не то смех, не то насмешливый посвист: «Иииии... хью-хью-хью...» Так самец крупной чечевицы Северцова уведомляет о своем довольстве жизнью. Из ниши, зияющей в отвесной скальной стене, вылетела пара ангиров. С протяжным стоном «Аанг... аанг... аааа» она описывает круг за кругом, пока наконец не уходит вниз, на луга, на кормежку. Странно видеть этих уток, расхаживающих по карнизам отвесных скал в окружении уларов, клушиц, скалистых голубей, козерогов...

Ангирь на Памире особенно охотно гнездятся именно в таких труднодоступных скалах. Там, в маленьких нишах-пещерках, они выводят птенцов и потом ведут их вниз, на озера долин. Я очень смутно представлял себе, как это происходит, и временами готов был поверить, будто самка переносит птенцов со скалы до ближайшего озерка в клюве. Действительно, ложишься, бывало, спать в палатке, что стоит на берегу совсем пустого озерка, до ближних скал километров пять, а просыпаешься рано утром — и здравствуйте: на озерке перед лагерем — мама-утка с десятком пушистых утят. Прямо как с неба свалились!

Как-то мы с Ларисой спускались вниз после утомительного маршрута на вершину, нависавшую над домиком дорожного мастера каскадом скал (дело было в Аличурской долине). Вершина была небольшая — всего 5100 метров, но крутые сыпучие подъемы довольно сильно нас измотали. На высоте 4600 метров, на спуске по неудобной для прыжков крупнообломочной осыпи, нас вдруг атаковал выскочивший откуда-то рядом ангир. Отчаянно крича, он делал круг за кругом, налетая на нас и проносясь мимо почти рядом, хоть рукой хватать. Мы остановились, наблюдая за странным поведением птицы, а я пытался делать снимки, когда ангир пролетал совсем близко. И тут сквозь вопли самца совсем рядом мы расслышали призывное покряки-

вание. Под скалой вдоль края осыпи ловко пробиралась утка, а за ней тесной кучкой катился десяток пушистых комочков. Выводок! В тот же момент, как мы кинулись к нему, самка, тревожно закричав, присоединилась к самцу, а птенцы тотчас попрятались под камни. Но там, почувствовав себя в одиночестве, они начали тонко попискивать, и нам сравнительно легко удалось разыскать двух утят. В отвесной скале прямо над осыпью, метрах в сорока над нашими головами, чернела глубокая ниша. Обеспокоенные родители время от времени садились на край ниши. Наверняка птенцы вывелись именно там, а вниз они прыгали, парашютируя эти сорок метров и приземляясь на каменную осыпь. У одного из пойманных утят, очевидно при падении, был слегка поврежден клюв, по краям его основания выступила кровь, но сам утенок был бодр и чувствовал себя вполне нормально.

Этому выводку предстоял еще далекий путь. Он должен был пройти полтора километра до долины Аличура, расположенной на шестьсот метров ниже, а потом еще километра три по сухим оврагам, кочкам и болотистым лугам до первых небольших озер.

Маленьких утят мы поселили у себя. Забавно было наблюдать за их проделками. Хотя им вряд ли было больше суток, когда мы их поймали, они сразу же научились есть хлеб с молоком, крошеные яйца и вскоре очень к нам привязались. Особенно активен был меньший из них, которого мы прозвали Таракашкой. Чуть только начинало светать, он с потешным требовательным писком ковылял из своего угла к нам, забирался к Ларисе на спальный мешок и клювом теребил ее за нос, требуя корма, или же лез под одеяло отогреться. Следом за ним поспешал и его братец.

Натыкаясь на какое-нибудь препятствие, утята немедленно начинали прыгать, стараясь его преодолеть. Прыгали они, как мячики, с силой отталкиваясь обеими лапками и стараясь как можно выше зацепиться за что-нибудь острыми коготками пальцев. В возрасте четырех-пяти дней они после нескольких попыток преодолели поставленный на ребро чемодан высотой более тридцати сантиметров. Если же утенок натыкался на слишком высокое препятствие, то он мог прыгать на него буквально до полного изнеможения. Этот прыгательный рефлекс, так ярко проявляющийся с первого

же дня жизни, исключительно важен для птенцов. Он помогает им преодолевать бесчисленные препятствия во время сложного перехода от гнезд к воде. У наших утят прыгательный рефлекс совершенно угас примерно в недельном возрасте, но в природе он сохраняется несколько дольше.

Интересно, что и остальные водоплавающие птицы Памира — горный гусь и большой крохаль — тоже гнездятся или могут гнездиться в скалах. Только сейчас горный гусь на Памире живет исключительно на островах крупных озер, хотя раньше он, несомненно, гнезвился здесь и в скалах. В Тибете же и Ладаке эти птицы до сих пор самые обычные обитатели скал.

В скалах чаще, чем где-либо, встречаются хищные птицы, и среди них три крупнейшие наши птицы, настоящие гиганты пернатого мира, гнездящиеся только в скалах. Это снежный сип, или, как его еще называют, кумай, затем бородач, он же ягнятник и, наконец, беркут. Особенно крупные размеры имеет кумай, достигающий в размахе крыльев трех метров двадцати сантиметров. Немногим уступает ему бородач. По сравнению с ними орел-беркут, размах крыльев которого редко превышает два с половиной метра, кажется совсем уже не таким большим. В скалах эти птицы строят свои нехитрые гнезда, здесь же располагаются их главные охотничьи угодья. Может быть, потому, что на Памире мало крупных скалистых массивов, все эти хищники сравнительно малочисленны.

Кумай, бородачи и беркуты строят гнезда в таких местах, куда человеку забраться совершенно невозможно, разве что альпинистам-скалолазам такая задача под силу. Дальше я расскажу, как впервые было найдено на Памире, да и в стране вообще, гнездо снежного сипа в пещере Мататаш. Второе гнездо нашел Леонид Сидоров в скалах Аю-Джоу (Медвежья Дорога), как раз против скальной громады Акташа. Сверху, со склона, он увидел на другой стороне узкой щели нишу в отвесной боковой стене. В этой нише находилось крупное гнездо, и в бинокль было отчетливо видно лежавшее в нем большое белое яйцо. Поскольку стояла середина июля, а ни в гнезде, ни около него птицы-хозяева не показывались, можно было заключить, что гнездо брошено. Кстати, Акташ, как и скалы Рангкуля, служит постоянным местом гнездования пернатых гигантов.

Бородачей на Памире больше, чем остальных крупных хищников. До недавнего времени считали, что главной пищей бородачу служат старые кости. Возможно, что так оно и есть, но только не летом, не в гнездовой сезон, когда бородачи явно предпочитают живую добычу. С костями же они действительно расправляются мастерски. Еще древним грекам было известно, как бородачи разделяют черепах. Орел бросает ее с большой высоты вниз, на камни, чтобы потом выклевать из разбитого панциря мясо. Памирские бородачи разбирают кости аналогичным образом.

Леонид Федорович рассказывал мне о подобном случае, едва не кончившемся трагически. Он вместе с Кириллом Владимировичем Станюковичем работал как-то под скалами Рангуля; однажды, когда они сидели, отдыхая, под стеной, дымя папиросами, раздался оглушительный свист, закончившийся треском разорвавшейся гранаты. Это почти рядом грохнулась на камни огромная берцовая кость верблюда. Оба, вскочив, задрали головы кверху. Прямо над ними, распластавшись в воздухе, парил довольно высоко бородач. Со скалы кость свалиться сюда не могла — до нее было добрых полсотни метров. Стало ясно, что «гостинец» спустил именно бородач. «Возьми он на десяток метров ближе, — рассуждал Леонид, — наверняка кому-нибудь из нас попортил бы прическу!»

Но подлинный хозяин скал — это сибирский козерог, или, как его тут называют, козел. В отличие от диких баранов архаров козероги живут главным образом в скалах. На зеленые лужайки цирков и прибрежные луга альпийских долин они спускаются только на кормежку, а на отдых и ночевки, а также при малейшей опасности уходят наверх, в родные скалы. Они совершенно артистически передвигаются по отвесным стенам и преодолевают самые невероятные препятствия с волшебной легкостью.

Никогда не забуду зрелища, которое увидел однажды в одной из скалистых долин хребта Найзаташ. Я работал тогда с археологами. Наша группа из трех человек пробиралась сквозь хаос каменного завала, перекрывавшего когда-то небольшое живописное ущелье. Я шел метров на сто впереди своих спутников, искавших каменные орудия неолита и продвигавшихся поэтому очень медленно. За завалом глазам открылась

необычная картина — образованная наносами плоскость, по которой петляло русло потока. Вся плоскость заросла густой травой и казалась зеленым ковром комнаты, стены которой — высокие, совершенно отвесные скалы. А на зеленом ковре мирно паслось стадо козеров голов в пятнадцать. При моем появлении они дружно кинулись бежать и исчезли за выступом скалы. Я снова увидел их несколько минут спустя, пробежав через поляну бегом и завернув за ту же скалу. Стадо уходило вверх наискось по почти отвесной беловатой стене, казавшейся мраморной в лучах слепящего полуденного солнца. Козероги шли вытянувшись цепочкой, спокойно, не оглядываясь, вверх по абсолютно гладкой скале, где, казалось, и жуку негде было удержаться. Зрелище было поистине фантастическое. Еще через минуту маленькие фигурки исчезли за зубчатым гребнем.

Козерогов еще много в скалах Акташа, Рангуля, Найзаташа да и в более мелких скалистых массивах. Численность их еще долго будет оставаться прежней: слишком уж сложна охота на это осторожное животное среди отвесных скал, где человек в отличие от козеров чувствует себя не всегда уверенно. Охотничье законодательство Таджикистана разрешает охоту на козеров только в осенние месяцы и только на самцов. Но охота практически ведется круглый год и бывает особенно добычлива зимой, когда козлы держатся сравнительно невысоко над днищами долин. Местные жители наловчились стрелять их из малокалиберных винтовок усиленными патронами и при этом стараются подойти к животным хотя бы на сто пятьдесят метров. Очень часто они берут с собой собак, специально натасканных на козлов, и тогда достаточно только подражать козерога, остальное сделают собаки.

В горах Средней и Центральной Азии козероги, пожалуй, наиболее древний объект охоты. Об этом убедительно свидетельствует масса изображений горных козлов, выбитых на скалах в самых разных местах и в самые различные времена. Как же охотились наши предки на этих осторожных животных со своими примитивными луками? Не следует, правда, забывать, что в те отдаленные времена зверей было куда больше и наверняка они были гораздо менее боязливы. На многочисленных примерах хорошо известно, как резко может менять свое поведение тот или иной зверь после первого

же знакомства с огнестрельным оружием: на смену сравнительной беспечности приходит крайняя осторожность. Звери, видимо, способны очень быстро оценивать дистанцию, с которой им может угрожать то или иное оружие. Необходимо еще учитывать мастерство древних охотников. Да что древних! И сейчас в горных кишлаках Бадахшана есть искусники, охотящиеся на горного козла с гладкоствольным ружьем, для чего необходимо подобраться к зверю на тридцать — сорок метров.

Если козерожье стадо часто беспокоят, оно по гребням хребтов переходит в другое место, иногда за десятки километров. Там же, где нет людей, козероги ведут спокойный и сравнительно малоподвижный образ жизни. Целые дни они проводят на альпийских лужайках или на склонах гор, то кормясь, то лежа на солнцепеке. С птицами они живут в мире и согласии: улары бродят рядом со стадом, а клушицы нередко садятся на спины отдыхающих животных и склеывают с них различных паразитов. Кстати, уларам козероги оказывают прямую помощь зимой после крупных снегопадов: в местах, где выпадает много снега, они раскапывают его, чтобы достать траву, а потом на этих копанках кормятся улары. Вообще-то благодаря малоснежности памирских зим подножный корм легко доступен козерогам в течение всего года.

Но зимой козорогов подстерегает очень серьезная опасность. Зоолог Л. А. Арутюнов во время одной из своих зимовок на Памире, отстреляв несколько экземпляров для различных анализов и для коллекций института, обнаружил у многих козорогов... туберкулез! О причинах такого серьезного заболевания можно думать разное, но, мне кажется, Арутюнов прав, предполагая, что эта болезнь возникает как результат обморожения легких. В условиях низких зимних температур, во время быстрого изнурительного бега обморозить легкие очень легко, а такой бег зачастую совершенно необходим, чтобы спастись от преследования врага — волка, снежного барса или человека.

Суровые зимние ночи козероги коротают в больших гротах или пещерах. Мне случалось находить убежища подобного рода, пол которых был сплошь завален толстым слоем козерожьего помета. В подобных же местах, видимо, переживает стадо сильные снежные бу-

раны. Для убежищ выбираются всегда такие места, от которых в обе стороны расходятся скальные карнизы, чтобы хищники не заперли стадо в «мешок».

Волки могут серьезно досаждают козлам, но не причиняют им большого вреда; от волков страдают главным образом архары и домашний скот. Главный враг козерога — снежный барс. Он живет только там, где есть козероги, составляющие его основную пищу. День за днем он крадется за стадом, часами, не шелохнувшись, лежит меж зубцов скал, сотни метров ползет, вжимаясь в камень, то и дело надолго замирая, — и все для того, чтобы в секундном, стремительном броске обрушиться на добычу. Видимо, каждое более или менее крупное стадо козрогов имеет своего «персонального» барса, который постоянно ходит за ним по пятам, все время держа его под контролем, — «пасет».

Считают, что на Памире барс редок, а местами его и совсем нет. Это неверно. Барс обычен всюду, где обычен козерог. Правда, хищник этот настолько осторожен и скрытен, что увидеть его дело нелегкое. За шесть лет мне, например, повезло всего трижды, и то два раза приходилось видеть барса на очень большом расстоянии. Следы его тоже попадаются редко. Большею частью он живет среди скал, в камнях, и на снег, где могут более или менее длительное время сохраняться его следы, выходит редко.

Среди местных профессиональных охотников барс считается завидной добычей благодаря своей красивой шкуре. Некоторые искусные мергены (охотники) ловят барсов, главным образом молодых, живьем для зоопарков. Сейчас охота на этих зверей, как я уже говорил, в Таджикистане запрещена. Разрешен только ограниченный отлов для зооцентров по специальным лицензиям. Впрочем, ограничивать отлов особой нужды нет, такое это трудное и долгое дело.

Временами в печать проникают слухи о нападениях снежного барса на людей и даже... на автомашины. Подобные сообщения лишены малейших оснований. Снежный барс боится человека и никогда на него не нападет. Поэтому ссылки на то, что убийство барса совершено в целях «самозащиты», — чистейшая ложь, призванная скрыть преступное браконьерство.

Например, летом 1965 года одна из машин Памирского автоуправления, направляясь в Мургаб, ночью

сшибла барса, переходившего дорогу. Дело было на одном из участков перевала Акбайтал, там, где дорога поднимается выше четырех с половиной тысяч метров, заходя во владения этого хищника. Сбитый машиной зверь был добит выскочившими из кабины шофером и его пассажирами. Прибыв в Мургаб, они рассказали, будто барс напал на их машину. Им это не только сошло с рук, но их чуть ли не в герои произвели. Местная печать, не жалея ярких красок, описала их подвиг, а союзные журналисты, ничтоже сумняшеся, сделали этот «факт» достоянием центральной прессы.

Многие хищные звери живут в скалах. Один из постоянных обитателей скал — медведь. Нередки лисы, волки, горностаи. А в скалах соседнего Бадахшана, высоко над теплыми долинами, живет рысь. Отсюда она заходит и на Памир; ее встречали даже в самом центре нагорья, в скалах у Тохтамыша, но живет она там или ночью заходит туда, никто толком не знает. Скалы скрывают много тайн, разгадать которые еще предстоит. Но рысь в скалах Памира — особый случай. Как известно, рысь характерный житель таежных лесов, и Памир — единственное место, где она живет в совершенно безлесной местности: лес ей заменяют скалы. Это, кстати, не единственный пример. Я не могу точно передать ощущение какого-то сходства скального лабиринта с лесом. Бродя в тесных каменных щелях, как-то поневоле вспоминаешь лес. Уже давно было замечено, что многие звери и птицы сравнительно легко переходят из леса в скалы, а может быть, случается и обратное. Так, многие птицы, обычно гнездящиеся в кустарниковых и древесных зарослях, преспокойно гнездятся на Памире в скалах даже и в тех случаях, когда густые кустарники растут по соседству. Дело, видимо, в том, что и ночные заморозки, и сильные похолодания, нередкие летом, очень опасны для яиц и птенцов в открытых гнездах, и потому птицы перебираются в скалы и строят гнезда в убежищах, закрытых сверху, — в многочисленных полостях, нишах и трещинах, так как здесь гораздо теплее.

Однажды далеко от Памира, в родном Ленинграде, я увидел чуть ли не в центре города дятла, обыкновенного пестрого дятла, которого невозможно себе представить в нелесной обстановке. Дятел спокойно и деловито лазил по стене пятиэтажного дома, осматривая

трещины под лепными карнизами, и даже что-то долбил своим клювом. Дома и скалы для пернатых, видимо, одно и то же. Напомню, что столь обычные в наших городах ласточки-воронки на юге (и на Памире тоже) гнездятся главным образом в скалах, в отдалении от населенных пунктов. Можно предположить, что в далеком прошлом, когда наши предки еще бродили в шкурах и обычная землянка считалась шедевром строительной техники, ласточки вряд ли заходили далеко в лесную зону, где почти не было необходимых им скал. И только с развитием культуры, когда люди стали возводить искусственные «скальные массивы» — каменные города, воронки тронулись вслед за ними к северу, в чуждые им прежде области,

КРАСНОНОСЫЕ АСЫ

Каменный желоб, по которому я шел, поднимался все круче. Щель становилась теснее, теперь можно было опираться руками о стенки: расстояние между ними уменьшилось до полутора метров. Вдоль отполированного водой желоба валялись крупные камни, прочно застрявшие в самых узких местах. Где-то капала вода, и гулкий звук капли был единственным в сумрачной тишине. Старый череп козерога с гордо запрокинутыми саблевидными рогами лежал на повороте, там, где щель круто загибалась влево. Здесь она уходила вверх крупными ступенями двух-, трехметровой высоты. Лезть по ним было нетрудно, стенки сходились очень близко. На одной из таких ступеней, небольшой площадке, выбитой в скалах падающей водой, в маленькой пещерке под стеной белела скорлупа — старое гнездо улара.

В конце концов щель вывела на площадку, заваленную крупными камнями и окруженную скальным амфитеатром. Одна сторона ее обрывалась вниз стометровой стеной. Высота — 4600 метров. Свистит ветер, не вдалеке перекликаются улары. Шестьюстами метрами ниже прямо под моими ногами раскинулась громадная плоскость Аличурской долины. Ее разрезают две четкие полоски. Одна черная, извилистая, нередко дробящаяся на несколько нитей, — русло реки, другая бе-

ловатая, прямая как стрела — Памирский тракт. По нему медленно ползут точки-машины, тянущие за собой длинные пыльные шлейфы. Черным неприметным квадратиком выглядит отсюда наша стоянка — домик дорожного мастера.

Похоже было, что я забрался в тупик. Возвращаться всегда досадно, особенно если на подъем затрачено столько усилий. Но вот я увидел небольшую щель, спрятавшуюся в тени выступа и уходящую вверх. Пошел дальше. Сначала новая щель поднималась очень полого, но затем, взметнувшись вверх резким броском, как будто бы уперлась прямо в небо. Дальше наверняка был обрыв.

«Кьяаа... кьиинии...» — резкие раскатистые крики внезапно разрушили замороженную тишину щели. Отражаясь от отвесных скал, они порождали многократное эхо, заполняя скалы лавиной звуков. Это кричали высокогорные красноклювые галки — клушицы. Интересно, что, впервые услышав этот крик, я так и подумал: «Галка!» Хотя орнитологи не находят близкого родства между нашими обыкновенными галками и клушицами, голоса их действительно довольно похожи.

Заслышав звонкие голоса клушиц, я поспешно выбрался наверх, оказавшись на краю почти отвесной стены. Внизу подо мной, близко прижимаясь к крутому склону, поднималась вверх стая клушиц штук в пятьдесят. Птицы парили на распростертых крыльях кругами, быстро набирая высоту. Стая возвращалась с пойменных лугов Аличура после очередной кормежки к гнездовой колонии. На подходе к отвесной стене птицы вдруг потеряли воздушный поток. Сразу став какими-то неуклюжими, они деловито замахали крыльями, двигаясь вдоль стены. Не прошло и минуты, как стая вновь «поймала» восходящую струю нагретого воздуха. Несколько секунд — и вот птицы уже на уровне моих глаз. Некоторые из клушиц, описывая широкие круги, проносятся на расстоянии буквально нескольких метров от меня. Зрелище замечательное! Стремительный парящий полет этих птиц, кажется, опровергает все законы тяготения. С удивительной легкостью, то слегка подгибая, то широко расправляя крылья, они быстро поднимались вверх, и скоро мне потребовался бинокль, чтобы проследить, какой курс возьмет стая после подъема. Однако через несколько минут птицы словно рас-

таяли в синем пространстве, где-то на высоте не менее шести тысяч метров.

В других случаях мне удавалось увидеть, что делала стая после такого подъема. Достигнув определенной высоты, птицы слегка складывали крылья и переходили на скользяще-пикирующий полет, направляясь к гнездовьям. Таким образом, стая умудряется проделать весь путь от мест кормежки до гнезд без особых усилий. А путь немалый! Действительно, клушицы, кажется, в наибольшем совершенстве овладели сложной, стремительно меняющейся воздушной обстановкой гор и превратили калейдоскоп воздушных вихрей и потоков в своих верных помощников.

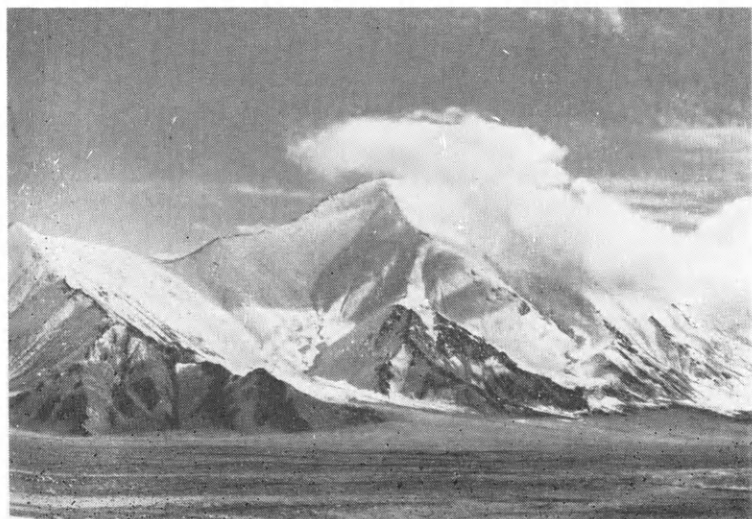
На Памире, правда гораздо реже, встречается и другая высокогорная галка — альпийская, имеющая в отличие от клушицы желтый клюв. Она столь же, если не в большей мере, «владеет воздухом». Английский натуралист Чарльз Стопор, искавший снежного человека в Гималаях, как-то наблюдал брачный полет стаи альпийских галок. Птицы растаяли в воздухе примерно на высоте девяти тысяч метров над уровнем моря.

...Клушицы исчезли, а мне пришлось возвращаться и отыскивать другой путь. Уже три часа блуждал я в дебрях громадного скального массива, нависшего над домиком дорожного мастера и давно привлекавшего мое внимание: до сих пор мне никак не удавалось найти гнезда клушиц, столь многочисленных на Памире. Скалы действительно оказались очень интересными: громадные скальные стены, неожиданности, подстерегающие за каждым поворотом, возможность столкнуться нос к носу с редким зверем... Прибавьте к этому относительное тепло и безветрие, особенно приятные по сравнению с Аличурской долиной, где почти непрерывно дуют обжигающие ледяные ветры. Пожалуй, больше всего на Памире я любил лазить по скалам...

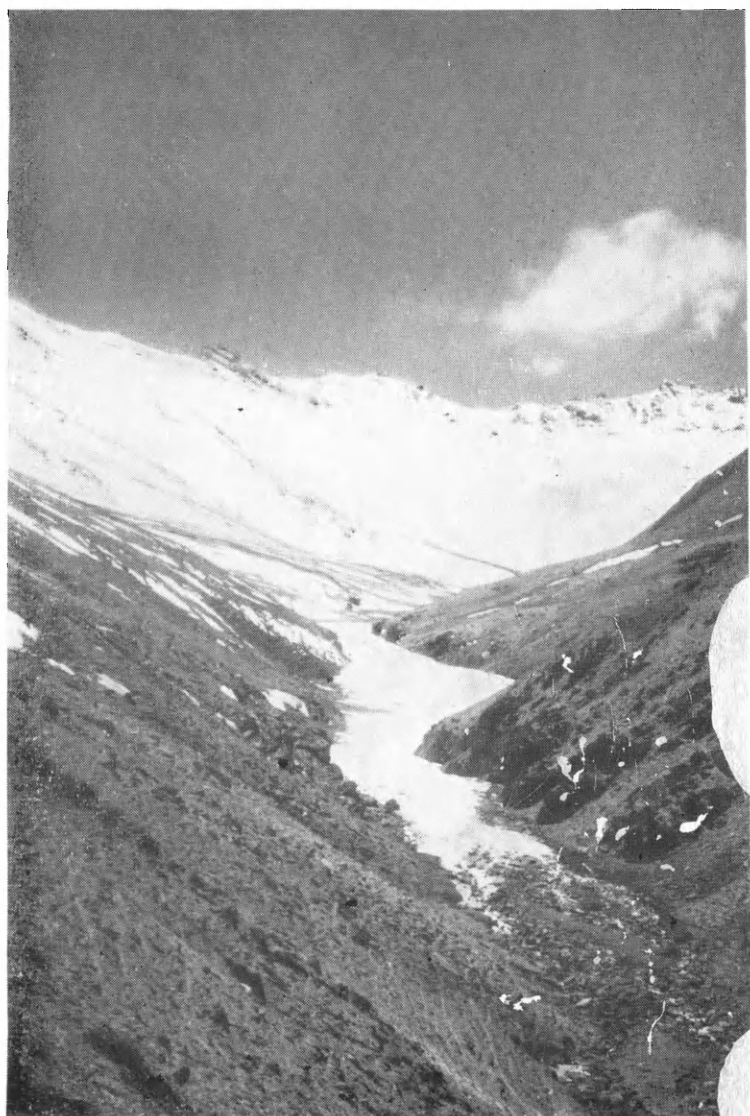
Три часа дня. Жарко. Я прислонился к нагретой солнцем стене и с интересом наблюдал за полетом горных ласточек. Летают эти ласточки куда медленнее, чем наши касатки или воронки, но зато полет их более маневрен. На лету они буквально прижимаются к вертикальным поверхностям скал, обшаривая их по всем направлениям. Вдоль отвесных скал днем поднимается довольно сильный поток нагретого воздуха, увлекающий из-под скал многих насекомых, а некоторых из

Перевал Талдык. Последний серпантин

Июньский снегопад

Верховья реки Чечекты

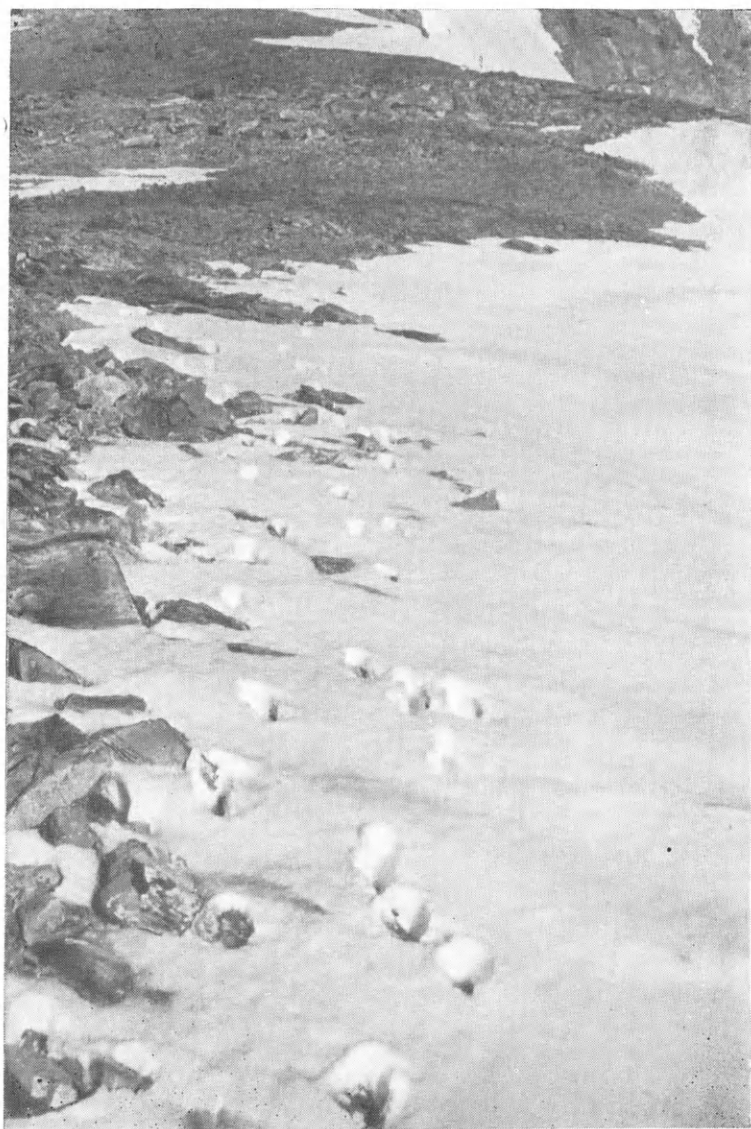

Рогатый жаворонок на гнезде

Птенец монгольского зуйка

Следы козорогов

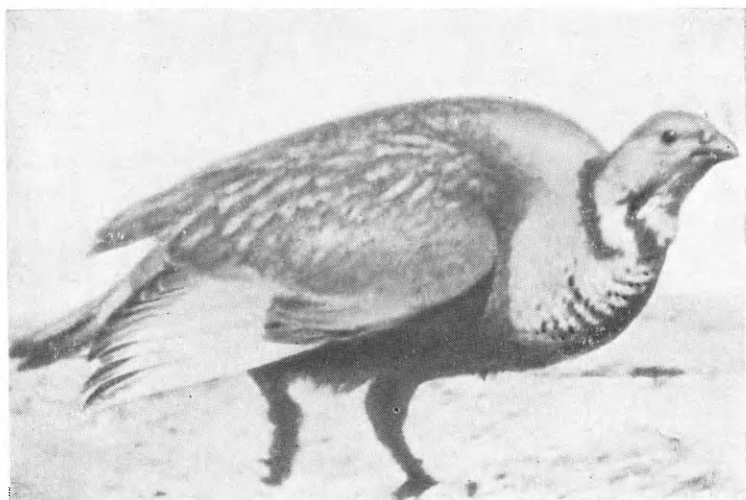
Гнездо оляпки

Здесь живут улары

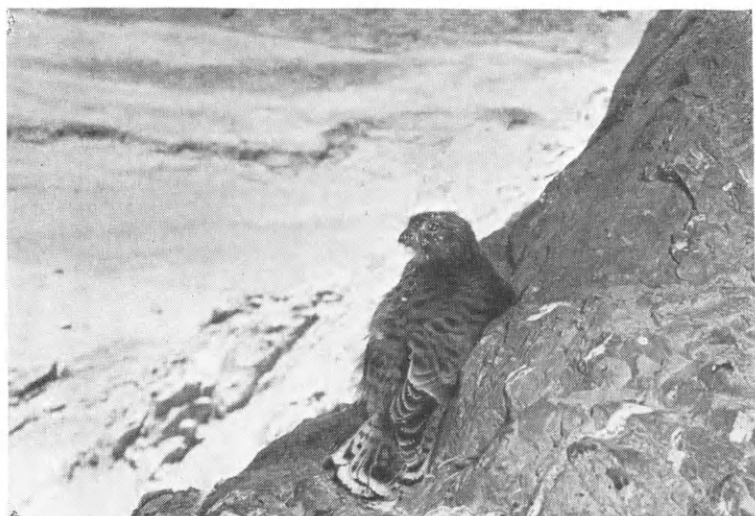
Самка улара отводит опасность...

Гнездо темнобрюхого улара

Пустельга гнездится в отвесных скалах

Птенцы ангара

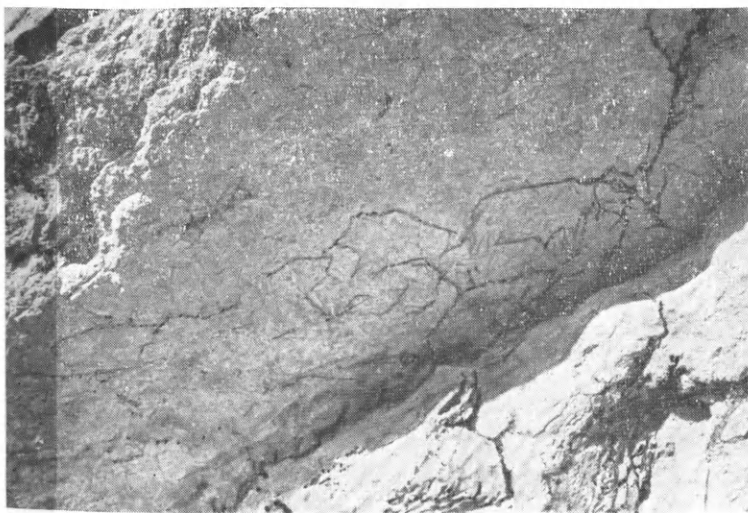
Гнездо пустынного снегиря

Жертва волков (останки старого архара)

Кулик-травник прячет гнездо в траве

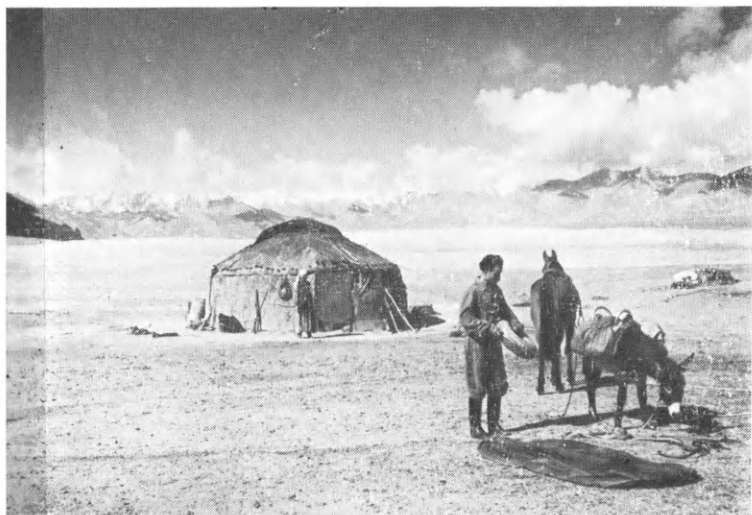
Наскальная живопись гrotта Шахты

Пик Зор

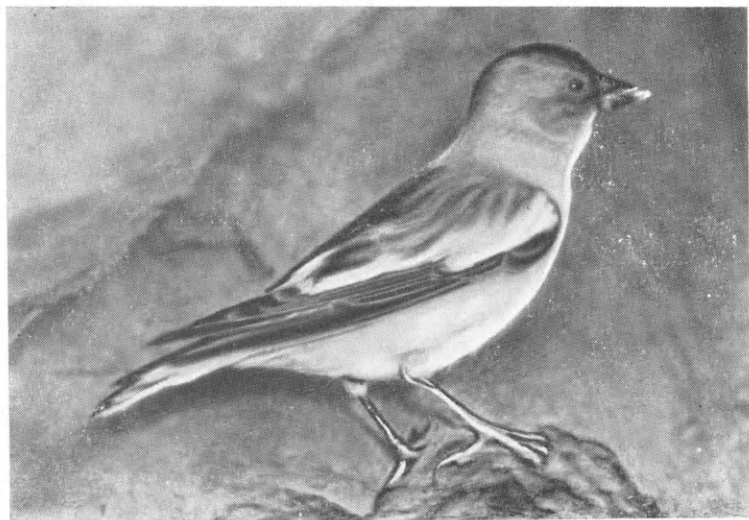

В долинах Памира

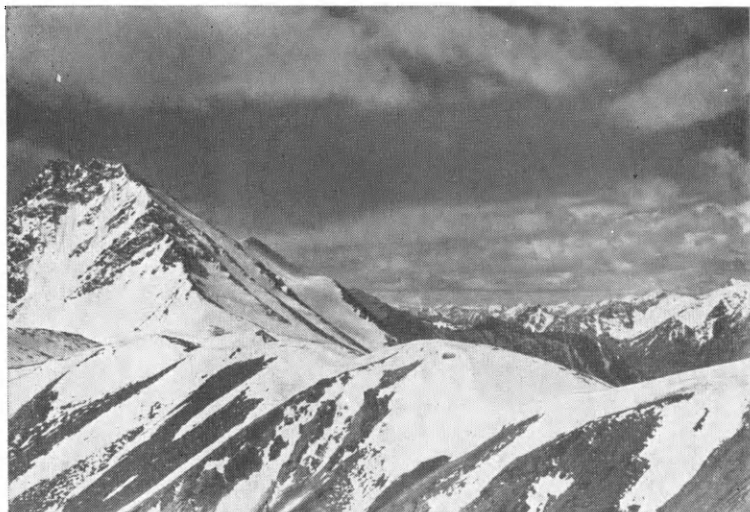
Типичная пустынная плоскость. Котловина озера Ранкуль

Снежный воробей у гнезда

Гребень хребта Музкол

Клушица

Вот оно, гнездо жемчужного вьюрка!
(Камни сверху сняты.)

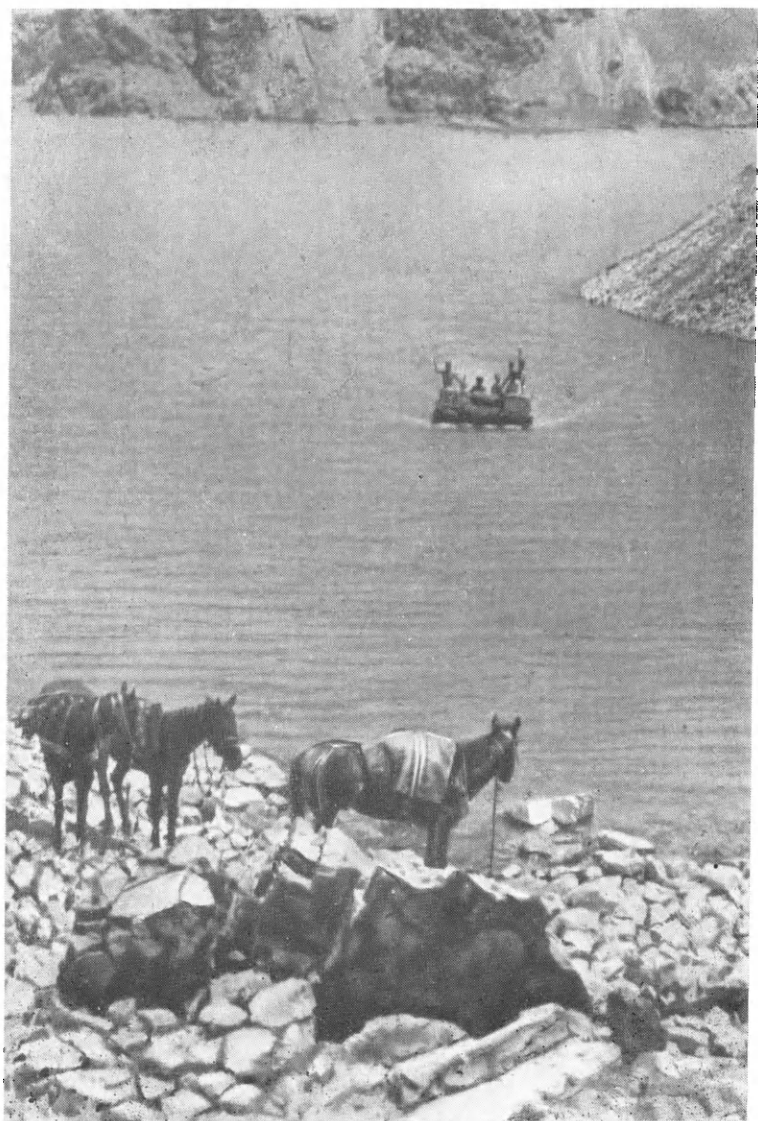

Семидневный заяц-толай

Озеро Каракуль. Колония буроголовых чаек

Сарезское озеро. Наш «Кон-Тики»

них, греющихся на солнце, ласточки снимают прямо с поверхности скалы.

Вдруг на противоположной стене, на ровной желтоватой поверхности, словно по волшебству распустился маленький цветок с красными, в дымчатом окаймлении лепестками и, трепеща, стал двигаться вверх по скале. Стенолаз! Это уже редкость для Памира, слишком сухого для влаголюбивой скальной птицы. Маленькая, в половину воробья, птичка с цепкими коготками и длинным, загнутым вниз клювом целыми днями ползает и перепархивает по отвесным скалам в поисках пищи. Своим изогнутым клювом она извлекает насекомых из мельчайших трещин и щелей. Дымчато-серая окраска делает стенолаза невидимым на фоне камня, и, только взмахивая красивыми крыльями, розово-красными в основании, с четким венчиком белых пятен на вершине, он становится заметным.

Трудно поверить, что такая нежная насекомоядная птичка способна выносить свирепые морозы высокогорий и не покидает их даже зимой. Великолепно приспособленный к скальному образу жизни, стенолаз находит в скалах убежище с теплым микроклиматом и поэтому переносит низкие температуры без особого ущерба для себя. Он умеет отыскивать пищу там, куда не поднимается ни одна насекомоядная птица. Стенолаз — рекордсмен среди них в этом отношении. Так, в Гималаях выводок стенолазов был встречен над одним из высочайших перевалов на абсолютной высоте 6300 метров над уровнем моря, в царстве вечного снега и льда. Они и здесь умудрялись находить себе пропитание на отвесных, нагреваемых солнцем скалах.

Пока я наблюдал за стенолазом, надеясь выследить гнездо, в соседней осыпи оживленно засновали под камнями маленькие серые зверьки — пищухи, или, как их еще называют, сеноставки (за привычку заготавливать сено), — довольно обычные в горах Памира. Маленькие пищухи — близкая родня зайцев. Живут они в осыпях или россыпях камней и местами очень многочисленны. Они быстро размножаются, но и гибнут тоже в не малом числе, составляя излюбленное меню филинов, соколов, горностаев, лисиц, волков — в общем всех пернатых и четвероногих хищников Памира. Однажды я видел, как ловил пищух беркут. Он расхаживал по осыпи, только что озаренной лучами взошедшего солнца,

заглядывал под камни и иногда подолгу замирал на одном месте — караулил.

Стенолаз исчез и больше не появлялся. Может быть, это был просто бездомный бродяга или его гнездо находилось далеко отсюда. Нужно было продолжать поиски колонии клушиц. Выбрав еще один перспективный маршрут, я тяжело вздохнул и вновь пополз вверх.

Только к вечеру в сильно разрушенной скале я нашел группу старых, увы, опять старых, гнезд. Неудача была очевидна. Пора было спускаться. Я искал явно не там, где надо.

Из скального лабиринта я вышел только на закате, проделав напоследок стремительный спуск по большой, метров триста в длину, осыпи. Катание с осыпью — единственное развлечение среди сменяющих друг друга трудных подъемов и утомительных спусков. Нужно только выбрать хорошую осыпь, достаточно сыпучую, из мелких камней и с хорошей крутизной. По такой осыпи можно нестись вниз сломя голову, делая огромные прыжки и скользя при приземлениях и толчках вместе с осыпающимися камнями. Местами удавалось развивать порядочную скорость.

Выбравшись на открытый пологий склон, мягко спускающийся к плоскости долины, я сразу же попал под удары свирепого, холодного ветра. Солнце уже село, холодные тени закрыли долину, скрывая детали ландшафта, и только обширные пятна наледей четко выделялись в наступающей темноте.

Гнезда клушиц мне удалось найти только чуть ли не месяц спустя в ста с лишним километрах от Аличурской долины. Лагерь Леонида, к отряду которого я успел присоединиться, стоял в верховьях Оксу. Проработав целый день в теплом ущелье реки Бейк, правого притока Оксу, я возвращался в лагерь напрямик, пересекая обширное пространство, заваленное крупными древними моренами. Когда-то, во время оледенения, здесь было царство льда, и сейчас бескрайние пространства, погребенные моренными холмами, напоминали о былой мощности ледников.

Неожиданно я попал в небольшой скалистый каньон. Стены каньона были сложены красивыми красноватыми скалами. Я решил отдохнуть в этом тихом месте.

Однако не прошло и нескольких минут, как жутковатые завывающие стоны заставили меня вскочить на ноги. Звуки были совершенно демонические и доносились из-за поворота ущелья. Я поспешил туда. Когда я завернул за угол, крики смолкли, и в конце ущелья мелькнул силуэт улетающей клушицы. В стене, что возвышалась передо мной, чернела дыра, края которой были заляпаны птичьим пометом. Затаившись между рухнувшими глыбами, я стал ждать. Минут через пятнадцать крики возобновились с новой силой. Они явно исходили из этой дырки в стене. В тот же момент появилась клушица. Не замечая меня, она прямо проследовала к дыре, присела на ее край и, оглянувшись, юркнула внутрь. Крики усилились. Это орал голодные птенцы, и, судя по голосам, птенцы уже крупные. Дыра располагалась в самой середине стены, но стена была не более пятнадцати метров высоты, и добраться до гнезда было вполне возможно.

На следующий день мы явились к гнезду и, не обращая внимания на забеспокоившихся клушиц, взялись за дело. Забравшись наверх с прочной веревкой, мы укрепили ее как раз над гнездом. Затем Леонид уверенно и ловко спустил меня, как на лифте, прямо к дыре. Как только моя физиономия оказалась на одном уровне с нишей, оттуда с отчаянными воплями стали один за другим высигивать птенцы. Они были уже вполне оперившиеся и наверняка покинули бы гнездо сами на следующий же день. Птенцы выскакивали так быстро, что я, как говорится, и рта разинуть не успел. Крылья, не привыкшие к работе, не могли долго держать их, и они один за другим приземлились на противоположную осыпь. Одну из молодых клушиц удалось поймать, но с выкармливанием ее ничего не получилось. Она упорно отказывалась брать корм и вскоре погибла от истощения.

Взрослые же клушицы жили в неволе хорошо. Однажды у биостанции поймали подраненную клушицу. У нее было перебито крыло, и она не могла летать. Я сделал ей небольшую вольеру, где она довольно долго жила, быстро привыкнув к людям. Ела она все, что ей давали, — кашу, зерна, мясо, хлеб. Крыло вскоре зажило, но пользоваться им она все равно не могла. Мне наверняка удалось бы привезти ее в Ленинград, но однажды я обнаружил, что вольера пуста. Какая-то сер-

добольная душа на станции решила дать птичке «свободу», но выпустила на верную гибель: наверняка ее придушила первая же собака.

ПИКИРУЮЩИЕ В БЕЗДНУ

Место было найдено случайно. К вечеру ветреного дня я неожиданно вышел на широкую и какую-то очень уютную седловину. Скальный амфитеатр ограничивал седловину с одной стороны, с другой уходил вверх крутой склон. Громадные геометрически правильные скальные обломки громоздились на зеленой поляне седловины, как абстрактная мебель какого-то неведомого великана. И всюду: под скалой, на траве, между обломками камней — валялись кучи уларьего помета, перья, а в пыли под стеной на солнцепеке были выбиты большие лунки: здесь, должно быть, улары «купались», принимая солнечные ванны и очищая оперение от паразитов. Похоже было, что птицы только что покинули это место и сейчас вернуться. Я решил замаскироваться и подождать.

Близился вечер. Погода была плохая; мокрый снег с пронизывающим ветром внезапно накрыл седловину клубящимся облаком. Пришлось уходить. Пересекши седловину, подгоняемый в спину снежной метелью, я начал быстро спускаться — и вдруг наткнулся на группу уларов, поднимавшихся вверх после вечерней кормежки. Крупные серые птицы сразу же оторвались от склона и понеслись наискосок вниз, скользя планирующим полетом на расставленных крыльях. Я даже ружья поднять не успел.

Два дня перед этим я пытался застрелить улара, но меня преследовала неудача. Эта крупная, весом до трех килограммов, птица нередка в горах Памира, но держится чрезвычайно осторожно. Добыть же улара было просто необходимо, поскольку в коллекциях Зоологического института не было ни одного памирского экземпляра. Стоял конец мая, и улары на утреннюю кормежку спускались еще очень низко, почти до 4100 метров, а на дневной отдых поднимались на триста метров выше. За два предыдущих дня мне ни разу не удалось подойти к уларам хотя бы на сотню метров — расстоя-

ние, необходимое для верного выстрела из малокалиберной винтовки. Подраненного улара обычно взять не удается. Но зато сейчас я нашел место, которого улары явно не минуют ни утром, ни вечером. Имело полный смысл сделать здесь долгую засаду.

...Кажется, я поспел вовремя. Снежные шапки Музкола из лиловых уже превратились в серые, и, едва была окончена возня с маскировкой, как раздался первый свист проснувшихся уларов. Трудно описать словами, как великолепно звучат голоса этих птиц в торжественной тишине горного рассвета. Звуки, издаваемые уларами, довольно разнообразны, но особенно приятен протяжный свист — обычный позыв, который слышится особенно часто. Начинаясь с низкой ноты, он быстро поднимается вверх и как бы тает в дрожащем, разреженном воздухе. Первому улару ответил другой, потом третий, и скоро утренняя переключка была в разгаре. Тщательно осматривая окружающие скалы в бинокль, я наконец заметил одного из них метрах в трехстах над седловиной. Он стоял на верхнем выступе скалы, освещенный лучами восходящего солнца, и время от времени свистел. Затем он внезапно исчез, видимо стал спускаться на завтрак.

А крики уларов уже звенели со всех сторон. Мелодичный свист сменялся особым квохтаньем, которое издает возбужденная птица. Сейчас брачная пора была в разгаре, и некоторые птицы наверняка начали откладку яиц. В гомоне переключки надо мной вдруг раздался стремительно нараставший свист. Прямо на седловину с булькающим, клопочущим криком неслась четверка уларов. Они скользили вниз, расставив свои короткие твердые крылья, с ужасным свистом рассекая воздух. Когда они проносились над моей головой, стоял такой шум, будто мчался реактивный истребитель. Улары спускались таким манером на кормежку на луга у подножий скал. Они проскочили седловину метрах в сорока от моей засады и вмиг исчезли за перегибом склона. Следом пролетела еще одна группа птиц. Кажется, на этот раз улары решили спускаться по воздуху, хотя нередко они идут вниз пешком.

За долгое время обитания в горах улары потеряли способность к активному полету и с ровного места взлететь не могут. Для начала полета им обязательно нужен наклон. Разбежавшись как следует и несколькими

энергичными взмахами крыльев оторвавшись от земли, птица тотчас же переходит на скользяще-пикирующий полет и крыльями больше не машет. Естественно, что такой способ полета связан с потерей высоты, но потеря эта не столь значительна, как можно было бы ожидать, принимая во внимание вес птицы. После ряда однотипных наблюдений мне удалось высчитать, что, преодолев расстояние в полтора километра, улары теряли в высоте четыреста метров. Вернее, они теряли все пятьсот, но примерно сто из них наверстывали вновь при посадке. Это достигалось использованием силы инерции, набранной при полете. Перед самой посадкой на крутой склон, чтобы сбросить скорость, улары меняли угол атаки крыла, резко увеличивая сопротивление воздуха. В результате сила инерции выносила птиц вверх по склону еще метров на сто, и только после этого улары мягко и плавно приземлялись, делая напоследок несколько тормозящих взмахов крыльями.

Крики уларов, как бы обтекая меня со всех сторон, постепенно переместились вниз, туда, где по небольшим лужайкам бродили кормящиеся птицы. Но унывать пока было рано. Если вниз они спустились по воздуху, то вверх-то обязательно должны подниматься пешком, а тогда уж им не миновать моей засады.

Время шло. Солнце уже стояло достаточно высоко, и часам к девяти утра стало настолько тепло, что я рискнул снять ватник, сильно стеснявший движения. Птицы начали постепенный подъем вверх. Одна парочка поднималась по стенке, под которой я сидел. Они свистели над самой моей головой, сверху даже сыпались камешки, но увидеть птиц никак не удавалось. Другая пара поднялась немного погодя по противоположному склону ложбины, метрах в двухстах от засады. В бинокль было отлично видно, как самка, несколько уступавшая по размерам самцу, то и дело склевывала что-то, медленно и спокойно переступая среди камней. Самец был куда суетливее. Он то подбегал к самке и, вздернув вертикально хвост, начинал с клекотом обходить ее сбоку, волоча крыло по земле, то вдруг отставал и, застыв на некоторое время, озабоченно крутил головой. Закончив обзор местности, он обязательно свистел, а потом, словно спохватившись, начинал торопливо набивать свой зоб, после чего опять

устремлялся за успевшей удалиться самкой. В общем хлопот ему хватало.

Еще через некоторое время появился одинокий самец. Он двигался по самому дну ложбины, заросшему короткой травой, хорошо выделяясь на свежей зелени. Окраска уларов прекрасно гармонирует с серовато-желтыми склонами гор, и, если птица стоит там не двигаясь, ее трудно увидеть даже на расстоянии ста метров. На траве же птицы хорошо видны. Пробиравшийся по ложбине улар приближался с каждой минутой и вскоре оказался подо мной в каких-нибудь семидесяти метрах. Легкий щелчок выстрела — и улар забился на месте. Но, когда я, ликуя, вскочил на ноги и бросился вниз, птица, теряя перья, несколько раз перевернулась, встала на ноги и вдруг, отделившись от склона, скользящим полетом ринулась вниз. Через какую-то секунду она исчезла за перегибом склона. Делая громадные прыжки, рискуя поломать ноги, я выскочил на тот же перегиб, но улара и след простыл. Успев засечь примерное направление его полета и учтя, что пикировать он начал слишком круто, я стал прикидывать, куда он мог рухнуть.

Дело было почти безнадежное, но как раз тут мне повезло. Тщательно обшаривая склоны в бинокль, я старался не пропустить ни одного движущегося предмета. Вскоре в поле зрения попало стадо баранов, пасшееся под самым склоном горы, примерно в километре от меня. В стаде творилось что-то странное. Часть животных перестала пастись и стояла подняв головы, а среди них суетился маленький человечек, видимо, мальчик-пастух. Вел он себя в высшей степени необычно, и удивление баранов на этот раз было вполне законно. Пастух махал руками, как ветряная мельница, бегая среди овец, и даже раза два кидался на землю грудью. Затем он некоторое время сидел, видимо отдыхая, а потом неожиданно припустился бежать прочь от стада, к дымившим неподалеку юртам. И только углядев в его руках какой-то большой предмет, я вдруг понял, в чем дело. Это был мой улар! Тяжело раненый, он не мог хорошо управлять полетом и врезался под склон горы, прямо в баранье стадо. Но приземление было, видимо, достаточно мягким, раз он мог так резво бегать, увертываясь от ловившего его пастухонка. Я представил себе изумление этого мальчугана.

Слабых выстрелов из малокалиберки он, конечно, не слышал, и вдруг с неба ему чуть ли не на голову валится улар! В то же время мне стало ясно, что добыча, за которой я гоняюсь без передыха вот уже третий день, снова уходит из рук. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как резво кинуться вниз, наперерез мальчугану.

Объяснение было трудное. Мальчонка плохо понимал по-русски, а я еще хуже по-киргизски. Пришлось прибегнуть к помощи жестов. Я изобразил, как стреляю из винтовки, показал малокалиберные патроны и, наконец, сквозную рану у улара... В конце концов мне удалось втолковать ему, что к чему. Мальчик безропотно отдал свалившуюся с неба добычу, но из его жалобно моргавших глаз покатались крупные слезины, которые он досадливо смахнул рукой. К счастью, у меня были с собой лепешки, конфеты и банка сгущенного молока. Я предложил ему разделить со мной трапезу, и мы славно позавтракали у маленького ручейка. Целая банка сгущенки, которую я безоговорочно предоставил в распоряжение моего маленького приятеля, несколько подсластила горечь утраты, и вскоре он уже смеялся, показывая, как свалился сверху улар и как он его ловил. Настроение у него окончательно поднялось, когда я на прощание вырезал у улара желчный пузырь и подарил ему. Желчь улара, как и крупных хищных птиц — бородача, снежного сипа и беркута, очень ценится местным населением как отличное лекарство от многих недугов. А улар был хорош — крупный самец в расцвете сил.

На Памире обитает два вида уларов — гималайский, или темнобрюхий, и тибетский, или белобрюхий. Тибетский встречается гораздо реже и на значительно больших высотах, чем гималайский, поэтому в дальнейшем речь будет идти главным образом о гималайском уларе. Между прочим, Памир — единственное место в нашей стране, где встречается тибетский улар, характерный обитатель тибетских высокогорий. Гималайский улар намного крупнее тибетского, сильно отличается от него по окраске, да и голоса их тоже, при общей однотипности, хорошо различаются. Поэтому и в бинокль, и на слух отличить один вид от другого нетрудно. Местные жители также прекрасно различают этих птиц. Гималайский улар по-киргизски так и назы-

вается — улар, а тибетский имеет совсем особое название — куртек.

Но при всех различиях образ жизни уларов в общем-то один и тот же. Птицы эти строго оседлы, хотя зимой могут предпринимать сравнительно далекие кочевки. Большой подвижностью в этом отношении отличаются тибетские улары. Зимой, в самое тяжелое время, птицы живут небольшими обществами, по десять — двадцать штук, кормясь на свободных от снега участках склонов. Зима на Памире вообще малоснежна, к тому же сильные ветры сдувают снег со склонов, так что найти участки без снега нетрудно. Если же случаются обильные и длительные снегопады, улары пасутся вместе со стадами козорогов или архаров, собирая семена на раскопанных ими участках-копанках. Зимой альпийский пояс бывает целиком скрыт под снегом, да и ниже снега временами бывает достаточно, поэтому улары всю зиму живут в нижних частях склонов. Во время сильных буранов они иногда выходят в долины и в поисках корма забредают даже в поселки. Например, зимой 1960/61 года на биостанции поймали двух уларов, забредших в конюшню.

Весной по мере таяния снегов улары поднимаются все выше. В конце мая, когда птицы приступают к размножению, они держатся большей частью в пределах 4100—4300 метров; здесь же располагается и большая часть гнезд. В брачный период улары очень оживлены и кричат не переставая с восхода до заката, умолкая только на короткое время дневного отдыха. Разбивка на пары происходит ранней весной; в мае улары уже ходят парами. Ноги самцов украшены довольно внушительными шпорами, и говорят, что этими шпорами во время драк из-за самок самцы иногда запарывают друг друга насмерть. Не знаю, насколько это справедливо. Сам я драк между самцами не видел ни разу, хотя мне часто приходилось наблюдать за жизнью этих птиц. Не видел таких драк и Джура, хорошо знающий уларов.

Самка устраивает гнездо где-нибудь в укромном месте среди скал и всегда с таким расчетом, чтобы над гнездом была крыша. Роль крыши обычно выполняет козырек нависающей скалы. Здесь, выкопав небольшую ямку, она укладывает на собранную наспех тонкую подстилку шесть крупных матово-блестящих яиц,

покрытых густой рябью мелких крапинок. Я знал, что до сих пор зоологи еще не находили на Памире гнезд гималайского улара. Несмотря на все старания, это долго не удавалось и мне. Старые гнезда с остатками скорлупы попадались довольно часто, и сначала меня очень удивляла такая диспропорция между количеством старых и свежих гнезд. На самом же деле здесь нет ничего удивительного. На Памире все из-за той же сухости атмосферы органические остатки сохраняются очень долго, десятки, если не сотни, лет. И, ползая по какому-нибудь скалистому склону в поисках уларьих гнезд, я наткнулся на остатки гнездовых сооружений, построенных за несколько последних десятков лет.

Но гнездо гималайского улара я все же нашел. Это было все в тех же скалах хребта Базардара у Аличурской долины.

Стояло начало июня. На лугах, частично скрытых наледями, все еще было мертво, и я посвятил этот день скалам, вздымавшимся над домиком дорожного мастера, местом нашей стоянки. В середине дня мне пришлось траверсировать одну скалу по довольно широкому карнизу. Осторожно передвигая ногами среди крупных камней, я вдруг увидел прямо перед собой, метрах в пяти, высывавшуюся из-за камней голову улара. В тот же момент птица рванулась к краю обрыва, исчезнув из глаз за какую-то долю секунды. А еще через два шага я забыл и о ней, и обо всем на свете: я увидел гнездо! Значит, это соскочила вниз самка, насиживавшая кладку. Гнездо было расположено и устроено так же, как старые гнезда, которые мне встречались до сих пор. Под нависшим карнизом скалы, в миниатюрном камине, на грубой подстилке из веточек терескена и перьев, покоилась полная кладка — шесть крупных яиц, тускло поблескивавших, как бильiardные шары.

подавив в себе жгучий искуc забрать гнездо в коллекцию немедленно (все-таки первая кладка из пределов Памира!), я начал за ним ежедневные наблюдения. В подстилку среди яиц был помещен термистор — прибор для определения температуры насиживания яиц, а от него тщательно замаскированный провод протянулся за укрытие, куда можно было подходить незамеченным и подключать прибор. Несколько раз я пытался сфотографировать насиживавшую птицу, но так близко, как в первый раз, она больше не подпускала.

Ближе чем на семь метров подойти не удавалось. Вспугнутая самка каждый раз бросалась вниз, в пропасть, стремительно уносясь за скалу. Никаких криков и суетни при этом не было. Самец же к гнезду не подходил, и я сначала думал, что он вообще не принимает никакого участия в выведении птенцов, гуляя где-нибудь в холостой компании молодых птиц. Но потом удалось его выследить. Он обычно околачивался под скалой, на которой помещалось гнездо, и сразу же присоединялся к самке, когда та слетала вниз на кормежку. В июне погода стоит еще очень холодная, и снежная пелена то и дело покрывала камни вокруг гнезда. Чтобы не застудить кладку, самка покидала гнездо, слетая на кормежку, очень редко, обычно раз в сутки, в самое теплое время дня.

Все птенцы в гнезде улару вылупляются почти одновременно, покрытые серым пухом с красивым черным рисунком. Окраска пуховичков полностью сливается с камнями, и разглядеть затаившегося уларенка можно только с большим трудом. Выводки уларов мне встречались во время экскурсий довольно регулярно, хотя и не так часто, как хотелось бы.

Особенно мне запомнилась встреча с выводком в скалах Найзаташ, в самом центре Памира.

В скалистых громадах, нависших над нашим лагерем, улары буквально кишмя кишели, и их громкие крики, усиленные в несколько раз утренним эхом, поднимали лагерь чуть свет. Как я жалел тогда, что у меня нет магнитофона! Тамошние улары закатывали такие концерты, что мы заходились от восторга.

Скалы вокруг были изрезаны узкими щелями, образовавшими местами настоящий лабиринт. Блуждая однажды в таком лабиринте, я забрался в тупик — щель уходила почти вертикально вверх, превратившись в узкий желоб. После долгих стараний мне удалось вскарабкаться по этому желобу, и, когда подъем кончился, я неожиданно оказался на ровной площадке, где мирно пасся выводок пушистых комочков, сопровождаемых почтенной мамой. Как всегда в подобных случаях, встреча оказалась полной неожиданностью для обеих сторон. Но уже в следующий момент малыши дружно ударились в бега прямо к осыпи, спускавшейся на поляну широкой рекой, стиснутой скалами-берегами. Мать же, наоборот, побежала мимо меня, волоча

крылья и заваливаясь на один бок. Старый трюк, но сейчас он был как нельзя более кстати.

Быстро вставив в аппарат телеобъектив, я направился к осыпи, туда, где попрятался среди камней выводок. Расчет оказался верен. Самка пришла в полное отчаяние. Описывая вокруг меня все более суживавшиеся круги, она всеми силами старалась отвлечь внимание на себя. Она то падала, хлопая крыльями, на бок, то буквально кубарем катилась по осыпи, теряя перья. Мне удалось сделать несколько снимков самки с довольно близкого расстояния. Отчаявшись отвести меня от выводка, отважная мамаша поднялась немного по склону и оттуда наблюдала за мной, временами издавая столь характерный для уларов протяжный свист. Я же тем временем разыскал спрятавшихся в камнях пуховичков. Они забились в щели между камнями, слившись с ними своей окраской. Заметны были только те, которые хоть немножко шевелились. Сфотографировав и измерив несколько птенцов, я поспешил оставить выводок в покое.

Взять птенцов на воспитание я не решился, поскольку два опыта, предпринятые перед этим, кончились плачевно: птенцы погибали, не желая брать корм. Но мне известно, что птенцы повзрослее, в возрасте десяти — пятнадцати дней, успешно выживают в неволе и нормально развиваются. Мои друзья не раз встречали в кишлаках Памира и Бадахшана вполне ручных взрослых уларов, выращенных в неволе. Птицы содержались на свободе и не проявляли ни малейшего стремления куда-нибудь бежать.

Подобные случаи наводят на некоторые размышления. Птицеводства на Памире покуда нет. Местные жители, неоднократно пробовавшие разводить кур, уверяли, что долго они здесь вообще не живут, не говоря уже о разведении. А что, если попробовать разводить уларов? Мысль кажется дикой только на первый взгляд. Ведь разводят же, и притом довольно успешно, фазана, птицу из того же семейства, к которому относится и улар! По сравнению с фазаном, при том же высоком качестве мяса, у улара есть ряд преимуществ. Во-первых, он весит гораздо больше, до трех с половиной килограммов (вес фазана — один-два килограмма). Во-вторых, улары ручнееют в гораздо большей степени. Правда, улар менее плодовит: на Памире самка несет

только шесть яиц, тогда как фазанка откладывает в гнездо до пятнадцати — двадцати. Но может быть, число яиц можно и увеличить. Ведь в северной части ареала (области распространения) в кладке уларов бывает до девяти яиц.

В общем будем надеяться, что за разведение уларов когда-нибудь возьмутся всерьез. А пока что он остается ценнейшей промысловой птицей Памирских гор, причем, кажется, единственной, которая до сих пор не нуждается в специальной охране. Трудности, с которыми приходится сталкиваться при охоте на улара, охраняют его лучше всяких законов и егерей.

Подрастающий выводок самка уводит все выше и выше, к гребням хребтов, где в это время вегетация в самом разгаре. Туда же поднимаются и холостые птицы. Последних бывает довольно много, поскольку улары становятся половозрелыми только на втором году жизни. Памирские улары в отличие от тьяншаньских исключительно растительноядны, и пища их летом состоит из свежих побегов, почек и цветков самых различных альпийских растений. Когда мне приходилось извлекать из зобов и пищеводов убитых птиц остатки их пищи для определения, то обычно набирался целый гербарий.

В августе улары живут наиболее высоко, почти под самой линией вечных снегов, на уровне пяти тысяч метров. Но уже в начале сентября, вместе с первыми снегопадами, птицы начинают опять постепенно спускаться вниз. В это время они интенсивно линяют, меняя износившееся и поредевшее за лето оперение на новый наряд. Плотный, хорошо утепленный пуховидными основаниями перьев и опахалами их побочных стволов, этот наряд помогает им переносить свирепые ночные морозы, доходящие до пятидесяти градусов.

Во время экскурсий в поисках уларов или их гнезд, когда приходилось подниматься особенно высоко, мне часто встречались на больших высотах горные, или, как их еще называют, жемчужные, вьюрки. Бывает, лезешь, лезешь вверх метр за метром — 4600 метров... 4700... еще выше... Уже давно остались внизу пересвисты каменок, трели завирушек, суетливое циканье горихвосток. Только где-то вдалеке примерно на одном уровне со мной свистят улары. И вдруг откуда-то сверху, от самых вечных снегов, проносятся вниз стреми-

тельные силуэты жемчужных вьюрков. Это прекрасные летуны, и любой ветер им нипочем.

На Памире жемчужных вьюрков можно встретить почти везде, от самых низких долин вплоть до линии вечных снегов, а иногда и за ней. Обычно они держатся небольшими обществами, которые осенью сбиваются в громадные стаи по нескольку сот птиц. Это самая многочисленная птица Памира. Их много и на Тянь-Шане, и во многих других горах Средней Азии. Приходилось только удивляться, что до самого последнего времени никому из зоологов не удавалось найти на территории нашей страны гнездо этих птиц. Гималайским жемчужным вьюркам в этом отношении повезло больше, и в тридцатых годах англичанам удалось найти два гнезда с яйцами. Таким образом, пока зоологи могли похвастать только двумя найденными гнездами. Не очень много, если учесть, что вьюрки — одна из самых многочисленных птиц горных стран Центральной и Средней Азии. Оставались вовсе неизвестными птенцы жемчужных вьюрков, а о гнездовой жизни памирских и тяньшаньских подвигов вообще не было никаких сведений. В чем же дело?

С первого же года моей работы на Памире я стал предпринимать попытки найти гнезда горных вьюрков. Поиски начались в мае с нижних частей склонов, у первых скал. Постепенно, из сезона в сезон, район поисков переносился все выше, вплоть до вечных снегов. Наиболее интенсивные поиски велись в июле. Напомню, что никто не знал ни мест, ни сроков размножения вьюрков. При помощи отстрела птиц и анализа состояния половых желез удалось установить, что раньше июля гнезда искать бессмысленно, самки принимаются за их сооружение только в первых числах этого месяца.

Вьюрки в период размножения продолжают держаться стаями. Логично было бы предположить, что они гнездятся колониями. Но нет! Долгие наблюдения за кормящимися на лужках стаями показали, что состав их очень непостоянен. То и дело от стай отделяются одиночные птицы или пары и летят вверх на склоны, а им на смену прилетают, также поодиночке или парами, другие. Нужно было лезть выше по склонам и там, среди осыпей и скал, выслеживать одиночных птиц в надежде, что они приведут к гнезду. И без того трудная задача усложнялась тем обстоятельством, что

часть вьюрков, примерно треть, ежегодно не участвовала в размножении, ведя холостой образ жизни. Узнать же, кто перед тобой: возвращающаяся к гнезду птица или прогуливающийся холостяк, было невозможно.

...Шел четвертый сезон моей работы. Дни проходили за днями, но результатов все не было. Откровенно говоря, мне это уже надоело. Должны же быть у них гнезда!

И наконец сбылось!

Стоял ничем особенно не примечательный ясный августовский день. С утра все было как обычно. Выход до рассвета, утомительный подъем на склоны до высоты 4700—4800 метров. Там в одном месте у меня был подозрительный кулуар, где концентрировались поиски последних дней. С рассветом началась слежка. Я расположился посредине большого камнепада, ограниченного с одной стороны скальной стенкой. Стояла тишина, только улары пересвистывались где-то поблизости. Но вот знакомая позывка: «Чрр... чррр...» Снизу тяжело поднимается вьюрок. Он присаживается на камень метрах в двадцати от меня, сидит несколько секунд, оглядываясь, затем срывается и летит дальше вверх. Насколько возможно, я слежу за ним в бинокль, засекаю то место, где он скрывается из вида, и быстро перемещаюсь туда. Опять тянется долгое ожидание. Вниз вьюрки проносятся то и дело, но меня они сейчас не интересуют, потому что проследить, откуда они мчатся, невозможно. Проходит час, еще полчаса. Поблизости птицы больше не появляются. Но вот в стороне выпархивает еще одна. Та же это самая или другая, неизвестно. Птица ведет себя довольно подозрительно, слегка беспокоится, крутит головкой, затем летит вверх и пропадает метрах в тридцати выше. Опять перемещаюсь, опять жду...

Поднимается ветер. Он шумит и завывает в скалах; слышимость стала гораздо хуже. Некоторое время над мной кружит бородач, привлеченный, видимо, неподвижностью моей фигуры. Прошмыгнула на большой скорости стая скалистых голубей. В августе они поднимаются на кормежку очень высоко, кормясь на маленьких альпийских лужайках семенами живородящей гречихи, очень урожайной травы. Вьюрков вокруг почти не видно; голоса слышны, но далеко.

Три часа дня... Уверенный, что день опять пропал, решаю еще раз попытаться счастья и переместиться наискось метров на триста, на другой склон кулуара.

И вдруг (боюсь, что читателю уже надоели эти «вдруг» и «внезапно», но именно так и происходят все интересные встречи и находки), когда я еще шел не таясь, метрах в тридцати от меня на камни сел вьюрок. Чиркнув раза два и повертевшись на месте, он вдруг как сквозь землю провалился. Выждав несколько секунд, я рывком бросился вверх к этому месту и затаился вновь. Передо мной была груда мелкого плитняка с множеством щелей и дырок. Минуты через две из одной дырки выскочил вьюрок и ринулся вниз по склону. Швырнув кепку туда, откуда он вылетел (сбиться среди однообразных камней в таких поисках — дело минуты), я начал методично переворачивать камень за камнем. От волнения в голове шумело, дыхание прерывалось. Камни с шумом катились вниз. Неужели опять не то?! Нет, не может быть! Еще камень, еще... Внимательно гляжу в щели, прежде чем отвернуть очередную плиту. Но что такое, никак пучок соломы? А дальше? Осторожно! Не волноваться, чуть приподнять вот этот камешек сбоку... Есть! Гнездо! С птенцами!

Пожалуй, никогда я не испытывал такого восторга, найдя гнездо, как в тот раз. Долгое напряжение многодневных поисков требовало немедленного выхода. Грудь распирало ликование, которое вместе с нехваткой кислорода дало удивительный эффект. Я топал ногами, воинственно размахивал руками и сипло кричал «ура», перемежая его восторженным гоготаньем. На высоте 4800 метров крики мои звучали приглушенно и гасли, не доходя ни до одного склона.

Здесь же через несколько дней я нашел еще одно гнездо жемчужного вьюрка, тоже с птенцами; а в следующем сезоне были найдены строящиеся гнезда и гнезда с полными кладками. Удалось, таким образом, проследить весь цикл гнездования. Работа с этими гнездами была исключительно трудоемка, на один подъем к ним уходило три — три с половиной часа, но все это пустяки по сравнению с добытым материалом!

Что же удалось установить?

Брачные игры памирских жемчужных вьюрков начинаются в первые дни июля, когда, собственно, день уже начинает укорачиваться. Такое позднее, по сравне-

нию с остальными птицами Памира, размножение объясняется прежде всего условиями питания. Вьюрок — птица исключительно растительноядная и выкармливает своих птенцов только семенами альпийских трав в стадии восковой или молочной спелости. Начало массового плодоношения растений и дает, очевидно, сигнал к началу размножения. Поскольку раньше созревают травы на субальпийских лугах, на самом «дне» нагорья, вьюрки сначала кормятся главным образом здесь, и здесь же проходят первые брачные игры. Они очень просты. У самца даже нет песни. Перед спариванием он просто беспорядочно чирикает, прыгая вокруг самки с высоко поднятым хвостом и приспущенными крыльями.

Несмотря на то что к началу размножения вьюрки кормятся и вообще проводят большую часть времени на высотах 3600—4200 метров, гнезда они начинают сооружать высоко, там, где горы еще усеяны тающими снежниками. Ниже 4600 метров искать гнезда бесполезно. Мне приходилось встречать птиц, таскавших корм в гнезда, на высоте пяти тысяч метров, под самыми вечными снегами. Что заставляет вьюрков гнездиться так высоко? Мне думается, что главной причиной является влажность. При крайней общей сухости нагорья верхние пояса все же получают заметно больше осадков, и влажность воздуха там выше. Примечательно, что жемчужные вьюрки, пожалуй, единственные на Памире птицы, определенно предпочитающие для гнездования северные и западные склоны, значительно более холодные, чем южные, но зато получающие гораздо больше влаги.

Удивительны сами гнезда вьюрков. На Памире, где ночные заморозки летом — вещь обычная, большинство мелких птиц строит очень теплые, с толстыми стенками, гнезда, тщательно выстилая их слоем шерсти домашних и диких животных — коз, баранов, архаров, козорогов, сурков и яков. А вьюрки, гнездясь очень высоко, выше всех птиц, там, где ночные заморозки не прекращаются почти все лето, строят небольшие простенькие гнезда, где утепляющий слой из шерсти или перьев отсутствует вовсе. Видимо, если птица очень плотно сидит на гнезде — а именно так и высидывают жемчужные вьюрки, — надобность в теплой выстилке отпадает.

Когда гнездо готово, самка откладывает четыре чисто белых яйца. Белые, без всякого пигмента яйца обычно бывают у птиц, гнездящихся в дуплах или норах, куда не проникают лучи солнца. Среди вьюрковых птиц северного полушария жемчужный вьюрок — единственный вид, несущий белые яйца. Это во всяком случае свидетельствует о большой древности гнездования в норах под камнями.

В первые дни насиживания, когда самка еще не сидит так плотно, днем, в самое теплое время, она слетает вниз на луга покормиться. Здесь самец начинает ее подкармливать, очевидно, чтобы ускорить дело: пока она набьет свой зоб мелкими семенами, а ведь каждое еще надо очистить! Но заставить самца кормить ее самке, видимо, не так просто, потому что первое время ей очень долго приходится его просить. Она скачет в густой траве вслед за ним, пищит и трясет крыльями, как голодный птенец, недавно вылетевший из гнезда. Бьет, как говорится, на инстинкт. Подобные сценки наблюдались некоторыми зоологами и сбили последних с толку. Они приняли выпрашивавших корм самок за вылетевших из гнезд молодых птиц, решив, что вьюрки на Памире размножаются полутора месяцами раньше, чем на самом деле.

К концу насиживания самка все реже и реже отлучается из гнезда, и теперь уже самец регулярно сам поднимается сюда и кормит ее. Когда вылупляются птенчики, весящие всего два грамма и едва прикрытые редким пухом, самка в первый день тоже не покидает гнезда, усердно греет их, и самец один кормит всех. Но постепенно и самка включается в эту операцию. Учтите, что птице приходится таскать корм с лугов, нередко расположенных на целый километр по вертикали ниже гнезда. Семена же собираются и очищаются медленно, поэтому очень выгодно становится транспортировать сразу большие порции корма, кормить редко, но метко.

Видимо, в процессе достаточно длительной эволюции в высокогорных условиях у жемчужных вьюрков выработалось замечательное приспособление для переноса больших порций семян, так называемые подъязычные мешки. Они образуются только на период выкармливания птенцов, и у самцов, поскольку они сначала кормят самок, развиваются раньше. Мускулы и

кожа под языком птицы становятся чрезвычайно эластичными. Под давлением поступающих сюда семян они растягиваются, образуя два подъязычных мешка, способных вместить изрядную порцию корма. Этой порции обычно хватает, чтобы набить пищеводы всем птенцам за один присест. Время кормления самое трудное для вьюрков. От зари до зари они трудятся на зеленых лужайках гор, без устали очищая созревающие семена и набивая ими свои «сидоры». С кормом к гнезду они прилетают редко, один раз за сорок — пятьдесят минут. Мешки при этом набиваются так, что выпячиваются на горле, и перья на шее встают торчком.

Вверх, к гнездам, вьюрки летят тяжело, с частыми остановками. Зато вниз они несутся во весь дух, используя все преимущества пикирования. Оторвавшись от склона, вьюрок делает несколько сильных взмахов и переходит на скользяще-пикирующий полет, двигаясь вниз параллельно склону со слегка отставленными назад крыльями. Когда скорость становится слишком высокой, а высота над склоном небольшой, птица слегка тормозит полет несколькими взмахами крыльев. При этом скорость падает, а птица опять набирает высоту над склоном, и опять все повторяется сначала. Скорость при таком полете временами бывает настолько велика, что за мчащимися птицами едва можно уследить взглядом. С отвесных скал вьюрки могут нестись вниз почти вертикально. Среди скал, обрывов, склонов пикирующий полет на такой скорости требует исключительно быстрой реакции на все изменения в пути, необычайно высокой маневренности.

Птенцы быстро растут, и количество корма, потребное им, неумолимо возрастает. Но массовое плодоношение трав к этому времени начинается на все больших и больших высотах, и плодоносящая полоса, перемещаясь вверх, с каждым днем приближается к гнездам вьюрков. Летать за кормом становится все ближе. Но вот наступает день вылета из гнезда. Выбравшись наружу, на яркий свет, птенцы в первый день сидят поблизости на каком-нибудь камне и, чвинькая, как наши воробьи, выпрашивают корм у пролетающих вьюрков. Потом выводки спускаются прямо на луга, где и остаются до конца лета. Собственно, конец лета наступает вскоре после вылета птенцов, в конце августа. Погода еще стоит хорошая, солнце сияет вовсю, но

ночные заморозки становятся все сильнее, и над перевалами появляются первые стаи перелетных птиц.

Осенью вьюрки поднимаются к снежной линии и, сбиваясь в огромные стаи, живут в самых верхних частях хребтов. Отсюда их изгоняют только снегопады, которые с наступлением зимы постепенно сдвигают снежную линию все ниже и ниже. Наступает суровая, но малоснежная зима, и большая часть вьюрков откочевывает вниз, в теплые предгорья. Однако постоянный снеговой покров в большинстве межгорных понижений так и не устанавливается, что дает возможность птицам без помех разыскивать корм. Поэтому значительная часть вьюрков, в особенности старые птицы, остаются на зимовку. И хотя по ночам морозы усиливаются до пятидесяти градусов, днем солнце успевает нагреть камни в укрытых от ветра местах до плюсовых температур. Днем вьюрки усиленно кормятся на бесснежных участках, собирая старые семена, греются на солнцепеке, словом, запасают энергию на морозную ночь. Ночуют они в небольших пещерах, где спят целыми стайками, тесно прижавшись друг к другу.

...Ветреный майский день. Солнце то и дело скрывается за низкими рваными тучами. Бесформенными массами они ползут друг за другом, натываясь на гребни хребтов. Только что пройдя сквозь такую тучку и порядком продрогнув, я отогреваюсь, втиснувшись между двух темных вертикальных плит. Они нагреваются на солнце очень быстро, не успевая остыть за время, пока проходит туча, и мне здесь уютно, как в ладонях доброго сказочного великана. Десятью метрами выше — царство сплошного снега, ниже снег лежит разрозненными полями, четко выделяясь на темных осыпных склонах. Первозданный хаос вершин суров и безжизнен, от пейзажа веет чем-то марсианским, инопланетным, мертвым. Но вдруг совсем рядом звучит знакомый чиркающий позыв. Прямо под моими ногами на снежное пятно опустилась стайка жемчужных вьюрков. Они бодро прыгают по снегу, перекликаясь короткими позывками, и умудряются что-то еще склевывать с его поверхности. Марсианский мираж рушится сразу. Горы вокруг делаются как будто теплее, мягче, они вновь становятся земными, и мертвое дыхание космоса уходит куда-то вверх, к ледяным граням шеститысячника, громоздящегося над моей головой...

КАРАКУЛЬ

Теплое тропическое небо, ласковый шелест пальм, золотой песок гавайских пляжей, сверкающая гладь океана... Под громоподобный рев прибоя на длинных, перебивающихся изумрудом грядках волн в клочьях белой пены стремительно несутся к берегу стройные фигуры людей, покрытые золотистым загаром...

...Резкий порыв ветра возвращает меня к действительности, едва не вырвав книгу из рук. В лицо полетели холодные соленые брызги. Шторм и не думает стихать.

Я осторожно выглядываю из-за прибрежного бугра, где, спасаясь от ледяного ветра, жду погоды и путешествую с Джеком Лондоном на «Снарке». Эх, старина Джек, тебя бы сюда! Озеро кипит. Его огромная ультрамариновая поверхность потемнела и стала рябой от вспыхивающих и гаснущих белых барашков. Над озером повисла дымка, делающая неясными очертания берегов. Это мелкий песок, который ветер несет с гор, с того берега. Ярко-желтые, коричневые и красные склоны окружающих хребтов, без единого пятна зелени, увенчаны белыми шапками вечных снегов. Редкие клочья облаков несутся по синему небу; кажется, что это куски снежных вершин, сорванные яростным ветром. Прямо над головой маленькое и холодное солнце, хотя и сверкает оно ослепительно, куда сильнее, чем над Ленинградом. Наверное, так же выглядит солнце на Марсе. Да, опять пропадает день...

Шторм длится третьи сутки, и третьи сутки нет никакой возможности сделать то, для чего я, собственно, прибыл, затратив столько усилий, на пустынные берега бухты Музкол, в южный угол огромного Каракуля. Моя цель — остров Южный.

Это целая гора, которая торчит из воды в трех километрах от берега. Туда по вечерам улетаются стаи бакланов, буроголовых чаек и горных гусей. В моем воображении рисуются громадные колонии этих птиц, мне кажется, что они должны быть именно там, вдали от берега, на необитаемом острове Южном. Но мое снаряжение — резиновая лодка, оснащенная двумя веслами

и спасательным кругом,— малопригодно на штормовом Каракуле. Несколько раз в шторм я пытался отчалить от берега, но лодку неизменно вышвыривало в прибой. А когда после ожесточенной борьбы с ветром мне удалось отплыть от берега метров на сто, лодку чуть не перевернуло. Крутая волна задрала ее нос вверх, а порыв ветра ударил в днище, как в парус. Не упади я всем телом на нос, была бы мне ледяная баня в этой, такой голубой и такой соленой воде...

В это лето я всерьез занялся птицами, обитающими на памирских озерах. Этих птиц немного: горный гусь, огарь, большой крохаль, тибетская крачка да буроголовая чайка. Именно из-за буроголовой чайки я выбрал для работы озеро Каракуль. Родина этой птицы — Тибет, и в нашей стране она обитает только на Памире. Здесь ее встречали на всех крупных озерах, но гнездится она, видимо, только на Каракуле. Гнезд их в пределах нашей страны еще никто не находил. Мне впервые удалось сделать это летом 1961 года; во время разведывательной поездки на Каракуль я нашел на одном из небольших островков небольшую колонию из четырех гнезд, два из них, только что построенные, еще пустовали. Однако большое количество чаек на озере ясно указывало, что где-то здесь должна быть крупная колония, и мне казалось, что она скорее всего расположена на острове Южном.

Каракуль — самое большое озеро Памира: площадь его водного зеркала — 364 квадратных километра, максимальная глубина — 236 метров! По размерам и по высоте над уровнем моря (3914 метров) Каракуль уступает только озерам-гигантам южного Тибета. Расположенное на дне огромной, бессточной ныне котловины, оно имеет горько-соленую воду.

Когда озеро спокойно, цвет его изумителен — густой ультрамарин, на менее глубоких местах переходящий в зеленоватый цвет океана. Вода совершенно прозрачная, и, стоя в тихую погоду на какой-нибудь вершине над озером, можно ясно видеть распределение его глубин. Но штиль на Каракуле редкое явление. Бывает он обычно утром и длится недолго. Потом с ледяных гребней Заалайского хребта срывается холодный норд. Вздывая тучи песка и пыли, он обрушивается на озеро и бушует непрерывно до следующего рассвета, нередко не утихая по несколько дней.

Озеро не всегда было бессточным. Около ста тысяч лет назад, после первого Великого оледенения, оно было гораздо больше, занимало почти всю огромную котловину и имело сток в долину реки Кокуйбели. О былом уровне озера красноречиво свидетельствуют белые полосы древних прибойных линий, четко обозначенные на склонах сбегаящих к озеру хребтов в нескольких десятках метров выше современного уровня. А на былую связь с бассейном Кокуйбели указывают немногочисленные рыбки-гольцы, ютящиеся в устьях впадающих в озеро небольших речек: вода в этих устьях более или менее пресная. Они принадлежат к тому же виду, который водится в Кокуйбели, хотя несколько изменились с тех пор, как озеро потеряло связь с рекой.

Каракульская впадина тектонического происхождения и образовалась во время мощных тектонических движений, охвативших Памир в начале четвертичного периода. Впадина постепенно заполнялась водой, пока не образовалось огромное озеро. Сейчас оно разделено на две неравные части островом Северным, протянувшимся от северного берега озера к южному и отделенным от берегов двумя узкими проливами. Сравнительно недавно, еще в конце прошлого века, Северный остров был полуостровом и соединялся с берегом узким перешейком. Теперь перешеек исчез. Его исчезновение связано с интересной особенностью Каракуля.

Дело в том, что на значительном протяжении берега озера покоятся на льду. Лед залегает и на дне озера. О происхождении его до сих пор идут споры. Одни думают, что это остатки ледников, которые во времена наиболее сильного оледенения вторгались прямо в озеро; другие считают его остатками ледяного щита, заполнявшего котловину опять-таки в ледниковый период. Наконец, третьи считают как погребенный в берегах, так и донный лед образованиями современными, что, кажется, более соответствует истине. Но как бы то ни было, берега озера покоятся на льдах. Льды постепенно тают, в них образуются провалы, проливы, озёрки, от берегов отделяются островки — и озеро постепенно увеличивается в размерах. (Правда, существует, видимо, и другая, тектоническая причина постепенного увеличения размеров озера, связанная с современными движениями его дна.)

Каракульская котловина примечательна еще тем, что это самое пустынное место Памира. Здесь выпадает меньше всего осадков, что-то около двадцати миллиметров в год.

В непосредственной близости от котловины расположена знаменитая долина Маркансу. Это название одни переводят как долина Смерчей, другие — как долина Смерти, но правильнее переводить его «мертвая вода». Почему ее так называли, сказать трудно. Вода в русле обычная, хотя и течет здесь только в июле. Видимо, дело в том, что раньше участок древней памирской тропы, вместо которой сейчас проложен тракт, был на Маркансу самым трудным: ледяные непрерывные ветры, крайняя сухость атмосферы, безводье, пески, большая высота; к тому же долина была первой на пути путников, попадавших на Памир через Кызыларт, и контраст с оставленными только что благодатными долинами Алая был особенно велик. А для вьючных животных Маркансу также была первым на Памире и иногда непосильным испытанием, и гибли они здесь особенно часто. Да и выглядит долина довольно мрачно, и смерчи здесь крутят, говорят, чаще, чем где-либо на Памире. Потому, видимо, и повелось считать, что на Маркансу «нечисто». Кстати, гибнут здесь не только домашние животные, но, бывает, и дикие. Одна экспедиция наткнулась весной на целое стадо павших архаров, как бы внезапно застигнутых смертью. Неподалеку валялось несколько дохлых волков, явно преследовавших стадо и погибших вместе с ним. Может быть, есть еще какая-нибудь причина, почему долина получила такое мрачное название?

...Работать одному на холодном, свирепом Каракуле в совсем безлюдной местности было рискованно. Однако попутчиков мне найти не удалось. Направлявшаяся в Ош машина биостанции должна была доставить меня к заливу Музкол, для чего надо было сделать крюк в двадцать километров в сторону от тракта. По дороге нам пришлось заехать в поселок Каракуль на восточном берегу озера. Тут мне неожиданно повезло: я встретил своего старого знакомого, художника Ивана Кожевникова. Я знал его по прошлому году. Сейчас он писал на Каракуле, пытаясь уловить его непрерывно меняющиеся краски. На мое предложение Иван ответил немедленным согласием. На сборы ушло

сорок минут. С местным начальством мы договорились, что за нами через неделю пришлют машину, и выехали к устью Музкола.

22 июня в четыре часа дня мы остались одни перед горой груза на пустынном берегу озера. До устья Музкола машина не дошла, до намеченного места оставалось десять километров. А лагерь надо было разбивать именно у устья Музкола: в этой части озера только там была пресная вода.

Быстро надув лодку, мы погрузили на нее весь груз и медленно двинулись вдоль берега. Я тащил лодку за веревку, а Иван веслом отталкивал ее от берега. Первые два километра мы преодолели легко. Но на Каракуле, как мы потом не раз убеждались, никогда все хорошо не бывает. Ровный песчаный берег кончился, началась подмытая волнами морена. Слабый северный ветер разыгрался не на шутку. Он разогнал крупную волну и все время старался вышвырнуть лодку на берег. Мы продвигались с черепашьей скоростью, прыгая по мокрым валунам в кипящей пене прибоя. Скоро мы вымокли до пояса и порядком устали. Солнце близилось к закату, холодало. Когда наконец проклятая морена осталась позади, мы окончательно выбились из сил. А впереди было еще пять километров пути. Устроили остановку. Переодевшись во все сухое и отогревшись на песке, еще хранившем солнечное тепло, выработали новый план. Я объяснил Ивану, как пройти на место нашего будущего лагеря, и он направился через прибрежные холмы напрямик к устью Музкола, захватив с собой часть груза. Я же, сложив пожитки кучей на берегу и оставив в лодке только необходимое для первой ночевки, сел в нее и, работая веслом, как шестом, тронулся вдоль берега.

Когда лодка подплыла к устью Музкола, солнце уже село. Иван, скрючившись, сидел на берегу у воды. Вид у него был неважный. Я вылез на берег, еле шевеля ногами. Трехчасовая борьба с волнами и ветром привела меня в самое жалкое состояние. Слишком большая нагрузка для такой высоты! Надо было срочно ставить палатку, но двигаться не было сил. Вяло переговариваясь, мы решили для начала поесть. Последний раз мы ели девять часов назад. И тут, к нашему ужасу, обнаружилось, что все, абсолютно все продукты я оставил среди прочего груза на берегу, в

четыре километра по прямой от лагеря! На Ивана жалко было смотреть. Ясно, что после сегодняшней передрыги он уже никуда больше не пойдет. Да и вина тут главным образом моя. Поэтому Иван остался ставить палатку, а я, мысленно исходя проклятиями (вслух ругаться не было сил), взял курс назад. На четыре километра ушел целый час. Наступила ночь. Черное небо сияло мириадами холодных звезд. Глухо шумящее озеро темнело огромной массой, сливаясь вдаль с мраком, окутывавшим горы. Ледяные гребни хребтов опоясывали горизонт тускло поблескивающим кольцом. Во всей этой фантастической и дикой картине было что-то от первозданного хаоса.

Оставленный груз лежал на берегу, темнея резким пятном на светлом прибрежном песке. Озеро, ворча, как огромный зверь, почти доставало его своими волнами. Оно казалось живым, и подходить к нему в крошечном мраке было жутковато. Казалось, что сразу же за линией прибоя начинается бездонная пучина... Однако голод и предельная усталость заглушили все остальные ощущения. Я рухнул на ворох вещей как подкошенный, кое-как негнуцимися руками вскрыл банку сгущенного молока и опустошил ее в несколько глотков. Потом я впал в какую-то дремоту, но минут через двадцать страшный холод поднял меня на ноги. Я взвалил на плечи рюкзак с харчами и поспешил назад. Ветер бил теперь в спину, швыряя песок и соленые брызги. Подпираемый ветром, подбодренный съеденной сгущенкой, я развил почти космическую скорость, и только скрытые темнотой выбоины, в которые я время от времени падал, замедляли мое движение.

Когда я разыскал лагерь, на месте, где должна была стоять палатка, темнело какое-то бесформенное пятно. Оказалось, что обессиленный Иван не смог поставить палатку и, сделав из нее подстилку, улегся сверху в своем спальном мешке... В мешок он влез не раздеваясь, и не удивительно, что, когда я извлек его оттуда, зубы его выбивали какой-то замысловатый танец. Однако это не помешало ему с жадностью накинуться на холодные консервы.

Но вот все готово. Палатка стоит на том самом месте, где было задумано. Мы на Каракуле. Мы в спальнях мешках, согреты, сыты и засыпаем. Ветер стихает.

Слабые его порывы еле шевелят палатку, укрытую в глубоком провале среди прибрежных холмов. Слабый плеск волн почти не нарушает величавого безмолвия ночных гор...

Утро было тихое-тихое. Мы проснулись только в десять часов, когда солнце так накалило палатку, что внутри стало трудно дышать. Опасения, что мы надорвались и простудились вчера, прошли разом. Мы были свежи и полны энергии.

К полудню лагерь был готов окончательно. В крутом скате холма задымил вырытый очаг, Иван и я собрали и притащили два мешка кизяка. Другого памирского топлива, терескена, здесь нет: он не растет на этих песчаных холмах, покоящихся на погребенных льдах и покрытых редкой жесткой осокой. Иван установил мольберт и бросил на холст первые пятна красок, я же надул лодку и отправился на разведку к мелким островкам, раскиданным в устье Музкола.

В середине дня задул шторм, продолжавшийся без перерыва трое суток. Хотя этот отчаянный шторм и сбивал мои планы, времени мы не теряли. Иван в конце концов наловчился писать при самом ледяном ветре, а мне за эти дни удалось как следует облазить залив и все ближайшие островки. На них было много гнезд юрких тибетских крачек, кое-где попадались даже гнезда горных гусей. Гнезд чаек не было видно нигде, хотя птицы непрерывно вились над головой и принимали активное участие в каждой тревоге, поднимаемой крачками. Остров, на котором я в прошлом году нашел колонию из четырех гнезд этих чаек, почти исчез под водой, от него осталась только верхушка. По вечерам все буроголовые чайки улетали в сторону острова Южного, и было ясно, что их гнездовая колония находится где-то там. Надо было ждать штиля.

Наконец штиль наступил. Глубокая тишина предрассветных сумерек с первыми проблесками зари была нарушена протяжными криками ангыров. Вскоре к ним присоединилось озабоченное гоготанье гусей. Над палаткой то и дело раздавался свист утиных крыльев. Я стал лихорадочно собираться в путь. Ружье, фото- и кинокамеры, катушки с пленками, спальный мешок (на всякий случай), еда на два дня (тоже на всякий случай) — и вот я уже грузу снаряжение в лодку.

Озеро и горы скрыты в густом тумане. Вода неподвижна.

Когда взошло солнце, я уже греб вовсю. Туман таял на глазах, поднимаясь клочьями вверх и исчезая в сухом прозрачном воздухе. Лодка шла быстро, за ней тянулся пенистый след, отливавший голубизной в глубоком ультрамарине озерной воды. Солнце поднималось все выше; вскоре оно вынудило меня сбросить полушубок и, отражаясь в водах озера, заставляло щурить глаза. По-прежнему стоял полный штиль. Живописная громада хребта Музкол с закованным в лед зубчатым гребнем четко отражалась в воде. Время от времени я ощупывал борта лодки, проверяя утечку воздуха. Все дыры были тщательно заклеены, но во многих местах ткань прохудилась на сгибах. Остров был уже близко, когда пришлось подкачать в лодку немного воздуха. Чаек пока было видно сравнительно немного. Неужели на острове ничего нет? Тем не менее я не снижал хода, стремясь попасть на остров до того, как поднимется ветер.

Ветер поднялся, когда до острова оставалось метров триста. Шторм был уже не страшен, лодка успела войти в полосу ветровой тени, под прикрытие острова-горы. Тщательно разглядывая пустынный берег, я вдруг обнаружил перед островом небольшую гриву, торчащую из воды,— маленький островок, отделенный от Южного небольшим проливчиком. Над островком летало несколько чаек, а по верхушке его, усеянной большими камнями, тянулась странная белая полоса. При моем приближении эта полоса белым облаком взметнулась в небо. Меня охватило ликование. Вот она, настоящая большая колония бороголовых чаек!

Теперь торопиться было нельзя. Я приготовил кино- и фотокамеры и стал медленно приближаться, почти не шевеля веслами. Лодка шла к мысу островка, выдававшемуся в сторону Южного. Когда до берега оставалось метров десять, я вдруг увидел прямо перед собой гнездо горного гуся. Гусыня уже приподнялась с него и, вытянув шею, с изумлением взирала на лодку. Потом она медленно пошла прочь, то и дело оглядываясь. Заработала кинокамера. Чайки, взлетевшие было при моем приближении, опять уселись, и только несколько штук кружилось надо мной с хриплыми криками:

«Крааа... краа...» Вся куча их вновь взмыла вверх, как только я ступил на землю.

Островок был небольшой, около семидесяти метров в длину, а в самом широком месте имел в поперечнике не более тридцати шагов. Голая почва была усеяна крупными камнями, покрыта птичьими перьями и пометом. Весь вершинный гребень островка покрывали гнезда чаек. В некоторых местах гнезда сидели так тесно, что невозможно было определить, где кончается одно гнездо и начинается другое. Многие гнезда были построены на совесть и возвышались над землей плотными платформами, другие же представляли собой беспорядочно набросанные кучи стеблей. Строительный материал, хотя на острове и не было растительности, валялся рядом. Гряда полусгнивших стеблей терескена, злаков, различных водных растений тянулась вдоль прибойной линии. Вокруг колонии чаек кольцом располагались маленькие гнезда тибетских крачек и крупные гнезда горных гусей. На островке было тепло даже в самый ледяной шторм: каменная громада острова Южного надежно закрывала его от холодных северных ветров, ежедневно врывающихся в котловину с ледяных гор Заалайского хребта.

Пока я осматривал колонию, чайки подняли невообразимую суматоху. Часть их, вместе с гусями, расселась на воде неподалеку, ожидая, видимо, когда я покину их владения, другие, более нетерпеливые, кружились надо мной, хрипло крича. То одна, то другая птица вдруг кидалась на меня, как бы собираясь ударить, и со свистом проносилась в нескольких сантиметрах от моего лица. Почти во всех гнездах лежало по два-три крупных пестрых яйца, а кое-где уже копошились пушистые комочки — только что вылупившиеся птенцы. В одном гнезде мое внимание привлекло яйцо, как видно только что расколовшееся пополам. Оттуда постепенно выкарабкивался мокрый еще птенчик. Было ясно, что в колонии началось массовое вылупление птенцов.

Закончив осмотр острова, я отошел от колонии метров на десять и залег в камнях, чтобы понаблюдать за чайками, когда они успокоятся.

Минут через десять птицы уgomонились и заняли свои гнезда. Бóльшая часть продолжала прерванное насиживание, а там, где уже появились птенцы, роди-

тели стояли над гнездами, затеняя еще не окрепшее пстомство от безжалостных лучей памирского солнца. Часть чаек потянулась к устью Музкола на кормежку. В колонии воцарилась относительная тишина, иногда только одиночные птицы пронеслись над моей засадой с хриплым угрожающим криком, да временами из центра колонии доносились странные клокочущие звуки, напоминающие весеннее бормотание тетеревов.

Я лежал в камнях на теплой земле, орудовал фото- и кинокамерами и делал записи в блокноте. Повышенный интерес мой к этим чайкам был вызван тем, что до сих пор среди зоологов шел спор, считать ли буроголовую чайку подвидом обыкновенной чайки или совершенно самостоятельным видом. Для решения спора надо было изучить биологию этих птиц, почти совсем неизвестную, собрать яйца, пуховых птенцов и птенцов в первом перьевом наряде, в так называемом птенцовом пере. Нашу обыкновенную чайку я знал хорошо. И сейчас, слушая грубые, глухие голоса буроголовых чаек, наблюдая их полет, пестро раскрашенные широкие и тупые крылья, глядя на весь окружающий их своеобразный мир высокогорного озера, я все больше приходил к убеждению, что передо мной совершенно особый вид.

В середине дня работа была закончена: взяты образцы кладок яиц (они значительно крупнее и совсем по-другому раскрашены, чем у обыкновенной чайки), пуховой птенец, измерены, зарисованы и сосчитаны гнезда, израсходованы все катушки кино- и фото- пленки...

Прежде чем возвращаться домой, надо было еще осмотреть сам остров Южный. Меня не покидала надежда найти здесь гнездовья бакланов; группы этих птиц все время пролетали взад и вперед. Сам остров — небольшая двуглавая вершина, сложенная из рыхлых пород желтого и бурого цвета. Много песка, на крутых склонах одна над другой тянутся на высоте десятков метров над водой древние волноприбойные линии. По ним видно, что, когда озеро имело максимальные размеры, только самая верхушка острова торчала из воды. Остров пуст. Кое-где торчат редкие кустики терескена, белеют расклеванные воронами гусиные яйца: очевидно, с этого острова вороны выжидают удобный момент и крадут яйца. Отсюда, кстати, видно, как гуси

спешат к своим гнездам. И никаких признаков бакланьих гнезд. На Памире все очень хорошо сохраняется, и, если бакланы гнездились здесь даже десять лет назад, остатки их гнезд, несомненно, уцелели бы. Итак, бакланы в этой части озера не гнездятся.

Лодка отчалила от острова около четырех часов дня. Обрато можно было двигаться старым путем, прямо через плес, по ветру или же, преодолев неширокий пролив между островом и коренным берегом, плыть под защитой берега к лагерю, огибая многочисленныы мысы и заливы. Такой путь втрое длиннее, но вид открытого плеса, который я утром пересек, был страшен. Северный ветер разгулялся вовсю, срывая пену с крутых волн; в этой свистопляске ничего не стоило перевернуться. Я избрал второй путь. Он действительно был долог и утомителен, но совершенно безопасен. Поскольку силы были уже на исходе, после каждого часа гребли приходилось делать долгие остановки. Под прикрытием одного из крутых мысов на берегу удалось собрать несколько обломков кустов терескена, разогреть консервы и поесть. От нестерпимого блеска солнца и воды, свиста ветра, качки и изнурительной гребли я совсем одурел, глаза болели и слезились, обожженную кожу на лице и руках стянуло, как сохнущей мыльной пеной.

Когда до лагеря оставалось километра три, лодка неожиданно вошла в тихую, укромную бухту с тремя маленькими островками. Там оказалось несколько гнезд горных гусей, причем в одном уже вылупились птенцы. При моем приближении четыре желтых, пушистых шарика поспешно попрыгали в воду, и мать повела их на берег прятаться в густую бурую осоку. Бухта была очень тихая, сюда даже ветер не залетал, и я с наслаждением растянулся в осоке, едва не задремав под шум бурного озера и крики крачек.

...Лодка подошла к лагерю на закате. На вершине холма со своим мольбертом стоял Иван. Силуэт его на фоне багрового неба был поистине фантастичен. Увидев лодку, он радостно замахал руками и кистями, но работу не прервал: сейчас ему была дорога каждая секунда.

Штормовые ветры сильно досаждали художнику, но он наловчился работать и при них. Особенно рьяно он писал на закате и восходе, когда небо и горы расцве-

чивались самыми невероятными красками, заставлявшими думать об иных планетах. В полушубке, закутанный по уши, он громоздился у мольберта, укрепленного камнями, и быстро бросал на холст мазок за мазком. Ему удавалось схватить многое. С каждым этюдом краски становились все сочнее и натуральнее, а некоторые этюды были на мой взгляд, просто великолепны. Особенно много сил отнимала у него вода Каракуля. Озеро меняло свой облик непрерывно, и уловить мгновение в этом непрерывно меняющемся потоке красок и навечно закрепить его на холсте серией точных мазков было почти невозможно. Вообще Иван произвел на меня неотразимое впечатление. До сих пор мне еще не приходилось встречать художников, работавших на этюдах в таких условиях, в разреженном, иссушенном до предела воздухе, на обжигающем ледяном ветру...

Неделя пролетела быстро. Машина пришла за нами точно в срок, а через час езды мы уже были в поселке Каракуль.

В тот же день я познакомился с начальником Каракульской метеостанции, в распоряжении которого, как оказалось, имелась превосходная дюралевая лодка с сильным подвесным мотором «Москва-2». Он жил здесь с семьей уже несколько лет и хорошо знал восточную часть озера. Вечером мы сидели в маленькой уютной комнатке метеостанции, жевали жареную архарину и степенно рассуждали об охоте и рыбалке. Начальник метеостанции был страстным любителем того и другого, но при этом не имел ни малейшего представления о правилах охоты и искренне считал, что в Каракуле рыбы нет. Я рассказал ему, что в Каракуле рыба есть, но только в двух местах — в устьях Музкола и Караджилги, впадающей в озеро в северной его части. Это самые крупные из впадающих в озеро речек, вода в них имеется более или менее регулярно, и рыба может жить в опресненных ими приустьевых водах.

Особенно я упирал на Караджилгу: было очень заманчиво побывать в северной, наиболее труднодоступной части озера и осмотреть там группу островов.

Каракульская рыба настолько заинтриговала начальника, что он решил завтра же ехать на рыбалку вместе со мной. Эта поездка, правда чуть было не закончившаяся крупной аварией, очень помогла мне в дальнейшей работе на озере.

Утро было ясное и тихое. Дюралевый корпус катера сиял под лучами солнца. Мотор взвыл с первого рывка и быстро развил отличную скорость. Мы неслись по неподвижному, застывшему озеру, мирно дремавшему в великолепном обрамлении снежных хребтов. Вода казалась абсолютно прозрачной, но разглядеть внизу ничего не удавалось — там, глубоко, ультрамарин переходил в черную глубину. Временами нам встречались плававшие по поверхности длинные нити водных растений. В одном месте мы прошли очень близко от группы ангыров. Три яркоокрашенные птицы медленно покачивались на синем зеркале воды.

Восточный плес мы пересекли менее чем за час, войдя в пролив между Северным островом и материком. Как только мы вышли из ветровой тени последнего мыса на главный плес, в лицо ударили брызги и ветер. Катер, задирая нос, круто забирался на очередную волну и затем с размаху падал на следующую, громко шлепаясь при этом о воду плоским днищем. Тучи брызг мгновенно вымочили нас с головы до ног.

Хозяин катера в ответ на мои тревожные взгляды только посмеивался. Ловко маневрируя катером, он старался срезать гребни наискось. Однако шторм усиливался, волны росли, и скоро стало ясно, что нам сегодня до устья Караджилги не добраться. Впереди, совсем недалеко, высилась группа островов. Еще минут двадцать отчаянных прыжков с волны на волну, резкой качки в реве ветра и тучах больно секущих брызг — и вдруг все стихло: катер ворвался в ветровую тень первого острова и мирно закачался на небольших волнах. Корпус мягко стукнулся о берег, мотор замолк.

Здесь, с подветренной стороны, было тихо, а главное, тепло. Порядком продрогшие, мы с удовольствием растянулись на нагретом солнцем крутом склоне и блаженно продремали с полчаса под ровный шум озера. Чистое небо постепенно затягивало пылью; из глубокого синего оно стало каким-то серо-желтым. В тишине подветренного берега мне показалось было, что ветер начал стихать; но, отправившись на разведку острова и выйдя на вершинный его гребень, я понял, что заблуждался: шторм бушевал по-прежнему.

На другом конце острова мы увидели четыре гнезда горных гусей с сидевшими на них гусынями. Птицы

заметили нас и опрометью бросились к воде. Метеоролог совершенно неожиданно для меня вдруг вскинул ружье, и я еле успел дернуть его за локоть. Дробовой заряд поднял пыль метрах в десяти перед первым гнездом.

— Ты что, обалдел? — заорал я. — На гнездах?!

Стрелок озадаченно уставился на меня и вдруг понимающе кивнул головой:

— И то верно, они же сейчас тощие, мясо что дерево!

Мы позавтракали под тем же подветренным берегом и решили трогаться обратно: уж очень разгулялось озеро. Мой гид отлично знал все острова вокруг и на каких из них есть гусиные гнезда.

— А вон там, — он ткнул пальцем в чернеющие недалеко, у коренного берега, островки, — на том, который поменьше, чаек — навалом! Ну, мы близко подойдем, покажу!

Отплыв от гостеприимного берега, мы направились к северному мысу большого острова, чтобы обойти остров вокруг. Здесь, среди больших островов, ветер не мог разогнать большой волны, и мы добрались до мыса довольно спокойно. От острова с чайками мы прошли метрах в двухстах. Самой колонии не было видно, но чаек здесь летало гораздо больше, чем где-либо на нашем пути. Я с радостью заметил, что пролив, отделяющий остров от берега, имеет в ширину не более ста пятидесяти метров. Значит, сюда можно попасть с берега в любой шторм.

Катер завернул за мыс Северного острова, выйдя на малый плес, и некоторое время шел вдоль берега, защищавшего нас от ветра. Неожиданно мы увидели группу линяющих крохалей, отдыхавших на берегу. Летать они не могли совсем. Часть их кинулась удирать по воде, то и дело ныряя, а оставшиеся, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль прибоя по берегу, прячась за большими камнями. Одного из удиравших по воде мы быстро настигли, и я некоторое время в упор «растреливал» его из кинокамеры.

Наконец, резко взяв влево, катер тронулся прямоком через бушующее озеро, держа курс на поселок, еле видный отсюда, — кучку белеющих пятнышек на берегу. Без удержу разгулявшийся ветер гнал большие валы, раз за разом осыпавшие нас белой пеной брызг.

Ветер теперь был попутный, но опасность перевернуться от этого ничуть не уменьшилась. Время от времени мы седлали очередной пенящийся вал и на его вершине стремительно мчались вперед. Иногда катер попадал в такую толчею волн, что терял управление. Его разворачивало боком к волне, которая яростно била в борт и ставила судно чуть ли не на ребро. Дважды глох мотор, но, к счастью, его тут же удавалось завести вновь. Я перетрусил не на шутку. Конечно, сам корпус катера с двумя герметически закрытыми отсеками-поплавками был непотопляем. Но если бы мы перевернулись, конец был бы быстрый: мы не продержались бы и получаса в этой ледяной горько-соленой бурлящей воде.

Когда мы добрались наконец до берега, мне было очень неловко за свой испуг. Однако, как оказалось позднее, страх мой был не напрасен. Вскоре после того как я покинул Памир, мой спутник ушел на катере в озеро с одним приятелем — и не вернулся. Шторм выкинул на берег непотопляемый катер, перевернутый вверх дном, пустой катер, без людей...

Чтобы полностью закончить сбор материала по гнездовой жизни буроголовых чаек, мне необходимо было вернуться на Каракуль не позже чем через месяц. За это время птенцы чаек должны были подрасти и сменить свой первый пуховой наряд на так называемое гнездовое оперение. Окраска такого оперения немало важный систематический признак, который мог пролить свет на родственные связи вида. Поэтому в конце июля я снова был на Каракуле.

На этот раз попутчика найти не удалось. Я был один. Приходилось рассчитывать все чрезвычайно точно и брать с собой минимум груза, только то, что я смогу унести, и унести далеко, на своих плечах. В этот необходимый минимум входили пятнадцатикилограммовая резиновая лодка, ружье, кино- и фотокамеры, а также провиант на три дня; места для спального мешка и прочих одеял и тулупов, разумеется, не оставалось. О палатке и говорить нечего. Это означало прежде всего холодную ночевку на Каракуле — вещь весьма мучительная даже в конце июля. Но другого выхода не было.

И вот я вновь на берегу залива Музкол. Вечерело, северный ветер бушевал с особенной силой. Водитель машины, на которой я приехал, с сомнением поглядев

на бурное озеро и безмолвные хребты вокруг, только покачал головой и, сочувственно пожелав «ни пуха», нажал на стартер. Машина ушла. Нужно было позаботиться о ночлеге. Я решил устроиться на ночевку в глубоком овраге, выбрав наименее продуваемое место. Со всем безветренный участок отыскать не удалось. Облюбовав место, я вырыл в крутом склоне оврага небольшой очаг и все оставшееся до темноты время потратил на сбор топлива. Редкие кусочки кизяка, еще более редкие кустики терескена — всего этого удалось собрать небольшую кучку, которой могло хватить часа на два.

Берега озера были пустынные. Редкие чайки пролетали над линией прибоя, на самом берегу в пене набегавшей волны бродило несколько куликов. Горы вокруг выглядели совершенно мертвыми. Уже на закате картину несколько оживила небольшая группа архаров. Их было штук семь. Они сошли с пологого склона ближайшего хребта метрах в пятистах от меня и, пощипывая скудную траву, медленно тронулись к устью Музкола на водопой.

Стемнело. Ветер не утихал. Разжечь очаг и разогреть банку тушенки было делом недолгим. Поев, я долго еще лежал вплотную к очагу, стараясь впитать тепло весело пляшущего огня. А когда, потрескивая, стала догорать последняя порция топлива, я поспешно, стараясь не растерять тепло, забрался в надутую предварительно лодку и постарался заснуть раньше, чем успел бы замерзнуть. Расчет состоял в том, что спать после тяжелого дня я буду крепко и холод поднимет меня на ноги только к утру. Однако расчетам моим не суждено было осуществиться.

Заснуть мне действительно удалось быстро. Однако среди ночи я проснулся оттого, что надо мной кто-то тяжело и шумно дышал. Не нужно быть особенно слаботерпимым, чтобы слегка струхнуть в такой ситуации. Мне было хорошо известно, что в радиусе тридцати километров вокруг нет ни одного человека, а следовательно, и домашнего скота. Дикая же зверь боится запаха человека и сами ни за что к стоянке не подойдут, разве что будут очень голодны. Но сейчас лето, время отнюдь не голодное. И тем не менее, судя по дыханию, какой-то очень крупный зверь стоял над лодкой и шумно принюхивался. На всякий случай у меня с вечера лежало под бокom заряженное ружье. Пытаюсь осто-

рожно, без шума его вынуть, я в то же время силился разглядеть в полной темноте непрошеного гостя. Стараясь не дышать, я повернул голову и вздрогнул: над лодкой нависло что-то огромное и уродливое. Честно признаться, у меня мелькнула мысль, что это наша неуловимая мечта, сноумен, сиречь снежный человек, нанес мне столь поздний визит. Мне даже показалось, что он вытягивает вперед руки, чтобы броситься на меня. Я стремительно вскочил, одновременно взводя курки. Громадная темная масса испуганно шарахнулась вверх по склону оврага, обрушивая потоки щебенки. Две такие же фигуры ударились в бега немного поодаль. А я уже сидел у потухшего очага и, еле переводя дух, утирал со лба холодный пот. Верблюды! Эти нелепые животные бродят по долинам Памира безнадзорно (они принадлежат колхозам, но пасутся свободно, пока в них не появится нужда, что бывает редко), и не я первый сделался жертвой их тупого любопытства.

Было только три часа ночи. Темень и холод. Ветер бушевал по-прежнему, и озеро глухо шумело внизу, как гигантский кипящий котел. Я стал судорожно прыгать на месте, чтобы согреться, но холодная дрожь не унималась. Пришлось вылезти из оврага и, спотыкаясь на каждом шагу, пойти собирать топливо — почти бесполезная затея в такой темноте. Испуг, вызванный визитом верблюдов, еще не прошел, и я взял с собой ружье, которое в общем-то было ни к чему и только мешало. Тем не менее мне удалось набить карманы штормовки какой-то топливной мелочью, и вскоре я уже старательно поджаривал свои бока и живот над крохотным пламенем очага.

Заснуть больше не удалось. Мешал лютый холод и тревога: было ясно, что ветер утром не уляжется. Когда взошло солнце, правда, стало как будто потише, и я поспешно спустил на воду лодку. Кое-как, с большим трудом мне удалось отплыть от берега на какие-то двести метров, но ветер опять усилился, и, несмотря на мое яростное сопротивление, лодку стремительно понесло к берегу...

Оставался второй вариант. Я еще заранее решил, если остров Южный окажется недостижим, пробираться на северный берег озера и там штурмовать колонию, показанную мне метеорологом: она близко от берега, и туда можно проникнуть в любой шторм. Чтобы

как-то восстановить силы, я проспал на солнцепеке несколько часов. Потом навьючил на себя весь скарб и тяжело побрел к тракту. Не буду описывать свой путь... Выйдя на тракт после пятнадцатикилометрового перехода, я был весь мокрый от пота. Почти сразу же меня подхватил порожний бензовоз. Через час мы обогнули озеро, и я расстался с приветливым водителем в том месте, где, по моим расчетам, тракт ближе всего подходил к озеру.

Однако идти пришлось не менее пяти километров, и до желанного пролива удалось добраться только к пяти часам вечера. Приходилось спешить. Надутая за десять минут лодка заплясала на крутой волне. Ветер дул во всю мочь, неся тучи песка и пыли. Покуда я преодолел узкий пролив между берегом и островом, лодку стремительно сносило к открытому плесу, но уже через несколько минут она вошла в ветровую тень и тихо подчалила к берегу.

Тщательно привязав лодку веревками к огромному валуну, я осторожно тронулся вперед. На этом острове чаек не оказалось, но они уже тревожно летали вокруг, и было ясно, что колония находится на следующем острове. Зато здесь я натолкнулся на целое стадо линных гусей. Их было штук пятнадцать. Они в ужасе кинулись удирать от меня, грузно плюхаясь в воду. Летать гуси не могли: маховые перья на крыльях были еще в кисточках. Острова разделял мелкий проливчик, вполне переходимый вброд. Преодолеть его было делом одной минуты, и тут по яростным атакам десятков чаек, налетавших с хриплыми криками, я понял, что цель близка. На острове располагалась колония буроголовых чаек, не менее, если не более, крупная, чем на острове Южном. Все птенцы уже покинули гнезда и свободно разгуливали по острову. При моем приближении чайки согнали птенцов в две большие кучи. Одна из них, окруженная эскортом из взрослых птиц, успела отплыть от берега и качалась на волнах с подветренной стороны метрах в сорока от берега. Вторая же группа, которую я прижал к наветренному берегу, еще копошилась на суше. Взрослые чайки прямо насильно сталкивали птенцов в кипящий среди камней прибой. Некоторых волны сразу же выбрасывали обратно. Тем не менее вскоре все они оказались в воде

и, все так же окруженные взрослыми, стали медленно выгребать против ветра.

Пора было приниматься за дело.

Среди прибрежных камней удалось разыскать трех птенцов; я взял их в коллекцию. Птенцы были уже довольно крупные и как раз в том самом наряде, который был нужен. Затем скрепя сердце пришлось застрелить еще трех взрослых птиц для шкурки и анализа пищи. Было крайне интересно узнать, чем питается такое количество чаек на озере, почти вовсе лишенном рыбы. Впоследствии оказалось, что пищеводы и желудки как взрослых птиц, так и птенцов были буквально набиты сотнями взрослых ручейников, своеобразных водных насекомых. Кроме них значительную роль в питании чаек играют рачки-бокоплавы, которых здесь зовут бармашами. Их довольно много на Каракуле. Судя по упитанности старых и молодых птиц, такой корм был им на пользу и водился в водах озера в достаточном количестве.

В самом конце работы на острове я наткнулся на затаившегося в камнях подраненного гуся (видимо, работа метеоролога), погнался за ним и, уже схватив было, упал, сильно разбив себе колено о камень. Только этого мне и не хватало: после бессонной ночи и сильного физического напряжения я и так еле держался на ногах.

Пора было возвращаться. Тщательно уложив в рюкзак добычу и снаряжение, я кое-как взвалил его на плечи и, сильно хромая, потащился назад к лодке. Солнце уже цеплялось за гребень Музкола, и надо было поторапливаться. Между тем ветер перешел в настоящий ураган. Лодка, привязанная к камню крепкими длинными веревками, трепыхалась по ветру, как вымпел на флагштоке.

Добираясь до острова, я плыл почти по ветру. Теперь же предстояло выгребать против ветра, что представлялось делом практически безнадежным. А если выгрести не удастся, меня снесет в открытый плес, и тогда конец... Конечно, можно было подождать конца бури, но ведь такие ветры иногда длятся неделями! А из провизии у меня оставались только банка сгущенного молока, десятка полтора сухарей и литровая фляга воды. Задумавшись, я хотел было сделать из нее члоток, протянул руку — и похолодел. Фляга была пус-

та! Тщательное исследование обнаружило маленькую дырочку в ее днище. Дело принимало плохой оборот: без воды долго не высидишь. Приходилось рисковать.

Спущенная на воду лодка заплесала на волнах, как поплавок, и никак не хотела отрываться от берега, куда ее прижимало ветром. Пришлось налечь на весла изо всех сил, но вдруг раздался легкий треск — треснуло весло! Это уже пахло бедой. С таким веслом нечего было и думать плыть против ветра. Лодку, конечно, сразу же выкинуло на берег. Оставалось, оттащив ее от воды, положиться на судьбу и ждать. Кажется, тут я впервые пожалел, что не прибег вновь к помощи метеоролога. Но уж очень не хотелось иметь дело с этим ярым браконьером.

Об этой ночи лучше не вспоминать. Она тянулась и тянулась без конца. Топлива на острове почти не было. Кое-что удалось собрать вдоль прибойной линии, но эта горсточка сгорела за полчаса. Собачий холод не давал не то что спать, а просто сидеть неподвижно. Когда взошло солнце, я был еле жив. Шторм бушевал по-прежнему. Так же настойчиво били в берег волны, так же уныло свистел ветер. Чайки иногда пролетали поблизости, умудряясь что-то высматривать и выхватывать из кипящей пены волн. Нельзя было не залюбоваться, глядя на их стройные тела и уверенные движения. Среди бушующей стихии они, казалось, не испытывали ни малейшего беспокойства.

Днем с подветренной стороны острова было настолько тепло, что я без помех проспал несколько часов. Сон сильно ободрил меня, но теперь ужасно захотелось пить. На закате жажда стала невыносимой. Вспомнив опыты Бомбара по поглощению морской воды, я попытался выпить немного каракульской водицы. Мне удалось, не переводя духа, сделать с десяток глотков, но меня тут же жестоко вырвало. Тем не менее стало как будто легче.

Темнело. Ни чаек, ни гусей больше не было видно. Потревоженные моим вторжением, они, видимо, перебрались на следующий остров, возвышавшийся метрах в пятистах дальше. Часов около одиннадцати, в полной тьме, когда шторм ревел по-прежнему, на меня опять напал страх. Было похоже, что ветру не будет конца. Я решил, дождавшись рассвета, лечь в лодку и плыть

самосплавом по ветру через открытое озеро к поселку. Авось донесет! Но к середине ночи шторм вдруг начал стихать. Сначала я даже боялся этому верить, но он унимался на глазах, и грозный рокот прибоя превращался в ласковый плеск. Надо было спешить. Спотыкаясь и падая в темноте, я столкнул лодку на воду и через каких-нибудь пятнадцать минут оказался на коренном берегу. Все! Вырвался! Теперь-то уже все будет в порядке!

Надо было как можно скорее выбираться к тракту: вторые сутки без воды в сухом, разреженном воздухе — это не шутка. Однако возникло новое осложнение: как быть с грузом? Я не мог унести его сразу, силы мои ослабли, а разбитое колено болело. Пришлось разбить груз на две порции и постепенно перетаскивать к тракту. Такая метода в три раза удлиняла путь, но иного выхода не было. Идти приходилось вверх, правда, по очень пологому склону с твердой, усыпанной мелкой щебенкой почвой. А ночь стояла на диво тихая, и звездное небо так сияло, что просто невозможно было впадать в уныние. Я держал направление на громадную снежную шапку горы, возвышавшейся километрах в сорока отсюда. Где-то недалеко мой курс и тракт должны были скреститься.

Около четырех часов ночи, застонав от удовольствия, я свалил последнюю порцию груза у обочины и сам растянулся поверх него. Однако жажда, пересилив усталость, подняла меня на ноги и погнала вниз по тракту в поисках воды. Но вблизи ее нигде не оказалось.

Скоро вдалеке замелькали фары, и минут через десять мимо меня промчался лесовоз. Он не остановился, хотя шофер отлично видел меня, мой груз и поднятую руку. По памирским нормам это было беспрецедентным хамством. Приступ ярости еще не успел пройти, как вновь показался свет идущей машины. На этот раз я вышел на самую середину дороги и замахал руками, как ветряная мельница.

Выпив весь запас чая из термоса водителя, я сладко заснул в углу кабины, разморенный теплом. В Каракуль мы приехали на рассвете. Над озером поднимался легкий туман. Стоял полный штиль. Далекие снежные гребни Музкола и Заалайского хребта уже розовели в рассветных лучах. Озеро лежало неподвижное, безмя-

тежно-синее, такое спокойное и ласковое, и просто не верилось, что всего несколько часов назад оно держало меня в смертельных объятиях...

ПЕЩЕРЫ

Сильный ветер нес по долине тучи песка, временами скручивая их в стремительно вращающиеся жгуты смерчей. Наши лошади устало плелись по мелкому гравию пологого шлейфа, спускавшегося к озеру Ранкуль от громадных скал, которые тянулись над котловиной зубчатой стеной, прорезанной узкими провалами ущелий. Леонид Федорович заметно ушел вперед и вскоре остановился, поджидая меня. Я уже по опыту знал, что означают такие остановки: сейчас мне покажут что-то любопытное. Так и есть. Сохраняя на лице равнодушное выражение, Леонид ткнул камчой в очередную стену, взметнувшуюся перед нами в полнеба:

— Вон, смотри! Это пещера Мататаш.

В верхней части стены, метрах в двухстах над подножием, виднелся обширный полукруглый вход, как в русской печке, до половины заложенный каменной стенкой, как будто кто-то пытался его замуровать. В бинокль стенка была видна особенно отчетливо.

— Что это, неужели кладка? — спросил я в изумлении; пещера — это совершенно ясно даже новичку — была неприступна.

Оказалось, что эта стенка ставила в тупик всех, кто ее разглядывал. Действительно, предположить, что это не кладка, было невозможно, но так же трудно было представить себе, каким образом могли забраться в пещеру люди.

Как после этого было не поверить легенде, которая всегда и все может объяснить! Вот она.

Когда-то очень давно, во времена Марко Поло, а может быть и раньше, через Памир из Бадахшана шел большой торговый караван. В тяжелых тюках мерно покачивался на верблюдах богатый груз — парча и ковры, золотые и серебряные изделия искусных ювелиров, драгоценные рубины и лазурит из древних бадахшанских копей, бесценное оружие хорасанских мастеров и многое другое. Через Памир шел главный

караванный путь из Китая в Бадахшан и далее в Среднюю Азию. Этим путем проник в Китай и Марко Поло, этим путем привозили из Китая шелк и фарфор. Кочевые племена скотоводов, населявшие в те времена Памир, нередко промышляли и разбоем. Когда караван остановился на ночлег у рангульских скал, как раз под пещерой Мататаш, на него напали.

Дело было в середине зимы — самое удобное время для путешествий по здешним горам: воды в реках почти нет, поэтому ничто не затрудняет переправы. Ночью к спящему каравану подобралось несколько молодцов. Им удалось быстро, до того как все услышат шум, подрезать верблюдам сухожилия на ногах. Оставшиеся без средств передвижения караванщики и охрана не могли рассчитывать ни на чью помощь. Им оставалось все бросить и пробиваться дальше пешком, оставив шайке дерзких разбойников груды товаров.

Положение было безнадежное, и караванщики пошли на отчаянный шаг. Пользуясь тем, что по ночам стояли лютые морозы, они стали рубить верблюдов на куски, сразу же примораживая теплое еще мясо к скале. По этой невероятной лестнице, дотянутой по отвесной стене до пещеры, были подняты наиболее ценные вьюки. Вход в пещеру заложили камнями.

Днем, под лучами солнца, страшная лестница оттаяла и перестала существовать. Люди у подножия скалы один за другим погибли от холода и голода, а сокровища навеки остались в пещере... И только иногда, очень редко, после особенно сильных ветров внизу находили то серебряный кумган, то парчовый халат, то еще что-нибудь ценное. Так говорит легенда устами местных жителей.

Эта красивая, классическая в своем роде легенда о сокровищах произвела впечатление на многих людей. И не раз, по рассказам тех же местных жителей, богатые авантюристы предпринимали безуспешные попытки достигнуть клада. Рассказывают, что однажды богатый рангульский бай зарезал чуть ли не сотню баранов, чтобы добраться до пещеры. Однако он погиб, так и не достигнув цели.

Вскоре после того как я увидел пещеру в первый раз, стали предприниматься настойчивые попытки взять ее. Чего только не предлагалось для успешного штурма, вплоть до забрасывания в пещеру кошки с ка-

натом при помощи миномета. Особенно серьезной была попытка, предпринятая в 1957 году академиком Таммом, прибывшим к пещере с небольшой самостоятельной экспедицией. Кончилась экспедиция неудачей, да ко всему еще погиб один из студентов, приехавших из Чечекты посмотреть на штурм, попытавшийся забраться в пещеру самостоятельно. И только весной 1958 года пещера Мататаш была наконец взята группой ленинградских альпинистов под началом мастера спорта Громова. К великому разочарованию как самих штурмовавших, так и многочисленных болельщиков, никаких сокровищ в пещере не оказалось.

Весь пол довольно неглубокой пещеры, которую правильнее было бы назвать навесом, был устлан толстым слоем птичьего помета и разнообразного мусора, посреди которого возвышалось гнездо крупного хищника — снежного сипа. Среди натасканного птицами тряпья и клочков шерсти покоилось на старых киргизских калсонах большое белое яйцо. Если бы альпинисты знали тогда, что перед ними первое гнездо снежного сипа, найденное на территории нашей страны, они могли бы хоть немного утешиться. Во время штурма пещеры эти хищники парили совсем близко, не пытаясь, однако, напасть на людей. Дело происходило во второй половине апреля, когда температура на Памире может еще падать по ночам до минус тридцати пяти градусов. Можно себе представить, в каких условиях начинается размножение у крупных хищных птиц Памира!

Происхождение же стены, загораживавшей вход в пещеру, главной виновницы возникновения легенды, тоже объяснялось просто и буднично. Со временем свод пещеры постепенно обваливался, одни камни слетали вниз, а другие задерживались у входа в пещеру, постепенно образуя стенку, создававшую снаружи иллюзию искусственного сооружения. Изнутри же, как можно догадаться, стенки вообще не было, просто лежала куча камней.

В тех же скалах Ранкуля есть еще одна пещера, на мой взгляд куда более интересная, чем Мататаш. Вход в нее расположен на высоте четырех с половиной тысяч метров. Подниматься туда несложно, но утомительно — по сплошной сыпучей осыпи. Пещера начинается в основании скалы и уходит постепенно вниз на несколько

сот метров. Там есть довольно большие залы, без сталактитов и сталагмитов. Группа альпиниста Блещунова, довольно подробно описавшего пещеру, нашла в одном из закоулков старинный серебряный браслет и каменного жука-скарабея. Раскопки, предпринятые таджикским археологом Вадимом Рановым, не дали ничего. Археологов заинтересовал толстый слой птичьего помета в некоторых местах.

«Прямо как гуано», — говорили они.

Откуда он там? Это предстоит выяснить. Да и вся пещера до конца не обследована, и о ней, как и о Мататаше, также рассказывают легенды.

Пещер подобного типа на Памире, видимо, больше нет. Наиболее распространены здесь пещеры типа Мататаша — глубокая ниша или камин в скале. Многие пещеры занимают обширную площадь, до сорока квадратных метров. Пещеры, имеющие хороший подход, очень удобны для стоянок, пастухи и охотники нередко пользуются ими, и потолки в таких пещерах обычно покрыты копотью. Во многих из них даже сооружены из камня стенки: сюда прячут в непогоду или на ночь скот.

В. А. Ранов нашел в одном из таких гротов удивительные вещи. Сейчас этот грот, названный по имени долины гротом Шахты, известен на Памире не менее, чем знаменитая Альтамира в Испании. Вадим Ранов нашел этот грот во время систематических поисков следов первобытных людей на Памире, начатых в 1956 году.

По опыту зная, что в удобных гротах и пещерах нередко попадаются следы древних стоянок, Ранов старался не пропускать ни одной ниши, заглядывая в самые глухие уголки нагорья. Грот, о котором идет речь, он заметил снизу, из сухого сая. Пройдя с сотню метров по очень неудобной осыпи и выкарабкавшись на площадку перед гротом, он увидел прямо перед собой, на нависающей стенке грота, намалеванную охрой сценку охоты на диких животных. По стилю исполнения рисунок мог принадлежать только человеку каменного века. Громадный, неуклюжий бык, вероятно як, поражаемый стрелами; сбоку — профили двух кабаньих голов и слева — идущие, видимо, в загон фигурки людей-птиц, странные фигурки, очень похожие на изображения, найденные в Африке и Австралии. Там эти фигурки трак-

товались как изображения охотников, замаскированных под страусов или эму (такая маскировка практикуется и поныне), но что они могли означать здесь? Изображения, видимо, когда-то покрывали всю стену грота, но натеки уничтожили почти все, кроме этой сценки.

О том, что он почувствовал, открыв такое чудо на Крыше Мира, Вадим Александрович особенно не распространялся:

— Я только сказал: мамочки! А больше ничего не сказал...

В 1960 году отряд Ранова проводил тщательные раскопки грота. Я в то время изучал пернатую фауну скалистых склонов Найзаташа и жил в лагере археологов. Раскопки дали много интересного материала как в самом гроте, так и в небольшой пещерке, найденной на другой стороне долины.

В археологической добыче оказалось немало любопытного и для меня. В сухой памирской почве, где процессы гниения отсутствуют, сохранность вещей, будь то кость или дерево, просто изумительна. Достаточно сказать, что в неолитических слоях были найдены вполне сохранившиеся основания перьев уларов, а в несколько более позднем слое — наконечник стрелы, привязанный лыком (!) к остатку древка. И лыко-то сохранилось!

Благодаря рисункам на стене грота, костям и перьям зверей и птиц, раскопанным в культурных слоях, остаткам различных растений нам в общих чертах довольно ясно представилась картина природной обстановки того далекого времени. В вечерние часы всеобщего «трепа», когда, измотанные дневной работой, мы отдыхали у яркого костра после сытного ужина, в долгих оживленных спорах мы пытались реконструировать прошлое. Каменный век казался близким до иллюзии, чуть ли не вчерашним днем. Бывали минуты, когда я совершенно отчетливо представлял себе, как выглядела местность вокруг нас в каменном веке. У входа в грот мелькали кряжистые тени первобытных охотников с копьями в руках. Они бесшумно сходили друг за другом вниз, в расстилавшуюся под гротом зеленую долину. По ее середине, петляя, текла речка, окруженная густыми зарослями ивы и тростников. Выше зеленели луга, убегающие к склонам гор. По

склонам тоже темнели то здесь, то там пятна альпийских лугов. Травы было много! Где-то на окраине болотистого луга копошилось кабанье стадо, по склонам россыпью кормились архары и козероги. А крики уларов ранним утром звучали так же оглушительно и азартно, как и сейчас...

Между прочим, в тех же самых скалистых горах Найзаташ, где Вадим Ранов нашел свой грот, где-то в очень потайном местечке якобы скрыто древнее-предревнее капище со следами поклонений самых различных культов. Капище это, известное местным старикам киргизам, будто бы нашел геолог Клуников еще до войны. Он рассказал о нем Кириллу Владимировичу Станюковичу в конце тридцатых годов, а тот — еще через двадцать лет — мне. Сам Клуников погиб во время войны. Никто не вел специальных поисков, геологи и топографы, работавшие здесь, ни разу не наткнулись на это капище. Возможно, что никакого капища и нет. А вдруг?!

В скалистых отрогах хребта Найзаташ — вытянутой с севера на юг гряды высоких зубчатых скал — было довольно много самых различных ниш, навесов и просто небольших дыр. В одной из них я наткнулся на завернутые в истлевшие тряпки четыре деревянные миски, старые, выщербленные и чуть ли не расколотые пополам большими трещинами. Такие миски и сейчас в ходу в некоторых кишлаках.

На противоположном от грота склоне отрога я нашел еще одну любопытную пещеру. В глубь скалы уходил правильный, как будто вырубленный руками человека коридор метровой ширины и около полутора метров в высоту. Метров через семь он круто сворачивал вправо. Тут уже было темно, как в погребке, и основательно пахло каким-то зверем. Поспешно выбравшись назад, я соорудил примитивный факел из бумаги и терескена и снова вторгся внутрь. За поворотом мой факел осветил небольшую камеру, углубленную вырытой кем-то в мягком субстрате ямой. Шерсть и помет свидетельствовали о том, что я в логове медведя и хозяин был здесь сравнительно недавно. Может быть, в этой пещере была его зимняя берлога? Кстати, медведь — единственный крупный зверь Памира, которого мне не удалось увидеть ни разу, хотя следы его деятельности попадались нередко.

В этом отношении Кириллу Владимировичу Станюковичу повезло больше, и в своих странствиях по горам Памира он не раз встречался с косолапым нос к носу. И не только с обычным бурым мишкой, населяющим нагорье, но даже с гималайским медведем. Медведь этот меньше бурого, черного цвета, с белым галстуком на шее и груди. Станюкович встретил его в долине реки Каинды на Северном Памире и достаточно хорошо рассмотрел, чтобы не ошибиться в определении. Ни до, ни после в горах Средней Азии и на Памире гималайского медведя никто не встречал, но он обитает рядом, в горах Афганистана, и оттуда, видимо, иногда забредает на Памир.

Медведь в представлении большинства людей неразрывно связан с лесом, и на первый взгляд кажется странным его обитание в горах, лишенных даже кустарника. Лес на Памире медведю заменяют скалы. Примерно в таких же условиях живет и тибетский медведь-пищуход (как и памирский медведь, это разновидность нашего бурого медведя). В центральных районах Памира медведи редки, будучи более обычными по окраинам, в верховьях скалистых долин. В районе биостанции за все годы работы я встретил следы медведя только один раз. Это было в начале лета в цирке Зор. Видимо, он забрался сюда с верховьев Западного Пшарта, где обычен, и вскрыл здесь, кажется безуспешно, две сурчины. На их месте остались зияющие воронки, как будто после взрыва авиабомб.

Свежие следы медведей встречались мне в верховьях Кокуйбели, в долине Западного Пшарта и у Зоркуля. В верховьях Оксу по левому берегу раскинулся небольшой горный массив, который так и называется — Аю-Джолу (медвежья дорога). Когда-то там было очень много медведей, но сейчас редко кто встречает их следы. Похоже, что в последнее время медведей на Памире стало значительно меньше. Д. И. Иванов, путешествовавший здесь в конце прошлого века и оставивший любопытные записки об охоте на Памире, не раз встречал медведей даже среди бела дня в самых различных местах нагорья; они спали на припеке на скале или брели по своим медвежьим делам. Сейчас ничего подобного нет. И дело тут вовсе не в интенсивной охоте: специально на медведя здесь не охотятся. Видимо, слишком

часто стали его беспокоить — скалы все-таки не лес, и как следует там не спрячешься.

Но вернемся к пещерам. Из многих осмотренных мной особенно запомнились две. В одну из них, нависшую над небольшой щелью в рангульских скалах, я попал после долгих упражнений в скалолазании, преодолевая постепенно карнизы, подьемы по щелям и свой собственный страх, именовать который более пристало осторожностью. Пещерка оказалась очень уютной, площадью около двадцати метров и высотой три метра. Ровный пол был замусорен пометом козорогов. В середине возвышался почти полный козорожий скелет, череп украшали огромные рога. Судя по ним, можно было допустить, что козорог скончался от старости. Трещины на рассохшихся рогах указывали, что случилось это очень давно.

В одном из углов уходила вверх широкая, постепенно суживающаяся щель. Там стояла полная темнота, но снизу можно было разглядеть очертания двух массивных построек из веток терескена, видимо гнезд. Я добрался до них, упираясь руками и ногами в стенки щели. Гнезда удалось разглядеть, только исчиркав с десятков спичек. Судя по всему, они принадлежали когда-то тибетскому ворону и служили много лет подряд, периодически надстраиваясь, пока не достигли столь крупных размеров. Как птицы выводили птенцов в такой темноте — совершенно непонятно.

Другую интересную пещеру я увидел в верховьях реки Кокуйбели, где был разбит базовый лагерь «снежной» экспедиции (о ней я расскажу дальше). Однажды наш инструктор-собаковод вернулся к обеду в несколько возбужденном состоянии и сообщил, что наткнулся на логово барса. К тому времени меня начала одолевать какая-то непонятная болезнь, я уже лежал, но перед такой новостью все отходило на второй план. Мы отправились к пещере, где якобы располагалось логово, вместе с первооткрывателем, взяв на всякий случай винтовку и телеобъектив.

Подниматься надо было по рыхлой осыпи. Из-за повышенной температуры я полз вверх со скоростью черепахи, обливаясь потом. Наконец метров через триста открылась черная пасть пещеры. В обрамлении черноватых скал она выглядела довольно мрачно. Отсюда отчетливо были видны белеющие кости, разбросанные

перед входом. Они-то и смутили моего спутника, решившего, что в пещере сидит плотно пообедавший барс. Кости козорогов выглядели довольно свежими, и могло стать, что пещера обитаема. В одном только можно было поручиться твердо: сейчас в пещере никого нет. Шум камней, осыпавшихся под нашими ногами, давно спугнул бы любого и менее осторожного, чем барс, хищника, имевшего достаточно времени, чтобы обратиться незамеченным.

Действительно, пещера оказалась пустой. Костей козорогов, архаров, а может быть, домашних баранов и коз было много и внутри, так же как и клочков шерсти, но ни одной свежей кости мы не нашли. Похоже было, что пещера являлась зимним приютом какого-то крупного хищника, может быть и барса. Она располагалась сравнительно низко, на высоте 4300 метров, была обращена на юг и надежно закрыта скалистым гребнем от преобладающих западных ветров.

Вообще пещеры и гроты в скалах играют большую роль в жизни птиц и зверей Памира, особенно зимой. Здесь они находят надежный приют от ледяных, пронизывающих ветров и жестоких ночных морозов, когда температура падает до пятидесяти градусов. В пещерах залегают в спячку медведи, в крупных гротах ночуют стада козорогов, в дырах поменьше и поглубже ютятся лисицы и волки. Здесь ночуют многие птицы, собираясь нередко большими стаями. Во многих хорошо закрытых от ветра пещерах весь пол покрыт толстым слоем птичьего помета, причем преимущественно мелких птиц. Можно думать, что ночующие стаи мелких птиц сбиваются в плотные кучи, чтобы было теплее. Так, например, поступают многие мелкие птицы в холодных высокогорьях Анд.

АЛИЧУР

В маленькую ошхону у Аличурского моста мы попадали, как правило, после длительной тряски в кузове автомашины, продрогшие до костей и голодные как волки. Не удивительно, что эта простенькая харчевня казалась нам верхом уюта, и вспоминать о ней было всегда приятно. Аличурская ошхона — единственная на

трехсоткилометровом перегоне Мургаб — Джиланды. Вот и сейчас, ввалившись в прокуренное помещение, мы столпились у раздаточного окошка, с наслаждением обоняя запахи пищи и чувствуя, как постепенно отходят заочевшие конечности. Несколько глотков обжигающего спирта, литровая кайса лагмана из свежей козлятины и множество чайников крепкого чая в самое короткое время восстановили наши силы и настроение. Гулкие голоса катались под низким потолком, как бильярдные шары. Полдюжины шоферов за угловым столом набирались сил перед следующим броском, гоняли бесконечные чаи и хрипло смеялись, мешая русскую и узбекскую речь. Из раздаточного окошка неслась перебранка: шеф-повар делал кому-то разнос.

Здесь я расставался со своими веселыми спутниками. Они «сквозили» дальше на Хорог, в теплые долины Бадахшана. Я же оставался здесь, у Аличурского моста, где тракт, пробежав полсотни километров по правому берегу долины, переходил на левый и уходил в сторону, постепенно поднимаясь на перевал Кой-Тезек. У моста кончался широкий простор Аличурской долины, и дальше река текла стиснутая со всех сторон моренами и склонами гор. Отсюда я должен был продолжать свой путь на резиновой лодке. Цель моего путешествия, лагерь Сидорова, был раскинут в устье реки, там, где она, замысловато извиваясь среди наносов дельты, вливалась в Яшилькуль. Машины разбежались в наступивших сумерках, а я устроился ночевать у гостеприимного завмага.

Предстоял долгий путь, и встать пришлось затемно. Несмотря на предрассветный час, мои сборы привлекли любопытных, возможно впервые видевших лодку на Аличуре. Надуть ее, уложить груз и тронуться в путь было делом недолгим. И вот лодку уже крутит быстрое течение.

Стояла середина июля, разгар летнего паводка, но, несмотря на это, воды в реке было маловато. Все камни на многочисленных порогах и перекатах торчали из-под воды. Сначала они меня очень беспокоили — как-никак лодка все-таки резиновая. Утонуть здесь, правда, было трудно, но если окажется в воде багаж... На порогах я изо всех сил греб против течения, и лодку проносило по камням медленно и мягко. На мое счастье, острых камней не было совсем, все крупные ва-

луны были хорошо отполированы древними ледниками и насыщенной песком водой.

Я плыл медленно, часто останавливаясь, чтобы осмотреть местность. В одном месте река подмывала невысокую, но длинную, метров в сто пятьдесят, скальную стенку. Множество городских ласточек вилось в воздухе, и это заставило меня задержаться на целый час в поисках гнезд. Это были в полном смысле слова первые ласточки! Выше, в холодной, открытой всем ветрам Аличурской долине, их нет и в помине. Чувствовалось, что я постепенно спускаюсь вниз.

К вечеру на одном из крупных поворотов лодка неожиданно наскочила на целый выводок крохалей. Эти красивые птицы, так же как и огари, гнездятся в нишах отвесных скал. Вылупившись, маленькие крохалята — пушистые комочки на сильных лапках — отважно выпрыгивают на зов матери из гнездовых ниш, парашютируют вниз с головокружительной высоты и потом быстро ковыляют за матерью к ближайшей речке или озеру. Там они и растут, плавая тесной стайкой вслед за крохалихой, обучаясь ловле рыбы, их основной пищи. Где нет рыбы, нет и крохалей. Птица эта из породы утиных, но в отличие от всех уток клюв у нее длинный и узкий, усеянный по бокам роговыми зубчиками, помогающими удерживать скользкую рыбу. Зубчики эти нередко приводят в смущение незнакомых с птицами людей. В одну из первых встреч Леонид рассказывал мне о какой-то зубастой птице, убитой им однажды.

— Ей-богу, археоптерикс! — шутивно убеждал он меня. — Я всем так и объяснил! Ведь все же знают, что зубов у птиц не бывает!

Выводок, на который я наскочил, состоял из шести пуховых птенцов вряд ли старше недели. Их сопровождали оба родителя. Мое появление привело все семейство в панику. Родители сразу же взлетели, а предоставленные самим себе птенцы бросились в разные стороны. Трое пустились вверх по течению мимо лодки, вслед за взлетевшими родителями, а другая троица быстро поплыла вниз, то и дело ныряя. Догнать их мне не удалось.

Зато разные мелкие птички ничуть меня не боялись. Лодка продвигалась бесшумно, я сидел тихо и почти не греб, предоставив всю работу быстрому тече-

нию. На берегах, покрытых зелеными лугами, кипела жизнь. Больше всего было желтых трясогузок, главным образом самцов: самки сидели на гнездах. Самцы этого вида очень красивы — ярко-желтые, с бархатисто-черными крыльями и спиной. Здесь же суетились стайки маленьких горных коноплянок, расхаживали в траве блестяще-черные клушицы, гнусаво кричали красноносые кулики-травники. В воздухе становилось все больше ласточек.

Стало смеркаться. Лодка достигла места, где река упиралась в скалистый склон горы и резко заворачивала вправо. Не зная, сколько мне еще осталось плыть и какие будут впереди места, я решил започевать здесь. Уголок казался уютным и удобным для ночлега. Скалистый склон, в который упиралась река, врезался глубоко в долину и прекрасно предохранял от пронзительного западного ветра, все время свирепствующего на Аличуре. Как и многие памирские долины, вытянутые с запада на восток, долина Аличура являет собой гигантскую аэродинамическую трубу. Сильный ветер дует здесь все светлое время суток, успокаиваясь только к полуночи, но временами не утихает несколько суток подряд.

Под скалой было тихо и тепло. Быстро темнело. Все птицы куда-то скрылись, только рядом на скале беспокойно цикал самец горихвостки-чернушки. Очевидно, рядом было гнездо. Я вытащил лодку на берег, расстелил в ней спальный мешок и стал готовить ужин (он же и обед). За весь день я не встретил ни одного человека, нигде не видел ни дымка. Непрерывные повороты и петляния реки совсем меня запутали, я не знал, сколько проплыл и сколько мне еще осталось. Это выяснилось только утром, когда, обогнув склон, я оказался у устья Бахмальджилги, крупного притока Аличура.

Ночь прошла спокойно. Солнце заглянуло под скалу рано, и меня разбудил тот же самый горихвост, азартно распевавший над самой лодкой. Через полчаса я уже был у устья Бахмальджилги. Она вливалась в Аличур целой сетью рукавов и проток, весело журчавших по белому галечнику. Всюду по берегам росли кусты ивняка. Подобная растительность для Памира редкость, и я поспешил высадиться на берег.

На Бахмальджилгу ушло чуть ли не полдня. Прекрасные густые заросли ивы тянулись по обоим бере-

гам километра на полтора. Местами они достигали двух с половиной метров высоты — лес да и только!

Насколько я знаю, долина Бахмальджилги — единственная на Памире, где заросли ивы достигают такого развития. Высота этой части долины значительна — 3850 метров над уровнем моря, но сама долина очень теплая, так как хорошо укрыта от холодных западных ветров, обращена к югу и получает достаточно солнца. Блага в виде грунтовых вод тоже имеется в изобилии. При выходе в долину Аличура ивы становятся все меньше, и вскоре она совсем исчезает под ударами холодного ветра. Наверное, здесь имеет значение еще и то обстоятельство, что лежащую под ветром долину Бахмальджилги зимой сильно заваливает снегом, тогда как из долины Аличура весь снег выдувается ветром. Известно, что снежный покров в суровые зимы предохраняет растения от вымерзания.

Так или иначе, но ниже по Аличуру ивы нет и в помине, и, таким образом, Бахмальджилга — своеобразный древесный оазис среди высокогорной памирской пустыни. Естественно, я надеялся найти здесь древесно-кустарниковых птиц, но, увы! Только ярко-карминные самцы чечевиц то и дело распевали в густых кустарниках свой извечный вопрос: «Чевичу видел?» Но даже эта находка была очень интересна: обыкновенная чечевица, вероятно, единственная древесно-кустарниковая птица, гнездящаяся на Памире.

Вскоре после Бахмальджилги почувствовалась близость устья. Долина реки снова резко расширилась, течение стало тише, а меандры более извилисты. Трава на лугах была заметно выше, они расцвелись яркими желтыми и розовыми пятнами цветов. На одной из лужаек, у самого берега, паслись два скакуна красивой гнедой масти. Несомненно, они видели лодку впервые, и мой зеленый «Хобо» (так называлась лодка) привел их в ужас. Они начали метаться, вставать на дыбы и, вырвав в конце концов колья, к которым были привязаны, кинулись куда-то наутек, волоча за собой волосяные веревки. Еще через некоторое время лодка проплыла мимо двух крохотных киргизских ребятишек, видимо брата и сестры, мирно ловивших рыбу на берегу. Лодка их не испугала, но удивила предельно. Проводив ее широко открытыми глазами, они принялись оживленно обсуждать событие, а потом, побросав

удочки, со всех ног помчались в сторону юрт, дымивших под склоном террасы, поделиться со взрослыми новостью.

Наконец впереди забелели палатки. Я приближался к лагерю Леонида. Лагерь стоял у берега на живописной зеленой лужайке. В палатках я не обнаружил ни души. Вокруг лагеря были аккуратно разложены для просушки туго набитые гербарные сетки. В самой обширной и самой драной палатке, служившей, видимо, кухней и кают-компанией, я нашел чай, хлеб, консервы и остатки какого-то подозрительного варева, прикипевшего к днищу солидного котла. Поискал глазами примус, но, увы! Год или два назад Леонид окончательно распрощался с примусами и терескеновыми кострами, перейдя исключительно на паяльные лампы. С воем выбрасывая столб синеватого пламени, они в самый короткий срок нагревали до кипения котел или кастрюлю любых размеров. Да и бензин в наших странствиях доставать было куда легче, чем керосин. Сейчас паяльные лампы зловеще поблескивали тут же в углу. Однако поскольку я еще не овладел этими адскими агрегатами, то благоразумно решил дожидаться возвращения хозяев.

Яшилкуль по праву слывет одним из живописнейших памирских озер. Мягкие очертания гор вокруг, зеленовато-голубой цвет воды — все это создает впечатление какого-то уюта и тепла. Среди космической дикости памирских гор такие уголки встречаются не часто. Здесь, несомненно, чувствуется дыхание соседнего Бадахшана. В озеро вливается река Аличур; вытекая из озера, она получает название Гунт. Это типично памирская особенность. Река Оксу, прежде чем добраться до Пянджа, трижды меняет название: верховье реки до впадения Акбайтала называется Оксу. Дальше река течет под названием Мургаб. Профильтровав свою воду через Усойский завал и слившись немного далее с Кударой, она мчится дальше в узком ущелье вплоть до впадения в Пяндж, именуясь уже Бартангом.

Самая мелкая часть озера — восточная, у устья Аличура. Река непрерывно выносит сюда песок, ил; озеро здесь постепенно мелеет, а берег неуклонно наступает. Яшилкуль намного богаче органической жизнью, чем другие озера Памира. Пышные заросли

водных растений, богатый планктон, обильный зоо- и фитобентос — все это прекрасный корм для рыб. И действительно, рыбы тут масса. Видовой состав ихтиофауны озера беден, это все те же маринка и осман, но зато сколько их! И какие! Самые крупные экземпляры водятся здесь, в водах Яшилкуля. Периодически на берегах озера появляются бригады рыбаков-заготовителей. Птиц на озере тоже много, но здесь нет островов, и уткам, гусям и чайкам гнездиться практически негде. Зато ангыров, строящих свои гнезда в скалах окрестных гор, масса. А в августе сюда прилетают громадные стаи горных гусей и различных уток нагуливать жир перед отлетом.

Вечером я отправился на берег с кинокамерой. Судя по гомону, доносившемуся с озера, там собралось множество разной водяной птицы. У самого берега шел намытый волной бугор, густо заросший низенькой щеточкой тростника, и под его защитой я смог подползти к отдыхающим птицам метров на пятьдесят. Все мелководье оказалось буквально забито ангырами; их здесь было не меньше сотни. Одни спали на воде или на берегу, другие кормились или чистились. Между ними сновало несколько маленьких чирков, летали чайки, а чуть подальше группа черных бакланов в тучах брызг занималась подводной охотой. Застрекотала кинокамера. Увлечшись съемкой, я высунулся больше чем надо и сразу же вспугнул всю эту мирную компанию. С протяжными воплями вся куча снялась с места и, отлетев на несколько сот метров, вновь преспокойно расселась на тихой поверхности озера. Такое обилие птиц после пустынных склонов Центрального Памира было очень приятно.

На следующий день мы с Леонидом нанесли визит рыбакам. Их лагерь располагался километрах в двух от нас, там, где в Яшилкуль впадает протока, соединяющая его с небольшим озером Булункуль. Последнее примечательно обилием теплых ключей и не замерзает полностью даже в самые лютые морозы. Кряжистые ребята угостили нас великолепной вяленой рыбой и показали набитые продукцией бочки. Воспользовавшись случаем, я решил выяснить один забавный вопрос. Мне не раз приходилось слышать, будто в Яшилкуле водятся гигантские рыбы, а начальник Булункульской метеостанции уверял меня однажды, что эти громад-

ные рыбины делают в сетях рыбаков огромные дыры. Рыбаки переглянулись, посмеялись и сказали, что с их сетями пока ничего подобного не происходило.

Между прочим, рассказы о больших рыбах, водящихся в озерах Памира, я слышал не только на Яшиль-куле. Так, в верховьях Оксу есть небольшое и довольно глубокое озеро Дункельдык. Говорили, что однажды, довольно давно, на берегу его нашли скелет какой-то огромной рыбы. А когда озеро замерзает, можно иногда якобы видеть большую рыбу, подплывающую снизу ко льду и смотрящую наверх. При этом давалось довольно точно описание сома. Рассказывали еще, будто бы однажды трое геологов увидели в прозрачных водах одного из озер в Южно-Аличурском хребте силуэты огромных рыб и даже стреляли по ним из винтовок, но безрезультатно: после выстрелов рыбы ушли вглубь. Комментировать эти рассказы не берусь, но они не кажутся мне правдоподобными.

...Вечер. В лагере гудят адские машины — паяльные лампы, вокруг котла, в котором что-то булькает, суетится дежурный. Среди палаток весело щебечут, перебирая гербарий, студентки из отряда Леонида, проходящие на Памире практику по географии. Мы же быстро заполняем записные книжки, подводим итог дня. Вокруг первозданная тишь, благодать!

Устье Аличура очень красиво. Если от лагеря подняться по склону метров на пятьдесят, далеко на востоке можно увидеть прямую плоскость долины, покрытой зеленым ковром лугов и пересеченной бесчисленными меандрами сверкающего на солнце Аличура. На запад, прямо в толчею острых Бадахшанских гор, уходит блестящая поверхность озера. На закате оно особенно красиво переливается багряными красками в черной рамке гор. Резкими силуэтами возвышаются на фоне озера древние мазары — большие, сильно разрушенные мавзолеи богатых баев. Купола этих сложенных из кирпича-сырца сооружений давно провалились. Сейчас там гнездятся клушицы и ветер погребально завывает в дырах проломленных стен. В ленинградском климате такие постройки не просуществовали бы и года, но в исключительно сухом памирском воздухе они стоят уже не одну сотню лет.

С озером связано много красивых легенд; некоторые из них были записаны географами. Любопытно:

во многих легендах рассказывается о том, что озеро образовалось внезапно и затопило кишлак, находившийся прежде на его месте. Это похоже на истину. Как я уже говорил, озеро Яшилкуль образовалось, как и Сарезское, в результате землетрясения, когда обвал перегородил реку, образовав могучую естественную плотину.

В тихие и холодные утра, особенно во время заморозков, долина у устья являет собой удивительный вид. Разреженный воздух предельно чист, полутеней нет, освещенные и неосвещенные склоны чередуются замысловатым узором, а у подножий гор клубятся, дымятся, туманятся облачка пара. Это горячие источники. Их здесь несколько, причем есть настолько горячие, что купаться в них невозможно.

Горячие источники для Памира не редкость, но пока они, за редким исключением, почти не используются. В Джарты-Гумбезе на базе такого источника сделана баня. Источник, температура которого выше семидесяти градусов, снабжает бассейн горячей водой, а соседняя речка — ледяной: в бассейн идут две канавки, затычки в которых и служат регуляторами температуры в бассейне. Таким же образом используются горячие источники и в других местах. Многие из них сильно отдают сероводородом и несомненно имеют лечебное значение. Есть источники, в которых местное население довольно успешно лечится от ревматизма, есть и такие, где здоровый человек, поплескавшись полчаса, вдруг чувствовал себя настолько плохо, что еле выбирался наружу, после чего долго отлеживался рядом. О памирских источниках много писалось, они тщательно изучаются, и, вероятно, вскоре здесь будут созданы лечебницы, исцеляющие от самых неприятных недугов.

Таковы низовья Аличура.

Верховья же Аличура — одно из самых суровых мест на Памире. Большую часть времени мне пришлось работать именно там. Там начиналось мое знакомство с долиной в первый год работы, и поэтому ее теплые низовья явились для меня впоследствии приятным сюрпризом...

...Солнце пронизало полотно палатки насквозь, но не равномерно, а какими-то пятнами. Парусиновые бока провисли, словно на них что-то насыпали сверху.

Высунувшись из спального мешка, я недоуменно крутил головой. Леонид, высвободив руку, нащупал лежащее рядом ружье и несколько раз ударил прикладом по полотну. Что-то зашуршало, скатываясь вниз, полотно палатки вновь натянулось, и свет стал ярче. Так и есть. Снег опять падал всю ночь. Неплохое начало для июля! Стуча зубами, мы стремительно оделись и выползли наружу. Ослепительно сверкало солнце, лежавший повсюду снег исчезал прямо на глазах. Ветра, на счастье, не было. Наши лошади, привязанные рядом на лужайке, видимо, уже успели отогреться и оживленным ржанием приветствовали наше появление. Они с нетерпением ожидали утренней порции овса. Склоны вокруг были запорошены снегом до самого основания, на снежных шапках боковых хребтов курились облака. Зима да и только!

Мы стояли у небольшого глубокого озера Акбалык (Белая Рыба), расположенного у самого тракта. Вода его исключительно прозрачна: всегда хорошо видны снующие там стайки крупных османов и усыпанное бутылками и консервными банками дно. Озеро это когда-то почиталось священным, а сейчас его регулярно «освящают» пустыми бутылками проезжающие мимо экспедиции и всякий неорганизованный люд.

Это все та же Аличурская долина, только километров на тридцать выше моста. Высота здесь еще только 3960 метров, но вся картина резко отличается от той, что мы видели в низовьях. Здесь настоящий Памир. Плоская, как тарелка, долина шириной в добрых пять километров постепенно поднимается на восток в красивом окаймлении двух снежных хребтов. Здесь ничто не напоминает мягких контуров Яшилькуля, нет и в помине кустарников, ласточек и просто тепла. Вместо всего этого почти непрерывный ледяной ветер, морозные, даже летом, ночи, снег вместо дождя, луга, поросшие низкой жесткой осокой, и болота, замерзающие чуть ли не каждую ночь даже в самый разгар лета. Если налетит облако, то оттуда посыплется крупа или снег. Обширные наледи, образовавшиеся зимой, лежат в долине до конца июня. Трава здесь начинает трогаться в рост, а птицы строят гнезда намного позже, чем где-либо на Памире на той же высоте. Вдоль всей долины у подножий гор разбросано много ключей, обильно орошающих почву. Обширные массивы болотистых коч-

коватых лугов усеяны небольшими озерками, пронизаны бесчисленными протоками. Местами встречается настоящая трясына, а кое-где идут заготовки торфа.

Здесь настоящий рай для длинноногих куликов-травников, обычных обитателей памирских болотистых лугов. Травник довольно наряден. Рыжевато-серое оперение покрыто затейливым струйчатым рисунком, клюв и ноги красные, по вершине крыла белая полоса. Для этого кулика главное — хорошее болото, а где оно находится, на заоблачном Памире или где-нибудь в Прибалтике, ему все равно. Размножаться на Памире кулики начинают поздно, в июне. В это время крикливые общества травников то и дело собираются на отдельных высоких кочках, птицы гоняются друг за другом, подолгу кричат, смешно вытянув шею, словом, идет, как говорят зоологи, формирование пар. Откладка яиц наступает позднее, когда молодая трава подрастает настолько, что может скрыть гнездо.

Поиски гнезд этого кулика стоили мне много труда. Метр за метром я обшаривал целые гектары вокруг наших палаток. Только однажды удалось наткнуться на лежавших кучкой трех пуховичков, видимо совсем недавно покинувших гнездо. Удача пришла не скоро и совсем в другом месте, в верховьях Оксу. Тогда сразу, в один день, удалось разыскать десятка полтора гнезд с яйцами. Все гнезда были выстроены на небольших островках-кочках мелкого озерка. Это происходило во второй половине июля, но в гнездах еще лежали яйца, правда большей частью сильно насиженные и даже наклюнутые. Во многих гнездах было уже пусто, и куличата, которые покинули гнездо, видимо, день-полтора назад, пищали где-то рядом. Найти их в траве, не рискуя раздавить при этом, почти невозможно.

Другой многочисленный обитатель аличурских болот — желтоголовая трясогузка, о которой уже говорилось. Она начинает гнездиться раньше куликов, не дожидаясь, когда начнет расти молодая трава. Для укрытия маленького, уютного гнездышка, высланного черной шерстью яков, ей бывает достаточно бурых прошлогодних зарослей. Найти такое гнездо тоже не легкое дело.

Над озерками и протоками все время висят на трепещущих крыльях или носятся над самой водой юркие тибетские крачки. Время от времени птица складывает

крылья и падает вниз. Всплеск, брызги — и вот она уже поднимается вверх, только рыбешка на миг сверкнет в ее красном клюве.

Рыбы здесь много. Бесчисленные протоки Аличура, озерки, ручьи и ключи бывают временами прямо забиты ею. Это все тот же осман. Он, конечно, не так вкусен, как форель, но вполне съедобен и служил немалым подспорьем в нашем скудном питании. Мы ловили его самодельным сачком, зажаривая потом на сковородке: вареный осман безвкусен, как вата.

Но не нам одним обеспечивали османы обильный стол. Усиленно поглощали рыбу и нередкие здесь крохали. Крупные орланы-долгохвосты, обычные на памирских водоемах хищники, то и дело появлялись в небе поблизости от лагеря. Экскурсируя по долине, мы нередко видели внушительные силуэты этих птиц, сидевших где-нибудь на возвышенном берегу и сонно переваривавших обильную пищу. Обожравшиеся орланы подпускали нас очень близко и взлетали крайне неохотно, тяжело шевеля крыльями.

В жизни этих птиц много непонятного. Их очень много летом на Памире, в Тибете, в пустынях Центральной и Средней Азии. Это дало зоологам повод считать долгохвостов обычными гнездящимися птицами этих областей. Но вот что странно. При довольно большом количестве орланов в Центральной Азии, и на Памире в том числе, никто еще ни разу не находил там гнезд этих птиц. Вряд ли это случайность.

В тех местах, где орланы действительно гнездятся, например в Северной Индии, гнезда их не представляют редкости. С другой стороны, обращает на себя внимание любопытное совпадение. В марте — апреле молодые птицы в Северной Индии вылетают из гнезд. А в апреле — мае появляются орланы, и молодые и старые, в горах и на равнинах Средней и Центральной Азии. Логично предположить, что после вывода птенцов орланы-долгохвосты из Северной Индии широко разлетаются к северу и востоку от своих гнездовий. Окончательно разгадать эту загадку поможет кольцевание птиц.

На лугах Аличура всегда царило оживление. Луга памирских долин как бы своеобразные оазисы высокогорной пустыни. Обильная растительность, большое количество насекомых, грызунов, рыбы в водоемах при-

влекает сюда на кормежку самых разных птиц. Вороны, клушицы, горные коноплянки, горные вьюрки, скалистые голуби — всех не перечесать. Иногда даже можно увидеть распевających в небе жаворонков. Это главным образом короткопалые жаворонки. Поют они плохо, и песня их не идет ни в какое сравнение с песней нашего полевого жаворонка, но зато они поют в воздухе даже при сильном ветре.

Ветер... Трудно даже представить себе, каким был бы Памир, не будь здесь постоянных холодных, сильных, иссушающих ветров... В долине Аличура, например, ветер большей частью стихает только к утру и возобновляется вскоре после восхода солнца. Безветренное аличурское утро поистине прекрасно. На небе ни облачка. Буйная зелень лугов долины резко контрастирует с бурыми, желтыми, синеватыми склонами гор, увенчанных белыми шапками снегов и испещренных резкими теньевыми полосами. Жизнь на лугах кипит. Всюду поют, перелетают, перекликаются птицы, в траве гудят бесчисленные насекомые, в протоках и озерах плещется рыба. На солнцепеке по-настоящему тепло, можно загорать, скинув рубашки! Но вот пронесся первый порыв ветра, второй, третий... Ветер все сильнее и сильнее, и вот он уже гудит, несется по долине, холодный и ровный. Все стихает. Птицы частью разлетаются по подветренным склонам, частью уходят в густую траву, прижимаясь к земле. И так до следующей безветренной паузы.

На многих болотистых лугах привлекают внимание провалы и ямы, заполненные водой. Это результат таяния погребенных льдов, залегающих под болотистой почвой. Нередко в обрывах берегов можно видеть целые слои льда. Образование их связано с мерзлотными процессами, происходящими в почвах памирских лугов. Вечная мерзлота на лугах Памира обычное явление. Благодаря ей луга Крыши Мира выглядят как кочковатая болотистая тундра.

На озерках среди лугов много огарей. Дни они проводят здесь, кормясь на воде или в траве лугов, а на ночь улетают на большие озера или, наоборот, в горы, где ночуют в скалах.

К концу июля трава на среднем Аличуре вырастает настолько, что ее кое-где даже косят. В долине здесь и там виднеются группы кибиток — это вместе со ста-

дами баранов и коз, отъедающихся на сочной траве, кочуют скотофермы. Начиная с середины июня они вырастают повсюду, как грибы. Вчера еще вокруг нашего лагеря было пусто, а сегодня днем подкатило несколько грузовиков, до отказа набитых частями юрт и людьми. К вечеру все было собрано, и юрты, живописно раскинутые на берегу Аличура, уютно задымили...

Чем выше, тем суровее долина, ниже трава, холоднее и сильнее ветер, меньше насекомых, птиц, мелких зверюшек. Наледи лежат дольше, нередко до июля, чаще идет снег. Да и лугов становится все меньше. Они скучиваются у русла реки, у ключей и протоков, а основное пространство долины занимает полупустыня.

Летом 1961 года я работал в верхней части долины, на высоте четырех с лишним тысяч метров. Я жил там в домике дорожного мастера, у самого тракта. С начала июня и до двадцатого числа, когда работа здесь была окончена, почти непрерывно бесновался ледяной ветер, сыпала крупа и чуть ли не каждое утро, перед тем как умываться, приходилось разбивать в луже толстый слой льда.

Верхний Аличур имеет свою достопримечательность — Чатырташ. Прямо посередине ровной долины возвышается словно вырубленный из целого куска огромный останец-скала. Останец этот, по мнению многих, — типичный «бараний лоб», очевидное доказательство существования в прошлом гигантского ледника, скрывавшего долину Аличура.

Эта одиночная скала, обрывающаяся на запад тридцатиметровым обрывом и полого спускающаяся на восток, памятна мне одним происшествием, случившимся еще в первый год моей работы на Памире. Я искал там гнездо маленького сокола-пустельги. Забравшись на скалу и осторожно свешивая голову вниз, в щели и трещины по ее краю, я внимательно осматривал ниши в поисках гнезда. На шее у меня болтался новенький фотоаппарат «Зоркий-2». Внезапно что-то блеснуло перед моими глазами и, с металлическим стуком ударившись о стенку, полетело вниз. Аппарат! Случайно он оказался непривинченным и преспокойно вывалился из футляра, когда я висел на краю скалы вниз головой. Чуть не плача от досады (каково лишиться фотоаппарата в самом начале такой экспедиции!), я поспешно спустился вниз и побежал к месту падения

аппарата. Но удивительное дело: аппарат без футляра, то есть абсолютно ничем не защищенный, упав с двадцатиметровой высоты и хлопнувшись на каменную осыпь, остался цел! Правда, светофильтр разлетелся вдребезги, слегка погнулось металлическое кольцо объектива, а на крышке фокусной камеры появилась небольшая вмятина. Фокус оказался сбитым, но мне удалось в тот же день его наладить. Аппаратом этим я пользуюсь и по сей день.

Около Чатырташа лугов уже нет. От них осталась только узкая полоска у самых берегов Аличура. Всюду щебень, сухая глинистая почва, пустыня. Редко-редко где промелькнет рогатый жаворонок или забеспокоится, забегает вокруг юркий монгольский зук. Зато у самой скалы заметно оживленнее. Звонко распевает пустынная каменка. Ее меланхоличная трелька «тилилитюлюю» очень гармонирует с суровыми скалами и свистом холодного ветра. В осыпи копошатся пустынные снегири. Выскочил из-под ног невесть откуда взявшийся угод, распустил свой великолепный головной убор индейского вождя и изумленно уставился на меня, покачивая головой. На Памире удода не гнездятся — слишком холодно, но холостые одиночки встречаются иногда в скалах. А вот и гнездо пустельги. Вернее, я вижу только нишу, из которой торчит голова насиживающей самки. Вот она пронзительно заверещала, в ответ донесся такой же звук, и к гнезду метнулась стремительная тень: самец принес самке корм. Самке сейчас лучше не отлучаться от гнезда: слишком холодный ветер, и кладка может застынуть.

А это что такое? У подножия стены, под одной из крупных ниш, валяются три птенца. Мертвые птенцы красноносой клушицы, только что начавшие оперяться. Никаких повреждений не видно. Лежат они здесь, видимо, недавно, еще не начали разлагаться. Самых клушиц нигде нет. Кто выкинул птенцов из гнезда, зачем? Когда я, окончив осмотр скалы, направился обратно и отошел уже метров на двести, снизу, с лугов, прилетела пара ангыров. Они описали над скалой несколько кругов и уселись на краю той самой ниши, под которой валялись птенцы клушицы. Самка ушла вглубь, а самец, оставшись у входа, чистился и вертел головой. Неужели эта парочка и учинила разбой? Видимо, ниша понравилась, но уже была занята, и ангыры овладели ею

совершенно гангстерским способом. Так ли это было? Возможно. Если бы в разбое был повинен какой-нибудь хищник, то он попросту сожрал бы птенцов.

Вечер... Устав за день, я медленно бреду вдоль кромки луга к белеющему вдалеке домику дорожного мастера. Солнце только что село. Горы на глазах становятся одноцветно-серыми, даже снега и льды теряют свою белизну. Небо чистое, на нем вот-вот загорятся звезды. Птицы умолкли, тихо, только изредка доносится с болота стонущий призыв неугомонного травника. Наступает Великое Ночное Безмолвие, и только холодный ветер заунывно гудит в ушах. Спокойной ночи, Аличур!

АРХАРЫ МАРКО ПОЛО

«Много тут больших диких баранов; рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или по три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, из них и едят; и еще из тех же рогов пастухи строят загоны, где и держат скот».

Так писал Марко Поло, первым из европейцев прошедший через Памир. На родине ему не поверили, но в данном случае великий путешественник ничуть не ошибся и был даже скромен. Вот как описывал этого барана известный русский зоолог и путешественник Николай Алексеевич Северцов: «...потом Семенов видел на сырту, у подошвы Хан-Тенгери, огромных темно-бурых (летом) архаров, ростом почти с марала, с колоссальными рогами, которых киргизы назвали ему качкарами...» И когда лейтенант Джон Вуд, через пять с половиной веков после Марко Поло пробравшийся на Памир и открывший для европейцев исток Амударьи — озеро Зоркуль, нашел огромные рога диких баранов и доставил их английским зоологам, то последние, описав новое животное по одним рогам, сочли его уже вымершим и назвали в честь Марко Поло — *Ovis polii*.

...Рывок, еще рывок. Сотрясаясь от вибрации, наш «газик» прополз несколько метров и безнадежно застрял в сыпучем песке. О том, чтобы прорваться вперед, нечего было и думать. Хотя бы выскочить назад!

Весь наш великолепный план — пробраться из долины Оксу в Ранкульскую котловину под самыми ледяными шапками Музтагаты — рушился на глазах. Мы ходили вокруг глубоко увязшей машины, горестно покачивая головами. Каракумы да и только! А ведь пески только начинались, гребнями уходя дальше, к перевалу Пангазбель.

Едва мы начали пробиваться назад, нас настигла новая беда: от долгой буксовки в радиаторе выкипела почти вся вода. А вокруг не было и намека на воду. Оставалась слабая надежда достать ее в верховьях какого-нибудь сая, ближе к вершине хребта. Я взял брезентовое ведро и полез вверх по одному из саев.

Сай внизу был сух. Тонкий песок сыпался под ногами, и было похоже, что воды здесь не было с ледникового периода. Однако через полчаса стали попадаться участки сырого песка со свежими следами замывов. Наконец в сухом русле показалась первая небольшая лужа, потом вторая, поглубже, и, наконец, третья, совсем большая, в которую вливалась тонкая струйка воды. Мое появление спугнуло стайку скалистых голубей, сидевших вокруг лужи полукругом и усердно макавших туда клювы.

Долгая жажда довела меня почти до иступления. Я упал на колени в сырой песок, с наслаждением окунув лицо в холодную чистую воду. Ммм! Я пил, как загнанный лось, — жадно, взахлеб, еле переводя дух. А когда, напившись, поднял голову, то в первый миг не поверил своим глазам. Прямо надо мной на краю сая стояли, выстроившись в ряд, архары. Те самые знаменитые дикие бараны Марко Поло, которыми славен Памир и которых я до сих пор видел не более двух раз, и то с расстояния свыше полукилометра. Рогачи, один из которых выделялся огромными, в два завитка, рогами, стояли как вкопанные — два десятка великолепных силуэтов на фоне голубого неба! Дело было к вечеру, и стадо, несомненно, шло на водопой. Разумеется, фотоаппарат остался в машине...

Нас разделяло не более пятидесяти метров, и архары отлично меня видели. Но то ли они давно не встречали человека, то ли их успокаивала моя полная неподвижность, а может быть, им очень хотелось пить — так или иначе, они не уходили, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Однако, когда я, достаточно на-

любовавшись, вздумал переменить позу, они без колебаний прыгнули назад и моментально исчезли за гребнем. Потом уже я убедился, что, обладая прекрасным зрением, архары не обращают внимания на неподвижные предметы, даже если это их злейший враг — человек. С зоологом Арутюновым как-то приключился такой случай. Он сидел на склоне сая и курил, когда метрах в тридцати вдруг появилась самка архара и уставилась на него. Леонид Ашотович окаменел, стараясь и моргать-то пореже. Постояв некоторое время и рассмотрев вооруженного, но неподвижного человека в упор, животное мотнуло головой и... принялось спокойно щипать траву, только ~~дв~~взвывая глазом на подозрительный предмет.

Архар — красивейшее животное Центральной Азии, вид которого никого не оставляет равнодушным. Его могучие, завитые крутой спиралью желтоватые рога — завидный охотничий трофей. У некоторых архаров вес рогов достигает тридцати килограммов, а расстояние между концами рогов — двух метров. В первые годы моей работы на Памире архарьи рога различной давности и сохранности составляли неотъемлемый атрибут любой долины. Дело в том, что охотники, убив архара, обычно оставляют голову на месте. Волки вместе с черепом оставляют еще позвоночник и шкуру, вернее, ее жалкие остатки. Сейчас количество рогов в долинах Памира сильно поубавилось. Архаров становится все меньше, а охотников до сувениров — больше.

Любознательно, что назначение красивых рогов архара вдруг оказалось для зоологов камнем преткновения. Почему наиболее крупными рогами обладают архары высокогорий? Николай Алексеевич Северцов, впервые в русской литературе описавший архаров, полагал, что рога — это турнирное оружие, необходимое в борьбе за самок. Победу одерживают наиболее сильные самцы с самыми крупными рогами, и отбор идет в этом направлении. Более слабые животные во время поединков сбрасываются соперниками со скал и гибнут. Гипотезу свою Северцов подкрепил весьма убедительными фактами, и многими она принимается за истину до сих пор. Но эта гипотеза не объясняла, почему то же самое не происходит у других разновидностей баранов Европы и Азии, обитающих на меньших высотах. А в 40-х годах зоолог Р. Н. Мекленбурцев, подробно исследовав-

ший жизнь архаров на Памире, сильно поколебал обычные представления. Он выяснил, во-первых, что жестокие драки между самцами очень редки и скорее являются исключением, чем правилом, и, во-вторых, что они никогда не кончаются смертью соперника. Большое же количество рогов под скалами (по мнению Н. А. Северцова, оставшихся от побежденных в поединке и сброшенных вниз самцов) объясняется совсем иначе.

Но раз такие поединки бескровны, для чего же все-таки столь могучее оружие? Тут-то и выясняется, что оружие это отнюдь не такое грозное, каким кажется на первый взгляд. Концы архарьих рогов тупы, загнуты в стороны и не выходят вперед за плоскость лба. Следовательно, концы рогов не имеют никакого боевого значения и главной боевой частью являются основания рогов надо лбом. Своими рогами архар не может убить даже собаки. Так, на глазах Арутюнова один из крупных рогачей, подвергшись нападению двух пастушеских овчарок, сумел ударить рогами наиболее нахального пса и даже прижать его к земле. Но овчарка вывернулась без всякого вреда для себя и возобновила нападение. Примеров такого рода можно привести много.

Внук Николая Алексеевича Северцова Сергей Алексеевич, тоже крупнейший зоолог, рассмотрел всю проблему несколько по-иному. У него тоже не вызывало сомнений турнирное назначение рогов, но в их устройстве он усмотрел то, чего, на удивление, не заметили другие. А именно: рога архаров, да и не только архаров, а многих других животных, устроены как будто специально для того, чтобы нанести противнику как можно меньше увечий и сделать невозможным смертельный исход. Очевидно, в эту сторону и шел естественный отбор. Подумайте сами, что было бы, если бы в поединках из-за самок гибли регулярно лучшие производители? Вид, как таковой, уничтожил бы сам себя! И эволюция нашла выход, оставив и турнир как существенный метод отбора, и рога как турнирное оружие — турнирное, но не боевое.

Как происходят поединки наших домашних баранов, известно, наверное, всем. По той же схеме идут сражения и между кульджами (так называют киргизы старых самцов архаров). Животные с разбегу кидаются

друг на друга и сталкиваются основаниями рогов. При таком поединке в ударе принимает участие вся масса животного. Представьте себе нагрузку, которая при этом падает на шею и спинной хребет животного! Естественно, что перенесение чуть ли не пятой части веса тела на рога, на переднюю часть тела наносящего удар животного, значительно ослабляет это напряжение. Поэтому в турнире оказывается выгодным больший вес рогов. Тот факт, что рога прямо связаны с половым отбором, а не с чем-либо иным, подтверждается отсутствием крупных рогов у самок.

Гипотеза эта весьма похожа на истину. Ведь с ее позиции можно объяснить и тот загадочный факт, что самыми большими рогами обладают архары Марко Поло, обитающие в заоблачных высях Памира и Тянь-Шаня, и алтайские архары. Ведь, казалось бы, таскать в высокогорье такую тяжесть — удовольствие маленькое. Но, как утверждает гипотеза С. А. Северцова, чем крупнее вес барана, тем мощнее должны быть у него и рога. Мощнее и тяжелее. А как раз алтайские и памирские бараны — наиболее крупные среди остальных.

Любопытна также гипотеза, выдвинутая профессором П. И. Коржуевым. Он предположил (исходя из того, что рога баранов увеличиваются вместе с увеличением высоты обитания над уровнем моря), что костная часть рогов, скрытая могучим роговым чехлом, играет важную роль кроветворного органа. В высокогорной атмосфере, бедной кислородом, роль таких органов у животных должна быть очень большой. Ведь увеличение числа эритроцитов в крови в известной степени компенсирует недостаток кислорода в воздухе. Эту гипотезу легко проверить, что, вероятно, вскоре и будет сделано.

Существует еще одна «гипотеза», несколько анекдотического характера. До сих пор еще приходится слышать о том, что рога архара служат своеобразными пружинами, на которые он прыгает с большой высоты. Мнение это настолько укоренилось среди некоторых не вполне компетентных любителей природы, что иногда даже просачивается в печать. Так, однажды в журнале «Вокруг света» один из таких «очевидцев» подробно живописал подобный прыжок кавказского тура. А рога тура куда слабее архарых!

Тем не менее от мнения, что рога имеют какое-то значение для прыжков по скалам, отказались не сразу. Некоторые даже приписывали тяжелым рогам роль балансира при наиболее дальних прыжках, когда якобы требуется вносить коррективы по ходу полета. Но почему тогда таких рогов не имеют самки, которые гораздо больше привержены к скалам, чем самцы?

Надо сказать, что, являясь средством полового отбора, тяжелые рога в то же время довольно сильно затрудняют существование их обладателя. Прежде всего они мешают быстрому передвижению, особенно по рыхлому снегу. И если зимний наст в состоянии держать самок и молодых самцов, то под ногами старых кульджей он проваливается. При нападении на стадо, скажем волков, самки и молодые бегут впереди, а старый самец — сзади, в арьергарде, и именно он обычно становится добычей хищников.

У некоторых особенно старых кульджей рога отрастают настолько, что затрудняют животному кормежку. Я слышал как-то историю о старом кульдже, этаком архарьем патриархе Памира, рога которого были настолько велики, что животное могло щипать траву только с крутых склонов. Конец кульджи был печален. В один прекрасный день на него напали грифы, видимо убедившись, что животное совершенно ослабело, и прикончили его. Старик пастух, наблюдавший за этой сценой с противоположного склона, где паслось его стадо, бросился со всех ног к месту происшествия в надежде и самому поживиться мясом, но не тут-то было! Крылатые мародеры расправились с архарьей тушей с такой скоростью, что старику, добежавшему до места через полчаса, достались только жалкие остатки.

Широко распространено представление об архарах как о сугубо горных животных, всю свою жизнь проводящих в скалах. Это далеко не так. Горные бараны, несмотря на свое название, отнюдь не всегда связаны с горами. Они живут и на холмах среди степи, едва возвышающихся над равниной, и на обрывах плато Устюрт, населяя здесь узкую полосу чинка, зажатую между громадными пространствами равнин. Оказывается, горным баранам горы вовсе не необходимы, но они действительно нуждаются в пересеченном рельефе — крутых склонах, обрывах и отвесных скалах: там они находят спасение от преследований хищников,

и то главным образом в зимнее время, когда выпадающий снег затрудняет быстрый бег. Летом же архары могут спастись бегством даже от таких быстрых хищников, как волки. Больше всего архары любят холмистые, открытые пространства с хорошими пастбищами летом и небольшим снежным покровом зимой. Нельзя сказать, что они вообще избегают мест, где накапливается снег, но он очень затрудняет им жизнь: снег скрывает корм, и приходится тратить много усилий на его разгребание, по снегу плохо бежать, труднее скрываться от врага.

Подтверждением сказанного служит распределение архаров в Бадахшане и на Памире. В скалистых ущельях Бадахшана они вообще не встречаются, изредка заходя в пределы этой страны по вершинам хребтов, в то время как на выровненных пространствах Памира вполне обычны.

Хотя архары отдают явное предпочтение ровным ландшафтам, они и в скалах отнюдь не выглядят беспомощными, ловко передвигаясь по стенам, для человека совершенно недоступным. Самки же в период ягнения вообще предпочитают скалы, где после отела проводят с неокрепшим детенышем еще некоторое время. Несомненно, их привлекает большое количество убежищ и потайных мест.

Архар — самый крупный дикий баран мира. Вес крупных архаров может достигать двухсот килограммов. Когда-то архаров на Памире было очень много. Громадные стада в двести — триста голов мирно паслись на широких просторах памирских долин, а небольшие группы животных можно было встретить буквально всюду. Не исключено, что в прежние времена архарьи стада на горных пастбищах, особенно зимних, становились серьезными конкурентами домашнего скота.

Однако на глазах одного поколения угроза такой конкуренции была полностью снята. Если еще недавно, в начале 50-х годов, увидеть сотенные стада архаров было не таким уж редким делом, то сейчас группы этих животных в два-три десятка голов уже событие. Из многих районов Памира архары исчезли совсем, а остальные загнаны человеком в самые верховья долин, на крутые склоны гор и в скалистые, чуждые им ущелья.

Причина все та же — разнузданная бесконтрольная охота, то и дело принимающая характер настоящей бойни.

Конечно, местные жители промышляли баранов и раньше, и даже в немалом количестве, но отстрел и прирост находились в относительном равновесии.

Сейчас положение изменилось. Разумеется, население Памира возросло, да и мотоциклы, получающие все большее распространение среди местных жителей, сильно облегчили охоту, позволяя в короткие сроки забираться в далекие, укромные уголки.

Но особенно позорную лепту в истребление архаров внесли члены многочисленных экспедиций, бороздящих горы Памира из конца в конец.

Как правило, экспедиторы не считаются ни с какими охотничьими законами. Любой попавший в экспедицию сопляк, напялив ковбойские штаны и получив в руки оружие, воображает, что он прибыл в девственные земли, где все позволено. Стреляй, лупи, круши! Консервы-де нам надоели, мы жаждем свежего мяса! Подумаешь, архар!

Не лучше себя ведут в этом отношении и старые экспедиционные волки. Есть, конечно, и счастливые исключения, но они так редки!

Сам Кирилл Владимирович Станюкович, насколько мне известно, не стрелял на Памире никогда. Во всяком случае я этого не видел и не слышал. Помню еще экспедицию энтузиаста-энтомолога А. А. Бунделя — она шла вообще без оружия! Но как таких партий мало!

Охота на архара в пределах Таджикистана категорически запрещена. Но запрет этот остается на бумаге, поскольку никакого контроля за охотой на Памире до сих пор нет. Если таковые обязанности и возлагаются на кого-либо, то лица эти по какой-то непонятной случайности сами оказываются заядлыми браконьерами, если не хуже.

Помню, во время работы в Аличурской долине, когда мы размещались у дорожного мастера, наведаясь к нам один такой «инспектор». Быстро и ловко глотая один кусок архарины за другим (архара этого наш хозяин убил накануне), он допытывался, имею ли я охотничий билет и право на отстрел мелких птиц для кол-

лекции. Архарьих же шкур, развешанных у домика, он будто бы и не замечал!

А ведь у архаров много врагов и помимо человека. Главными из них следует считать волков. Особенно большой урон наносят они архарьим стадам зимой в тех районах, где лежит снег. Загнать по снегу тяжело бегущего рогача, видимо, не представляет для них большого труда. Жертвами волков становятся и маленькие ягнята, на них же нападают беркуты и бородачи.

Сейчас существует реальная опасность полного исчезновения архаров на Памире. До недавнего времени естественным резерватом для горных баранов служили пустынные территории китайской и афганской частей Памира, но с освоением этих территорий в последние годы у архаров остается все меньше спокойных мест. Поэтому уже давно, в 1949 году, зоолог Р. Н. Мекленбургцев поставил вопрос о создании на Памире архарьего заповедника. Он же предложил и место для него — в верховьях Аличура. В последующие годы идея эта выдвигалась неоднократно, но дальше разговоров дело обычно не шло. И только сейчас, кажется, будет создан такой заповедник. Во всяком случае на Памире сейчас организованы первые два заказника, и один из них — специально для охраны архаря. Сохранить в природе крупнейшего горного барана Евразии — не такой уж пустяк. Ведь был же создан в Туркмении заповедник для охраны куланов, нигде более в СССР не сохранившихся.

А медлить больше нельзя, иначе в скором времени фауна нашей Родины лишится еще одного прекрасного своего представителя...

В ПОГОНЕ ЗА СНЕЖНЫМ ПРИЗРАКОМ

Солнце просветило листву за окном. Озорной зайчик уперся в живот завхоза. С живота капала вода. Завхоз пять минут назад погружал свои телеса в озеро. Он купался после пыльной пянджской дороги и теплой противной водки. В комнате воцарился устойчивый запах забегаловки. За кисеей гудели комары.

— И больше ничего он не сказал? — удивленно спросил я. — И записки никакой нет?

— Мне он ничего не давал, сказал только: пускай сейчас же приезжает. Я ведь думал, ты с той, со следующей машиной поедешь. Говорю, что восемнадцатого придет, может, а он головой замотал. Нет, говорит, поздно!

Живот завхоза вдруг померк. Лучи погасли. Зашумел ветерок. Облако навалилось на солнце, затем медленно сползло прочь, вылив на джунгли ведро прохлады. Тишина.

Завхоз наконец зашевелился, встал.

— Ну так едешь?

— Конечно, что же делать!

Он начал протискиваться к выходу среди грубо сколоченных коллекционных ящичков, изукрашенных торчащими гвоздями и рваной жестью.

— Когда идет машина? — крикнул я вслед.

Завхоз тонко икнул в кулак и задумался.

— Ну завтра-то еще не поедет. Завтра Степан кирпичи повезет. А уж послезавтра, наверно, и поедете.

Некоторое время я сидел не шевелясь, уставившись глазами на карту. По карте полз жук. Он миновал уже Муминабад и приближался к Алайской долине. Ледяные вершины гор холодили ему лапки, он вздрагивал... Здесь, в Южном Таджикистане, в заповеднике Тигровая Балка, гнездовой сезон был в разгаре, и приходилось ползать по зарослям от зари до зари невзирая на жару. Каждый день был на вес золота. А там, далеко за горами, в зеленом городе Оше на базу биостанции еще только стекались к Станюковичу «бродяги всех морей и океанов».

Видение волосатого предка на гималайских ледниках донельзя распалило страсти. Рассказы наших друзей киргизов о загадочном голуб-яване, снежном человеке Памира, цитировались в союзной прессе. Снежный человек становился героем кинофильмов, фельетонов, радиоинтермедий. За всем этим шумом и насмешками группа энтузиастов вела кропотливую работу, собирая данные, тщательно отделяя явную чепуху от заслуживающих внимания фактов.

Нужно быть очень смелым человеком, чтобы, отбросив спасительный щит академического скептицизма, открыто увлечься такой скандальной проблемой. Нужно быть смелым вдвойне, чтобы, невзирая на громадный риск для своего реноме и положения, настойчиво до-

бываться решения проблемы на месте, то есть организовать экспедицию. Несмотря на то что энтузиастов, увлекшихся проблемой снежного человека, было порядочно, главная непосредственная работа по организации экспедиции легла на плечи Кирилла Владимировича. И он делал эту работу. Пускай не всегда умело, с ошибками, которых можно было и избежать, но он делал дело, в то время как многие последующие ретивые его критики занимались в основном зубоскальством. Я был приглашен в эту экспедицию зимой. Правда, она не совпадала с моими планами: я хотел пронаблюдать ожидавшийся летом большой разлив Вахша, но перед перспективой пробраться в самые потаенные уголки нагорья устоять было невозможно. Да и что греха таить? Я совсем не был убежден, да не убежден и сейчас, что все рассказываемое о снежном человеке — чушь.

Далеко на юго-востоке, за покрытым пыльной дымкой Гиндукушем, в цветущих предгорьях Гималаев строились в ряды штурмовые группы аналогичной экспедиции американского миллионера Томаса Слика. Этот авантюрный босс был в куда более выигрышном положении. Он являлся единственным руководителем экспедиции и вышвыривал из своих оффисов всех, кто осмеливался усомниться в здравости идеи. Да и шла его экспедиция, судя по всем данным, в более «густо заселенные» снежным человеком районы, чем наша. Конечно, устраивать состязание с американским бизнесменом мы не собирались. Цели нашей экспедиции были гораздо шире. По сути дела, проводилось всестороннее изучение наиболее труднодоступных мест Памира, в котором участвовал самый широкий круг специалистов, от зоологов и ботаников до этнографов и археологов. Участники предстоящей экспедиции должны были собраться в Оше, чтобы оттуда на машинах биостанции двинуться в Чечекты. Я должен был добираться до Чечекты самостоятельно, сразу же после сигнала шефа.

И вот сигнал получен.

Через день я уже трясся в кузове грузовика, деловито пылившего по пустыне. Он то мягко буксовал в песке, то ожесточенно прыгал и дергался на засохших колеях глинистых такыров. Позади постепенно таяли очертания громады Хаджи-Хазиана, нависшего каскадами скал над зеленым морем вахшских джунглей.

Весь вчерашний день мне пришлось лазить в колючих зарослях заповедника, заканчивая наблюдения за гнездами десятков птиц. Было тридцать три градуса в тени, и, обливаясь потом, я с вожделием думал о прохладе памирских высей.

...Последняя ночь в Оше. Чарующая прохлада густых сумерек, звездное небо, проглядывающее сквозь колоннады пирамидальных тополей, оголтелый свист соловьев, стрекот цикад, журчание арыков — убаюкивающие звуки южной ночи, наваливающейся на засыпающего человека бархатной темнотой...

Дальше события мелькают в памяти, как кадры кинохроники. Следующая ночь уже на Каракуле. Солнце садится в густые снеговые тучи, залепившие вершины хребтов. Поверхность озера скована льдом. Воздух холоден, прозрачен и чист. В проводах и мачтах метеостанции уныло свистит ветер. Здесь мы устроились на ночлег. Спим вповалку на полу, забравшись в спальные мешки. Сильно болит голова, душно. Прыжок из раскаленных равнин Южного Таджикистана в ледяную памирскую высь слишком быстр...

...Холодный сияющий полдень. Ошалевшие от долгой тряски, окоченевшие, пропыленные насквозь, мы смотрим слезящимися глазами на быстро вырастающие вдали белые домики Чечекты.

Грузовик тяжело вкатил во двор и замер. Всюду сновали люди. Стояла еще одна машина с открытым бортом. Леонид Сидоров встретил меня полуоблегченным, полусердитым: «Наконец-то, зоолух!» А затем, поскольку свидание состоялось после двухлетней разлуки, хлынул град приветственных тумачков.

Я знал, что Сидоров, взяв в помощники двух студентов-географов, пробрался на Памир еще в начале марта, когда здесь стояла настоящая зима, и с биостанции двинулся на лыжах через перевал Восточного Пшарта к Сарезскому озеру проверять по следам животный мир присарезских тугаев. Именно там видели на песке знаменитый след снежного человека. Почерневшее лицо Леонида и растрескавшиеся губы говорили о том, что мартовская разведка была нелегкой. Оба парня, ходившие с ним, были здесь же. По двору биостанции катал надутые автомобильные баллоны длинноногий детина в галифе и лихой ковбойской шляпе. «Вильям!» — представился он, широко улыбаясь и заключая мою ла-

донь в железные тиски своей лапы, а стоявший рядом Леонид коротко пояснил: «Это наш кэп». Баллоны предназначались для плота, который должен был в скором времени отправиться бороздить воды Сарезского озера.

За nasкоро сооруженным обедом мне было предложено тут же, сию секунду, присоединиться к разведывательной группе, отправляющейся сегодня к истокам реки Кокуйбели. Там я не был еще ни разу. Группе нужно было выяснить, как далеко можно проехать вниз по долине на машинах. Именно через эту долину в дальнейшем предполагалось прокладывать путь на Сарез. Естественно, об отказе не могло быть и речи. Разведгруппу, собственно, составили мы с Леонидом да шофер Султан Таштанбеков, брат Мамата. Все приготовления были уже закончены, я собрался за полчаса и вот, не успев опомниться, уже снова трясся в кузове в обратном направлении, к Каракулю.

(Пока машина пылит по Памирскому тракту, я напомню читателю, что экспедиция 1958 года была направлена на Памир для проверки слухов о якобы живущем здесь снежном человеке и для выяснения возможности существования там подобных существ. Англичане и американцы направили аналогичные экспедиции в Гималаи. Я не собираюсь описывать здесь всю работу экспедиции. О ней в свое время было достаточно много сказано в печати, в частности в книге К. В. Станюковича «По следам удивительной загадки». Напомню только, что главной задачей экспедиции было обследование двух районов Центрального Памира, в которых якобы встречали снежного человека или его следы. Это бассейн реки Баяндкиика, совершенно необитаемый, где еще сохранился в какой-то мере первобытный животный мир Памира, и бассейн Сарезского озера, необитаемый с 1911 года, когда образовавшееся в результате гигантского обвала озеро затопило кишлаки долины Мургаба. Оба района были исключительно труднодоступны. Мне довелось участвовать в работе одного из двух отрядов экспедиции, исследовавшего бассейн Сареза.)

Не доезжая моста через Музкол, мы свернули с Памирского тракта и дальше покатали по едва заметному автомобильному следу. Некоторое время машина полз-

ла среди невысоких пологих гор — предгорий Музкола, преодолевая бесчисленные саи и моренные гряды. Когда-то здесь вовсю бесчинствовали ледники. Большие камни в беспорядке усеивали красноватые склоны.

К вечеру после жестокой тряски мы выбрались на плоский, пологий перевал, откуда шел спокойный спуск в долину верхней Кокуйбели по одному из ее левых притоков. Когда-то именно в этом месте существовал сток из древнего Каракуля в долину реки. Сам Каракуль сейчас поблескивал в лучах заходящего солнца далеко на востоке. На самом перевале раскинулось небольшое, с полкилометра в поперечнике, озерко, в мутной воде которого снискивали себе пропитание несколько пар ангыров. Узрев подъезжающую машину, они неторопливо стали перемещаться к противоположному берегу. Свежих автомобильных следов впереди не было. Похоже, что в этом году мы первыми вторгались в долину. Здесь, в верховьях, Кокуйбель еще невелика, и мы без колебаний переехали ее вброд в первом же удобном месте. Основное русло дробится на многочисленные протоки, петляющие среди кочковатых лугов. В кристально прозрачной воде проносились стремительные силуэты крупных османов. Трава на лугах была еще бурая, зелени нигде не было и в помине, так же как и птиц, — тут стояла ранняя весна.

Еще километра два машина ползла вниз, со скрежетом переваливая с ухаба на ухаб. В сущности мы двигались по настоящему бездорожью. Долина заметно суживалась, и вдруг — стоп! За очередным поворотом мы уперлись в огромную наледь, заполнявшую дно долины от борта до борта. Проехать по ней нечего было и думать, равно как и попытаться одолеть этот участок в обход по крутому правому склону. Склон был очень крут, весь в рытвинах и крупных камнях. Более скверного оборота дела нельзя было себе представить. С помрачневшими лицами разведка попрыгала с машины и отправилась вниз пешком, дабы оценить препятствие на ощупь и выяснить, что ждет нас дальше. Даже свежие следы медведя, перешедшего долину перед самой наледью, хорошо отпечатавшиеся на влажном глинистом грунте, не смогли улучшить нашего настроения. Наледь лежала на пути экспедиции неодолимой пятисотметровой преградой. Это было тем более досадно, что дальше — а мы прошли вниз еще километров

пять — больше никаких препятствий не предвиделось. Прорубить в наледи путь было возможно, но сколько это поглотит времени и труда?

Мы вернулись к машине в темноте. Наш «газ» чернел под склоном, как один из больших скальных обломков, разбросанных по террасе. Долина казалась совсем необитаемой.

Дожидаясь нашего возвращения, Султан не терял времени даром. Он подстрелил из малокалиберной винтовки двух зайцев, натаскал кизяка и терескена, и сейчас на подветренном склоне морены жарко горел небольшой костер. Только теперь, в конце этого бурного дня, в кругу скачущего света, бросающего блики на пустынные склоны, мы наконец смогли спокойно поговорить. Прежде всего, конечно, меня интересовали подробности мартовского похода на Западный Пшарт. Вот что я услышал.

К середине марта после напряженной, трудной дороги Леонид с двумя студентами, Александром Мирошниченко и Александром Кузнецовым, добрались до Чечекты. В это время на Памире особенно много снега. Зима стояла еще самая настоящая, и снежные бураны то и дело прерывали движение по тракту. Достаточно сказать, что машина, на которой ехали разведчики, была в марте последней попавшей на Памир. Сильный буран на две недели запер Памир на глухой замок. Поход был рассчитан на десять дней, и все снаряжение, включавшее палатку, спальные мешки, примус, горючее и припасы, нужно было тащить на своих спинах.

Разведка вышла на лошадях со станции на рассвете 15 марта. Снег укутал горы по самые основания, но долины были чисты. Отряд сопровождали Мамат и Джура Таштанбековы. Долина Восточного Пшарта на большом протяжении тоже была свободна от снега, и отряду удалось подобраться к перевалу километров на десять. Но дальше сразу же начался глубокий снег, и пришлось переходить с коней на лыжи. Мамат с Джурой погнали лошадей назад, а разведчики тронулись вверх, к перевалу. Вот тут и началось. Во второй половине дня солнце грело достаточно сильно, чтобы сделать снег мокрым, а если еще учесть, что он был глубокий и рыхлый, что высота приближалась к 4200 метрам, что за плечами у каждого висело по тридцать килограммов груза и что они шли вверх, на подъем, то

самочувствие трех землепроходцев после десяти километров подобного пути легко себе представить. Леонид очень опасался за ребят. Сам он, понаторев в тяжелых лыжных походах по Кольскому полуострову, был в отличной форме и все-таки шел на пределе. Но ребята держались прекрасно.

Перевал встретил их ослепительным сверканием громадных снежных полей. Начались первые неприятности. Отражаясь от снежной поверхности, ультрафиолетовые лучи буквально обжигали кожу; Саше Мирошниченко пришлось даже обмотать лицо марлевыми бинтами. Снег был буквально истоптан многочисленными следами козорогов, архаров, волков, лисиц и других зверей. Сами козероги и архары, небольшими группами пасшиеся на склонах, все время находились в поле зрения разведчиков...

Здесь же, на перевале, груз немного поубавился: в снег была закопана первая порция продуктов на обратный путь.

Вниз дело пошло легче. Группа прошла первое ущелье, Красный каньон, уже в густых сумерках и вслед за этим на высоте четырех тысяч метров устроила первую ночевку. В крошечной тьме под яростным натиском ледяного ветра, несшего поземку, поставили палатку. Поставили неудачно, на острые камни, но переставлять уже не было сил. Вьюга бесилась за тонким брезентом, а в палатке жарко гудел бензиновый примус, на котором разогревались консервы.

Адский холод и острые камни не дали выспаться как следует. На рассвете группа уже катила во весь дух по ледяному руслу Пшарта, спеша вниз. Опять встречалась масса следов, многие под лучами солнца принимали самую причудливую форму, в том числе и форму следа снежного человека. На коротких передышках Леонид внимательно осматривал склоны в бинокль, но ничего подозрительного не видел.

Следующая ночевка была на высоте около 3400 метров, в глинобитной мазанке-летовке. Спать было удобнее, но холод досаждал по-прежнему. На рассвете снова в путь. Рюкзаки становились легче: на каждой ночевке разведчики оставляли часть продуктов на обратный путь.

Третий день пути был особенно памятен. Группа вышла наконец к устью Западного Пшарта, в долину

Мургаба. Недалеко от ночевки встретили следы медведя (шатун это был или рано проснувшийся от спячки, неизвестно), а немного погодя и ясные следы барса. Ближе к устью Пшарта снег кончился, дальше пошли пешком, но перед этим Саша Кузнецов ухитрился растянуть себе ногу. Любая травма в подобной ситуации была чрезвычайно опасна, и Леонид перепугался не на шутку. Поврежденную ступню долго растирали снегом и тщательно забинтовали. Дальше пришлось двигаться гораздо медленнее.

В долине Мургаба группа провела два дня. Покуда нога Кузнецова приходила в порядок, Леонид с Сашей Мирошниченко сделали попытку пробиться к Сарезу. Рано утром они углубились в ущелье Мургаба. Нависающие над водой обледенелые скалы приходилось с большим трудом траверсировать поверху. В одном из небольших расширений каньона, который они проходили вскоре после восхода солнца, их накрыл камнепад. Ранневесенние камнепады в Бадахшане обычное и очень опасное дело. Вода, проникающая в каменные щели, замерзая, разрушает камни. Целые скалы из монолитных глыб превращаются в куски, спаянные льдом. И стоит только утреннему солнцу пригреть как следует, вниз начинают рушиться каскады камней. Леонид в такой камнепад попал впервые. Бежать было некуда. Оставалось полагаться на свою ловкость и хладнокровие. Со страшным грохотом вниз катились «чемоданчики» размером с обеденный стол. Определив направление полета очередного «чемодана», Сидоров с Мирошниченко быстро отбежали в ту или другую сторону. Набирая скорость и подпрыгивая все выше, камни выскакивали прямо в Мургаб, вздымая фонтаны брызг.

В обход последней скалы пришлось лезть на крутой конгломератовый склон, на самый гребень — добрых шестьсот метров утомительного подъема. Зато с этого гребня уже было видно Сарезское озеро, а под ногами оказалась долина последнего притока Мургаба — Сарезкола, пестревшая пятнами наледей. Здесь было еще более пустынно, чем в долине Мургаба.

Дальнейший путь к озеру проходил по узкой береговой терраске, сплошь заваленной огромными обледенелыми глыбами. Карабкаться по ним приходилось с ежесекундным риском повредить конечности. Подойдя

к Сарезу, разведчики увидели ослепительно белую поверхность озерного льда, уходящую вдаль, обширные закраины у берегов и почти непроходимые склоны, спускающиеся к воде. Несмотря на то что ребята упорно тащили с собой лыжи, стало ясно, что дальнейший путь на лыжах по Сарезу невозможен. На лед было просто не выбраться.

Проведя еще некоторое время в долине Мургаба, осмотрев все песчаные отмели, наледи, в общем все места, на которых могут быть следы, и убедившись в исключительной бедности животного мира, разведка вышла в обратный путь. Шли в таком же темпе, но, несмотря на то что идти теперь все время приходилось вверх, уставали уже не так — втянулись. Когда пошли сплошные снега, Мирошниченко потерял темные очки. Опять пришлось делать марлевую маску. На этой маске лыжной мазью с сажей Леонид намалевал подобие очков и вырезал в черных кругах две узкие щелки для глаз. С помощью такого приспособления Саша, хотя и не очень уверенно, мог идти не отставая.

На перевал Акташ группа вышла поздним вечером. Снежные поля уже сковал ночной мороз. Ярко светила луна. Закопанные в снег консервы были кем-то раскопаны и разбросаны вокруг, но не повреждены, а снег был густо истоптан десятками следов лисиц, волков и других животных. Уничтожив последние запасы пищи, Леонид с ребятами легко покатали вниз. Залитые лунным светом горы были молчаливы и мертвы, снег под лыжами громко хрустел, и черневшая внизу бесснежная часть долины стремительно приближалась. Лыжники ныряли в овраги, силой инерции сразу же выскакивая на другой склон, перелетали через бугры и только старались не напороться на камни. Но вот и граница снега. После лыж переход к обычному способу передвижения был неприятен, ноги просто не слушались, не сгибались, как надо. Группа, взвалив лыжи на плечи, тяжело заковыляла вниз по камням. Необходимо было выйти к двум юртам, стоявшим в десяти километрах от снежной границы. Леонид приметил их, когда разведчики еще ехали на лошадях к перевалу.

Найти юрты в темной долине было не так-то просто. Леонид совсем уж было решил, что они остались позади незамеченными, как группа в упор наткнулась на стадо баранов. Пришли! Юрты стояли здесь же, еле

различимые в темноте. Обитатели их были предупреждены Маматом и нисколько не удивились гостям, ввалившимся в их жилище в три часа ночи под громкий собачий лай. Запылал очаг, забулькали кипящие кумганы, и ребята, блаженно растянувшись вокруг огня, с наслаждением потягивали душистый чай и сонно улыбались.

— Зато уж спали,— закончил Леонид,— будь здоров! Часов пятнадцать!

...Костер догорал, слегка потрескивая. Зайцы были обглоданы до костей, в кружках плескались остатки третьего котелка чая. Крепкий чай подогревал воображение и гнал сон. Яркий рассказ Леонида перенес нас на снежные поля Пшартской долины. Но надо было спать, и мы полезли в кузов в спальные мешки. В черном небе холодно горели звезды.

Ночью я проснулся от удушья. Сердце бешено колотилось, в голове гудело. Лицо то начинало гореть, то покрывалось холодной испариной. Жар как бы накатывался волнами и спадал. Меня била лихорадка. Наконец стало до того плохо, что я рискнул разбудить Леонида. Думая, что я просто сильно простыл, он дал мне таблетку норсульфазола и посоветовал быстрее заснуть. Однако до утра я так и не смог сомкнуть глаз. И только на рассвете, когда стали собираться в обратный путь, мне стало легче. Но озноб и сердечные перебои продолжались до вечера, и, когда мы вернулись на биостанцию, мне пришлось лечь. На другой день все прошло. Несомненно, эта мягкая форма «тутека» — горной болезни — явилась результатом стремительного броска из раскаленных джунглей в холодное высокогорье, утопления первого дня и крепкого чая на Кокуйбели.

Наледь на Кокуйбели задерживала на некоторое время начало штурма Сареза, и первый поход решено было предпринять на Западный Пшарт, чтобы разведать озеро с востока.

На биостанцию один за другим прибывали участники экспедиции, и вскоре первый отряд был сформирован. Вильям Дамм, он же кэп, оставался с двумя помощниками на станции, чтобы собрать наш сарезский «дредноут» и испытать его на Рангуле. А мы с Леонидом двинули вместе с первым отрядом на Западный Пшарт.

О Западный Пшарт, моя любовь! С его замечательной долиной я познакомился еще в 1954 году, в первый свой сезон на Памире. Мы попали туда в августе, и после трех месяцев, проведенных на голых памирских склонах, мне показалось, что это и есть рай. Узкие теплые каньоны, густые древесные заросли, кишачие птицами, изумительные по красоте пейзажи. За каждым поворотом ущелья открывался вид настолько прекрасный, что хотелось кричать от восторга. Уже тогда, во время первого похода, еще до начала газетной шумихи вокруг снежного человека, мы услышали из уст Мамата Таштанбекова об этом загадочном существе, которое, по словам Мамата, встречали в низовьях Западного Пшарта, Мургаба и Сарезкола. И сейчас мы шли в долину Западного Пшарта, чтобы по ней выйти в низовья Мургаба, где отряд будет тщательно исследовать густые заросли мургабских тугаев, глухие боковые долинки, замысловатые лабиринты скалистых ущелий — места, где люди появлялись очень редко и то лишь в середине лета.

Широкую, типично памирскую долину Восточного Пшарта мы проехали, как всегда, на машине. Наш ГАЗ-51 до последней возможности карабкался вверх, пока путь окончательно не преградила небольшая болотистая лощина с жидкой трясиной. Все же удалось подобраться к перевалу почти на километр. Здесь уже стоял наготове табун из десяти лошадей. Наши караванчики пригнали их еще накануне.

Началась первая вьючка. Она всегда мучительна: все еще не отработано, люди не знают лошадей, и наоборот. Было много суетни, и лошади заметно нервничали. Особенно досталось нам от одного могучего мерина по кличке Черт, которого «списали» с одной из застав за бешеный нрав и подлый характер.

Вьючили его со всеми предосторожностями. На голову мерину набросили старый ватник, чтобы он не видел, что происходит сзади. Я держал его за узду, кормил сухарями и фарисейским голосом уверял в своих дружеских чувствах. Караванчики и Леонид, по двое с каждой стороны, начали осторожно крепить к седлу вьючные ящики с наименее ценным грузом — консервами. При каждом неосторожном их движении Черт слегка приседал на задние ноги, косил своим бе-

шенным восточным глазом и всхрапывал. Я совал ему очередной сухарь и ласково уговаривал беречь нервы.

Но вот вьючку закончили. Я снял с головы коня ватник и, держа повод в руке, сделал первый шаг. Но в ту же секунду, ощутив груз на своей спине, этот красавец превратился в гору разъяренных мускулов. Всех вокруг как ветром сдуло. Черт некоторое время подпрыгивал на месте, высоко подбрасывая зад, а затем, вырвав у меня, все еще обалдело стоявшего на месте, повод, понесся бешеным карьером вокруг каравана. С треском сорвались и покатались по камням ящики, сначала один, потом другой. Попав на острый камень, один из ящиков раскололся пополам, и консервные банки, прыгая, как мячики, покатались по склону. Освободившись от груза, Черт побежал прочь, волоча за собой обрывки веревок. Вьючное седло съехало ему на брюхо. Перейдя на рысь, он быстро удалялся вниз по долине. Караванчики припустились за ним вслед.

Наконец все кое-как наладилось. Завьюченные лошади, связанные по три, по четыре, гуськом уходили к перевалу. Люди несколькими группами шли следом, и вскоре наш караван растянулся на добрый километр.

Пологий перевал, испятнанный тающими снежниками, был нетруден, и, пройдя его вершину, мы начали быстро спускаться вниз. Чувствовалось, что мы приближаемся к границам Памира. За спиной оставались пологие склоны, ровные пространства, малоснежные горы. Впереди же, на западе, беспорядочной кучей толпились острые снежные вершины, закутанные клочьями туч. Долина быстро спускалась вниз. Ее продолжение угадывалось дальше темнеющим между горами провалом. Вид был мрачноватый, и новички, которых было подавляющее большинство, поглядывали вперед с откровенной опаской.

Верхняя часть долины Западного Пшарта носит еще типично памирский характер. Речка спускается вниз спокойно, местами прорезая небольшие выходы скал. Над потоком проносились с беспокойным циканьем белобрюхие оляпки, перепархивали, мелькая белыми зеркалами крыльев, краснобрюхие горихвостки, на склонах суетились стайки все тех же жемчужных вьюрков. Местами речку перекрывали большие наледы, и поток глухо шумел под ледяной броней полуметровой толщины.

Довольно скоро мы с Леонидом, двигавшиеся впереди, подошли к входу в первый, Красный каньон. Каньон был невысокий, стенки не выше тридцати — пятидесяти метров, но длинный, очень правильно и аккуратно пропиленный в красного цвета скалах. Тут пришлось остановиться: путь опять закрывала громадная наледь, заполнявшая каньон из конца в конец. Повсюду темнели трещины-провалы. Вид этой ледяной реки, зажатой среди красных скал, был изумительно красив.

Для лошадей преграда была явно непреодолима, и каравану пришлось перебираться на левый берег и обходить эту красоту верхом, по древней террасе.

Перед переправой произошло некоторое замешательство. Мы с Леонидом, выбрав подходящее место, наученные опытом, спокойно пошли в воду, как были, не разуваясь и не засучивая штормовых брюк. Следующим должен был идти один отважный альпинист, который, однако, растерянно заметался по берегу: у него, очевидно, и в мыслях не было лезть в ледяную реку. Видя, что приближаются остальные, и желая еще раз продемонстрировать всем наиболее рациональный способ переправы, Леонид вновь перешел реку и полууслужливо, полунасмешливо предложил альпинисту свою спину. Но вместо того чтобы залиться румянцем и ни секунды не медля ринуться в воду, альпинист хладнокровно, считая, видимо, что так и должно быть, взгромоздился на Леонидову спину и... преспокойно переехал на другой берег. Я захохотал во все горло при виде этой нелепой картины, и остальные, видимо все поняв, отважно ринулись в воду.

Вообще такой способ переправы наиболее обычен и удобен. В одежде переходить куда теплее, да и не надо терять времени на раздевание, что особенно существенно, когда броды следуют один за другим. Мокрая же одежда в сухом воздухе высокогорья высыхает очень быстро.

В этот день нам еле удалось добраться до первых кустиков — низких приземистых зарослей миррикарии и ивы. Все сильно измотались, но горячая похлебка, маленькая порция спирта, выданная каждому расщедрившимся доктором, и, главное, крепчайший сон полностью восстановили наши силы.

На следующий день идти было легче: несомненно, сказывалось постепенное уменьшение высоты. И люди,

и лошади постепенно входили в ритм полевой жизни. Караван спускался все ниже. Река текла уже в обрамлении густых зарослей березы, ивы, шиповника, чередовавшихся с большими полянами, покрытыми мягкой травой. С каждым притоком Пшарт становился все многоводнее и переправы все труднее. А тропа, как на зло, то и дело перескакивала с одного берега на другой.

Одно живописное ущелье сменялось другим, горы вокруг делались все выше, круче, они полностью закрыли горизонт, не позволяя видеть гребни ограничивавших долину хребтов.

Это уже был другой мир, другая горная страна — Бадахшан. Страна узких ущелий, по дну которых с ревом несутся потоки, обрамленные густыми зарослями тугаев, страна крутых, а то и вовсе отвесных склонов, грандиозных осыпей, снежных обвалов и камнепадов.

Улары по утрам кричали теперь далеко наверху, их голоса еле долетали до дна ущелий. Исчезли жемчужные вьюрки, краснобрюхие горихвостки, зато появилось много других птиц. В кустах мелодично распевали красногрудые чечевицы, без умолку щебетали красношапочные вьюрки — маленькие, в половину воробья, темноокрашенные птички с яркими красными шапочками. Их хлопотливые стайки очень оживляли заросли. Стали встречаться даже кукушки, но они вели себя тихо, и ни разу нам не пришлось слышать знакомого кукования. По-прежнему много было зайцев. Заросли и поляны буквально кишели ими. То и дело косые воровато разбегались в разные стороны при нашем появлении. Долина кипела жизнью. Впоследствии мне не раз приходилось бывать в других долинах Бадахшана, но такого обилия жизни я нигде больше не встречал.

Мы шли вниз по долине, а вправо и влево уходили скалистые щели, щели-лабиринты, загадочные и манящие. Из них выливались прозрачные потоки. Если тут даже и обитали снежные люди, увидеть их было бы невозможно. В этом хаосе скал, долинок, щелей мог спокойно спрятаться от назойливого любопытства даже мамонт. Похоже было, самое большее, на что мы можем надеяться, — это найти следы деятельности неизвестных существ.

Вторая ночевка была уже далеко внизу, километрах в десяти от устья. Жарко пылал большой костер. Дров было сколько угодно, и не приходилось беречь, как на

Памире, каждую веточку. А на заре, когда лагерь еще спал и утренний воздух звенел птичьими песнями, Бадахшан послал свой первый «привет». Где-то неподалеку раскатились глухие залпы, заполнившие ущелья многоголосым эхом. Обвал! Выбирая накануне место для ночлега, мы учли эту опасность и разбили лагерь под защитой хорошего обрыва, там, где на врезающихся в долину осыпях не видно было свежих сколов на камнях — следов недавнего обвала.

Устье Пшарта особенно живописно. Некогда громадный обвал перегородил ущелье Пшарта перед самым выходом в долину Мургаба. Вода реки стала фильтроваться сквозь камни завала, оставляя все наносы перед плотиной. Когда-то здесь существовало озеро, еще обозначенное на картах 1880 года. Однако постепенно наносы заполнили всю долину вровень с верхом завала, и озеро исчезло. Ежегодно в июле здесь образуются широкие разливы. Река же течет по илистой плоскости десятками рукавов, чтобы потом низвергнуться вниз, к Мургабу, стометровым каскадом.

Тропа обходила завал, поднимаясь на склон по левому борту долины. Взобравшись по тропе на перегиб склона, мы оказались прямо над долиной Мургаба; ее темно-зеленые заросли тянулись в двухстах метрах под нашими ногами. У устья Западного Пшарта долина Мургаба немного расширяется, чтобы потом опять превратиться в непроходимый каньон. Все расширение, отороченное осыпными склонами гор, покрыто буйной зеленью непролазных тугаев. Здесь расположены два урочища, разделенные скалистым отрогом горы, выходящим к реке.

Верхнее урочище, Чаттыкой, все покрыто зарослями; в нижнем, Каракульчоке, заросли чередуются с полянами, покрытыми густой травой, — прекрасными пастбищами для лошадей. Мне больше нравится Чаттыкой. Неповторимо очарование глухих зарослей, наполненных птичьим щебетанием и прорезанных тут и там говорливыми кристально чистыми ручейками, на которые дробится профильтровавшийся сквозь завал Пшарт. И над этим зеленым чудом — чудом вдвойне после пустынь Памира — висят, громоздятся в полнеба гигантские исполины, увенчанные снежными шапками. В лучах восходящего солнца, когда заросли еще скрыты в прозрачном сумраке, вершины сверкают ледяны-

ми гранями, как драгоценные камни. Иногда по утрам с главной вершины срываются довольно крупные снежные лавины. Но это происходит высоко и далеко, и только тяжкий грохот и тучи снежной пыли на склонах говорят о размерах лавины.

Мы разбили базовый лагерь в Каракульчоке. Хотя переход для большинства оказался довольно тяжелым, в уюте и покое этого урочища все быстро пришли к себе. Еще бы — зелень, трава, чудесный воздух и высота всего каких-то 3300 метров! Здесь можно бегать, прыгать, кувыркаться, не опасаясь, что горы завертятся перед глазами, и из носа фонтаном забьет кровь.

Лагерь был поставлен очень быстро. На небольшой полянке засеребрились туго натянутые палатки, задымили очаги.

На следующий день мы вчетвером сделали небольшую разведку вниз по Мургабу, к устью Сарезкола. После урочища Каракульчок долина резко суживается, склоны гор подходят вплотную к реке, спускаясь в бурлящий поток отвесными скалами или обрушивая туда потоки осыпей. Одну отвесную скалу мы обошли сверху, другую, не очень крутую, у самой воды. Затем мы вышли на довольно широкую террасу и здесь наткнулись на сохранившийся участок древней тропы. Широкая и ровная, она была обложена по сторонам крупными камнями.

Пожалуй, это единственный сохранившийся до наших дней участок древней тропы, которая проходила когда-то по Мургабу. Она до сих пор в отличном состоянии и настолько широка, что по ней свободно пройдут вьючные верблюды. Длина сохранившегося участка не более пятисот метров. Эта большая и очень важная караванная тропа связывала когда-то Бадахшан и Кашгар; по ней проходили тяжелые верблюжьи караваны. Пройдя через Памир, тропа спускалась по Западному Пшарту к Мургабу и шла по его долине вниз, до самого Пянджа. Впоследствии сарезская катастрофа сделала старый караванный путь совершенно непроходимым.

Примерно с километр мы легко шагали по ровной террасе, потом наш путь вновь оказался перекрытым. Прямо в Мургаб крутой скалой обрывалась целая гора. Чтобы попасть в Сарезкол, нужно было перевалить через ее крутой гребень, поднявшись вверх метров на шестьсот. С гребня горы уже виднелось Сарезское озе-

ро. Но времени оставалось мало, и пришлось возвращаться.

Итак, пшартский отряд начал работу. Нам же с Леонидом нужно было срочно возвращаться, чтобы вести другой отряд, с плотом, на Сарезское озеро через Кокуйбель. Мы поднялись на Пшартский перевал за два дня, взяв с собой еще альпиниста Юру Корниенко. К условленному месту мы вышли к вечеру, но здесь оказалось, что машина, которая должна была нас забрать, не дождалась и ушла за час до нашего прихода. Поспешно перекусив в одной из юрт скотоводческой фермы, мы отправились вниз по пустынной долине Восточного Пшарта, оставив наших лошадей на скотоферме. Они были здесь нужнее — ящики экспедиции, которые подвезли машины накануне, были горой свалены между тремя юртами, и предстояла еще немалая работа по переброске их вниз. До Памирского тракта отсюда было около тридцати километров. Мы взяли дистанцию одним рывком, выйдя на тракт уже в темноте. Первая же попутная машина доставила нас на биостанцию, и вовремя.

Кирилл Владимирович уже был на месте и организовывал сарезский отряд. Кэп сиял. Его детище — плот, построенный по проекту ленинградских инженеров-альпинистов, успешно прошел испытание на озере Ранкуль. Утром машина должна была выйти с первой партией на Кокуйбель. Наледь, преграждавшая дорогу, сильно обтаяла и была отчасти расчищена. В общем проехать было можно. Караван из десяти лошадей уже вышел туда накануне.

И вот опять Кокуйбель. В долине было теперь веселее, зазеленела трава, стало больше птиц. По мере того как мы постепенно спускались вниз, долина становилась все шире и пустыннее. Кочковатые, сильно засоленные луга жались к самой реке, а по краям поймы тянулись обширные невысокие террасы, ровные, как стол, сплошь усыпанные мелким щебнем, покрытым черным пустынным загаром. Эта черная пустыня производила неизменно гнетущее впечатление. Машины, проходя, сбивали пустынную корку, оставляя беловатый след.

Лагерь пришлось разбивать на высоте 3800 метров, не дотянув всего восьми километров до нужного места.

Но террасы кончились, а дальше в Кокуйбель впадал непроходимый для машины приток, подступы к которому закрывала кочковатая трясина. Долина у лагеря была еще типично памирской: жесткие скудные луга, пустынные пологие склоны и холодный ветер с утра и до вечера. От лагеря долина круто падала вниз на запад, в Бадахшан; близость его сказывалась и в том, что вдоль обрывов террас, в подветренных местах, по краям лугов, росла ива. Но что это была за ива — приземистые карлики около двадцати сантиметров в высоту! В болотцах у лагеря мы обнаружили даже жаб. Зеленая жаба — единственный представитель класса земноводных, обитающий на Памире. Пресмыкающихся здесь вообще нет. Да и эти жабы живут в очень немногих местах и исключительно у теплых источников, не замерзающих зимой. Такой теплый источник мы впоследствии обнаружили и вблизи лагеря.

Когда первая группа разведчиков должна была выступить на Сарез, я ухитрился тяжело заболеть, видимо сильно простудившись. Я валялся в палатке посреди кипящего работой лагеря, изнывая от бессильной ярости на недуг. Не помогали ни лекарства, ни пенициллиновые уколы, которыми лечил меня Кирилл Владимирович. Мне становилось все хуже. Леонид с караванщиками проторили первую тропу на Сарез и вернулись, а я все лежал. В конце концов было решено отправить меня в Чечекты. Однако машина должна была прийти не раньше чем через два дня, и Леонид, вместо того чтобы снова идти на Сарез, на этот раз с досками для плота, поскакал к Памирскому тракту. Проехав без остановок восемьдесят шесть километров, он утром вышел на дорогу и отправил в наш лагерь за мной первую же попавшуюся машину. Машина пришла вовремя: у меня уже начался бред. В Чечекты современная медицина в лице здорового доктора физической станции быстро поставила меня на ноги, но было потеряно пять драгоценных дней.

А за эти дни произошли важные события. Путь на Сарез был освоен. Особенно трудным оказался последний участок — крутой спуск с перевала Казанкуль по заваленной осыпями щели. На шесть километров пути приходился один километр падения. Пришлось здорово поработать, чтобы сделать едва намеченную в каменном хаосе тропу пригодной для лошадей. В бухту

Казанкуль были доставлены части плота, и Вильям начал сооружение нашего «Кон-Тики». Тишина бухты оказалась обманчивой. Среди дня, когда Вилли с помощниками самозабвенно трудились, надувая автомобильные баллоны, раздался знакомый треск камнепада. Ребята опомнились и кинулись под спасительный скальный навес, только когда камни запрыгали вокруг, как мячики, взбаламучивая в бухте воду. Один из камней угодил в только что надутый баллон, который взвился высоко вверх, со свистом выпуская воздух через пробитую дыру. Нависающая скала в глубине бухточки оказалась, таким образом, как нельзя более кстати; там и разбили палатку.

Скоро плот был собран и солидно покачивался у берега на легкой волне, ожидая пассажиров. Мешкать было нельзя. Первый же камнепад мог превратить его в кучу резинового утиля. Поэтому кэп с Леонидом вышли в первый рейс к устью Мургаба искать подходящее место для базового лагеря. Потом небольшой отряд во главе со Станюковичем отправился в дальний рейс через все озеро в западный его конец, к Ирхтской метеостанции. Когда я, излечившись от своих недугов, прибыл обратно в базовый лагерь на Кокуйбель, там как раз ожидали возвращения Кирилла Владимировича из этой разведки.

Несколько слов о плоте. Он был построен по образу и подобию бессмертного «Кон-Тики», но вместо бальсовых бревен палуба покоилась на двух больших зеленых колбасах. Каждая колбаса представляла собой длинный ряд надутых баллонов от ГАЗ-51, зашитых в брезентовый чехол. Полая сердцевина такого столбика из баллонов была набита надутыми до отказа волейбольными камерами. Весь плот крепился плотными веревками. Он был прочен, спокойно поднимал две тонны груза и при помощи двух подвесных десятисильных моторов «Москва-2» развивал скорость до десяти километров в час. По центру плота в первой его трети укрепили мачту, на которой при попутном ветре разворачивали парус. Впоследствии на этом парусе я, под критические и одобрительные возгласы окружающих, намалевал мрачный лик голуб-явана, снежного человека, — лик, который рисовало нам наше неуемное воображение.

Мне так не терпелось попасть на легендарный Сарез, что я, не дожидаясь возвращения Станюковича, пошел туда с первой же партией лошадей, доставлявших на Сарез продовольствие и горючее. Вместе со мной шел Саша Мирошниченко. Облезшее под жестким солнцем лицо его светилось энтузиазмом. Великолепный спортсмен (первый и второй разряды по атлетике, боксу, стрельбе) и любознательный географ, он был одним из лучших работников экспедиции.

Два наших караванщика, почтенные аксакалы, оказались опытными в своем деле людьми. Как выяснилось, они водили караваны еще самого Н. П. Горбунова, возглавлявшего знаменитую Памирскую экспедицию 1928 года. Экспедиция эта положила начало исследованиям, благодаря которым были стерты «белые пятна» на картах Памира и наука получила громадное количество фактов о доселе малоизученной горной стране.

Путь был довольно долгий. Десять километров мы шли вниз по долине, сохранявшей на всем своем протяжении типично памирский облик. Только трава на лугах стала выше и зеленее. Затем у небольшого красивого озера, где отчаянно беспокоилась пара травников, тропа резко свернула влево, вверх по щели Казанкуля, левого притока Кокуйбели.

Небольшая, ровная, как бы аккуратно вырезанная в скалистых склонах долина (она действительно была вырезана ледником) круто уходила вверх к перевалу. Вся она была покрыта сочной травой. Здесь суетилось великое множество птиц: большие стаи жемчужных вьюрков, хлопотливые общества горных коноплянок, горихвостки, каменки, завирушки... В воздухе носились скалистые и городские ласточки. Они уже начали лепить свои гнезда на скалах по бортам долины. И всюду меня сопровождал залиvistый свист сурков, желтыми столбиками торчавших в долине и на склонах среди скал.

Я старался идти впереди, по возможности дальше от каравана, который распугивал животных. У меня была слабая надежда встретиться в этих давно не посещаемых людьми местах с крупными животными — козерогом, волком, а может, и медведем.

Вскоре далеко впереди я увидел человека, быстро спускавшегося вниз. Кто это, неужели Станюкович?

Так и есть! Это был Кирилл Владимирович собственной персоной. Загоревший до черноты, сильно похудевший и веселый, он спешил с Сареза к базовому лагерю и дальше в Чечекты, где срочно требовалось его присутствие.

— Ну, Альдик, все в порядке, — громко забасил он, — плот на ходу, кэп молодчина! Это, я вам скажу, да! Сарез у наших ног! Прошли без задоринки. Как вы, очухались? Вполне? Не врете? Ну и отлично. Дуйте в гавань, плот будет там завтра в полдень! Ну, пока! За ветер добычи, за ветер удачи! — Он потряс на прощание поднятым вверх кулаком, и мы разошлись.

Перевал Карабулак представлял собой довольно обширную плоскость с двумя мелководными озерами. Эти озера оказались буквально набиты ангырами, которые с громкими воплями поднялись при моем появлении. На серой поверхности озер остались только немногие птицы, каждая из которых плыла в окружении десяти — двенадцати маленьких пуховых птенчиков. На озерах в общей сложности кормилось не менее десяти выводков и с полсотни взрослых птиц. Такого скопления ангыров на столь маленькой площади мне еще видеть не приходилось. Похоже было, что их давно не беспокоили.

Мягкие холмы перевала постепенно переходили в гребни хребта, ограждающего Сарез с севера, а на юге круто вниз уходила ведущая к озеру щель Казанкуля. Начав спуск, я скоро достиг места, где щель делала крутой поворот, огибая громадную отвесную скалу. Под скалой белели две натянутые первой партией палатки. Здесь ночевали шедшие на Сарез караваны. Вскоре подошли лошади. До темноты было уже немного времени, пришлось заночевать: оставшиеся впереди шесть километров были для лошадей самыми трудными.

Раннее утро. Навьюченные лошади одна за другой начали спускаться вниз. Бедные коняги! Они шли, осторожно переставляя ноги с камня на камень, то и дело оступаясь. Путь, по которому мы шли, можно было назвать тропой только с большим преувеличением. Едва намеченный, лишь оббитый копытами след, петляя, круто спускался в каменном хаосе. Во многих местах на камнях темнела засохшая кровь: оступаясь, лошади то и дело ранили себе ноги. Вся долина Казанкуля была завалена осыпями и камнепадами, а мелькавшие

повсюду свежие сколы свидетельствовали о том, что процесс этот продолжается и поныне.

День был теплый, и в глубокой, закрытой от ветра щели стояла настоящая жара. Чувствовалось, что мы уже намного спустились вниз. Дышать стало легко, появились первые пресмыкающиеся, маленькие красивые ящерицы с желтыми пятнами по бокам головы — гималайские агамы. Мы опять спускались в Бадахшан. Об этом свидетельствовали и редкие кустики шиповника и черной смородины, встречавшиеся кое-где у тропы.

Озеро открылось неожиданно за одним из поворотов. В провале между красными склонами гор заблестела неподвижная зеленоватая поверхность воды. Мы невольно прибавили шаг. И вот наступил волнующий миг: мы лежим на берегу Сареза и жадно пьем холодную, слегка мутноватую воду... Здесь недалеко еще устье Мургаба, и вода не успевает полностью очиститься от взвешенных в ней частиц. Берег тут очень неудобен, каменные осыпи уходят прямо в воду. Только у скалы, где белела палатка, камней было поменьше. Здесь мы развьючили лошадей, и караван без задержек тронулся вверх: в случае камнепада тут лошадей не спрячешь!

Сарезское озеро — это затопленная долина Мургаба. Берега его — отвесные скалы или живые осыпи, уходящие прямо в воду, — абсолютно непроходимы, и здесь очень мало мест, где можно высадиться на берег. К тому же теснина озера — гигантская аэродинамическая труба, вытянутая с запада на восток, и сильнейшие штормы, разгоняющие на озере крупную волну, бывают тут чуть ли не ежедневно. Временами, даже при полном штиле, на озере внезапно возникают сильнейшие волнения, вызываемые, видимо, колебаниями дна озера. Легко себе представить условия нашего плавания. Даже обладая великолепным плотом, мы отнюдь не чувствовали себя хозяевами озера. Оно все время держало нас в страхе божьем своими штормами и камнепадами.

...Трудно передать словами всю сложную гамму чувств, которые вызывает Сарез. Сказочная красота восходов и закатов, грандиозность сжимающих озеро хребтов, неповторимая дикость сарезских берегов — все это восхищает и в то же время тревожит. Это слож-

ное сочетание восхищения, смутной тревоги и настороженности не оставляло меня на Сарезе ни на минуту. За месяц работы я так и не смог привыкнуть к озеру, и в последний день оно вызывало у меня не менее сильные ощущения, чем в первый.

...В тот день плот не пришел. (Как потом выяснилось, партия меняла лагерь, перебираясь из устья одной речушки, впадавшей в озеро, к устью другой. Устья речек — наиболее подходящие места для высадки и разбивки лагеря на Сарезе.) Нам пришлось заночевать под скалой в палатке.

Кристалльно чистое утро ворвалось в наши сны тяжелым грохотом камнепада. Он гремел совсем рядом, выше по щели, и нам как-то не очень хотелось высовываться из-под скалы и уточнять место обвала. Стук и треск продолжались целую минуту; потом наступила полная тишина. Вода лежала неподвижно: ни ветерка и ни одного птичьего голоса. Такое бесптичье редко встречается даже на Памире. Успокоенные тишиной, мы наконец решили вылезти из нашего убежища и в ожидании плота заняться рыбной ловлей. К нашему великому изумлению, в течение получаса на примитивную удочку и наживку из хлебного мякиша попались три крупные маринки граммов на шестьсот каждая. Это один из двух видов рыб, водящихся на Памире. От османа маринка выгодно отличается вкусом мяса и меньшей костистостью, но обработка ее требует внимания: вся брюшина у нее выстлана черной ядовитой пленкой, которую при чистке рыбы необходимо тщательно удалять. Назначение черной выстилки брюшины у некоторых рыб, в том числе и у маринки, пока не ясно.

Наконец вдаль послышался шум лодочного мотора, и скоро из-за мыса вышел наш «Кон-Тики» во всем своем великолепии. Кэп суетился у мотора, а Леонид, залепив бумажкой нос (от солнца, надо полагать), развалился у мачты, как Стенька Разин. Плот подошел к берегу и мягко ошвартовался под обоюдные приветственные клики. Погрузка заняла считанные минуты, и плот снова заколыхался на сарезских волнах.

Штиль продолжался, и плот шел по зеркальной поверхности, оставляя за собой след из белых пузырьков. Мы находились в верхней части озера, недалеко от устья Мургаба. Глубина была сравнительно невелика, и

от берега до берега тоже было недалеко, меньше километра. Плот шел наискось через плес к лагерю, разбитому в устье речки, которую уже успели окрестить Березовой. Каскады грязной воды скатывались по круто падавшей щели прямо в озеро. Речку окружала чудесная березовая роща. У самого устья из наносов реки образовался песчаный пляж, там и стояли палатки.

Лагерь мы застали в состоянии легкой паники. Здесь оказалась пропасть скорпионов, которые залезали в палатки, спальные мешки, под подушки и в прочие места.

Дня через два к нам прибыла группа ленинградских альпинистов, в числе которых был и автор проекта плота мастер спорта Коломенский. Они должны были вместе с зоологами проводить разведку в верховьях притоков Сареза, под самыми гребнями водораздельных хребтов. Вновь прибывшие объявили, что никакие скорпионы им не страшны: спать-де они будут на кошме, которой скорпионы боятся как огня, а вокруг палатки будут еще класть волосяную веревку, через которую скорпионам и подавно не перебраться. Насчет кошмы и веревки я слышал и раньше, в Тигровой Балке. Кошма делается из овечьей шерсти, а овец скорпионы очень боятся, так как овцы якобы поедают их. Однако скорее всего кошма отпугивает скорпионов тем же самым, чем и волосяная веревка, — шерстистой колкой поверхностью, по которой им очень неудобно тащить свое членистое и довольно нежное под панцирем тельце. Смущенные нашими сомнениями, альпинисты решили провести эксперимент. Вмиг в палатке кэпа был изловлен скорпион, которого посадили на носовой платочек в самую середину кошмы и вдобавок окружили волосяной веревкой. Скорпион тут же пустился наутек. Он добежал до края платка и под одобрителное улюлюканье скептиков смело двинулся по кошме, а затем спокойно перевалил и через веревку. От благодушия вновь прибывших не осталось и следа.

Наши тревоги были не напрасны. В тот же вечер скорпион укусил Леонида в ногу. Из всех присутствующих только мне приходилось видеть укушенного скорпионом человека. Это ужасное зрелище. Поэтому я и перепугался больше всех. Надрезав ранку, я положил на нее спиртовую примочку и, преодолев слабое сопротивление пострадавшего, влил в него Граммов триста

неразбавленного спирта. Теперь оставалось ожидать, когда Леонид начнет прыгать, стонать, орать, бросаться на камни и делать попытки утопиться в Сарезе. Шли минуты, а знакомые симптомы не появлялись. Наоборот, судя по довольному выражению, постепенно сменявшему испуг, самочувствие укушенного стремительно улучшалось. Он с аппетитом поел, а затем забрался в палатку, откуда вскоре раздался храп.

Недоумению моему не было предела. Я хорошо знал, что спиртовая процедура только немного облегчает боль, но отнюдь ее не снимает. На следующий день Леонид был бодр и весел, а на месте укуса не было даже отека. Обсудив происшествие, мы пришли к такому предположению. Скорпионы Сареза обитают на рекордной для этих тварей высоте — 3240 метров. Здесь они ютятся только в самых устьях притоков, не поднимаясь вверх, то есть живут на пределе возможного. Напомню, что обвал произошел на пятьсот метров ниже, где скорпион уже обычен. Поднимающаяся вода озера и загнала скорпионов на такую высоту, где они находятся в явно угнетенном состоянии и яд их куда слабее, чем у их собратьев, обитающих в раскаленных предгорьях.

После досконального исследования долины Березовой лагерь был переброшен на противоположный, северный, берег озера. Благодаря южной экспозиции склонов здесь было теплее, чем на южном берегу. Безымянная речка почти вертикально падала в озеро. Ее нарекли Тополевой: здесь шумели большие тополя, росшие группами среди громадных обломков скал. Поиски на Тополевой тоже ничего не дали. На этой речке в камнях среди тополей я обнаружил выводок седоголовой горихвостки. Птица эта интересна тем, что по всему ареалу гнездится исключительно в еловых или арчовых горных зарослях. Что занесло ее на Сарез, в совершенно чуждые ей места? Может быть, здесь когда-нибудь росла арча?

...Вечер. С верховьев Тополевой возвращается последняя группа. Среди каменных глыб и рухнувших стволов бойко пляшет пламя костра, лижет закопченные бока котелков. Листва тополей едва колышется под слабым вечерним ветерком. Сквозь ее черный узор просвечивает залитая закатным пожаром гладь озера, а толпящиеся вокруг крутые склоны, погруженные в

вечернюю тень, нависают над водой синевато-черными громадами. Как всегда к вечеру, все выдохлись, лица усталые, но готовые в любую минуту улыбнуться. Мы сидим вокруг костра, попыхиваем сигаретами и голодными глазами смотрим на котлы с едой. Альпинисты заводят свой традиционный разговор о том, как они ели и пили на Кавказе. Нам плохо верится. После такого обжорства вряд ли можно вообще ходить, не то что лезть в горы. От этих рассказов мы буквально исходим слюной и с остервенением накидываемся на густую бурду из вермишели, разбавленной для цвета (и для запаха) тухлым частичком в томате.

Глухо шумят каскады Тополевой, стихают голоса в лагере, палатка кэпа оглашается последним взрывом смеха, в черноте ночи ослепительно сверкают мириады звезд. День кончен.

В один из последующих дней мы должны были исследовать щель Южного Казанкуля. Точный маршрут наметили по карте вечером, и утром небольшой отряд вышел в путь. Сразу же втянувшись в мерный ритм далекого перехода, мы гуськом поднимались по долине, заваленной крупными острыми камнями. Как и все сбегаящие к Сарезу долины, она поднималась вверх круто, и поток, стремительно несущийся в окаймлении жидких рощиц, наполнял щель глухим грохотом. Постепенно долина превратилась в узкую, непроходимую щель, и мы полезли по осыпающемуся склону круто вверх, в обход. Двигались с частыми остановками, то и дело обшаривая биноклями склоны и убегающие вверх ущелья. Особенно внимательному осмотру подвергались каминь и навесы под скальными стенами. Иногда попадались настоящие пещеры. Много их встречалось в низовьях долины. Большая часть пещер и гротов была покрыта толстым слоем помета козоров, а временами попадались и части скелетов этих животных — следы волчьего разбоя. Судя по обилию останков и следов деятельности животных, в подобных пещерах зимой скапливается почти все население гор.

Боковые щели Сареза хорошо укрыты от холодных западных ветров, а на солнцепеках тут наверняка бывает тепло даже в разгар зимы. Именно здесь казалось наиболее возможным обнаружить следы пребывания таинственных снежных людей. Но даже при самом

тщательном осмотре подобных убежищ мы не обнаружили ничего, что могло бы подтвердить их существование. Помет козорогов, кости козорогов, волчий помет, крупные погадки филина, начиненные косточками мелких зверьков... А это что? Странная штука! Все столпились вокруг моей находки — крупного сморщенного пузыря овальной формы, размером с футбольный мяч. Ссохшаяся оболочка прорвана, внутри плотно спрессованная волокнистая масса. Все ясно: желудок козерога аккуратно кем-то съеден, а внутренняя оболочка с содержимым, несъедобным для хищника, осталась. Но кто мог так отпрепарировать внутренность желудка, осталось загадкой, кажется единственной за всю экспедицию. Одно можно было сказать твердо: снежный человек к этой находке не имеет никакого отношения.

Обойдя верхом ущелье, мы вновь спустились к потоку. Здесь, на высоте 3700 метров, деревьев уже не было, и только жалкие кустарники тянулись вдоль берега прерывистой лентой. Пустынные стометровые осыпи спускались вниз до самого русла. Полное отсутствие жизни! Если не считать редких горихвосток-чернушек, не видно даже птиц.

В середине дня мы достигли высоты четырех тысяч метров. В этом месте долина резко расширялась, расходясь на три истока. Отряд наш, коротко уточнив сроки и место встречи, разбился на двойки, и каждая направилась по своей долине. Задача была несложной: осторожно и внимательно все осматривая, выйти к самым истокам — ледникам или ледниковым циркам, залечь в укромных местах и наблюдать, ничем себя не обнаруживая, до одиннадцати часов следующего дня. Дело в том, что в июле в верховьях, под самыми гребнями хребтов, растительность более пышна и обильна, чем в нижних поясах. Здесь, в альпийском поясе, сосредоточиваются и животные: пасутся стада козорогов и архаров, бродят медведи, охотясь за многочисленными сурками, здесь же промышляют себе пищу снежные барсы, волки, лисицы, в камнях снуют пищухи-сенокоски, в скалах пересвистываются поднявшиеся сюда с выводками улары. Логично было предположить, что, если «голубчик Иван», как мы называли снежного человека (от киргизского «голуб-яван»), бродит где-нибудь в районе Сареза в поисках пищи, он не минует богатых дичью верховьев.

Мы вышли к истоку речки часа за три до заката. По дну небольшой долинки бежал мутный ручей. Здесь, на высоте 4400 метров, все напоминало Памир. На зеленой лужайке под склоном морены быстро перемещались знакомые светлые пятнышки — жемчужные вьюрки. С соседних скал неслась переключка уларов. Пронзительно заверещал при нашем приближении сурок, ему ответил другой, третий. Долина здесь кончалась. Маленькие ручейки выбегали из окрестных саев, поднимавшихся к самому снегу и хорошо просматривавшихся в бинокль. А из-за поворота по основной долине выползал заваленный битым щебнем конец ледника. Гребень хребта отсюда не был виден, только кое-где сквозь бреши скал проглядывали его укутанные снегами скаты. Место было мрачноватое и дикое.

Мы оборудовали наблюдательный пункт под навесом большого скального обломка, выбрали себе секторы обзора и погрузились в наблюдения. Но в объективы наших биноклей попадали только мелкие птички, очень редко улары. Из зверей видны были одни сурки. Они грелись на солнце или копошились у своих нор, а когда солнце ушло за склоны, один за другим стали исчезать. В сумерках по опустевшей колонии прошел заяц. Несколько раз он для чего-то подпрыгнул, смешно раскидывая лапы, потом приткнулся к траве, занявшись едой. На красноватом фоне заката в сгущавшемся сумраке почти прямо над нами четко обрисовывался силуэт козерога, вернее, его головы с большими рогами. Он смотрел вниз. Потом показался весь и вновь исчез, а вслед за ним спокойно прошли по гребню две козы и козленок. Это было все. Больше мы ничего не увидели.

Ночь прошла спокойно. Мы вдвоем с великим трудом забрались в спальный мешок и потихоньку дремали, то и дело просыпаясь и внимательно прислушиваясь. Мой спутник, молодой альпинист, инженер по специальности, все время опасался чего-то. Видимо, он просто не привык оставаться один на один с ночью и дикой природой и, несмотря на мои протесты, зарядил на ночь ружье: «А вдруг кто-нибудь подойдет?» Легкий шорох осыпающихся камешков, тихий треск проседающего на луже ледка, слабый шум ветра, запутавшегося в скальной расселине, и многие другие звуки,

хорошо мне знакомые, казались ему загадочными и не давали спокойно спать.

Когда звезды стали гаснуть, до нас добрался предупредительный холод, а к восходу солнца мы замерзли по настоящему. До восхода, в предрассветных сумерках, не было видно никого, но только снежный гребень хребта зарделся в первых лучах, как на противоположном склоне долины, почти у конца ледника, показалась небольшая группа козерогов. Пощипывая траву, они спокойно скрылись за склоном морены. Улары свистели непрерывно, но почему-то совсем не попадали в поле зрения. Только когда солнце осветило восточные склоны, я заметил одного из них, сидящего на выступе скалы. Вокруг засуетились мелкие птицы. Последними стали выползать из своих нор ленивые сурки. Громадный бородач, появившись со стороны ледника, некоторое время парил низко над склонами. Сурки приветствовали его появление оглушительным свистом и повальным бегством.

В одиннадцать часов, закончив наблюдения, мы обошли лежавшее перед нами пространство, внимательно исследуя все следы. Здесь, на глинистых скатах морен, которые размокают во время редких дождей или при таянии выпавшего снега, отпечатавшийся след затвердевает и сохраняется очень долго. Но следов было мало. Козероги, козероги, волк, опять козероги, небольшой медведь... Невдалеке мы нашли остатки деятельности косолапого — раскопанные корни какого-то растения. Корни были сморщенные, старые, но на удивление мягкие и по вкусу слегка напоминали грецкий орех. Наши геоботаники не смогли сказать мне, что это было за растение, и только позже, в Ленинграде, перечитывая Пржевальского, я наткнулся на упоминание о растении, корни которого съедобны и напоминают по вкусу орехи. Растение это, видимо какой-то вид лапчатки, растет и на Памире.

Обратный путь тоже не дал ничего нового. Только в одном ущелье, в низком ивняке у потока, мы наткнулись на выводок уларов. Самка, испуганно квохча, побежала вверх по склону, по всем правилам изображая подбитую птицу, а птенцы, у которых сквозь пух проглядывали первые перья, рассыпались по густым кустам.

В час дня мы подошли к слиянию трех истоков, где была назначена встреча. Почти одновременно пришли сюда и остальные. Ничего заслуживающего внимания они не сообщили, только в самой восточной долине был встречен старый след барса. Мы запрыгали вниз по камням, по осыпям, по крутым склонам обратно в лагерь.

Прочие тоже не теряли времени даром. Ежедневно в течение всего светлого времени суток велись наблюдения в «телескоп», то есть в тридцатикратную стереотрубу, за противоположным берегом озера, вернее, за верхними частями склонов хребта, протянувшегося вдоль берега озера против нашего лагеря. Там, на пологих террасах, покрытых зелеными пятнами лужаек, все время паслись стада козрогов.

Не один день просидел за этим занятием и я. Было очень интересно наблюдать повседневную жизнь козрогов, когда животные не знают, что за ними следят. Правда, в середине июля жизнь их не отличается разнообразием. Утром и вечером стада регулярно спускались к озеру или в соседний сай на водопой, а день проводили на пастбищах, то кормясь, то предаваясь сну. Маленькие козлята весело резвились и бодались, совершенно как домашние. Только однажды довелось наблюдать тревогу в стаде. Мне как раз перед этим удалось закончить подсчет животных, удачно расположившихся на открытом склоне. Внезапно сорок семь взрослых и двенадцать козлят превратились в неподвижные, настороженные изваяния. Через секунду все стадо бросилось наискось вверх по склону, к скальной стене, круто спускавшейся от гребня вниз. Домчавшись до скал, стадо вновь замерло на несколько секунд, разом оглянувшись, и затем с не меньшей скоростью бросилось дальше, вмиг исчезнув среди скал. Как я ни всматривался, так и не смог обнаружить нарушителя их покоя. Скорее всего это был барс, прятавшийся где-то среди камней.

Прежде чем покинуть восточную часть озера, мы должны были также обследовать устье Мургаба. Как сообщила мартовская разведка, от устья Сарезкола вплоть до впадения Мургаба в Сарез вдоль русла на добрый десяток километров тянулись обширные тугайные заросли. Нужно было тщательно их обследовать.

На мургабскую вылазку отправился весь отряд, в лагере остался один повар.

Чем ближе подходил плот к устью, к восточной оконечности озера, тем мутнее становилась вода. Ее цвет постепенно менялся, становясь из синего оливково-зеленым, а потом глинисто-желтоватым. Масса мути, которую несут воды Мургаба в летний паводок, не успевает сразу оседать. Недалеко от устья мы наткнулись на целую стаю бакланов. Большие черные птицы плыли строем вдоль берега, то и дело ныряя. Завидев плот, внезапно выскочивший из-за мыса прямо на них, бакланы в панике ринулись прочь, тяжело хлопая крыльями по воде. Часть птиц взлетела, а остальные поплыли к другому берегу, то и дело подолгу исчезая под водой. Должно быть, устье реки изобиловало рыбой. Здесь было неглубоко; скоро появились мели. Стало чувствоваться течение. Кэп, виртуозно вращая ручками моторов, сумел протащить плот среди сплошных мелей еще с полкилометра, а потом решительно направил его к берегу. «На абордаж, черти!» — коротко закончил он замысловатую вариацию на сугубо матросском жаргоне.

Глухие прибрежные заросли, куда вскоре вступил наш отряд, ничем почти не отличались от тугаев Каракульчока и так же изобиловали птицами. Было очень отраднo встретить здесь такое множество пернатых после безжизненных сарезских осыпей. Мы осторожно двигались вперед двумя редкими цепями. В операции прочесывания участвовали все одиннадцать человек. Карабкаться сквозь заросли, наполовину состоящие из облепихи и шиповника, было нелегко.

Мургаб в своей приустьевой части разбит на множество рукавов, каждый из которых можно перейти вброд. Многочисленные отмели хранили самые свежие следы обитателей зарослей, от едва заметных следов мелких мышей до четких отпечатков лисьих лап.

...Накануне ночью мне приснился странный, но очень четкий сон. Мне снилось, как мы высаживаемся у устья Мургаба, как идем, рассыпавшись, по зарослям, как я продираюсь сквозь кустарник и внезапно выскакиваю на большую поляну, покрытую ровным травяным ковром. Поляна упирается в крутой склон, и по ней, неуклюже переваливаясь, бегут к склону три или четыре сгорбленные фигуры голуб-яванов, покры-

тые короткой коричневой шерстью. Я замахал руками, заорал и... проснулся.

...Можно себе представить, как я нервно вздрогнул, когда, выйдя на очередную отмель, вдруг наткнулся на свежий, ясный отпечаток босой ступни! Я шел в первом ряду, и впереди меня никого не могло быть. Почти одновременно шедший сбоку тоже наткнулся на этот след и тревожно завопил. Однако очень скоро выяснилось, что все отмели и берега впереди были испещрены отпечатками босых ног разных размеров. Еще через несколько минут все разъяснилось. На большой поляне у верхушки стоявшего отдельно деревца был привязан пакет. Оказалось, что не далее как вчера сюда добралась поисковая группа пшартского отряда. Мы разминулись с ней на одиннадцать часов. Теперь можно было со спокойной совестью возвращаться назад: долина была прочесана встречными отрядами с двух сторон. И опять никаких следов голуб-явана...

Закончив подробный осмотр долин в восточной части озера, мы решили сделать резкий бросок на запад, к устьям рек Марджаная и Рамаифа, впадавших в Сарез метрах в двухстах одна от другой. Судя по карте, долины этих рек были очень интересны и перспективны для поисков. В плоских верховьях с многочисленными озерами на высоте 4200—4500 метров можно было надеяться встретить богатый животный мир памирского типа.

От нашего последнего лагеря до этих устьев было около сорока километров плавания. Последние дни Сарез бушевал. Ежедневно часов с одиннадцати он превращался в кипящий котел. Мы решили максимально использовать утренний штиль. Все, что было возможно, погрузили вечером; лагерь был поднят в предрассветной тьме. Я забыл сказать, что к этому времени наш сарезский флот пополнился еще одной боевой единицей. На лошадях был доставлен и без происшествий спущен на воду понтон — большая резиновая лодка на десять — одиннадцать человек. Понтон с пассажирами шел обычно на буксире за плотом, который вез весь груз. Груза же набиралось полторы-две тонны.

Плот вышел из бухты за полчаса до рассвета. Экспедиторы зябко поеживались в понтоне. На плоту было трое, «не считая собаки»: кроме кэпа и меня здесь на-

ходилась еще Андрей Голиков, инструктор-собаковод, с овчаркой, тренированной на обезьян. Штиль стоял часов до десяти. Солнце заливало светом зеркальную ультрамариновую поверхность озера. Горы стояли вокруг величаво-спокойные. Все шло прекрасно. Но около одиннадцати часов, как обычно, поднялся ветер. Сначала он дул слабо, и мы еще питали робкую надежду, что он не усилится. Ведь бывали же дни, когда озеро до самого вечера оставалось сравнительно спокойным. Но куда там! Порывы все крепчали и крепчали. Тем не менее до полудня волны еще не разыгрались как следует, они лишь слегка плескали брызгами на пассажиров плота и шаловливо подкидывали понтон. На понтоне настроение было отличное; посреди него любители жарились в карты.

С полудня погода резко изменилась. Легкие облачка, летящие высоко в синем небе, постепенно сгруппировались в густые тучи, оседлавшие вершины гор. Ветер стал штормовым, и волна разошлась не на шутку. Пенистые валы залетали на плот и окатывали груз, а заодно и нас тучами брызг. За несколько минут мы вымокли до нитки, и, когда пошел дождь, нам было уже как-то все равно. Моторы ревели исправно, и кэп, сплевывая брызги, хладнокровно вел плот вперед, хотя скорость наша под ударами встречного ветра и волн упала почти втрое. Наконец нас начало трепать всерьез. На понтоне игра в карты давно прекратилась, а улыбки сменились нескрываемой тревогой. Нас окружали сплошные отвесные скалы, с которых сыпались камни, либо живые осыпи, по которым на берег не выберешься, съедешь, как на салазках, обратно в воду. Оставалось только идти вперед, до первой подходящей гавани.

— Так держать! — сипло орал я, стараясь перекрычать рев моторов и озера.

— Есть так держать! — радостно ревел кэп, ожесточенно растирая коченевшие на ветру руки. Глаза его трезво оценивали обстановку, и в них не было и тени страха.

Молодчина все-таки наш кэп. Всегда веселый и жизнерадостный, он был мастером на все руки, касалось ли дело ремонта мотора, завьючивания лошади, траверса скальной стенки или «трепа» у вечернего костра. К тому же он был виртуозным стрелком, боксером и

самбистом. Страсть к приключениям у него в крови. Прослышав об экспедиции, он явился в Лекинграде к Станюковичу и перечислил, что умеет делать. Этого оказалось достаточно, чтобы Вильям стал кэпом экспедиции. Детство у него было нелегкое, а в дальнейшем живость характера мешала ему остановиться на какой-нибудь одной профессии. Он был и геологом, и механиком, и инструктором по стрельбе; впоследствии он нашел себя на беспокойной милицейской работе.

Минут через двадцать открылась наконец подходящая гавань. Правда, подходящей она была только на первый взгляд. Сначала, как только рев шторма остался за скалистым мысом, стих вой моторов и плот закачался на легкой зыби укрытой бухточки, мы словно попали в рай. Окоченевшие ловцы снежного человека попрыгали на плоский галечный берег и, ожесточенно жестикулируя, кинулись собирать топливо, разводить костер и готовить еду. (Незадолго до этого к нам в лагерь забросили солидную толику продовольствия, и рацион отряда значительно улучшился.) Раздались нестройные голоса, призывавшие кончить на сегодня поиски приключений и разбивать лагерь на ночь.

Однако место показалось слишком угрюмым. Тесные скалы со всех сторон замыкали бухточку и небольшой пляж, на котором мы высадились. Речка вытекала сверху из узкой, явно непроходимой щели. Похоже, что из этого каменного мешка можно было выбраться только по воде. Всюду были разбросаны скальные обломки со свежими сколами. Конечно, в случае камнепада мы могли укрыться под отвесными скалами, но флот наш оставался без прикрытия.

Пока эти невеселые соображения медленно переваривались усталыми головами, где-то наверху загудел обвал. Сверху, со скал, посыпались мелкие камешки, мигом загнавшие всех под карниз. По спине у меня побежал холодок. В данный момент, поскольку Сидоров был переброшен недавно на Баляндкиик, командовать отрядом пришлось мне. Что делать? Хороший камнепад мог моментально уничтожить наш флот, и отряд оказался бы в каменной ловушке.

К этому времени мы уже успели поесть горячих консервов и более или менее отогреться. Шторм заметно ослаб, показалось даже солнце. Остаться в бухте было бессмысленным риском. Короткая команда, и все

кинулись по местам. Взревели моторы. Напряжение не покидало нас, пока мы не вышли из коварной бухты.

И снова ветер, волны, брызги, вой моторов... Шторм действительно поубавил силу. К четверем часам дня наша флотилия дошла до места, где озеро резко расширилось. Отсюда до мыса, за которым лежала хорошо укрытая от ветра Марджанайская бухта — цель нашего броска, оставалось каких-нибудь пять километров. И тут шторм вновь как с цепи сорвался. Несмотря на яркое солнце, то и дело просвечивавшее в разрывах туч, вокруг опять стало мрачно. Тут, на широком плесе, волна была куда круче и серьезнее, нас то и дело окатывало на плоту с ног до головы. Даже кэп перестал усмехаться и козлиным голосом затянул: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...» Только бы не залило моторы, только бы они не заглохли!

Вскоре появилась другая опасность, которая с каждой минутой становилась все реальнее. Крепления плота постепенно расшатывались. Он мог рассыпаться на составные части — набитые камерами колбасы разошлись бы в разные стороны, а помост с моторами, грузом и людьми ухнул бы в воду, заодно утянув за собой прикрученный веревкой понтон. Попытаться же выплыть в ледяной воде к берегу, уцепившись за надутую колбасу-поплавок, дело безнадежное. Человек окоченел бы и пошел ко дну гораздо раньше, чем поплавок выкинет на берег. Единственная надежда при катастрофе — понтон. В случае аварии надо было рубить канат и перебираться на него. А пока оставалось надеяться на судьбу.

Время тянулось медленно, плот полз как черепаха, и прошло почти два мучительных часа, прежде чем мы приблизились к долгожданному мысу. Там предстояло последнее испытание — поворачивать и идти боком к волне. Кэп орудовал моторами как одержимый, едва успевая разворачивать тяжелую махину навстречу особенно крупным валам. Вокруг творился суший ад. Ревущее штормовое озеро, каскады застилающих глаза брызг, горы, скрываемые клубами пыли и песка, надсадный вой моторов, и над всем этим — ослепительное сияние холодного солнца.

Тишина накатилась неожиданно. Скрученные холодом и длительным нервным напряжением, мы кое-как выбрались на уютный песчаный берег. Окоченевшие

конечности не слушались, и нас слегка покачивало на ногах. Место было изумительное. Мы стояли в глубокой Марджанайской бухте, между устьями двух рек — Марджаная и Рамаифа. Спокойную поверхность бухты слегка рябили залетавшие с штормового озера порывы ветра. Рамаиф падал вниз по живописному ущелью великолепным сплошным полукилометровым каскадом белой пены в зеленой кайме хрупких берез, казавшихся декорацией на фоне громадных чисто серых скал. Рядом спокойный поток Марджаная выливался из пологой, довольно пустынной на первый взгляд долины.

Целый день после перехода мы отдыхали, сушили свое подмокшее оборудование, устраивались на новом месте, а то и просто загорали на мягком песке. Прямо над нами упиралась в небо редкой красоты снежная вершина высотой тысяч пять с лишним. На Памире эта гора возвышалась бы лишь на один километр над холмистыми просторами памирских долин и выглядела бы самой заурядной горкой, даже лишенной снега. Здесь же нависающая над лагерем двухкилометровая громада скал и льда выглядела очень внушительно. В первый же день она порадовала нас эффектным зрелищем хорошего камнепада.

На следующий день на рассвете из лагеря вышли в двухдневные маршруты две группы. Альпинисты отправились вверх по Марджаная, чтобы разведать наиболее удобную дорогу к далеко лежащим истокам, а мы с геоботаниками начали карабкаться вверх по ущелью Рамаифа к озерному перевальному плато в его истоках. Кристально чистая вода реки свидетельствовала о том, что вверху находится завал или отстойник — озеро, подпруженное завалом.

Через шестьсот метров подъема по пустынной щели мы действительно оказались перед огромным завалом, видимо довольно древним; с той стороны он был заполнен наносами до самого верха. Там, наверху, мы увидели редкую для Бадахшана картину. Совершенно ровный участок долины шумел высокой травой, среди которой, слегка поблескивая, плавно извивалась речка. А на другой ее стороне под склоном горы стоял... лес! Самый настоящий лес, хотя и миниатюрный, но густой, состоящий из кряжистых, низких тополей. Идиллическая зеленая поляна и этот лес выглядели странно среди дикого хаоса гор. К тому же он рос на высоте

3800 метров над уровнем моря. Это оказался самый высокогорный лес в СССР! А ведь даже в теплой теснине Западного Пшарта крупные кустарники и те не поднимались выше 3700 метров. И еще необычная для леса черта — он был совсем без птиц. Вокруг на голых склонах различных птах было немало, но это были памирские птицы, для которых лес чуждое явление.

Позже все это объяснилось. Очень теплый климат, видимо, глубокий снег зимой и хорошее грунтовое увлажнение были причиной того, что лес вырос в таком необычном месте. А изолированность тополевого леса от лесных зарослей Бадахшана объясняла отсутствие лесных птиц.

Километрами двумя дальше, на высоте 3850 метров, мы наткнулись на новое чудо — арчу. Это было крупное одиночное дерево, широко раскинувшее ветви, — первая арча, встреченная нами в бассейне Сареза, и, кажется, последняя. Видимо, арча росла здесь раньше, но была постепенно уничтожена человеком.

Выше шел красивый маленький каньон. Наше появление в нем ужасно растревожило пару бурых оляпок. Оказалось, что беспокоились они из-за гнезда, устроенного на небольшой скальной полочке над водой. Бурая оляпка ведет в Бадахшане такой же образ жизни, как и населяющая Памир белобрюхая. На Тянь-Шане и кое-где в других горах Средней Азии они живут бок о бок, но все же, видно, какая-то разница в образе жизни, до сих пор нами не уловленная, есть. Бурая оляпка не проникает на Памир, а белобрюхая часто не живет там, где гнездится бурая.

Еще выше мы перешли на другую сторону реки по громадной наледи, заваленной щебнем. Казалось, что река здесь вытекает из подземного грота. Возможно, это был остаток ледника. Пройдя еще немного, на высоте четырех тысяч метров мы неожиданно как бы вновь попали на Памир. Резко расширившаяся долина была завалена моренами, повсюду зеленели альпийские лужайки. Свистели сурки, перекликались многочисленные памирские птицы — жемчужные вьюрки, краснобрюхие горихвостки, завирушки; жизнь здесь была ключом по сравнению с бедной фауной низовьев долины. Зато двумя, тремястами метрами выше мы опять попали в пустыню, но на этот раз холодную. На обширной холмистой плоскости, окаймленной снеж-

ными вершинами гор, блестели зеркала двух красивых озер, по берегам которых кое-где еще лежали глыбы льда (это в середине июля!). И ни одной птицы вокруг! Даже ангыров, постоянных обитателей высокогорных водоемов, не было и в помине. А что делалось на озерах перевала Карабулак, на пути к Сарезу! Между тем они лежали на такой же высоте, только линия вечных снегов здесь располагалась на двести — триста метров ниже...

Почти двое суток мы исследовали истоки Рамаифа. Непохоже было, чтобы здесь в недалеком прошлом бывали люди. Только развалины древних таджикских летонок говорили о том, что эти места были когда-то обитаемы. Часто попадались разрытые сурчины — следы деятельности медведей, хотя сами мишки на глаза не показывались. Зато козероги все время появлялись в поле зрения.

После возвращения с верховьев Рамаифа обстоятельства сложились так, что мне пришлось покинуть Сарез, Памир, экспедицию. «Снизу», из далекой Тигровой Балки, изнывающей под раскаленным солнцем, пришло сообщение, что там бушует разлив невиданной силы. Роль летних разливов в жизни птиц и млекопитающих низовьев Вахша была тогда еще совсем не изучена, и обязанности сотрудника заповедника требовали моего присутствия на работе.

Обидно уезжать в самый разгар поисков. Но делать нечего.

...Плот шел на восток. Два мотора ревели на полных оборотах, а парус гордо выгибался, наполненный попутным ветром. Отчаянный кэп Вилли мчал меня к перевальной базе в бухте Казанкуль, откуда я должен был тронуться в обратный путь. Мелкая волна рябила ультрамариновое зеркало озера, небо было безмятежно-голубое, а красноватые громады гор — молчаливо-загадочны. Я молча прощался с Сарезом, одним из чудес света. Все дни на нем врезались сверкающими гранями в мою память. Их не забыть...

В дальнейшем наша экспедиция, проработав в наименее исследованных местах нагорья до октября, так и не нашла никаких хотя бы косвенных следов обитания голуб-явана в горах Памира, если не считать

устных рассказов местных жителей, нередко противоречивых и к тому же относившихся к давним временам. Даже если допустить, что снежный человек действительно существует, вряд ли он смог бы постоянно жить на Памире: слишком суровая и, главное, бедная здесь природа.

Собственно, комплексное исследование растительных и животных ресурсов потайных уголков Памира явилось главным достижением экспедиции. В этом отношении было сделано немало. А если вспомнить еще открытые В. А. Рановым, возглавлявшим археологическую часть экспедиции, стоянки каменного века и грот Шахты, то результативность экспедиции станет вполне очевидной. Да в конце концов само доказательство недостоверности слухов о снежном человеке на Памире — разве это не результат? Впоследствии критики забывали, что экспедиция не ставила своей целью поймать снежного человека, она должна была только досконально проверить на месте, насколько реальны имеющиеся сообщения.

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ...

Машина двигалась в полной тьме, поминутно вздрагивая, будто от страха свалиться в какую-нибудь яму. Свет фар плясал по буграм разбитой дороги, еле видной на белой под фарами поверхности террасы. Едва накапанные колеи выскакивали с боков, пересекали наш путь, сбегались, разбегались. В кузове машины росло волнение: уж не заблудились ли? Позади, заслоняя звезды, в полнеба громоздился Акташ, справа поблескивали извилины Оксу. Все правильно — где-то здесь! Но вот чуть ли не из-под колес вынырнули огни, светившиеся сквозь полотнища палаток; тут же нам умело засигналили фонариком.

Лагерь археологов приткнулся у самой подошвы террасы. Небольшой отряд под начальством Александра Натановича Бернштама вел здесь раскопки сакских могильников. Неутомимый в исследованиях и бескомпромиссный в суждениях, Бернштам своими блестящими работами внес неоценимый вклад в изучение истории Памира, Тянь-Шаня, Алая. Тысячи пройденных

километров, сотни раскопок, десятки трудов — все это было уже за спиной Александра Натановича, но то, что рисовалось впереди, было в тысячу раз увлекательнее. И вот тяжело больной, с трудом передвигаясь, он вновь нагрянул на Памир добывать из древних могильников тайны минувших эпох...

Мы попрыгали с машины и кое как заковыляли к палатке шефа. После двухсоткилометровой тряски все несколько ошалели. Очутившись в освещенной палатке, мы увидели возлежавшего на спальных мешках Александра Натановича и широко улыбавшиеся физиономии его соратников. Нас встретили непонятные крики: «С праздником!» Оказалось, что сегодня здесь отмечают самодеятельный праздник — День археолога (откровенно говоря, до сих пор я и не подозревал о его существовании). Каждому вновь прибывшему начальник самолично нацедил по чарке, предлагая на закуску консервированный ананас. При виде этого деликатеса, невиданного на памирских высях, глаза наши округлились от изумления. К концу летнего сезона, после нескольких месяцев жизни на грубых и однообразных экспедиционных харчах, даже обыкновенная вареная колбаса казалась пищей богов. А тут ананас! Хозяева же явно «давили фасон» и небрежно подкидывали нам один ломтик за другим. И вновь зашумел разговор, прерванный нашим прибытием, интересный и острый, как бывает, когда встречаются люди разных специальностей, с разных сторон подходящие к одной проблеме.

На следующий день все занялись раскопками. Лагерь Александра Натановича был разбит почти рядом с крупным скоплением курганов, вытянувшихся по краю древней террасы правого берега Оксу. Здесь над всеми окружающими хребтами доминировала скальная громада Акташа, вздыбившая свои серовато-белые стены (Акташ в переводе означает «белый камень») более чем на километр над зелеными лугами заболоченной плоскости долины. У подножий скал бьет много родников, сверкают зеркала нескольких небольших озер, и над одним из них высится почти вертикально скальная стена со змеящейся по ней наискосок жилой какой-то темной породы. Согласно старой легенде, это след могучего дракона, раненного каким-то богатырем и в поисках спасения спустившегося по

скале в озеро. На юге ровной стеной белеют вершины восточной оконечности Ваханского хребта с высшей точкой — пиком Повало-Швейковско-го. Пик этот красив, но по памирским нормам невысок, всего каких-то 5433 метра.

Оксу здесь многоводна, но течение ее замедленно — река широко меандрирует среди топких луговин и болот. Здесь всегда много водоплавающих птиц, особенно ангыров, для которых нет ничего лучше, чем тесное соседство воды, лугов и скал. Да и не только ангыры любят такое сочетание. В скалах гнездится много птиц, кормящихся на богатых кормом лугах долины: клушицы и альпийские галки, скалистые голуби и жемчужные вьюрки и многие, многие другие. В скалах Акташа постоянно гнездятся филины. К тому же здесь масса рыбы, и в протоках среди болот легко можно наловить нужное количество османов самым примитивным сачком. Словом, луга и скалы Акташа — одно из самых богатых жизнью мест на Памире. Это обстоятельство привлекало и древних жителей гор. На пустынных террасах, обрывающихся к пойме, можно найти и неолитические каменные орудия, и сакские могильники, и развалины мазаров — погребальных мавзолеев древних киргизских вождей.

Но пожалуй, больше всего у Акташа комаров. Если день стоит теплый и безветренный, то из-за туч этих насекомых работать в пойме совершенно невозможно. К счастью, такое бывает не часто. Спасительные ветры, сильные и холодные, то и дело мощными порывами катятся по долине, прижимая комариное войско к земле. Здесь даже в летнее время может налететь снежная метель. Помню, как однажды я легкомысленно ушел утром из лагеря в глубь болотистых лугов поймы, километров за пять, в одной ковбойке. Утро стояло тихое, и бдительность моя была полностью усыплена ярким солнцем, теплом, пением жаворонков и яркой картиной цветущих лугов. Одним словом, был разгар памирского лета и солнце пекло так сильно, что если бы не комары, то работать можно было бы в одних трусах. Я так и не успел заметить, когда все переменялось: возился в траве с найденным гнездом черноспинной трясогузки, а когда, почуввав спиной холод, поднял глаза в поисках солнца, то поневоле оробел. Полнеба скрыла тяжелая синяя туча, сплошной стеной

двигавшаяся на меня с юга, со стороны Ваханского хребта. Мигом осознав опасность, я кинулся наутек к лагерю, но был настигнут снежным штормом буквально через десять минут. Ну и досталось же мне! Как я проклинал себя за неосторожность, пробираясь среди болотин в сплошной снежной пурге! Промокшая насквозь рубашка не давала никакой защиты, и ощущение было такое, что снег валит прямо на голое тело. Поминутно стряхивая снежные хлопья, я изо всех сил старался убедить себя, что мне совсем не холодно, что все это ерунда и через две минуты снег кончится, что пробежать оставшиеся четыре километра даже нагишом по снегу не страшно.

Но все это были еще цветочки. Ягодки начались, когда я понял, что заблудился, ибо в сплошной снежной завесе, скрывшей все окружающие горы, держать направление, то и дело петляя среди болотных «окоп», было невозможно. На направление ветра тоже полагаться было нельзя, ибо он вполне очевидно то и дело его менял. Брести пришлось почти вслепую, поминутно проваливаясь выше колен. Полчаса прошли в каком-то кошмаре. Когда я, мокрый насквозь, заледевший и залепленный снегом с головы до ног, начал впадать в состояние близкое к панике, то вдруг в упор наткнулся на группу старых мазаров, среди которых один был почти целый. Завыв от восторга, я мигом забрался через боковой пролом внутрь погребального мавзолея и начал бешено выплясывать какой-то замысловатый танец, с трудом шевеля застывшими конечностями. Мне удалось довольно быстро сбить с себя снег, слегка согреться, а когда здесь же оказалась охапка сухого сена, а в полевой сумке — размоченный коробок спичек, стало совсем сносно. Но прошло еще не менее получаса, пока кончилась пурга, и путь мой по заснеженным лугам, на пронизывающем холодном ветру был мало приятен. Этот жестокий урок я не забывал никогда и больше ни разу так не попадался, выходя на работу в любую памирскую «жару» не иначе, как имея в запасе свитер и штормовку.

Но вернемся к раскопкам. Археологами был «забит» целый ряд курганов, вытянувшихся по краю древней террасы. Некоторые, уже вскрытые полностью, дали интереснейший материал. Накануне вечером мне

показали один из добытых недавно предметов. Это было бронзовое изображение какого-то животного, вызвавшее ожесточенные споры. Одни утверждали, что это лось, другие — что петух, и я, как зоолог, должен был разрешить эти разногласия. По тому, как все притихли, я понял, что спор принципиально важен, и внимательно осмотрел фигурку. На моей ладони лежал бронзовый профиль лося, хорошо сработанный и подчеркивавший все характерные черточки зверя. Передние ноги у лося были отломаны, и поэтому он действительно смахивал на стилизованное изображение петуха, где лосиные рога выглядели как гребень. Но в том, что это лось, никаких сомнений быть не могло: хорошо различался даже слом на месте передней ноги.

— То-то, — буркнул Александр Натанович удовлетворенно, услышав мой ответ, — не такой уж дурак Бернштам!

Спор действительно был важен. Лось указывал на влияние культуры северо-восточных племен, живших на Алтае, возможно, на торговлю с ними, петух же, атрибут огнепоклонников, мог свидетельствовать о влиянии племен, обитавших в Средней Азии.

Меня особенно поразили перекрытия из арчи в некоторых курганах. Они с несомненностью говорили о том, что в шестом или пятом веке до нашей эры, то есть две с половиной тысячи лет назад, когда кочевые племена саков пасли свои стада у Акташа, здесь росла арча, и, судя по веткам, довольно крупная. Сейчас ближе, чем в ста километрах отсюда, арчи не встретишь: она не поднимается выше 3700 метров, а высота этих мест — около 3800 метров. Конечно, можно предположить, что арчу сюда привозили. Это возможно, но непонятно. Арча отнюдь не являлась обязательным атрибутом при сооружении кургана, и там, где арчи не было, саки отлично обходились без нее. Почему же исчезла арча? Могла ли она расти так высоко? Может, все-таки эти загадочные саки притащили ее издалека?

Я недаром так подробно остановился на этом факте. Арча из сакских могил дала моим мыслям совершенно новое направление. Это было первое свидетельство, с которым мне довелось столкнуться, — свидетельство того, что в древности климат Памира был более теплым и влажным, чем сейчас.

На следующий день к месту раскопок прибыл Лео-

нид со своим отрядом и разбил лагерь неподалеку от курганов. Выслушав мои соображения насчет арчи, он хитро усмехнулся и тут же выложил кучу интересных фактов и мыслей. Теперь неясные догадки, бродившие в моей голове, приобрели более четкую форму, и я вдруг стал замечать вещи, ускользавшие раньше от моего внимания.

Прежде всего нашлись новые доказательства того, что у Акташа в прежние времена росла арча. Где-то в непосредственной его близости арча была собрана в гербарий ботаником Алексеенко не дальше как в 1901 году. Возможно, ботаник наткнулся на последние кустики арчи, притаившиеся в каком-нибудь укромном убежище. Сейчас она исчезла отсюда окончательно. В том же районе Акташа в укромных уголках среди скал неутомимый Леонид Сидоров разыскал отдельные кустики шиповника, барбариса, крушины — все на высоте более четырех тысяч метров, а ведь ближайšie заросли этих кустарников находятся за сотню километров отсюда и на гораздо меньшей высоте.

У подножия акташских скал бьют теплые ключи. В этих источниках были найдены личинки, куколки и взрослые стрекозы; это единственное место на Памире, где есть стрекозы. До сих пор стрекоз, обнаруженных размножающимися на Акташе, находили только на подступах к Памиру, не выше 2400 метров! В тех же источниках зоологи нашли еще несколько беспозвоночных животных, весьма теплолюбивых и в других местах обитающих на гораздо меньших высотах. Наконец, у теплых источников растет тростник, который в общем-то лишен семенного возобновления и размножается корневищами; между тем ближайšie заросли тростника удалены от Акташа на двести километров и к тому же растут на добрых триста метров ниже. А зеленые жабы, живущие ныне на Памире только у теплых ключей, как они туда попали?

Если собрать все эти данные вместе, то складывается впечатление, что этот уголок Памира — своеобразное убежище более теплолюбивых форм растительного и животного мира, распространенных когда-то по всему Памиру.

Можно, конечно, допустить, что в районе Акташа благодаря рельефу, теплым ключам и т. п. сложились в свое время совершенно особые условия, которые по-

зволили существовать здесь ряду организмов, занесенных извне. Но такой занос для многих организмов или маловероятен, или же просто невозможен. Тростник, например, размножается корневищами, и занести его сюда можно было только специально, что исключается. Более логично признать, что реликтовые организмы, уцелевшие в районе Акташа, когда-то были широко распространены по Памиру. А это значит, что когда-то на Памире существовали более благоприятные условия для жизни, чем теперь.

Мысль о том, что на Памире был когда-то более мягкий, теплый и влажный климат, высказывалась давно, еще в 30-х годах. В последние десятилетия стали известны важные факты, подтверждающие эту гипотезу, причем число их стало стремительно расти. Так, Леонид Сидоров обнаружил на Памире целый ряд растений-реликтов, несомненно сохранившихся здесь от теплых и влажных эпох. Некоторые из этих растений явно свидетельствовали о том, что когда-то на Памире шумели леса. А геологи нашли здесь в отложениях раннечетвертичного периода древнюю пыльцу ели, пихты, сосны, кедра и других хвойных. Оказывается, склоны Памирских гор, пусть не всех, но хотя бы окраинных частей страны, были когда-то одеты богатой тайгой! И сейчас на северных и восточных склонах Памира сохранились небольшие остатки ельников.

Если мы рассмотрим внимательно современное распространение некоторых птиц, вся жизнь которых связана с хвойным лесом, птиц, не совершающих перелетов и всю свою жизнь проводящих на сравнительно небольших участках леса, нетрудно будет заметить, что некоторые обитатели хвойных лесов Тянь-Шаня попали сюда из таких же лесов Гималаев, и наоборот. Например, такая известная таежная птица, как кедровка, попала в леса Кашмира из Тянь-Шаня: об этом с несомненностью говорит большое сходство кашмирских и тяньшаньских птиц. А крупная рыжешейная синица или упоминавшаяся уже седоголовая горихвостка столь же несомненно попали на Тянь-Шань с юга. Попастъ же из Гималаев на Тянь-Шань и обратно такие птицы могли, только передвигаясь по хвойным лесам или сплошным зарослям арчи. Ничто не могло заставить их покинуть привычную лесную обстановку

и устремиться в чуждые им, неизвестные безлесные горы. Связь же между хвойными лесами и арчевниками Тянь-Шаня и Гималаев прерывается как раз на месте Памира и Бадахшана, и распространение названных птиц убедительно показывает, что такая связь была.

Мы уже говорили о рыси, живущей в скалах Памира и Бадахшана. Как попал сюда этот типичный таежный житель? Не обитал ли он в росших здесь когда-то лесах, а после исчезновения их вынужден был приспособиться к существованию в скалах? Вполне возможно.

В 1956 году на Памире появился худощавый, небольшого роста, но необычайно решительный человек, который, казалось, работал даже во сне. Это был археолог Вадим Ранов. До него как-то никто и не помышлял искать следы людей каменного века на Памире. А Вадим начал поиски. Замечательные находки посыпались одна за другой, и очень многие из них еще раз подтверждали: да, здесь было теплее, здесь было более влажно...

Особенно много в этом отношении дали раскопки неолитической стоянки в дикой пустыне Маркансу, на высоте 4200 метров. До сих пор это самая высокогорная стоянка в северном полушарии. Как Вадим Ранов умудрился ее найти, одному аллаху известно, но он ее нашел и раскопал самым тщательным образом. Из-за большого количества осколков костей — типичных кухонных отбросов — стоянку нарекли Ошхона (столовая).

А раскопать удалось удивительные вещи. Помимо большого количества каменных орудий и осколков костей архаров и козерогов были обнаружены большие кострища, а в них — сохранившиеся угли арчи и березы. Опять арча! Таскать на себе топливо откуда-то издалека, когда вокруг сколько хочешь терескена? Невероятно. Значит, и береза и арча росли здесь, рядом, на высоте 4200 метров, как и сейчас в некоторых долинах Бадахшана? Но сейчас они нигде на Памире не поднимаются выше 3600—3700 метров... Очаги Ошхоны были открытого типа, остатков жилищ не было и в помине. Люди жили здесь подолгу, довольствуясь огнем костров. Сейчас же даже самый закаленный питекантроп не выдержал бы в таких условиях и недели. Ведь

Маркансу — одно из суровейших мест нагорья. Значит, здесь когда-то было теплее?

Уголь из кострищ сослужил еще одну очень важную службу. В специальных лабораториях радиоуглеродным методом был определен его возраст — девять с половиной тысяч лет! Впервые, таким образом, появилась реальная возможность привязать более теплый климат к какому-то определенному времени.

А изображения кабанов, найденные в уже известном читателю гроте Шахты, остатки ивы и тростника! Ведь это тоже свидетельства того, что на Памире был когда-то более мягкий климат!

Что же произошло? Почему исчезла на Памире тайга, исчезли деревья и кустарники? Почему стало так холодно и сухо? Какая причина вызвала такое ухудшение климата? Ухудшение, которое, по некоторым данным, продолжается и сейчас? Ответ может быть только один. Памир был значительно ниже. Но постепенно горы поднимались все выше, и климат становился холоднее. Крайние хребты росли быстрее, чем внутренние части нагорья, они перехватывали всю влагу, и Памир стал «засыхать». Объяснение это, казалось бы вполне логичное, тем не менее вызвало оживленную дискуссию.

Конечно же, никто не настаивал на том, что Памир стоял вечно. Он возник в результате грандиозных поднятий, охвативших Евразию почти непрерывным поясом на рубеже третичного и четвертичного периодов. Мнения расходились, так сказать, в существенных деталях. По мнению одних, Памир окончательно «оформился» к началу четвертичного времени и с тех пор стоит неизменно, застыв на одной и той же фазе развития. Другие же (Ю. А. Скворцов, А. И. Толмачев и другие, а в последнее время К. В. Станюкович, Л. Ф. Сидоров, В. А. Ранов) на основании приведенных выше фактов считают, что иссушение страны происходило особенно интенсивно по окончании ледникового периода, что Памир «не оформился» до самого последнего времени, что поднятие продолжается, причем идет сравнительно быстрыми темпами. Определить хотя бы приблизительно скорость поднятия помогли угли Ошхоны. Если допустить, что десять тысяч лет назад верхняя граница произрастания березы и арчи проходила на той же высоте, что и сейчас (а у нас нет оснований ду-

мать иначе), то есть 3600 метров, то получается, что за прошедшие девять с половиной тысяч лет долина Маркансу поднялась не менее чем на шестьсот метров; это значит, что в год она поднималась на шесть-семь сантиметров! Цифра немалая, она может даже показаться фантастической. Однако следует напомнить, что для соседних с Памиром цепей Куньлуня геологи своими методами определили скорость подъема в два раза большую — четырнадцать сантиметров в год!

Одним из главных аргументов противников этой гипотезы является существование во флоре Памира большого числа эндемичных, то есть характерных именно для Памира и встречающихся только здесь, форм пустынных растений — форм, прекрасно приспособленных к крайне суровым условиям высокогорной пустыни и выработавших ряд специальных приспособлений. Для того чтобы подобные формы могли возникнуть на Памире, нужно было не менее, если не более, десятков тысяч лет, в течение которых непрерывно господствовал бы пустынный климат. О каких же влажных и теплых временах, о каких лесах тогда может идти речь!

Но это возражение легко опровергнуть. Ведь мы имеем дело с горами — с горами, в которых различия в рельефе, в экспозиции склонов и другие факторы приводят к чрезвычайной пестроте условий обитания. Возьмите хотя бы современный Тянь-Шань. Здесь есть такие места, и их немало, где, перевалив с северного склона на южный, вы попадете из густого хвойного леса в типичную полупустыню. Лес и пустыня существуют на разных склонах в самой непосредственной близости! Если, достигнув по Памирскому тракту Алайской долины, вы свернете по ней влево, то скоро увидите справа, на северных склонах Заалайского хребта, темные пятна ельников. А здесь внизу, в долине, вы едете среди песков, где живет непонятно как и когда сюда попавший древний обитатель азиатских пустынь мохноногий тушканчик. И примеров, подобных этому, можно привести много.

На наш взгляд, продолжающееся поднятие Памира не вызывает никаких сомнений. Не правда ли, любопытно? Крыша Мира — высочайшие горы Советского Союза продолжают неудержимо лезть вверх. Интересно, до каких пор?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ?

Стало традицией заканчивать подобные повествования нотками тихой грусти о покинутых престолах, или слезой умиления дикой жизнью вдали от цивилизации, или же энергичными клятвами вернуться обратно. Боюсь, что и я в этом отношении не смогу быть оригинальным. Не знаю, как это бывает в других случаях, но «заболевание Памиром» — вещь серьезная.

Сейчас, когда пишутся эти строки, мея отделяют от Памира шесть тысяч километров и двенадцать лет воспоминаний.

В стремительном потоке ленинградских будней я не перестаю думать о далеких хребтах, вспоминаю ледяные грани пика Зор над поселком Чечекты, и «манит блеск его в тумане Невского сквозь азиатскую жару и пыль...»

Когда, пролетая над облаками, обычно укутывающими Балтику, я вдруг увижу на горизонте белоснежную горную цепь, сердце мое сжимается от волнения, хотя я знаю, что это только облака, и надежда вернуться на Памир начинает казаться мне такой же призрачной, как невесомая облачная ткань.

Но оставим эмоции в стороне. И без них у меня достаточно оснований стремиться обратно. Памир раскрыл мне только малую часть секретов из жизни птиц и зверей на его склонах. Предстоит еще большая работа, и много сил потребуется затратить, чтобы стали понятны приспособления, их механизмы, позволяющие как пернатым, так и четвероногим жить, и нередко жить неплохо, в столь неподходящих для них условиях.

И потом что-то надо делать, и делать срочно, для сохранения уникальной природы Памирского высокогорья, единственного центральноазиатского высокогорья в нашей стране.

Если хотите, это маленький кусочек Тибета, Тибет в миниатюре, и несмотря на то что фауна Памира заметно беднее тибетской (подвергающейся сейчас, кстати, жесточайшему истреблению), все же целый ряд представителей этой фауны здесь есть.

Только здесь вы сможете встретить тибетскую саджу, тибетскую буроголовую чайку, тибетского улара.

По пальцам можно пересчитать места в нашей стране, где остался на гнездовье горный гусь, где еще можно встретить стада гигантских архаров Марко Поло, и среди этих мест Памир — одно из главных.

Совсем недавно, в 1974 году, у нас в стране была учреждена «Красная книга», куда занесены виды животных, нуждающихся в особой охране, ибо они находятся на грани исчезновения. В «Красную книгу» Советского Союза попали все тибетские птицы Памира — тибетская саджа, тибетский улар, буроголовая чайка, горный гусь, белогрудый голубь, а из млекопитающих — снежный барс.

Но, чтобы хорошо охранять, нужно прежде всего хорошо знать сам объект, подлежащий охране. И здесь зоологам предстоит еще большая работа.

В этом отношении на Памире больше всех повезло горному гусю. Зоолог В. Селезнев уже несколько лет ведет планомерное изучение гнездовых колоний этого вида на озере Зоркуль — самых крупных колоний в пределах нагорья. В последние годы стараниями зоологов здесь даже организован заказник специально для охраны горных гусей. В северной части Памира организован второй заказник, для охраны архаров.

Конечно, это только первые шаги по созданию на Памире заповедности. А медлить с этим нельзя. Ибо уникальная памирская природа буквально на глазах разоряется мародерствующими экспедициями, безответственными альпинистско-туристскими группами, разоряется из-за неумелой эксплуатации пойменных лугов и прочей бесхозяйственности.

Я не тешу себя надеждой, что эти строки выбьют винтовку из рук браконьера или кисть из пальцев «энтузиаста», малюющего на прекрасной скальной стенке тривиальное «Коля+Маня»...

Но может быть, мысли и факты, изложенные здесь, помогут тем, кто впервые, а то и вновь двинется на Памир, посмотреть на него другими глазами.

Помогут уяснить, что Памир перестал быть дикой окраиной, таким охотничьим Эльдorado; помогут по-

нять, что могучие горные хребты сами уже не в силах сохранить свои живые богатства и что Памир беззащитен перед нами.

Считайте, что вы пребываете в Памирском национальном парке, единственном в мире заповеднике природы Высокой Центральной Азии.

И чем скорее такой заповедник будет создан официально, тем лучше.

1966—1974 гг.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
ТИГРОВАЯ БАЛКА	
Первое знакомство	7
Немного о тиграх	13
Жизнь под водой	17
Ползучая смерть	21
Песчаные крокодилы	30
Хангулы	34
Ночные тугай	45
Кабаны	54
Исчезающая антилопа	59
Зверь с Амазонки	62
Птичьи зимовки	66
Где ночуют бакланы	73
Петухи вахшских джунглей	78
Орлы-змеяеды	85
В поисках птичьих гнезд	90
Летний потоп	97
Афганец	102
Пятнадцать лет спустя	104
НЕВЕДОМЫЙ ПАМИР	
Несколько слов о Памире	111
Рейд в облака	113
Барханы у вечных снегов	133
На гребнях хребтов	146
Горные гуси	163
В лабиринтах скал	178
Красноносые асы	190
Пикирующие в бездну	196
Каракуль	213
Пещеры	234
Аличур	242
Архары Марко Поло	257
В погоне за снежным призраком	265
Все выше и выше...	304
Продолжение следует?	314

Потапов Р.

П 64 Тигровая Балка. Неведомый Памир. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Мысль», 1976.

317 с. с карт.; 16 л. ил. (Рассказы о природе).

Автор, много лет проработавший на Памирской биостанции АН Таджикской ССР и в заповеднике Тигровая Балка в Южном Таджикистане, рассказывает в своей книге о трудной, но интересной работе орнитолога, о птицах и зверях, населяющих тугайные леса и полупустыни Средней Азии и холодные памирские высокогорья.

П 20901-163 БЗ-55-13-75
004(01)-76

591.5

Потапов
Роальд Леонидович

ТИГРОВАЯ БАЛКА

●
НЕВЕДОМЫЙ ПАМИР

Редактор *Т. М. Галицкая*
Младший редактор *С. И. Ларичева*
Редактор карт *З. А. Киселева*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *Ж. М. Конобеева*
Корректор *И. В. Равич-Щербо*

Сдано в набор 7 января 1975 г. Подписано в печать 25 июня 1975 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Усл. печатных листов 18,48 с вкл.
Учетно-издательских листов 18,40 с вкл. Тираж 60 000 экз. А01721.
Заказ № 3617. Цена 67 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054. Москва, М-54, Валовая, 28.

67 коп.

